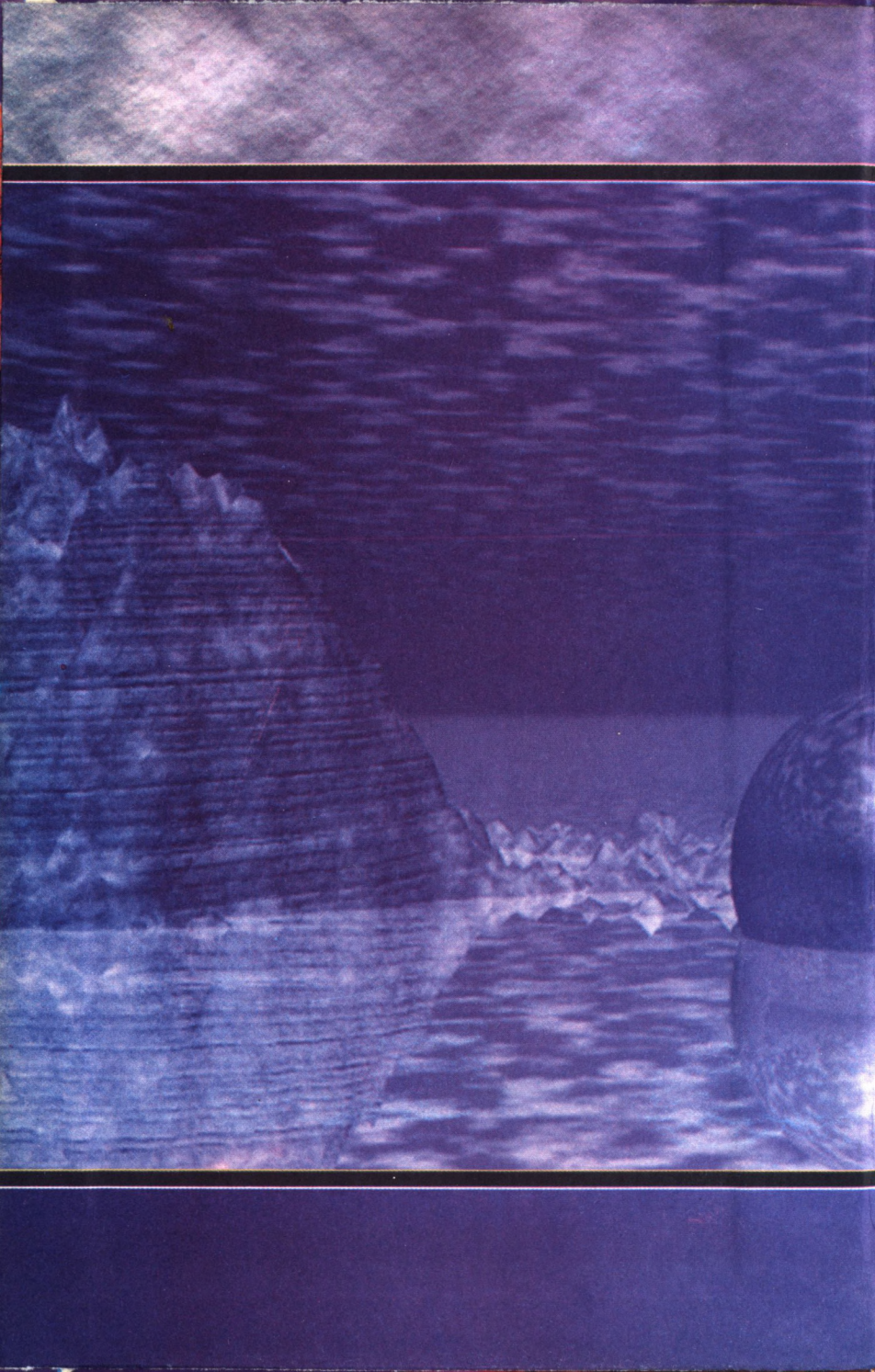
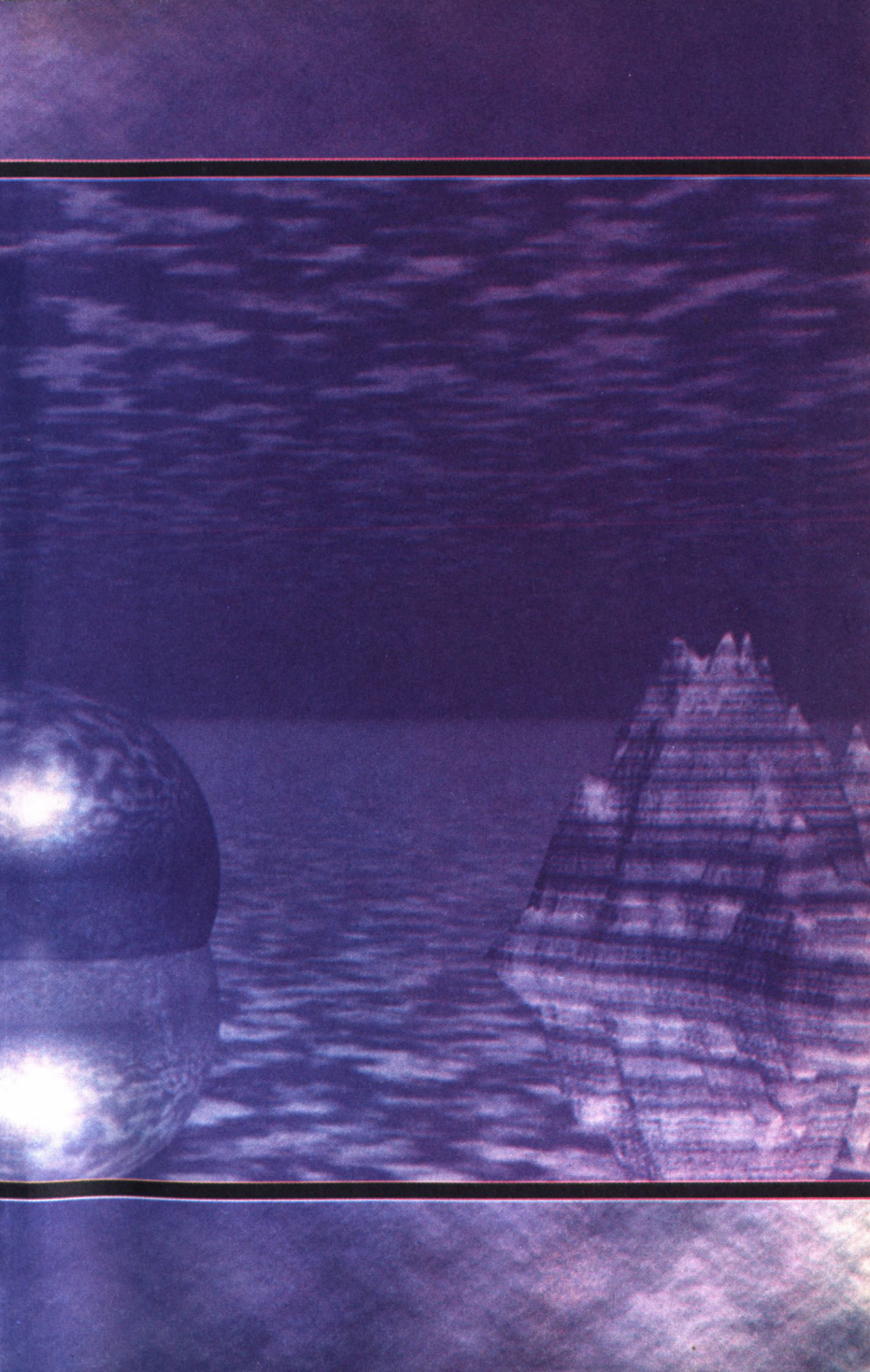

ЕВГЕНИЙ
ФИЛЕНКО
БЛУДНЫЕ
БРАТЬЯ
ЕВГЕНИЙ
ФИЛЕНКО
БЛУДНЫЕ
БРАТЬЯ
ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ

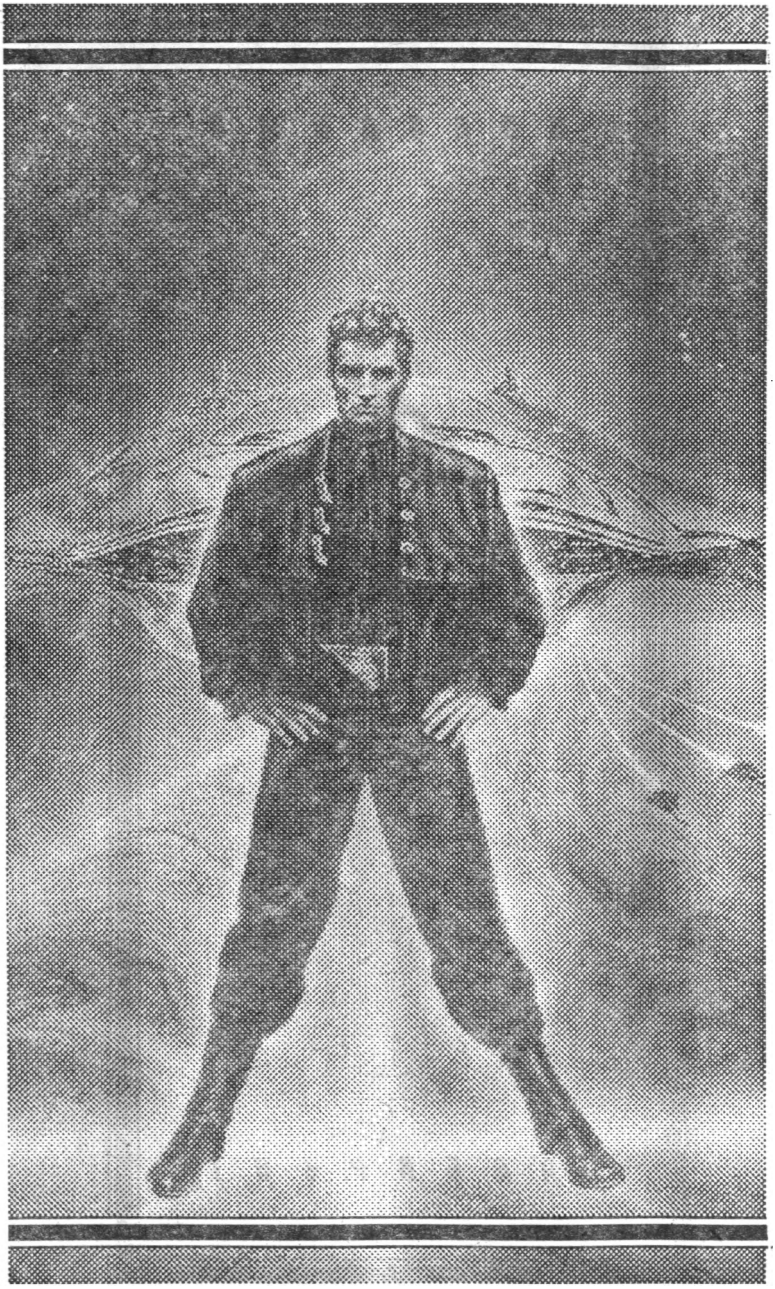

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ЕВГЕНИЙ
ФИЛЕНКО

БЛУДНЫЕ БРАТЬЯ

ИЗ ЦИКЛА «ГАЛАКТИЧЕСКИЙ КОНСУЛ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • МОСКВА • 1999

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Ф52

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Иллюстрации В. Мартыненко

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Филенко Е.

Ф52 Блудные братья: Роман. – М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 464 с. – (Звездный лабиринт).

ISBN 5-237-02913-2

Он — галактический консул.

Тайная миссия ведет его сквозь опасности и приключения от звезды к звезде, от планеты к планете...

Невероятные приключения, путешествия, раздвигающиеся границы времени и пространства, пришельцы из дальних глубин космоса и таинственная опасность, угрожающая Галактике...

Читайте захватывающую фантастическую эпопею Евгения Филенко «Галактический консул»!

© Текст. Е. Филенко, 1999
© Иллюстрации. В. Мартыненко, 1999
© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

Прелюдия

Гравитр лег на борт. Ослепительный луч солнца простре-лил кабину насквозь и короткой вспышкой разбился о мор-скую гладь далеко внизу. Кратов завозился в глубоко всосав-шем его кресле и припал к окну. Под гравитром тянулась от горизонта до горизонта узкая полоса чистого белого песка, к которой приступала непроницаемая зеленая поросль. Где-то там, под пологом сплетенных ветвей, скрывались и дома, и люди.

— Назовите имя стоянки, — прошелестел голос автопи-лота.

— Откуда же мне знать... — замялся Кратов. — Давайте, что ли, на ближайшую.

— Иду на стоянку «Коралловый берег», — уведомил его автопилот строго и, как показалось Кратову, недоумевающе.

На стоянке «Коралловый берег» ему не встретилось ни души, хотя и торчали, зарывшись лапами в чисто-белый пе-сок, несколько пустых гравитров, причем один был наполо-вину разобран. Откуда-то из-за деревьев доносились голоса, журчание бегущей воды и размеренный стук твердого по еще более твердому. «Свободен», — сказал Кратов автопилоту, и на гребне кабины зажегся зеленый огонек. Увязая в песке по щиколотку, Кратов двинулся на голоса. Он сделал десяток шагов, беззлобно выругался и снял сандалии. Как выясни-лось, зря: песок оказался горячим. Об удобствах вновь при-бывших здесь, очевидно, заботились мало... Оглядевшись, Кратов вынужден был с удовольствием взять свои подозрения обратно: от посадочной площадки между деревьями змеилась выложенная плитами дорожка. Плиты из янтарно-желтого камня были приятно прохладными.

Вскоре перед ним возникла мелкая, быстрая и даже на беглый взгляд чрезвычайно холодная речушка, с отчаянным шумом и брызгами катившаяся по разноцветной гальке в сто-рону моря. Дорожка оканчивалась где-то на середине воды и продолжалась уже на том берегу. Кому-то, заведовавшему

устройством площадки «Коралловый берег», стукнуло в голову из обычного маршрута для пеших перемещений устроить испытание мужества и выносливости... «Ну, этим нас так просто не возьмешь», — процедил сквозь зубы Кратов и осторожно макнул пятку в мутные ледяные струи. Ему не понравилось испытанное ощущение (пятка моментально утратила чувствительность, словно ее откусили напрочь), но отступать, а тем более вторично влезать в гравитр и двигаться к другой, возможно — более комфортабельной площадке не хотелось.

Он закатал штанины и, мысленно застонав, вошел в воду по колено.

За его спиной затрещали кусты...

Кратов обернулся — и замер, стараясь не производить резких движений.

Из зарослей выбирался угольно-черный, лохматый, с устрашающе пригнутыми рожищами и налитыми кровью зенками, як. Не уделяя Кратову ни малейшего внимания, он вступил в речушку — течение нарушилось, сбилось в водовороты, — окунул в воду огромную свирепую морду и шумно начал пить. Затем всей тушей пал на мелководье и с наслаждением завозился в облаке рыжего взбаламученного песка. Яку, вне всякого сомнения, было жарко. Здесь ему был далеко не Памир.

Поколебавшись, Кратов быстро пересек речку и выбрался на противоположный берег. Ему вовсе не улыбалось поиграть в корриду посреди холодного потока. Пока он размышлял, не надо ли кого предупредить об опасности (дикое животное, без сопровождающего, в населенной местности, с неясными намерениями...), и представлял ли як собой таковую опасность, навстречу ему из зарослей выскочил жилистый подросток, весь наряд которого состоял из необъятной вьетнамской шляпы-«нон» и просторных шорт. Взгляд подростка блуждал.

— Дракона не видали? — спросил он Кратова срывающимся голосом.

— Дракона — нет, — признался тот с кривой ухмылкой. — А вот яка...

— Спасибо! — сказал подросток с неожиданным энтузиазмом. — Теперь уж я и сам вижу! Дракон, Дракоша! —

вскричал он, кидаясь к черному чудовищу. — Иди ко мне, Дракошенька мой ласковый, я тебе хворостиночкой по заднице, по толстой, чтобы не прятался!..

Як вздел блестящую, будто лакированную, морду из воды и взревел — не то в радости от встречи с хозяином, не то в предчувствии наказания. На ближних кустах затрепетала листва.

— Напрасно вы животное мучите, — сказал Кратов с укоризной. — Здесь ему не климат. Вы вот без штанов бегаете, а бедный зверь, небось, свою шкуру не скинет...

— Ну, это не совсем як, — солидно заметил подросток. — Это бубос. Видите, как у него рога устроены? И шерсть на пузе мягкая — ему же на снегу не лежать! Странно, что вы приняли его именно за яка, а не, скажем, за гаура.

— Яков я видал, — сказал Кратов. — А что такое гаур, не знаю. И про бубосов никогда не слыхал.

— Гаур — близкий родственник яка, только крупнее, — охотно пояснил паренек, одновременно пытаясь поднять Дракона из воды чувствительными тычками под ребра. — И он местный: на континенте еще осталось небольшое дикое стадо, примерно пятьдесят голов. Да какое-то количество одомашненных, их здесь называют — гаялы. А бубосы, во-первых, еще крупнее гауров, и во-вторых, водятся только здесь.

— Отчего же такая честь этому острову? — удивился Кратов.

— По правде говоря, это я их придумал и вывел, — скромно сообщил подросток. — Поэтому в природе они не встречаются. Это не животные, а *бионты*.

— Есть какая-то разница? — осторожно спросил Кратов.

— Небольшая, в происхождении. Животные возникли в результате эволюции. Бионтов мы создаем сами.

— Ага, — сказал Кратов озадаченно. — Так вы здесь еще и число сущностей приумножаете...

— Меня зовут Майрон, — сказал юнец. — Пойдемте, я вас провожу.

— Константин, — представился Кратов. — Только я еще не сказал, куда мне нужно попасть.

— На Ферму, куда же еще! — фыркнул Майрон. — Здесь же ничего нет, кроме Фермы.

Дракон наконец соблаговолил восстать — вода стекала с него потоками, речушка с облегчением вернулась в привычное русло. Огромный бык, не разбирая пути, вломился было в кустарник — на переплетенных ветвях одновременно присутствовали соблазнительного вида крупные черные ягоды и безобразно острые шипы, бубосу, впрочем, угрожать совершенно не гожие, но для людей доставлявшие серьезное неудобство. Майрон истошно заорал и со звоном шлепнул Дракона по шерстистой холке. Для этого ему пришлось приподняться на цыпочки... Утробно взмычав, бубос вернулся на дорожку. Кратов шел в некотором отдалении, внимательно глядя под ноги. Хотя бубос и был существом в значительной мере рукотворным, лепешки он оставлял вполне натуральных свойств и соответствующих размеров.

— Если по правде, то габитус начинала конструировать Рисса, — болтал Майрон. — Но не справилась. Она как раз перед тем начиталась волшебных сказок и бредила единорогом. У нее и получилась банальная антилопа... А нам нужен был очень большой бык, вроде того, каким прикинулся Зевс, чтобы увезти Европу на Крит, или вроде Критского быка...

— Разве это не одно и то же?

— Конечно, нет! Зевс — это одно, а Критский бык — совсем другое. Хотя, возможно, они там встречались... — Майрон хихикнул: — Спутать бога с быком!..

— Ну, это нетрудно. Зевс порой вел себя совершенно поскотски...

— Возможно. Но это вопрос морали, а не генезиса... Риссу мы уволили. Реву было!.. А я взял за основу яка, кое-что добавил от гаура, купрея и бантенга, облегчил шерсть, утяжелил рога, придумал название. И получился вот такой бубос!

— Можно глупый вопрос?

— А сумеете? — засмеялся Майрон.

— Что — сумею?! — опешил Кратов.

— Ну, задать глупый вопрос? У вас такой вид, что настоящих глупостей ждать не приходится. Наверняка какой-нибудь подвох...

Кратов подумал.

— Пожалуй, — согласился он. — Уж кем-кем, а дураком я лет десять как не выгляжу... Но вопрос действительно глупый: зачем нужно было создавать бубоса, когда есть яки, гауры и эти... бантенги?

— Вопрос не глупый, — возразил Майрон. — А философский. Мы здесь философией не очень-то увлекаемся. Да и рано мне. Мне ведь еще только осенью стукнет пятнадцать, а основы главных учений изучают с семнадцати...

— Всяких монстров конструировать, стало быть, не рано, — проворчал Кратов.

— Это разве монстр! — пренебрежительно хмыкнул Майрон. — Обычный, хорошо сбалансированный бионт. Побывали бы вы здесь в канун Дня всех святых!

— Я себе представляю...

Натоптанную и ухоженную дорогу пересекала другая, узкая и вовсе некомфортабельная. Она выходила из самой чащи, там же и терялась. Над ней нависали нетронутые ветви. Типичная звериная тропа... Кратов на миг задержался, чтобы разглядеть, какой зверь мог ее проложить. «Нет, нет, нам прямо», — сказал Майрон чуть более поспешно, чем следовало бы.

— И все же, — проговорил Кратов. — Зачем вам, коллега Майрон, понадобился не существующий в натуральном облике гигантский бык?

— Сказать по правде, бубос мне и впрямь не нужен, — признался тот. — Это промежуточный этап. И если он окажется жизнестойким, да еще способным к самовоспроизводству, то тем самым свою задачу он выполнит полностью. Мы просто отвезем его на континент и выпустим, пусть пасется на приволье. А уж после бубоса, задачки довольно тривиальной, я займусь реликтовым шерстистым носорогом. Тем более что банк ДНК у нас по этому виду накоплен солидный.

— Еще более глупый вопрос, — сказал Кратов. — Этот ваш бубос — какой-никакой, а все же бык, на нем при очень уж большой нужде пахать можно, а в какой-нибудь трудно вообразимой ситуации полного выхода из строя всей легкой промышленности — чесать шерсть и вязать носки. Но кому может понадобиться шерстистый носорог, скотина, по слу-

хам, тупая, своенравная и абсолютно бесполезная для хозяйства?

Майрон не успел ответить. Кустарники кончились, взорам открылась большая поляна с несколькими деревянными строениями на сваях. Дракон неожиданно взревел и неуклюжими прыжками пустился наутек.

— После *этой* скотины шерстистый носорог меня уже ничем не удивит! — в сердцах промолвил подросток. — Тем более, что в моей власти сделать его разумным и кротким. Он будет смирно стоять там, где его поставят, трескать траву под ногами и приветливо кланяться прохожим! — добавил Майрон с ожесточением. Потом виновато оглянулся на Кратова (тот едва успел согнать с лица неуместную улыбку). — Я вам еще нужен?

— Разумеется, — сказал тот. — Но в общечеловеческом смысле, и не сейчас.

— Тогда я пойду ловить этого... этого... пока он не растоптал чью-нибудь делянку.

Придерживая шляпу, Майрон устремился вдогонку за бубосом. Какое-то время Кратов любовался его бегом, мысленно неся какой-то старческий вздор, вроде «М-да, и я в его годы... А нынче уж не тот стал... Да, были люди в наше время...» Потом, гоня навязчивое желание закряхтеть, раскатал штанины и обулся. Теперь только слепой мог принять его за местного жителя. Проходившие — а по большей части пробегавшие или пролетавшие мимо на гравискейтах обитатели Фермы оглядывались на него, и один даже упал. Все они были дети в возрасте от семи до пятнадцати (то есть никто ни черта не смыслил в философии), все дочерна загорелые и все поголовно в шляпах-«нон».

* * *

— Вы голодны, сеньор? — подергала его за рукав крохотная мулатка. Ее «нон» был сдвинут на спину, курчавые волосы были для чего-то выкрашены в белый цвет. — Пойдемте со мной.

Слегка растерявшийся Кратов проследовал за ней под навес над длинным столом из грубо оструганных досок, от ко-

торых исходил изысканный незнакомый аромат (позднее Кратов узнал, что ему посчастливилось попирать своим седалищем бесценное сандаловое дерево). Пока он соображал, как пользоваться древним рукомойником с носиком-пипкой, мулатка притащила блюдо с курятиной и клейким рисом и миску салата из молодых побегов какого-то растения. Одобрительно крякнув, Кратов умостился на такой же грубой скамье, обильно залил курятину пахучим ядовито-желтым соусом, принюхался и нашел все довольно аппетитным. Пока он подыскивал верные слова благодарности, пигалица улетела — впрочем, ненадолго. Вернулась она с котелком еще дымящейся вареной кукурузы и рукодельной корзинкой, полной самых экзотических плодов, среди которых Кратову известны были только грейпфрут (всего один, зато размером с небольшой арбуз), карамбола, зиаузиа и хонгби. «Э-э...» — начал было он и снова опоздал. Мулаточка убежала, сверкая розовыми пятками. Вздохнув, Кратов занялся курицей (которая по ближайшем рассмотрении, а также по результатам дегустации, оказалась не курицей, а каким-то фазаном). Он уже наполовину освободил блюдо, когда появилась его нежданная кормилица, водрузила перед ним кувшин и стакан, а затем устроилась напротив на коленках, умостив кофейную рожицу на кулачки и с любопытством хлопая глазенками.

— Спасибо, милая, — наконец улучил момент Кратов.

— Угу, — сказала она.

— Тебя, часом, не Риссой кличут?

— Не-а.

— А как?

— Меня кличут Мерседес, сеньор, — хихикнула кроха.

— Значит, единорогами не ты занимаешься?

— Я занимаюсь тем, что растет, цветет и плодоносит, — важно пояснила Мерседес. — А Рисса — дура! — заявила она категорично.

— Отчего же, позволь спросить, она дура?

— Майрон ее выгнал, а она — в слезы! Ничего теперь делать не хочет. Переживает... — Отведя взгляд в сторону, Мерседес прибавила со вздохом: — Но единорог и вправду был красивенький...

— Как погляжу, у вас тут все носятся, как угорелые... за бубосами гоняются... а ты со мной прохлаждаешься.

— Я сегодня старшая по кухне, — сказала Мерседес, состроив печальную гримаску. — Только не надо здесь курить, — неожиданно прибавила она.

— Я и не собираюсь, — удивился Кратов. — А что, бывают гости, которые курят?

— Не-а! Это я так, на всякий случай. Курить вообще вредно, сеньор.

— Отчего же?

— Не знаю. Так все говорят.

Кратов налил себе из кувшина и пригубил.

— Ты это пробовала? — спросил он с опаской.

— Пить пиво тоже вредно, — пожала плечиками Мерседес. — Но бывают гости, которые пьют.

— Я как раз один из этих непонятных типов, — сообщил Кратов, доливая.

— Вы, наверное, какой-нибудь важный сеньор инспектор, — сказала Мерседес со странной интонацией.

— Разве я похож на инспектора?!

Мулатка подумала.

— Не очень, — признала она.

— А ты видала хоть одного живого инспектора?

— Не-а!

— Почему же ты решила, что я — это он?

— Потому что вы, сеньор, ни на кого не похожи.

— Занятно, — пробормотал Кратов. — И все же я не инспектор. — Порывшись в корзинке, он вытащил с самого дна приплюснутый плод, похожий на румяную булочку. — Ха! — сказал он. — Вот уж не ожидал встретить здесь такое...

— Вы знаете, что это?

— Еще бы, — горделиво промолвил он. — Это, голубушка, акрор, иначе говоря — «райское яблоко» из садов прекраснейшего виконта Лойцхи...

— Это акрор с нашей делянки, сеньор, — возразила Мерседес, как показалось Кратову, несколько разочарованно.

«Нешто похвастаться? — подумал Кратов. — Все же, кое-что, чем Земля обязана лично мне...»

— А вот это я не знаю что такое, — сказал он, беря другой плод.

— Померанец! — воскликнула мулаточка с притворным негодованием.

— Апельсин, что ли?

— Почти как апельсин, но не апельсин. Хотя иногда его так и называют: горький апельсин...

— То есть, Зевс, конечно, бык, но не Критский бык... Никогда не видел.

— А вы кого-то ищете, сеньор?

— Угадала.

— Риссу, что ли? — наморщила она носик-кнопку.

— Не угадала.

— А мне не скажете?

— Не скажу. — Мерседес пренебрежительно оттопырила нижнюю губу, и он счел за благо прибавить: — Ты славный человечек, но непременно разболтаешь.

— Ага, — вынуждена была согласиться она.

— А я хочу сделать сюрприз.

— Какой же сюрприз?! Вы даже не прячетесь! — Мерседес вполне взрослым оценивающим взглядом исследовала его стати. — Вас и не спрятать, сеньор, разве что в загоне для бубосов...

— Видишь ли... Тот, кого я ищу, может не узнать меня в лицо.

Карие глазенки распахнулись во всю ширь.

— Вы, наверное, прибыли его убить!

Кратов поперхнулся горьким апельсином.

— Бог знает что ты городишь, — сказал он, продышавшись. — Кто же способен убить живого человека?

— Мы смотрели кино, — рассудительно проговорила Мерседес. — Называется «Ляг и лежи, пока я не ушел»... или что-то в этом роде. Один красивый сеньор в белом костюме и белой шляпе приехал издалека, чтобы убить другого сеньора, который еще раньше, много лет назад, убил его родителей. Так что этот второй сеньор никак не мог знать первого в лицо. Очень похоже?

— Ну, мои родители, хвала небесам, живы-здоровы, — сказал Кратов. — И это же кино о незапамятных временах.

— Или вот еще, — продолжала Мерседес. — Называется слишком коротко, чтобы я запомнила... — Она вдруг прикрыла глаза и поднесла ладонь к трепетавшему на ветру соцветию какого-то сорняка, что отчаянно пробивался к свету из-под скамьи. То ли соцветие было переспелым, то ли ветерок налетел... но Кратову на миг почудилось, будто зеленая плеть потянулась к исцарапанным пальчикам, как собачонка тянется лизнуть руку хозяина... Мерседес спокойно отняла ладошку и продолжала как ни в чем не бывало: — У одного молодого сеньора другой сеньор отравил отца, чтобы стать королем и любить его матушку. Я так и не поняла, чего он хотел сильнее, но только молодой сеньор, который был принцем...

— Я слышал эту историю, — перебил ее Кратов.

— Так вы ищете кого-то из учителей? Или у вас здесь ребенок... о котором вы долгое время не знали? Мы смотрели кино, называется «Там, где солнце садится в океан и плещутся русалки». Один сеньор любил молодую сеньориту, но она была из бедной семьи, а он — из богатой. Поэтому им запрещали встречаться: тогда так было принято...

— Я действительно ищу одного из взрослых, — терпеливо сказал Кратов. — А детей у меня нет.

Он поймал себя на том, что уже второй раз за последние несколько дней вынужден в этом сознаваться.

— Нет детей?! — поразилась Мерседес. — Но ведь вы уже довольно немолодой сеньор! Когда же вы хотите заняться своей семьей?!

— Я... размышляю над этим, — соврал Кратов.

«А и в самом деле, — подумал он. — Какого черта я медлю?»

И вдруг до него дошло, что его, пожалуй, впервые в жизни назвали стариком.

* * *

— Это Ферма, — хмуро сказал долговязый юнец в бейсболке, что сразу выделяло его среди общей массы обитателей острова, и комбинезоне на три размера больше, чем следовало

бы, на голое пузо. — Взрослые не должны здесь появляться до наступления сумерек. Таков уговор.

— Прости, я не знал об уговоре, — сказал Кратов.

— Я просто извещаю вас, — продолжал юнец скучным голосом. Серьезное выражение лица делало его похожим на старичка. — Ничего нет страшного в том, что вы прибыли. Просто нужно было уведомить окружную администрацию. А они или сообщили бы вам об уговоре, или сообщили нам о том, что вы едете. Майрон сказал мне, что Дракон вас напугал.

— Майрон преувеличил, — мягко возразил Кратов. — Бык по имени Дракон не мог меня напугать. В свое время меня не пугали и настоящие драконы, с огнем и крылышками.

— Все равно. Были случаи, когда приезжие пугались бионтов. Это Ферма, и здесь порой происходят необычные вещи.

— В общем, я готов к необычным вещам.

— Мерседес сказала мне, что вы ищете кого-то из учителей.

— Это правда.

— Но учителя появятся лишь к вечеру. — Помолчав, он добавил: — Хотя вы можете связаться с ними по браслету.

— Ничего, я подожду вечера, — сказал Кратов. — Если, конечно, меня не подвергнут принудительной депортации.

Он ожидал, что подросток непременно попросит перевести последнюю фразу на человеческий язык, но ошибся.

— Такого уговора не было, — сказал юнец. — Вы можете погулять по территории Фермы. Только не очень приставайте с вопросами. Если хотите, можете приставать ко мне. Меня зовут Грегор, нынче я сменный администратор и самый свободный человек на острове.

— Константин, — назвался Кратов. — Как погляжу, у вас тут не любят вопросов.

— Любят, — сказал Грегор. — Но предпочитают задавать их сами.

— Ты выглядишь не очень счастливым.

— А вам, господин Константин, понравится приглядывать за толпой сорванцов, которые никого не хотят слушать?

— Мне приходилось приглядывать за толпами самых разнообразных сорванцов. Правда, это были сорванцы с высоким

сознанием социальной ответственности. Но хлопот от этого не убавлялось.

— Некоторые забывают умываться, — ворчал Грегор. — Кое-кому приходится дать по шее, чтобы доел завтрак. Не всем нравится, как готовит Мерседес, но никто не хочет занять ее место... Здесь каждая царапина может нагноиться, если ее сразу не залечить.

— Полагаю, медик у вас — взрослый?

— Медик у нас — я, — мрачно пояснил Грегор. — Натурально, если речь идет о царапинах. Или об этих девчоночьих штучках...

— О каких штучках? — не понял Кратов.

Грегор посмотрел на него, как на идиота.

— Начиная с определенного возраста, у девчонок случаются такие девчоночьи штучки, — сказал он. — Это ни для кого не сюрприз... кроме вас...

— Я же не девчонка! — смущенно хмыкнул Кратов.

— ...и они обычно уже знают, как себя обихаживать. Но некоторые по первости пугаются, нервничают и ведут себя, как набитые дуры. Например, просятся к мамочке. Их нужно успокоить. И я их успокаиваю. И уж скорее бы все это кончилось.

— Наверное, тебе не обязательно быть медиком, — осторожно заметил Кратов.

— Я имел в виду административные обязанности, — поправил его Грегор. — Если бы они сгорели синим пламенем, я бы не заревел. Все остальное меня не тяготит. — Он тоскливо вздохнул. — Медиком мне быть обязательно. Потому что я хочу быть медиком. Я могу объяснить самой глупой девчонке, что с ней творится и как ей при этом нужно себя вести. И сделаю это так, что ни я не буду краснеть, ни она. Вот вы, господин Константин, сумеете?

Кратов отрицательно покачал головой.

— А я умею, — сказал Грегор без намека на бахвальство. — Но пока что я валяю дурака и корчу из себя губернатора острова, и у меня стоит вся работа.

— Ты тоже занимаешься... э-э... разведением бионтов?

— Можно сказать и так. Но мои бионты не скачут по острову, как ненормальные, не стучат в окна по ночам и не пуга-

ют малолеток. Хотя единорог мне нравился, — признался Грегор. — Мои бионты умещаются в капле питательного раствора. Причем все сразу.

— И они так же безобидны, как и малы?

— Натурально. Я работаю под научным руководством доктора Спанкмайера из Ханойского вирусологического центра. Моя тема — повышение иммунной сопротивляемости человеческого организма к внешней вирусологической агрессии произвольной природы. Объяснить?

— Буду признателен.

— Наша с доктором Спанкмайером задача — чтобы вы никогда и ни в каких условиях ничем не заболели. Чтобы вашу внутреннюю иммунную защиту ничем нельзя было прошибить.

— Вообще-то, я к своему организму претензий не имею. Мне доводилось с ним бывать в очень странных местах, и он меня, как правило, не подводил.

— Я вижу, — проницательно сказал Грегор. — «Загар тысячи звезд»... Но вам повезло, что вы невосприимчивы к некоторым видам аллергенов. Другим людям повезло меньше. И есть еще такая неприятная штука — кванн.

— Это верно, — согласился Кратов. — Иммунной защиты от кванна пока не существует.

— Если мне... нам повезет, она появится.

— Ты хочешь сказать, что на этом острове, битком набитом детьми, ты проводишь эксперименты с культурой кванна?! — ахнул Кратов.

— Провожу, натурально, — пасмурное лицо Грегора озарилось слабой улыбкой. — Чтобы вас успокоить, добавлю, что это ослабленная культура штамма «Горгона Икс Пять».

— Слава богу, — с иронией заметил Кратов. — Я уж испугался, что это «Икс Шесть»...

— Такого штамма нет в природе, — хмуро возразил Грегор. Затем вдруг оживился: — А, понял, это вы так шутите. Так вот: «Горгона Икс Пять» хранится ничуть не хуже кощеевой души, так что наружу ей никак не выбраться. — Выражение кратовского лица все еще трудно было назвать беззаботным, и Грегор добавил: — Да будет вам! Я работаю в основном с моделями, на фига мне сдался настоящий кванн...

За спиной у него уже минуты две переминался с ноги на ногу, старательно шмыгал носом, вздыхал и вообще разнообразно страдал на публику добрый молодец лет десяти с небольшим.

— Хорошо, господин губернатор, — сказал Кратов. — Теперь быстренько скажите, что мне можно, а что нет, и я не стану вас более обременять своим присутствием.

— Странный вопрос, — хмыкнул Грегор. — Вы же взрослый, значит — делайте, что хотите. Ну, я не знаю... Купайтесь, загорайте. Только постарайтесь не покидать территорию Фермы.

— Это почему?

— А потому, что вся остальная территория как была, так и осталась дикими джунглями Индокитая. И здесь даже водятся ядовитые змеи. Вы умеете обращаться с ядовитыми змеями?

— И с неядовитыми тоже... не умею.

— Ну вот, видите! Так что если вас укусит какой-нибудь «элафе мандарина»... — Грегор замолчал и выжидательно посмотрел на Кратова.

— ... я сей же секунд обращусь к вам, док, — закончил тот.

— Мимо, — равнодушно сказал Грегор. — Дайте ему по башке и протрите место укуса своим любимым одеколоном. С остальным защитные силы вашего организма управятся сами. Это мандариновый полоз, очень красивый, но совершенно безвредный. И с какой стати ему вас кусать? Разве вы крыса?

— Полагаю, нет, — сказал Кратов с облегчением.

* * *

Кем-то забытый гравискейт был небрежно прислонен к высокой жердяной ограде. Индикатор готовности на загнутом кверху носке (что делало его похожим на лыжу для могула или скорее на позабытую джинном персидскую туфлю семидесятого размера) едва заметно тлел.

— Можно я возьму это? — спросил Кратов в пространство.

Не дождавшись ответа, он подхватил скейт подмышку и бодро зашагал вдоль ограды. Оттуда доносились невнятные басовитые звуки темного происхождения. Жесткая, не то под-

стриженная, не то объеденная трава, хрустела под ногами. Какое-то время над головой кругами летала фантастических размеров красная с черным бабочка, — Кратов даже попытался с нею заигрывать, — но вскорости отвлеклась на прилепившиеся к стволу дерева нежно-розовые цветы (каждый величиной с суповую тарелку и соответственно пахнущий, кстати, чем-то вроде перестоявших щей). А на место бабочки заступили мелкие, но чрезвычайно шумные, наглые и тоже ярко размалеванные мухи.

Для своих упражнений Кратов выбрал лужайку поровнее. Стыдливо озираясь, установил одну ногу на скейт, а другой легонько оттолкнулся. Снаряд дрогнул, ощутимо напрягся и приподнялся над примятой травой сантиметров на десять. На устойчивое парение это никак не походило. Да и равновесием здесь не пахло... Кратов спрыгнул и суетливо замахал руками, ловя с готовностью прянувший кверху скейт. Ему удалось это в самый последний момент.

Словно бы указывая на его место в иерархии интеллектуальных ценностей, из близлежащего леса донесся глумливый ослиный рев.

Все дело заключалось в настройке. Конечно, скейт был приготовлен для перемещения по воздуху подростков, чей вес не превышал тридцати пяти — сорока килограммов. То есть примерно втрое легче Кратова. Но как его переналадить, где вскрыть и на какие сенсоры после давить, было тайной за семью печатями.

Чувствуя себя полным болваном, Кратов вертел оказавшийся бесполезным снаряд в руках. Его потуги обрести свободу передвижения в масштабах крохотного клочка тропической территории на глазах обращались в прах. Как это ни выглядело постыдным, но человек, с легкостью управлявшийся с ЭМ-кораблями, взнуздавший транспортного биотехна, практически полностью восстановивший навыки лихаческого вождения гравитров, был абсолютно бессилен сладить с паршивой летательной доской, доступной и понятной любому ребенку. «Балда ты, братец», — подумал он, в сердцах сплюнул и наладился было брести назад, на Ферму.

Но судьба, вдоволь насладившись зрелищем его мук, внезапно сжалилась и послала избавление.

Избавление имело облик младой девы, что неспешной поступью возникла из-за угла изгороди. Единственным облачением девы был мокрый черный купальник, который, впрочем, к моменту встречи был снят, тщательно выжат и небрежно переброшен через плечо. А единственным украшением — ожерелье, состоявшее из грубовато обработанных раковин, подвешенных к простенькой платиновой цепочке: Самая большая раковина — аккуратно расправленные, нежнейшие, почти прозрачные «крылья ангела» — ниспадала между тем, что каких-нибудь года два спустя можно будет назвать «роскошными грудями». Кожа девушки, словно драгоценным лаком, покрыта была ровным шоколадным загаром и усеяна блестками водяных капель. Длинные, русые, сильно выгоревшие волосы небрежно убраны назад. Блаженно прикрыв глаза и задрав к небу носик, избавление мурлыкало какую-то мелодию, одной рукой придерживая купальник, а другой намахивая в такт.

Первым побуждением Кратова было захлопнуть пасть, зажмурить гляделки, ни секунды не медля рухнуть на землю ничком, затаиться в траве и переждать, пока юная нимфа пройдет мимо и сгинет по своим нимфьим делам. Вторым побуждением — то же самое. Третьим...

Однако его уже заметили.

Нимфа остановилась, обратив на него взгляд, полный выжидательной укоризны. Нельзя было сказать, что она сильно испугалась... Затем рука ее плавно поднялась и как бы невзначай перекинула тугой жгут волос со спины вперед, слегка прикрыв одну маленькую, с молодое яблоко (и на вид такую же твердую) грудь, но оставив без попечения другую. Слабая видимость стыда была соблюдена.

— Я уже не смотрю, — торопливо сказал Кратов.

«И это чистая правда! — горестно подумал он. — Хотя ничего мне так не хотелось бы... Надеюсь, моя спина внушает доверие».

Позади него после паузы, которая длилась почти вечность, раздался звук глубокого выдоха. Потом что-то влажно зашуршало.

— Не нужно в панике врываться в поселок и вопить, что в окрестностях завелись... э-э... инспекторы, — продолжал Кра-

тов убедительным, спокойным тоном (хотя, кажется, никто вопить и не собирался). — Нужно безмятежно заниматься своими делами. Если кто-то хотел купаться и гулять в одиночестве — пускай продолжает в том же духе. Но вообще-то мне нужна помощь.

— Можно смотреть, — тихим голосом сказала дева.

— Меня зовут Константин Кратов, — назвался тот, оборачиваясь. — Я — неучтенный взрослый. Иными словами, гость Фермы и ее администрации. Мне разрешено делать, что захочу. Купаться и загорать у меня большого желания нет. Я решил поучиться летать на этой фиговине. И... вот я здесь.

— Рисса, — глядя исподлобья, отозвалась дева. Сырой купальник был надет и старательно разглажен, чтобы не скрыть, упаси бог, а выгодно подчеркнуть все достоинства фигуры.

— Ага, — не удержался Кратов, стараясь сообщить своему голосу игриво-покровительственный тон, каким взрослые разговаривают с детьми, когда хотят и доверительной беседы, и соблюсти дистанцию. — Рисса-повелительница единорогов!

«Мог бы и промолчать», — подумал он в следующий миг.

— Вообще-то меня зовут Кларисса, — спокойно сказала она. — Но все куда-то торопятся и все упрощают... А Майрону я еще припомню, чтобы не болтал языком! — прибавила Рисса без особенного ожесточения.

«Еще бы! Лет через несколько...»

— Спасибо, что не заверещала, — сказал Кратов. — Все бы решили, что я подглядывал. — Рисса нахохлилась. — А я ничего и не видел, — солгал он. Девица сделалась еще пасмурнее: что-что, а ощущать взгляды кожей она уже научилась. Кратов поспешно добавил: — Кроме «крыльев ангела». Очень красиво.

— Когда мы хотим, чтобы нас никто не видел, — промолвила Рисса благосклонно, — я имею в виду: девочки... то ходим купаться туда. — Она показала за угол, откуда явилась. — Все это знают.

— И что? — пожал плечами Кратов.

— И все равно подглядывают, — сказала Рисса.

Она забрала у Кратова гравискейт. Присев на корточки, перевернула его, одним движением вскрыла невидимую

крышку — оттуда на пружинке выскочила панелька с разноцветными сенсорами.

— Вы сколько весите?

— Полагаю, сто тридцать.

— Вау! — слегка удивилась Рисса и окинула Кратова оценивающим взглядом. — Тогда летайте невысоко. Поначалу будете много падать. — Упихав панельку на место и закрыв, она протянула скейт. — Или мне показать вам, как нужно летать?

— Вообще-то я довольно много летал, — сказал Кратов неуверенно. — Но по большей части сидя, а не стоя...

Он решил, что нет нужды распространяться о гравитационных туннелях Сфазиса, в которых, как известно, можно летать и сидя, и стоя, и лежа на животе.

В лесу снова заорал осел.

Кратов и Рисса переглянулись.

— Это хом-хуан, — без тени улыбки сказала девочка, хотя в глазах у нее прыгали чертики. — Такая птица-носорог. У нее на клюве нарост, или даже два. Когда самка готовится снести яйца, самец замуровывает ее в дупле дерева. Глупо, правда?

— Отчего же, — возразил Кратов. — Я поступил бы так же.

Рисса подбросила скейт — он перевернулся в воздухе и застыл у ее колен, словно собачонка, в полной готовности сорваться и унестись, подрагивая от возбуждения.

— Одну ногу ставите точно посередине площадки, — пояснила она. — Другую — чуть сзади и на носок, для управления балансом. Там зона чувствительности. Чем сильнее давление, тем больше скорость. Отнимете носок — повиснете на месте. Вот так!

Рисса проворно вспрыгнула на снаряд и застыла в позе древнегреческого дискобола — но выглядела во стократ притягательнее. («Это же ребенок, дитя! Она тебе в дочери годится, сеньор хренов!» — твердил себе мысленно Кратов, все же не имея сил отвести завороженный взгляд от плавных, безупречных обводов почти неприкрытого девчоночьего тела.) Потом опустила отставленную ногу на всю ступню. Скейт резво прянул вверх по крутой спирали. Кратов ахнул. Рисса пронеслась над ним так низко, что его волосы зашевелились от воздушной волны — «крылья ангела» порхали у нее между

лопаток, — и снова унеслась в зенит. Чтобы следить за этими пируэтами, Кратову пришлось задирать голову. И все равно он не углядел, когда она внезапно ссыпалась с небес позади него и замерла на прежнем месте. Русые пряди сбились под ветром в пышную косу, купальник выглядел почти сухим.

— Все просто, — продолжала Рисса слегка задохнувшимся голосом. — Передняя нога управляет направлением. Приподнимете носок — пойдете кверху. Отпустите пятку — книзу. Чтобы повернуть, нажмите ребром ступни. Топать не нужно. И убирать ведущую ногу тоже.

— Что будет? — не удержался Кратов.

— Скейт моментально перестанет вас слушаться и снизится. Баловников он не любит. — Подумав. она прибавила: — И не надо летать слишком быстро.

— Так, как ты?

Рисса кивнула.

— Когда освоитесь, — сказала она, — сами не заметите, как станете летать так, как я. Хотя вам трудно будет освоиться. Это нужно было делать... раньше.

— Видно, для скейта я уже немолодой сеньор? — саркастически заметил Кратов.

— А сколько вам? — с беззастенчивым интересом спросила Рисса.

— Скоро сорок два.

Девица скорчила гримаску и сочувственно покачала головой. «Вау! — можно было прочесть в ее взгляде. — Столько не живут!»

— А скажи-ка мне, — сощурился Кратов, — зачем тебе понадобился именно единорог?

— Уж не потому, что я начиталась сказок! — фыркнула Рисса, небрежно отбрасывая косу. — Во-первых, единорог — это красиво. Во-вторых, я хотела рассеять все эти враки.

— Какие враки?

— Ну... насчет девственниц. Что единорог покоряется только им, а всех прочих топчет и ест. На самом деле он покоряется красоте и светлым мыслям.

— Твой единорог мог бы воспринимать эмо-фон? — сочувственно осведомился Кратов.

— Эмо-фон?! А... да, он должен был читать мысли.

— А как он должен был поступать с теми, кого бог обидел внешностью и... мыслями? Все-таки топтать и кушать?

— Вовсе нет! — засмеялась Рисса. — Просто не даваться в руки. Этого достаточно. Что может быть обиднее, чем когда такой прекрасный зверь не подпускает к себе?

— Я бы заплакал и удалился в отшельничество — работать над собой, — серьезно сказал Кратов.

— Вас бы он принял, — сказала она уверенно.

— Кажется, я не самый красивый сеньор, — усмехнулся Кратов. — Или я чего-то не понимаю?

— Конечно, — подтвердила Рисса. — Чистые мысли меняют внешность. Хотя бы для единорога. А ведь вы честно предупредили и сразу отвернулись.

— Последний научный вопрос, — сказал Кратов. — Если он покажется тебе дурацким или нетактичным, можешь скорчить брезгливую рожицу. Как ты намеревалась обеспечить чистоту эксперимента? Уверен, что тебя единорог принял бы безусловно. Ты довольно симпатичная девочка, и мысли у тебя, полагаю, соответствуют внешнему облику... — Рисса молча изучала его, и по лицу ее блуждала ироническая улыбка. — Я чего-то не понимаю? — спросил он обреченно.

— Угу, — кивнула она. — Не принимайте меня за тринадцатилетнюю дурочку. Мне уже четырнадцать. Как сказала бы Мерседес: я довольно большая сеньорита.

— А я и впрямь немолодой сеньор, — вздохнул Кратов, — который безнадежен не только для прогулок на гравискейте.

— Жаль, что вы не видели моего единорога, — сказала Рисса. — Он был замечательный. Но он скоро умер...

— А тебя уволили, чтобы не мешала выращивать шерстистого носорога.

— Вы все знаете. Этот болтун Майрон...

— Он был первым, кто встретился мне на острове. Вернее сказать, его бубос.

— Глупое животное, — проронила Рисса. Нелегко было понять, к кому относилось это определение: к быку или его хозяину.

— Наверное, было нелегко похоронить то, что было создано собственными руками, — сочувственно произнес Кратов.

Рисса коротко вздохнула. Ее носик заметно покраснел даже под густым загаром, глазки заблестели.

— Единорог был маленький, — сказала она. — Не успел подрасти. Майрон хоронит своих зверей десятками. Он и моего... похоронил. Для него одним больше, одним меньше...

Кратов удивленно вскинул брови. Услышанное плохо вязалось со вполне детским обликом его провожатого. И уж совсем не укладывалось в его представления о детских играх.

— Все же, ты не отчаивайся, — пробормотал он. — Не опускай рук. Только постарайся, чтобы никто больше не умирал. И — спасибо за скейт... дочка. — Рисса проказливо надула щеки и вытаращила глаза, теперь в которых отчетливо читалось: «Ну, попадешься ты мне лет через несколько!..» — Увидимся.

Итак, одну ногу — точно посередине. Знать бы еще, какую именно... Поскольку толчковой всю жизнь была левая, ее и употребим. (Скейт норовисто вздрогнул.) А правую, как учили, сзади на носок. И не перепутать, где скорость, а где направление. Навыки драйвера здесь не годятся, они распространяются на две руки и десять пальцев. Никогда не думал, что придется управлять ногами. Великое дело — врожденная координация всех конечностей. Как у шимпанзе... Где там у нас набор высоты? (Нервически дрожа, скейт всплыл над землей и метрах в трех в задумчивости остановился.) А сейчас легонечко, в одно касание, подадим его вперед... У-ух!

Он не сверзился, и это было чудом. Больше того: он летел, и летел уверенно и быстро. По крайней мере, так ему казалось.

Описав широкую дугу, Кратов совершил над лужайкой нечто вроде круга почета. Сверху ему видно было, для чего понадобилось строить изгородь: за ней паслись коровы, целое стадо огромных молочных коров, черно-пестрых, с трехметровыми, не меньше, рогами. Странные звуки, в свое время озадачившие Кратова своим происхождением, были мычанием. Разумеется, если бы какому-то из этих животных захотелось простора и свободы, хлипкие жерди серьезного препятствия не составили бы. Но ни одна из буренок излишним

своеволием не страдала. С дальней стороны выпас вплотную примыкал к реке с глинистым, растоптанным вдрызг берегом. Несколько коров недвижно стояли, погрузившись по брюхо в осязаемо прохладные струи, — не то утоляли жажду, не то просто забыли выйти из воды.

Впереди громоздился лес — буйное переплетение деревьев и лиан. А уже за ним до самого горизонта лежало спокойное зеркало океана.

Крохотная девичья фигурка, ломкая, длинноногая, не торопясь двигалась по направлению к оставшейся далеко позади Ферме. Руки едва приметно двигались в такт неслышной мелодии. А в мыслях наверняка танцевали единороги.

«Следи-ка лучше за равновесием!» — пробрюзжал про себя Кратов.

Где-то над лесом он вдруг сообразил, что именно у Риссы он и слямзил гравискейт.

* * *

По этой тропинке давно не ходили. Во всяком случае, это было бы затруднительно. Лианы, разительно напоминавшие собой упитанных змей, — кабы не зеленые лохмы лишайника, а то и паутины, — внаглую свисали до самой земли. В рытвинах стояла черная неживая вода. Тонкие плети какого-то бесцеремонного и чрезвычайно колючего кустарника так и норовили если не выхлестать глаза, то хотя бы расцарапать физиономию. Следов не было — ни старых, ни новых. Чертыхаясь, Кратов притормозил и спрыгнул со скейта. Недалеко же он на нем добрался... Пригибаясь и пробуя почву носком, он сделал несколько шагов. Прислушался.

Прислушаться было к чему.

Собственно, он услышал это еще утром, когда вместе с Майроном конвоировал бубоса. Хитрый мальчишка то ли тоже все прекрасно слышал, то ли просто знал, что имеющий предрасположенность к эмо-фону да услышит, и сразу же попытался сбить его со следа. «Нет, нам прямо!..» И сбить-то он толком не сбил, и любопытство неуемное разбудил, да и насторожил, впрочем. Что еще за тайные тропы, когда кругом

дети?! Хотя, если поглядеть на все рассудительно и хладнокровно, как раз там, где бродят стада непуганых детей, и должны быть тайные тропы. Широкие и узкие, в ласкающем сердце изобилии. Кратову бы в его детстве не барханы и такыр, а вот такие джунгли под бок, уж он бы со товарищи вытоптал в самых дебрях не один десяток самых что ни на есть засекреченных, только ему ведомых троп...

Но два простых обстоятельства никак не давали ему ожидаемого покоя.

Обстоятельство первое: не детские ноги протоптали эти стежки-дорожки, что выходят невесть откуда и невесть где исчезают. И уж тем паче не взрослые. Ни единого следа босых ступней, а также сандалий, кирзовых сапог и бальных туфелек.

Обстоятельство второе: он просто стоял и разглядывал сырую землю, раздумывая, не пойти ли ему выяснить, куда заведет его нелегкая, и что в конце пути его ожидает... а все это время из непролазной чащобы за ним наблюдали чужие глаза. Глаз была не одна пара, и даже не десяток. Наблюдали без большой злобы, но и без искреннего радушия, впрочем. А за этими взглядами наплывали вполне отчетливые мысли. Так что взгляды принадлежать ни птичкам, ни обезьянам (что здесь, вне всякого сомнения, водились, но вели себя удивительно тихо) никак не могли.

Мысли были, если сопоставить их с известными Кратову способами толкования эмо-фона, примерно такие: не доверяем мы тебе, друг-пришелец. Непонятны нам твои намерения, неясно нам, чего ты тут разнюхиваешь и чего желаешь. Так что, братец, убрался бы ты отсюда восвояси, да поскорее...

И что-то в эмоциональном спектре было необычное. Такое, чего он на своем опыте общения с людьми прежде, кажется, не встречал и оттого интерпретировать толком не мог. Но в то же время определенно знакомое, возникавшее в иной обстановке и крепко подзабытое.

Кратов медленно выпрямился. Не совершая резких движений, огляделся — в слабой надежде обнаружить хоть кого-то из хозяев этих негостеприимных мыслей. Лес молчал, наглухо укрывшись зелеными занавесями от посторонних глаз.

Кратов сосредоточился. Ему нужно было совладать со своими эмоциями. И заодно придать им окраску, подходящую для контакта. На случай, если кто-то там, в непроницаемой зелени, так же, как и он, способен читать эмо-фон... Это было нелегко, но попытаться следовало.

Итак: покой и душевная гармония. Достоинство. Уверенность. Доброжелательность.

«Я никому не нанесу обиды».

«Мы не верим, — едва слышно откликнулся лес. — Мы никому не верим».

И вдруг в один миг, разом, превратился в содом из тупого птичьего галдежа, перепуганного обезьяньего ора и обычного миллионолистого шороха.

* * *

— Нет, это имя мне ни о чем не говорит, — пожал плечами учитель Тонг. — Никогда не слышал. Могу вас заверить, что за все время существования Фермы здесь не появлялся человек с таким именем. У моих питомцев имена — тоже испытание не для немощного языка, но такое я бы непременно запомнил.

— Он мог назвать любое другое имя, — сказал Кратов.

— Конечно, — согласился Тонг. — А как он выглядит?

— Сейчас? — Кратов смущенно засмеялся. — Не знаю. Двадцать лет назад это был черноволосый, хорошо сложенный, энергичный молодой человек. И ни к чему не склонный относиться серьезно. Боюсь, теперь в нем от того, прежнего, мало что сохранилось.

— Может статься так, что вы сами его не узнаете при встрече.

— Полагаю, этого не случится. Не так давно мы уже встречались... мыслями. И сразу узнали друг друга.

— Вы читаете мысли?

— Не мысли — эмо-фон. Я много практиковался.

— Что же я сейчас о вас думаю?

— А бог вас разберет... — Кратов испытующе разглядывал сморщенную коричневую маску, что вот уже лет пятьде-

сят заменяла учителю Тонгу лицо. Ему сразу вспомнились загадочные лесные взгляды без глаз. — Чувствую только, что вы не слишком мне доверяете, хотя и сами не понимаете, отчего. И... вы были бы не против, чтобы я поскорее убрался с острова.

— Это явное преувеличение, — мягко заметил учитель Тонг.

— Пустяки, я не обижен. Вы не доверяете мне потому, что рассказанная мною история и впрямь не выглядит чересчур убедительной. Что ж это за друзья, которые не встречались целую вечность и могут разминуться, столкнувшись нос к носу?! А хотите от меня избавиться, чтобы не иметь лишних хлопот сверх того, что причиняют вам подопечные. Хлопот, насколько я могу судить, у вас полон рот...

— Это справедливо.

— В самом деле, друзьями нас назвать трудно. И уж определенно он меня таковым не считает. Он не хочет меня видеть. Но, если я что-то понимаю в психологии, перед тем, как сгинуть в безвестности окончательно, он должен испытывать мучительное желание узнать, зачем я его ищу.

— А он знает, что вы его ищете?

— Знает.

— И все же избегает встречи лицом к лицу? Это странно. Но еще более странно, что вы разыскиваете его здесь. Это Ферма. Такое место, где разводят животных.

— Очень необычных животных, как я успел заметить. Например, штамм «Горгона Икс Пять». И не только разводят...

— И, конечно же, не животных, а бионтов. Вы ощущаете разницу?

— Да, мне уже разъяснили...

— Термин «бионт» заимствован из архаичного биологического тезауруса и в настоящее время обозначает не то, что прежде. В нашем понимании бионт — это живой организм, созданный в лабораторных условиях с преимущественным использованием генетических методов, в сочетании с гилургическими биотехнологиями и ментальным программированием, — размеренно вещал учитель Тонг, словно читал лекцию. — А девственные леса Индокитая — благодатный, про-

сто феерический материал для биологических экспериментов. Одно из немногих мест на этой планете, где генетический материал не только богат и разнообразен, но и податлив. Податлив от природы и, вдобавок, искусственно расшатан. В этих местах когда-то была изнурительная, жестокая война. Одна из сверхдержав... вы знаете, что такое «сверхдержава»? — Кратов усмехнувшись, кивнул. — ...пыталась защитить здесь свои интересы, как она их понимала, а другая ей эффективно противодействовала. Мой народ оказался между молотом и наковальней. А в средствах воюющие стороны не стеснялись. И эта земля, с ее лесами и водами, с ее флорой и фауной, стала полигоном для испытаний химического и биологического оружия. Она серьезно заболела, и вряд ли уже до конца излечилась. Мы помогаем ей как умеем. И... беззастенчиво используем ее временные слабости. — Тонг опустил узкую, морщинистую ладонь на огромный кратовский кулак. — Это Ферма. Здесь разводят животных. Вернее, создают животных. И создают ученых. Которые очень скоро начнут приносить пользу и Земле, и звездам. Которые, к примеру, совладают с кванном. Ничего плохого нет, что они играют в странные и непонятные нам, взрослым, игры. В бубосов, минотавров и единорогов... Живой организм — это тот же набор кубиков, та же мозаика. Но мозаика не дышит, не ходит за вами следом, не ластится, тычась теплой мордой в ладонь... Мы не мешаем. Но мы всегда рядом.

— Это не только странные игры, — заметил Кратов. — Но и опасные.

— Далась вам эта «Горгона Икс Пять»!

— Речь не о ней. — Кратов достал из кармана куртки кристаллик в простой «книжной» оправке. — Это «Остров доктора Моро». Читали?

— Разумеется. И не вижу аналогий.

— Может быть, ваши воспитанники строят из кубиков себе игрушки. Но получаются-то животные! Тогда они, в меру своего понимания, закладывают в них программы привязанности к создателю. Снабжают неразвитый мозг начатками телепатии. Получаются животные-шизофреники. Звери, чье сознание расщеплено между голосом дикой природы и унизительными программами подольщения и тыканья мордой в ла-

донь. Но шерстистый носорог не может раскланиваться с прохожими! Даже бубос этого делать не может! Бубос не понимает, чего он хочет. Инстинкт гонит его в лес, на поиски самки. Программа заворачивает к ладоням Майрона. Это не может кончиться добром...

— В любом случае дети — в полной безопасности, — сказал Тонг. — Не думайте, что ментальное программирование бионтов происходит без контроля со стороны учителей. Мы вносим небольшие коррективы и дополнения. Например, программы-предохранители. Которые вызывают прекращение жизнедеятельности бионта в случае проявления агрессии к создателю.

— Теперь понятно, отчего у Майрона его подопытные мрут, как мухи, — раздраженно проговорил Кратов. — И отчего скончался добряк-единорог. Он мог существовать лишь в эмо-фоне чистоты, добра и любви. А когда услышал чьи-то темные мысли, то у него зачесался рог...

Дым, что разводит,
соль в Сума добывая, рыбак —
под ветра напором
склонился туда,
куда вовсе не думал! [1]

Глупая девочка Рисса! Она и не подозревает, что при взгляде на нее в мальчиках давно уже оживают древние, грубые, низменные — с точки зрения единорога! — инстинкты продолжения рода. Да и не только в мальчиках...

— Мы объяснили Риссе ошибку, — сказал Тонг. — Она все поняла. Она больше не хочет делать единорогов. Хотя с позиций абстрактной эстетики единорог был создан безукоризненно... В настоящий момент Рисса больше не хочет заниматься биологией. Но, может быть, это скоро пройдет.

— Ей вовсе не обязательно быть биологом.

— Еще год назад это было ее горячее и, как представлялось воспитателям, искреннее желание.

— Ей вовсе не обязательно заниматься прикладной генетикой. Пусть ухаживает за кроликами.

---

[1] Исэ-моногатари (X в. н. э.). Пер. с японского Н.И.Конрада.

— Мы предложили ей подобную альтернативу. У нас замечательное стадо племенных коров. Она согласилась — без большой охоты.

— Да, я заметил. Ей хорошо на этом свете и без племенных коров.

— Вы правы. Боюсь, Рисса для биологии утрачена. Я с содроганием жду минуты, когда она попросится домой. Это будет наше маленькое фиаско.

— Наверное, Рисса из тех людей, кому достаточно кошки в доме и собаки на крыльце.

— Ну, что ж... Наверное, мы сможем расстаться с Риссой, содрогаясь от скрытых рыданий... — Кратов пристально заглянул в глаза Тонгу, опасаясь увидеть там насмешку. Но, похоже, учитель говорил вполне серьезно. — Ведь у нас останутся еще Майрон и Грегор.

— И Мерседес? — спросил Кратов, усмехаясь.

— Представьте себе. Пока что эта птичка-колибри прекрасно управляется с опытной делянкой акрора. И если вас ввели в заблуждение наивные карие глазки и глубокомысленные рассуждения о сеньорах и сеньоритах из «мыльных» сериалов, то знайте, что маленькая Мерседес Мартинес Солер — прирожденный фитомедиум поразительной силы и чувствительности.

— Фитомедиум? — Кратов сразу вспомнил поразившую его сценку с сорняком. — Эта цыпа... птичка-колибри воспринимает эмо-фон растений?!

— Эмо-фон — это чересчур сильно сказано. У растений нет эмоций. В то же время они способны модулировать свое биополе в зависимости от изменений в условиях жизнедеятельности. Нельзя отрицать, что и люди, и более примитивные существа, делают то же самое. Так что нет оснований запретить малышке Мерседес называть одно состояние растительного биополя «удовольствием», а другое — «гневом». Мы возлагаем на нее большие надежды. А ведь есть еще Радослав Грим, Дженни Райт, Ёсико Савагути... Если бы прикладная биология входила в сферу ваших интересов, я бы порекомендовал вам запомнить эти имена.

Кратов поглядел поверх седой макушки Тонга. Грядущие надежды мировой, а то и, чем черт не шутит, галактической

биологии смиренно кучковались возле своих наставников. Кто сидел за знакомым дощатым столом, выслушивая сопровождаемые размеренным киваниям проповеди учителя Ка Тху о равновесии добра и зла в природе (на примерах из жизни кишечнодышащих и круглоротых, они же мешкожаберные). Кто угнездился в кругу возле большого костра, слушая песни под две гитары и одно укулеле, с которым виртуозно управлялась учитель Кендра Хименес. В сторонке худой и длинный, как жердь, доктор Спанкмайер (что было указано на визитке, пришпиленной к нагрудному карману ослепительно-белой рубашки) обсуждал с сумрачным, как всегда, Грегором поведение «Горгоны Икс Пять». Гениальное дитя Мерседес Мартинес Солер погоняло хворостиной в направлении кухни двоих голенастых подростков постарше, в обычных, но в предзакатный час вряд ли уместных, шляпах-«нон», с крытыми корзинами на коромыслах. Мулаточке очень был бы к лицу какой-нибудь большой красный цветок в убранных по-вечернему волосах. Но теперь Кратов понимал, что никогда в жизни она не сорвет ни единого цветка... Из дальнего загона доносилось капризное взмыкивание бубоса по имени Дракон. Все было хорошо и покойно. Ферма готовилась отойти ко сну.

— У меня самые разнообразные интересы, — сказал Кратов. — Я от рождения любопытен. Должно быть, потому постоянно и встреваю в разные истории. Например, мне доводилось видеть, как диким животным вкладывали лишку ума. Что не мешало им оставаться животными.

— Но вы же пользуетесь космическим кораблем-биотехном. И, похоже, вас не смущает его небольшой, но отчетливый интеллект.

— Биотехны — не бионты. У биотехнов не бывает конфликтов между древними инстинктами и программами. Потому что у них нет древних инстинктов. Биотехны помнят только то, что в них вкладывают создатели. Биотехны *никогда* не были дикими животными.

— К чему вы клоните, доктор Кратов?

— В последнее время я обнаружил за собой одну неприятную особенность. Вернее, мне указали на нее... старшие братья. Куда бы я ни попал, где бы ни оказался, вскоре выяс-

нялось, что я догонял какую-то неприятность. Не злой рок преследует меня, а я его. Забавно, правда?

— Такого я еще не слышал, — покивал учитель Тонг. — Чтобы не судьба охотилась за человеком, а он был охотником за судьбой!

— Если бы я был охотник, то давно бы уже пристрелил эту чертовку, а шкуру повесил дома над камином... Картина и впрямь странноватая. По Галактике сама собой катится волна катаклизмов. И не одна, кстати говоря — Галактика слишком велика, чтобы позволить себе роскошь безмятежной жизни... Но за одной из этих волн с некоторых пор катится другая. Как будто нечто... или некто... задался целью упредить ее или по меньшей мере свести последствия к минимуму. И я — на гребне этой другой волны.

— Знаете что, доктор Кратов, — сочувственно сказал Тонг. — Я не самый лучший исповедник на острове. А вот не хотите ли поговорить с учителем Ольгердом Бжешчотом? Он прекрасный психоаналитик, правда — детский, но зато один из лучших в своей области...

— Я так и знал, что вы примете меня за юродивого, — фыркнул Кратов. — Не следовало мне перелагать свои проблемы на вас... Вы спросили, к чему я клоню? Я честно пытался объяснить. Вот уже несколько месяцев я на Земле. Как предполагалось — в безопасном удалении от галактических процессов и катаклизмов... Но я все время настороже. Я напряженно жду подвоха. Куда бы я ни пошел, я ловлю себя на том, что пытаюсь разглядеть, какую беду мне предстоит опередить и предотвратить.

— В таком случае, остров с тремя сотнями детей должен был бы стать последним местом, куда вам следовало бы направиться на этой планете, — сказал учитель Тонг слегка напряженным голосом.

— Вы снова путаете, — возразил Кратов. — Я не приношу несчастья. Я следую за ними. Я на них указываю. Я не мина замедленного действия, а компас и лекарство в одном флаконе.

— Здесь только дети и животные, — сказал Тонг. — Да еще мы, десяток умных, осторожных и предусмотрительных взрослых. Никаких несчастий здесь и быть не может.

— Удивительно, — рассмеялся Кратов. — Как порой трудно поменять местами причину и следствие... Ничего еще не случилось, учитель. Может быть, и вовсе не случится. Ведь я уже здесь, и, вполне возможно, этого достаточно... В конце концов, мне нужно было попасть на остров, где скрывается от мира, от меня и от себя мой старинный друг, которого я не видел двадцать лет. Вы говорите, что никогда не видели здесь ни одного отшельника и вообще хотя бы кого-то, отдаленно с моим другом схожего. Но все же я здесь, а не там, где мне следовало быть. Что это значит?

— И что же все это значит? — терпеливо спросил Тонг.

— Дети, животные и горстка умных взрослых... И еще кто-то в лесу. Кто торит звериные тропы, не желает показываться, но по ночам из хулиганских побуждений стучит в окна и стращает малолеток. А также способен генерировать эмофон и воспринимать оный.

Тонг коротко улыбнулся.

— Вам доводилось бывать в диком, первозданном лесу?

— И многажды, — сказал Кратов выжидательно.

— Я имею в виду: в настоящих, лишь слегка и с краешку тронутых цивилизацией джунглях Индокитая? Вы как опытный исследователь космоса и просто разносторонне образованный человек должны помнить, что биосфера Земли почти не имеет аналогов в экзобиологии по своему разнообразию. Земля — один из немногих уголков мироздания, где до сих пор сохранились и благополучно сосуществуют одна разумная раса и три биологических царства эукариот, и почти четыре десятка биологических типов, отдельные из которых дошли до нас в неизменном виде от начала времен! Вас удивляет, что в этих джунглях могут обитать существа — безусловно, не являющие собой никакой угрозы детям! — которых вы никогда прежде не видели даже на картинках, и которые могут вести себя так, как вы себе и вообразить не в состоянии?

— Не удивляет. Я давеча уже имел удовольствие послушать птичку, которая ревет, как голодный ишак...

— А вы знаете, что некоторые животные, на первый взгляд весьма примитивно организованные, могут генерировать сложный, многослойный спектр эмоций?

— Дьявол! — Кратов хлопнул себя по лбу. — Ну конечно же! Звериный эмо-фон! Понимаете, я нормально воспринимаю эмо-фон некоторых китов, слона и гориллы...

— На этом острове нет ни одного слона и гориллы, — сказал учитель Тонг. — И никто еще не сообщал мне, что в лесу могут водиться киты. Самое крупное дикое животное — пожалуй, бинтуронг. Бионты, разумеется, намного крупнее.

— Конечно, это были не киты, — рассеянно промолвил Кратов. — Хотя от этого вашего Майрона можно ждать чего угодно...

Он уже несколько минут наблюдал за беспорядочными перемещениями Грегора от одной компании к другой. «Губернатор» выглядел чрезвычайно озабоченным — намного сильнее обычного. И его беспокойство мгновенно передавалось каждому из учителей, к кому бы он ни обращался.

— Перед тем, как была основана Ферма, — говорил Тонг, — остров подвергся тщательным исследованиям. Здесь практически не сохранилось ядовитых насекомых. Ядовитые пресмыкающиеся оттеснены в самую глушь, ибо истребить их начисто означает разрушить сложившийся биоценоз: тотчас же расплодились бы какие-нибудь крысы...

Грегор уже стоял возле них, набычившись и комкая бейсболку в руках. Похоже, он колебался, говорить ли при посторонних.

«Началось», — подумал Кратов.

— Что случилось? — спросил он, вскакивая на ноги. — Выкладывай, не чинясь.

— Может быть, ничего страшного, — торопливо сказал Грегор. — Может быть, я чего-то не знаю... Рисса исчезла, — закончил он с отчаянием в голосе. — Никто не видел ее после захода солнца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Блудные братья I

1.

Первый раунд — короткие пять минут — как и положено, был разведкой сил и способностей противников. В зрелищном смысле ничего особенного он не представлял, более напоминая собой замысловатый танец с редкими, в одно легкое касание, ударами, и не ударами даже, а намеками на удары, обозначенными угрозами без сколько-нибудь зримого воплощения. Публика скучала. Кое-кто бесцельно бродил между кресел, кое-кто начинал посвистывать. Потом начался спектакль — два договорных круга по два раунда каждый, единственная цель которых — доставить удовольствие тем, кто означенного удовольствия жаждет.

(...— Значит, так, — деловито сказал Рыжий Черт. — Сначала ты, Зверь, гоняешь Серпа по рингу. Два раунда и ни секундой больше. И чтобы без глупостей. Серп, мать твою, не вздумай своевольничать, как в прошлый раз, ты меня понял?

— Понял, — пробурчал Серп Люцифера, без грима и боевого костюма выглядевший вполне миролюбиво и даже застенчиво. — Что уж я, по-твоему...

— Люди придут развлечься, — с нажимом сказал Рыжий Черт. — И двадцать минут вы будете их развлекать. Как два коверных клоуна.

— Может, я какой-нибудь стишок забавный продекламирую? — фыркнул Зверь-Казак.

— Нет, в другой раз, — осадил его Рыжий Черт. — У нас там девочки будут в антрактах, они за тебя и споют, и спляшут. А твое дело — после того, как отровняешь Серпа, самому два раунда получать от него той же монетой.

— Вообще-то наш рейтинг вдвое выше, — с сомнением заметил Толстый Оскар, менеджер Серпа.

— Сказал тоже — вдвое! — захохотал Ахонга, менеджер Зверя. — У нас рейтинг попросту нулевой. Мы же, лунная холера, новички...

— Зато мы старше, — добавил Зверь-Казак.

— Плевать на рейтинг, — отмахнулся Рыжий Черт. — Все должно быть честно. Пришли двое мужиков подраться. Пришла толпа народу поглядеть, как они подерутся. Так не превращайте драку в грязную потасовку. Сделайте из нее зрелище. Доставьте людям радость, удовлетворите их тягу к прекрасному... Ты чего, Зверь, косоротишься?

— Так, ничего, — проворчал тот. — Просто у меня свои представления о прекрасном.

— Тогда какого хрена ты сюда явился? — рявкнул Рыжий.

— А и сам не знаю, — честно признал Зверь-Казак.

— Ладно, — буркнул Рыжий. — Придумаешь — расскажешь. Сценарий ясен?

— Вполне, — сказал Оскар, хотя и был явно недоволен.

— Чего яснее, лунная холера, — проговорил Ахонга.

— Тогда отметьтесь под контрактом.

Менеджеры, церемонно уступая один другому место у столика, приложили к листу пластиковой бумаги личные перстни.

— Вы двое, — продолжал Рыжий Черт. — Пожмите клешни и поклянитесь, что не держите зла, не имеете личных

счетов и не исполняете тайных обязательств по отношению друг к другу.

— Клянусь, — сказал Серп Люцифера, стеснительно улыбнулся и протянул руку.

— Чтоб я сгорел, — сказал Зверь-Казак.

— Вот, хорошо, — промолвил Рыжий Черт. — А уж после пятого раунда я закрываю контракт, и делайте что хотите. Хотите — целуйтесь, хотите — кусайтесь. В общем, разбирайтесь между собой. И пусть победит этот самый... сильнейший. Только чтобы без смертоубийств мне!..)

Зверь-Казак, коротко стриженый, голый по пояс, в широких синих шароварах, туго перетянутый в талии красным кушаком и размалеванный до полной неузнаваемости, в подобающей псевдониму зверовидной маске, с ходу подловил Серпа на прием, оторвал от помоста и, зарычав, с маху шваркнул оземь. Прием был красивый, из классического дзюдо, к тому же проведен был в хорошем темпе, да еще двухметровым верзилой с мускулами Кинг-Конга, и публика одобрительно загудела. Серп Люцифера, в черном трико, с двумя черными косичками и пышными черными бакенбардами, привольно выбивавшимися из-под красной полумаски, тотчас же поднялся, но невооруженным глазом видно было, что он *поплыл*. И Зверь снова завалил его старым славянским приемом «ножницы», напрыгнув сбоку изумительно высоко и легко для своего веса. Ясно было, что на этот огромный зал, специально построенный для гладиаторских ристалищ, наползает сенсация. Руки многих потянулись ко вделанным в подлокотники терминалам — изменить ставки. На ринг пулей выскочили девчушки в легких до чрезвычайности нарядах, состоящих лишь из разрозненных ленточек, и пустились исполнять эротический танец, но на них не обращали большого внимания... После того, как в начале третьего раунда Серп вывалился за канаты и смял судейскую бригаду, динамический рейтинг Зверя вырос втрое, хотя прежде мало кто слышал это имя на этой планете и в ее окрестностях.

— Артисты! — шепотом гаркнул Ахонга. — Любо посмотреть, лунная холера! — И он полез за своим блокнотом для зарисовок.

Толстый Оскар промолчал, но на сей раз его круглую серую физиономию украшала улыбка довольства.

— Хорошо, — коротко кинул Рыжий Черт, жуя тлеющую сигару.

Ему следовало поддерживать свой образ прожженного дельца, и он тоже работал на совесть...

Тем временем Серп поднялся из своего угла, трудно мотая взлохмаченной головой, словно оглушенный бык, и вдруг тараном воткнулся в броневые щитки, что заменяли Зверю брюшной пресс. Похоже, он и сам не ожидал достигнутого этим эффекта, потому что несколько мгновений тупо следовал за летевшим через весь ринг Зверем, а уж возле канатов очухался и стал умело и безжалостно того метелить. Зрители застонали...

— Так, все, — сказал Рыжий Черт и наложил на контракт свой перстень. — Да пребудет воля твоя... и далее по тексту.

Он упрятал бумагу в непроницаемый для всех видов сканирующего излучения бювар, для верности подложил его себе под задницу и обратил проясневший взор к рингу. Впервые за все время поединка в его глазах засветилось искреннее любопытство. Серп упруго, словно и не было убийственных четырех раундов, вскочил навстречу явно подуставшему Зверю и — класс есть класс! — срубил его в прыжке. Терминалы уже не работали, ничего изменить было нельзя, рейтинг следовало оправдывать, и Серп Люцифера, выждав, когда противник привстанет на колено, снова завалил его коротким нисходящим цуки. Рефери, весь в белом, взмыленный не хуже бойцов, скомандовал отойти, и Серп отошел. Но Зверь еще не скис, хотя разница в возрасте — шестнадцать лет! старик! рухлядь! — давала себя знать, дыхания почти не было, перед глазами все плыло. Последний удар Серпа был силен, силен по-настоящему и направлен точно... Зверь оторвал голову от помоста, что по правилам означало его готовность продолжать схватку. Серп отодвинул рефери плечом и двинулся добивать. Не дойдя одного шага до распростертого Зверя, он получил внезапный, не так чтобы сильный и потому особенно обидный удар в колено, потерял равновесие, клюнул головой. И тут уж Зверь-Казак, мягко перекатившись через себя, достал его в челюсть сначала одной ногой, а затем сразу другой...

2.

— Зачем вам это, доктор Кратов? — спросил Ахонга, стягивая с того легкие перчатки и принимаясь за маску, что не столько защищала, сколько превращала вполне обычное, не лишенное известной привлекательности лицо в дикую, кровожадную рожу. — Вы взрослый человек, состоятельный, не так чтобы глупый. К чему вам эти лишние приключения и, что особенно неприятно, побитая морда?

— Мне? — переспросил Кратов. — Мне это интересно. Я развлекаюсь.

— Надо думать, теперь-то вы развлеклись в полной мере?

Кратов потрогал стремительно заплывающий глаз.

— Как вам сказать, — хмыкнул он. — Кое-какие эпизоды были явно лишними.

Ахонга убрал маску и придирчиво исследовал его лицо.

— Надо было закрываться получше, — проворчал он. — Не мальчик все же. Да и Серп — не девочка... Ну ничего, лунная холера. Как говорите вы, казаки, до свадьбы заживет.

— Да никакой я не казак! — засмеялся Кратов.

— Ерунда, — сказал Ахонга. — В России — все казаки. Я читал.

— Я не из России, — возразил Кратов. — Этнически я, безусловно, славянин. Но происхождение свое веду из монгольских полупустынь.

— Что же вы раньше мне не сказали? — расстроился Ахонга. — Я бы заявил вас на поединок под псевдонимом Зверь-Монгол...

— Да не похож я на монгола! — взвыл Кратов.

— Кого это волнует? — пожал плечами Ахонга. — Я тоже не похож на типичного «ахонга». Видите, какие у меня уши? А зубы? Разве у воина племени ахонга бывают такие зубы?!

— Разумеется, не бывают, — вынужден был согласиться Кратов.

— Тем не менее в боевом бизнесе все знают меня под этим именем. И что, кто-нибудь из блюстителей традиций явился предъявлять мне претензии? Скажу вам по секрету, — он пригнулся к самому уху Кратова. — Меня и зовут-то Иезус Менелик Африва.

— И что же? — осторожно осведомился Кратов.

— А то, — сказал Ахонга. — Что никакой я не ахонга, а бидхиба.

— Действительно, — смущенно промолвил Кратов. — Как это я сразу не догадался...

Ахонга хлопнул его по влажному загривку — измочаленные мышцы болезненно загудели.

— Снимайте штаны, доктор, — сказал он. — Я сделаю вам легкий массаж. Потом вы чем-нибудь прикроете свои достоинства, и я позову Лолиту, чтобы она хоть как-то привела в порядок вашу побитую морду. — Он оценивающе, словно работорговец на товар, глядел, как Кратов со вздохами и охами избавляется от маскарадного костюма. — Впрочем, это и не обязательно...

— Как же, как не обязательно?! — вскричал Кратов. — Мне вечером на приеме быть!

— Я не про морду, — игриво пояснил Ахонга. — Я про достоинства... Расскажите мне лучше, — сказал он, втыкая железные пальцы в начинающую деревенеть спину Кратова, — как вам удалось уделать бедолагу Серпа и тем самым обогатить старого нищего Ахонгу? Ведь он же, лунная холера, моложе, сильнее и лучше вас во всех отношениях. Я имею в виду — как боец. Как доктор наук, вы, несомненно, его превосходите.

— Я хитрее, — признался Кратов. Снова коснулся рассеченной брови и добавил: — И он меня разозлил.

3.

Когда Кратов, укутавшись в просторный, с капюшоном, плащ на манер средневекового монаха, покинул контору Ахонги и вышел на улицы Тритои, столицы этой части Эльдорадо, уже вечерело. Моросил обязательный в это время суток дождик. Высоко над проспектом Буканеров в разрыве туч взошли три луны — пепельная Ведьма, красновато-желтая Цыганка и самая далекая, сумрачно-синяя Сомнамбула. Впрочем, к цветовой гамме ничего существенного они не прибавляли (но, судя по грохоту, доносившемуся со стороны набережной Тойфельфиш, их одновременное присутствие аукнулось Тритое грандиозным приливом). Проспект, заполненный праздношатающимися, и без того полыхал. Трепещущие крылья защитных полей, накрывавших лавки торговцев и менял, были затейливо, в меру фантазии владельца, раскрашены, а то и упакованы в призрачные фигуры. Над столиком проскописта по прозвищу Вижу Насквозь восставал пятиметровый, более похожий на обритую наголо гориллу, джинн в просторных штанах (это сразу напомнило Кратову его собственный наряд — казацкие шаровары) и ежеминутно тыкал пальцем вниз, едва ли не в лысину хозяина, а на отвислом брюхе вспыхивала стилизованная под арабику надпись на местном диалекте астролинга: «Он Видит Насквозь!..» Сквозь лоснящуюся джиннову громаду между теснящихся влажных стен домов, по которым скакали тусклые блики от огромного информационного табло (именно сейчас там воспламенились многометровые буквы: «Зверь-Казак уделал Люциферову Сенокосилку!..», затем проявилась оскаленная, в разводах желтой краски и темной крови, рожа победителя — Кратов стыдливо заозирался) пролетали, проплывали и проползали буйно иллюминированные гравитры. Из подвальчика китайского ресторана высовывалась зеленоватая драконья башка с разно-

пестрым гребнем, время от времени бесшумно изрыгая языки холодного розового пламени. Кратов вдруг ощутил, что проголодался (от голодной смерти его могли спасти исключительно: сомовья уха с постной ветчиной, маленькие каракатицы, зажаренные с ростками бамбука, или даже «куродзукури», то есть те же каракатицы, но соленые и в собственном соку, и, пожалуй, порция каких-нибудь пельмешков «цзяоцзы») и некоторое время боролся с соблазном отдаться на милость зазывно вращавшихся драконьих очей. Пока он разрывался между чувством и долгом, его тело уже угодило во власть чар синего в крапинку тираннозавра. Последний намахивал изящной девичьей лапкой, лакейским жестом приглашая посетить забегаловку «Классная Отрава от Виава». Это злачное место действительно содержал виав с Дельты Телескопа, почти неотличимый от человека, особенно издали, особенно в сумерках (Кратову никогда и в голову бы не пришло, что виавы, эта старейшая и мудрейшая галактическая раса, вдруг окажутся склонны к подобным безрассудствам!). Виав лично выступал в качестве шеф-повара, а обслуживали в основном карлики-юфманги, бородатые и косолапые, невообразимо похожие на гномов из толкиновского эпоса о кольцах власти. Собственно говоря, таковыми они и являлись, отчего-то пожелав сменить шахты и туннели родной планеты Яльифра на вольное бытие Эльдорадо, и здесь жестоко притесняя, по слухам, своих жен. Каковые, по тем же слухам, на уродливых гномиц отнюдь похожи не были, а более сходны были обликом с легкими луговыми феями... Всякий раз проходя между лап перегородившего весь проспект тираннозавра, Кратов испытывал сильнейшее желание зайти-таки и классно отравиться (он подозревал, что лукавый виав не погнушался и психодинамической обработкой потенциальных клиентов, что воспрещалось законами Тритои и как-то там даже преследовалось), но всякий же раз ему на это не хватало свободных получаса. Уворачиваясь от грозных на вид, но, разумеется, совершенно неосязаемых щупальцев хохочущего, истерически меняющего окраску двенадцатинога, что как умел рекламировал услуги фантастического! незабываемого! ментоэротического массажа до уровня подкорки, Кратов уже знал, что снова опаздывает. Ему оста-

валось лишь глотать слюнки да провожать завистливым оком тех, кто не стеснен был во времени и мог без зазрения совести предаться гастрономическим и иным забавам.

Свернув в темный тупичок, он был встречен тремя костлявыми фигурами, которые при виде него радостно зазвенели цепями, забренчали костьми и заполоскали истлевшими обрывками саванов.

— Кошелек или бессмертная душа? — глумливо вопросила ближайшая, колодезным журавлем нависая над Кратовым.

— Тридцать энектов и ни цехином больше, — буркнул тот.

— Живи еще три дня, путник! — проскрежетали призраки и разразились леденящим хохотом.

Никаких энектов в пользу потусторонних сил, однако же, пожертвовано не было. Кратов просто прошел сквозь это своеобычное заграждение и очутился у старинной, должно быть — сделанной еще из завезенного с Земли настоящего дуба, кое-где побитой мхом двери. Он приложил ладонь к третьей плашке слева и стал ждать. За его спиной призраки с гнусным хихиканьем шугали какого-то приблудного бедолагу, внезапно обретя плоть и больно стегаясь раскаленными плетками.

Дверь со скрипом отворилась. Из-за нее наружу не проникало ни единого лучика света, но стоило Кратову пересечь вполне привычную перепонку «заговоренного», точь-в-точь как на космических кораблях, прохода, и он очутился в другом мире. И этот мир ничем не напоминая экзотического сумбура и нарочитой архаики Эльдорадо.

И в который уже раз он испытал странное чувство сожаления. Словно ему не хотелось оставлять тот мир и попадать в этот. В общем-то родной для него, привычный, предсказуемый. И порядком, как видно, поднадоевший.

Он скинул набрякший влагой плащ прямо на пол — заботиться было не о чем, непременно явится автомат-домоправитель и подберет. А заодно высушит и вычистит... Зашагал не выбирая дороги по упругим, ворсистым коврам с бесценными узорами, точно зная, что ничего этим узорам не сделается, и не пройдет и десяти минут, как от грязных следов даже воспоминаний не останется.

Полупрозрачные створки разошлись перед ним, упреждая едва наметившееся поползновение распахнуть их грубым толчком.

Его уже ждали. И он не опоздал.

— Виват! — сказал чернобородый и лохматый великан Бруно Понтефракт, салютуя наполненным бокалом. — Зверь-Казак уделал Люциферову Сенокосилку и решил предаться излюбленным порокам... Да вы становитесь пунктуальны, доктор Кратов!

Дремавший в кресле у камина Абель Агбайаби, желтоликий, иссушенный годами, похожий на языческого идола из слоновой кости, приподнял веки и коротко кивнул лысой, слабо опушенной головой.

Из соседней комнаты, рука об руку, не прекращая беседы, появились еще двое.

Впереди выступал закованный в шипастую броню, естественную пополам с декоративной, трехметровый арахноморф расы Офуахт, чье имя для земного уха звучало как тридцатисекундная последовательность разнотональных свистков, соединенная шипом и придыханиями, а переводилось приблизительно как «Тот, Кто Взнуздал Грозовую Тучу и Свил Гнездо Из Молний». Для краткости он позволял именовать себя Грозоездник. Утыканное жестким желтым волосом брюхо Грозоездника волочилось между восьми суставчатых лап. Еще две лапы были вскинуты в приветственном жесте, а жвалы у ротового отверстия предельно разведены, что должно было означать крайнюю степень радушия.

Вместе с ним собрание почтил своим присутствием упрятанный в защитную капсулу на гравиплатформе, взиравший на окружавших из-за трехслойного фильтра, меняющего плотность в зависимости от освещения, ихтиоморф-клилкеш с непереводимым, но вполне произносимым звукоподражательным именем Блукхооп. Капсула сходна была с перламутровым яйцом полутора метров в диаметре и высотой около двух. Наполнял ее минеральный раствор, совпадавший по составу с естественной средой обитания на планете Фамфооп. Что там было внутри, не знал никто, и потому истинный габитус ихтиоморфа оставался загадкой для его собеседников. А

спросить впрямую всем, даже простосердечному Грозоездни-ку, казалось неуместным... Иногда из-за мутной пелены к прозрачному окошку вдруг всплывал равнодушный глазблюдечко, порой возникали толстые вывороченные губы с двумя парами усиков в углах рта, а иной раз мелькала белесая кисейная пелерина, растянутая между жесткими костяными лучами — не то плавник, не то хвост... В данный момент Блукхооп попросту плыл в своем яйце-скафандре по воздуху сбоку и чуть выше Грозоездника, легко касаясь его передней лапы трубчатым манипулятором. Никаких эмоций при виде Кратова он не обнаружил, никаких звуков приветственного свойства не издал. Лишь выглянул из своей капсулы на мгновение — зафиксировать факт прихода.

За Грозоездником и Блукхоопом, явно рассматривая их не как живые души, а скорее как самодвижущуюся домашнюю утварь, следовали три кошки — вначале обязательная для всех эльдорадских домов трехцветная, затем беспросветно-черная, замыкающая же была сиамского окраса.

Последним стремительно вышел как всегда изящный и загадочный Эрик Носов, почти подбежал к Кратову, тряхнул его руку, заглянул в лицо, сочувственно поцокал языком и так же стремительно унесся в пустовавшее кресло возле стены.

— Двадцать часов пять минут, — сказал Понтефракт и поставил бокал на круглый столик перед собой. — Все в сборе. Я включаю протоколирование. Возражений нет?

Выждав паузу, он плавно опустил палец на скрытый в столешнице сенсор.

Все взгляды последовали за его движением. Даже Блукхооп приник к окошку сначала одним глазом, затем другим, и сосредоточенно плямкнул губами.

Прошла минута, а то и больше.

Кратов кашлянул и подсел к столику.

— Такое чувство, что совещание можно закрывать, — промолвил он.

Агбайаби сухо рассмеялся, будто закашлялся.

— И в самом деле, — сказал он.

— Идиотское положение, — продолжал Кратов. — Не самые праздные люди в Галактике собрались в одном и том же

месте, чтобы из вечера в вечер раскланиваться, точить лясы о малозначащих вещах, слегка выпивать, — Понтефракт озадаченно покосился на свой бокал, — и расходиться ни с чем.

Грозоездник перебрал ходовыми лапами и издал серию свистков.

— Вы должны быть снисходительны, доктор Кратов, — зазвучал спокойный голос лингвара. — Во всяком случае, к своим собратьям по расе. У вас, людей, нет того опыта общения с эхайнами, что накопили мы, Офуахт. Вы не готовы к решению таких задач. И у вас не в избытке одно из самых замечательных качеств, которое хорошо в дуэлях с эхайнами.

— Терпение, — покивал Агбайаби. — Мы и вправду им не обременены. Наша ли в том вина? Век людской скоротечен. Вот мне, например, сто двадцать два года. И я здесь. Могу ли я, коллега Грозоездник, спокойно дожидаться, когда все разрешится само собой, ко всеобщему удовольствию и естественным порядком, если у меня каждый день на счету?

— Простите, доктор Агбайаби, — сказал арахноморф. — Я постоянно упускаю из виду, что вы, люди, даже не знаете дня своего ухода.

— Ухода — куда? — спросил Кратов.

Грозоездник вскинул передние лапы к высоким сводам.

— Туда, коллега, туда, — сказал он. — И отнюдь не в бескрайние просторы Галактики, а в хрустальные чертоги Создателя, держать ответ за дела свои...

— Я как специалист по психологии эхайнов, имею заявить следующее, — ожил лингвар Блукхоопа. — Терпение вовсе не является характерной чертой поведения объектов моего профессионального интереса. Преобладающая доля их поведенческих реакций падает на агрессивную часть эмоционального спектра.

— И это тоже связано с их сроком физического существования, — сказал Грозоездник. — Эхайны столь же недолговечны, как и люди.

— Это то немногое, что нас роднит, — усмехнулся Понтефракт.

— На самом деле вас роднит гораздо большее, — заметил Блукхооп.

— Разумеется, — сказал Агбайаби. — Они, как и мы, вертикальные гуманоиды, ведущие происхождение от теплокровных позвоночных. Они двуполы...

— Я имел в виду не это, — промолвил Блукхооп.

Агбайаби с терпеливой улыбкой ждал продолжения, но оно не последовало.

— Эхайны нетерпеливы, — сказал Грозоездник. — Зато терпеливы мы. Мы можем не торопиться. Мы можем вспомнить нашу историю, возобновить производство тяжелых осадных станций и заключить планеты агрессоров в неодолимое кольцо блокады. И ждать, покуда, изнуренные лишениями, они не сдадутся. Спокойно ждать так долго, как никто из них не в состоянии...

— На это потребуется какое-то время, — заметил Агбайаби. — Которого давно уже нет.

— Терпение, конечно, замечательное качество, — сказал Кратов слегка раздраженно. — Но вот все мы здесь собираемся, коротаем досуг, чего-то терпеливо ждем... а в эту минуту десант эхайнов высаживается на очередную планету в том уголке Галактики, где мы меньше всего их ожидаем, и огнем и мечом диктует свою волю беззащитным жителям. Что я вам это объясняю, коллега Грозоездник? А их пиратские корабли перехватывают наши лайнеры. И жестоко, беспричинно уничтожают вместе с экипажем и пассажирами...

— Мы не можем разместить во всех обитаемых мирах вооруженные отряды Галактического Братства, — сказал Понтефракт.

— За неимением таковых отрядов, — кивнул Агбайаби. — Да, мы оказались не слишком подготовлены к такому повороту событий. Воевать мы не любим и не желаем. Мы желаем договариваться.

— А эхайны не желают, — сказал Кратов. — Они как раз желают заниматься разбоем и бандитизмом повсюду, где только им заблагорассудится.

— Вряд ли они отважатся напасть на Землю, — произнес Эрик Носов. — Мы, конечно, уже не те головорезы, что пару сотен лет тому назад. Но все же...

— Зато они могут напасть на наши колонии, — сказал Кратов. — И вырезать несколько миллионов, прежде чем мы расчехлим наше оружие...

— Так было, — сказал Грозоездник. — Когда мы прибыли на планету Оунзуш, там не было ни эхайнов, ни Офуахт. Живых Офуахт... И все горело. Вся планета — горела.

— Но воевать не хочется, — сказал Агбайбаби. — Ох, как все же нам не хочется воевать!

— Двенадцать планет, — сказал Носов. — Возможно, чуть больше. Средняя численность населения — миллиард. Что они перед мощью Галактического Братства?

— Да, я понимаю, — кивнул Агбайаби. — Акция устрашения. Атака сводными силами тех рас, что еще не распустили полностью свои армии. Скажем, Вифкенх или Ярхамда... ваших любимчиков, доктор Носов... Демонстративное разрушение нескольких военных баз. Показательный захват одной планеты.

— А что же, и захват! — сказал Носов с вызовом. — Имперские Хищники Ярхамда сделают это с таким блеском, с таким аристократическим шиком, что эти мясники эхайны пасти поразевают. И при этом не прольется ни капли невинной крови! — Он помолчал, словно устыдившись своего неожиданного энтузиазма. — Ну, почти ни капли...

— Но после этого Галактическое Братство придется называть как-то иначе, — сказал Кратов. — Галактическая Империя... Каганат... но уж никак не Братство.

— Рано или поздно эхайны будут среди нас, — сказал Агбайаби. — Вот за этим круглым столом, — он постучал сморщенным кулачком по столешнице перед собой. — Никуда им не деться, вот в чем парадокс. И мы не хотим, чтобы они помнили о пережитом унижении.

— А как же быть с нами? — спросил Грозоездник. — Мы-то уже унижены.

— И мы, — отозвался из своего узилища Блукхооп.

— Да и мы, в общем, тоже, — сказал Носов. — Пассажирский лайнер «Равенна». Двести душ, женщины, дети... что еще нужно, чтобы разъярить человека? Исследовательская станция на Зефире. Сорок душ. И, предположительно, стан-

ция с галактическим маяком на Форпосте... Кучка безответственных наглецов... каких-то жалких десять миллиардов особей... которая плюет в лицо Галактическому Братству.

— Должны же быть какие-то причины этому шабашу! — воскликнул Понтефракт. — Мы просто их не знаем. Старые счеты, нарушенные табу... да мало ли что!

— Если бы знать причины, — сказал Агбайаби, — их можно было бы устранить. И скоренько сесть за стол договариваться.

— Вы правы, — сказал Блукхооп. — Причины должны быть. Кроме тех случаев, когда они могут отсутствовать.

— Что же тогда? — спросил Агбайаби.

— Эхайны, — Блукхооп назидательно воздел один из манипуляторов, — могут испытывать неприязнь ко всем, кто не эхайн.

— И выстроить на этом религиозный культ? — спросил Кратов.

— И выстроить на этом мировоззрение. То бишь не один, а ВСЕ культы. В том числе пресловутый «Кодекс Эхлидх», кодекс насилия. И объявить войну всей Галактике.

Наступило тягостное молчание.

— Господи, до чего же не хочется воевать! — снова сказал Агбайаби.

— Никто не хочет воевать, — сказал Грозоездник. — Даже мы, униженные. Война — предприятие отвратительное, противное самой природе разумного существа. Поэтому мы, исполнившись терпения, ждем озарений, открытий, нового поворота событий здесь, на Эльдорадо. Хотя наши инженеры восстанавливают древние проекты тяжелых осадных станций... А тысячи наших коллег точно так же ждут чуда и перемен в других уголках мироздания... куда могут заглянуть эхайны.

— Что им может понадобиться на Эльдорадо? — пожал плечами Кратов.

— Это типичный галактический перекресток, — сказал Понтефракт. — С явным преобладанием гуманоидных рас. Здесь легче не выделяться, проще затеряться. Аппарат социального контроля — в значительной степени дань формально-

сти. Эхайны могут еще какое-то время уповать на фактор неожиданности и консервативность институтов Галактического Братства. Но если они не идиоты... не полные идиоты, то они должны понимать, что однажды мы решим защищать свои интересы. И они захотят узнать, где и как мы намерены это делать.

— Неужели мы так похожи? — недоверчиво сказал Кратов.

— Вы даже не подозреваете, насколько вы близки, — проворчал Блукхоп.

4.

— Вы что, угодили в стиральную машину? — спросил Конрад, мрачно рассматривая побитое кратовское тело.

— Пытаюсь пробудить в себе атавизмы, — уклончиво сказал Кратов.

— Вы профессиональный боец?

— Скорее, любитель острых ощущений.

— Оно и видно... Не спорю, когда-то вы уделяли спорту изрядное внимание, но теперь ваши мышцы говорят мне иное. — Конрад пробежал сухими и тонкими, словно скрученными из стальной проволоки, пальцами по плечам Кратова. Тот невольно поежился. — Был длительный перерыв в тренировках... лет примерно с пяток... затем они возобновились, но носили нерегулярный и даже сумбурный характер. Да и в настоящее время нельзя сказать, что вы ведаете, что творите. И уж, разумеется, никаких следов профессиональных спортивных травм!

— Вам бы на Буканерах работать проскопистом, — промолвил Кратов. — Видите ли, я ставлю на себе некий эксперимент...

— Эксперимент! — поморщился Конрад. — Что бы вы из себя ни изображали, интеллект и образование несмываемо отпечатаны на вашем лице. Под гематомами и ссадинами этого не скрыть. Так что пока вы, с намертво впечатанным в подкорку уважением к личности и врожденным отвращением к насилию, будете играть в гладиатора, вас необратимо деформируют. Не знаю, господин Кратов, что за эксперимент вы над собой ставите, но пока он вам не на пользу... — Он обошел кругом, оценивая поле деятельности. — Там, где вы развлекаетесь, что — массаж не делают?

— Отчего же, — ревниво возразил Кратов. — Делают, и неплохой. Сам же Ахонга и делает.

— Знаю такого, — проворчал Конрад. — Дерьмо он, а не массажист. Жалкий дилетант. Как и всякий в своем деле на этой несуразной планете. Клянусь кошкой, целая планета дилетантов!.. Ну-ка, сделайте пару приседаний. — Кратов подчинился. — Как это у вас еще колени гнутся?!

— Должны быть планеты профессионалов. — заметил Понтефракт, скромно — в той мере, в какой это понятие было применимо к его гигантской фигуре — притулившийся в уголке комнаты, с неизменным бокалом и не зажженной сигарой. — Например, Титанум, мир экспертов по выживанию. Должны быть планеты бездельников. Например, Амрита. И, вне всякого сомнения, просто обязаны быть планеты дилетантов. Где каждый может заниматься чем хочет. Удовлетворить любую фантазию. И не опасаться, что какой-нибудь ретивый профи упрекнет его в дилетантизме.

— За каким же чертом вы сволокли сюда столько профессионалов? — удивился Конрад. — Гладиаторы, ящеры шипоносные...

— Что вы, что вы! — протестующе замахал сигарой Понтефракт. — Да разве же мы профессионалы! Смешно даже говорить об этом... Здесь только один профессионал, и это вы, Конни, а мы — так, аматёры, погулять вышли...

— Есть люди, которые стали бы спорить, — сказал тот снисходительно. — А я не стану. Я уважаю свое дело и знаю себе цену. — Он еще раз придирчиво окинул взором Кратова. — Свежие гематомы... осаднения... рубцы эти дурацкие... откуда у вас эти рубцы, сударь? На механическую травму не похоже, скорее на ожоги.

— Были времена, когда я сражался не с людьми, а со стихией, — уклончиво ответил Кратов.

— Хорошо, — сказал Конрад с интонацией, из которой явствовало, что напротив, все было из рук вон плохо, безнадежно и совершенно непоправимо. — Ложитесь и расслабьтесь. — Кратов привычно откинулся на спинку глубокого кресла, обитого белым бархатом, что приятно щекотал между лопаток и холодил кожу. Спинка плавно поплыла книзу, превращая кресло в ложе. — Правильно, что вы пришли ко мне, а не к какому-нибудь костоправу с Буканеров...

— Это я его привел! — похвалился Понтефракт.

— Что бы вы хотели починить в первую очередь? — спросил Конрад.

— Лицо, — с готовностью ответил Кратов. — Меня уже пробовали... гм... чинить. Но, как видите, без особого успеха.

— Пробовали! К вам даже не прикасались! К вам даже близко не подходили!

— Отчего же, прикасались, — из чувства справедливости возразил Кратов, вспоминая Лолиту. Конрад негодующе зашипел, и он счел за благо сменить тему: — А что у меня еще не в порядке?

— Легкий разрыв внутренних тканей в области «плиты Геркулеса», — пояснил Конрад и шлепнул его по животу. — Множественные растяжения сухожилий всех конечностей. Если не исправить, завтра вы будете передвигаться в раскорячку, будто краб или этот... Грозоездник. Растяжение портняжной мышцы...

— А есть такая? — благоговейно спросил Кратов.

— Еще и не такая есть, — сказал Конрад. — А теперь прикройте глаза и молчите.

Он щелкнул пальцами, и в потолке разверзлась щель, откуда на Кратова стала опускаться вогнутая панель с обилием светящихся глазков, трубок и присосок и еще каких-то страшноватых на вид приспособлений. Кратов тотчас же зажмурился.

Понтефракт, со смесью любопытства и опаски наблюдавший за манипуляциями Конрада, крякнул и осведомился:

— Можно я закурю?

— Можно, — кинул Конрад через плечо. — Если хороший табак. Не повредит.

— Это «Луга Ахеронта», — осторожно сказал Понтефракт.

— Сойдет. То немногое, что умеют делать на этой дурацкой планете.

— Вообще-то я здесь родился и живу, — заметил Понтефракт уязвленно.

— Я тоже родился здесь, — пробурчал Конрад. — Но живу поближе к профессионалам.

Понтефракт раскурил сигару и выпустил несколько затейливо перевитых клубов тугого дыма. Кратов сквозь смеженные веки проследил, как они всплыли к потолку, меняя форму и цвет, и там сгинули в вентиляции.

— А что, Грозоездник тоже посещает ваш салон? — осведомился он.

Понтефракт захохотал, а Конрад с раздражением сказал:

— Рыбные ряды он посещает на Морском базаре, вот что! Скупает всех карараков и паукрабов, а потом втайне оплакивает и хоронит на территории своего посольства...

5.

— Вы готовы слушать, доктор Кратов? — строго спросил Абель Агбайаби. — Возможное отсутствие ваших реплик поможет мне изложить все в связной и компактной форме.

— На моих устах печать внимания, учитель, — смиренно промолвил Кратов.

— По вашей просьбе я подобрал наиболее любопытные сведения об эхайнах из своей коллекции. Те, что могли ускользнуть из нашего общего поля зрения.

Агбайаби поерзал в необъятном, напоминающем затейливо взбитую перину кресле, умащивая свое дряхлое тело поудобнее. Слабым движением включил лежащий на краю стола архаичного вида мемограф. Кратов, затаив дыхание, следил за его манипуляциями. Он сразу вспомнил, что во времена его юности такие штуковины ласкательно-уничижительно назывались «мемками». А сам мэтр уже тогда был мэтром.

— Ну-с, так, — задумчиво проурчал Агбайаби. — С чего бы и начать... Предысторию наших контактов с эхайнами, полагаю, можно смело опустить... Что нам известно об эхайнах в данный момент. Пять звездных систем, двенадцать полностью заселенных планет и какое-то количество колонизированных. Каждая система по причине значительного удаления от метрополии культурно и экономически обособлена, что не мешает им с гордостью сознавать себя частью единого великого этноса или, как они себя называют, «Рукой». В итоге мы имеем странноватый организм, состоящий из головы-метрополии и четырех различной длины и мускулистости рук. Означенный организм называет себя Эхайнор [1] и весьма агрессивен по отношению к сопредельным этносам, его руками не являющимся.

---

[1] Разъяснение некоторых эхайнских имен собственных и терминов приводится в словаре в конце книги.

— Это я знаю, — ввернул Кратов.

— Еще бы... Столицей Эхайнора является мегаполис Эхайнагга, что находится на планете-метрополии Эхайнуола. Там, собственно, и зародилась цивилизация эхайнов, оттуда пошла распространяться по Галактике эта чума.

Эхайнуолу и звездную систему, которая именуется опять-таки Эхайнор и включает четыре обитаемых планеты, населяют так называемые Красные Эхайны, самая многочисленная этническая группа. Она же самая консервативная и, как представляется, выступающая в качестве катализатора звездной экспансии. Там расположены главные военные производства, лаборатории, а также Генеральный штаб и вообще все основные органы управления Эхайнором.

На вершине административной иерархии находится квинквумвират, то есть пять соправителей мужского пола. На «*эхойлане*», языке Красных Эхайнов, он называется «*Георапреплукш*», что способен выговорить далеко не всякий земной эксперт по Эхайнору... Титул каждого из великолепной пятерки — «*гексиам*», что можно перевести как «император»... если согласиться с мнением некоторых исследователей, что Эхайнор по своему социальному устройству не конфедерация, как, например, скромно полагает ваш покорный слуга, а империя. Достоверно известно, что власть любого из гексиамов-императоров безусловна в каждой из Рук. Явиться, принять знаки поклонения, казнить и помиловать — самое обычное дело... В то же время был прецедент, когда верховный правитель одной из Рук, а именно — Светлой Руки, не подчинился распоряжению гексиама, и ничего экстраординарного не произошло.

— Это любопытно, — пробормотал Кратов.

— А уж как нам-то было любопытно! К сожалению, подробности прецедента до нас не дошли... Так вот, указанный высший орган управления Эхайнором из соображений терминологического единообразия и... гм... экономии фонетических усилий решено было именовать Империумом. Хотя, повторюсь, есть аргументы как «про», так и «контра». Например, похоже, что никто из Императоров не состоит в родстве друг с другом. Но должность эта явно не выборная... Теперь о Ру-

ках. Их четыре... это я уже говорил. Черная Рука, чья столица Эхайнетт располагается на планете Эхитуафл. Светлая Рука, со столицей Эхайнанн на планете Эхлнамар...

— Обязательно, чтобы начиналось на «э»? — вскинул брови Кратов. — Как в паршивом бульварном романе!

— А обязательно перебивать старших?! — поморщился Агбайаби. — Ведь есть еще Лиловая Рука, со столицей Гхагуашк на планете Гхакнэшк. И, наконец, Желтая Рука, столица — Маккиол на планете Маккиутьефе...

— Тоже не подарок, — проронил Кратов.

Агбайаби сделал вид, что не расслышал.

— Основной характеристикой Руки как социума является прежде всего этническая однородность, — продолжал он. — Разумеется, и там существуют народы, народности и даже племена, но разброс расовых признаков в пределах одной Руки весьма невелик. То есть не сравним с той картиной, какую мы имеем удовольствие лицезреть на Земле и даже в пределах этого помещения. Всякий эхайн, окинув беглым взглядом собеседника, мгновенно определит его принадлежность к той или иной Руке, хотя может попасть в заблуждение относительно его субэтнических корней.

— Цвет кожи? Лепка лица? — спросил Кратов.

— И то, и другое, и все остальное, из чего слагается обобщенный портрет расы. Удивительно размыты, между тем, окажутся языковые различия. Имперским языком Эхайнора является «эхойлан», язык метрополии. Скажу честно, более трудного языка я в своей практике не встречал. Возможно, у меня не тот уже возраст, да я никогда и не был достаточно способен к языкам! — Мэтр с негодующим выражением лица завозился в своем кресле, а Кратов насмешливо подумал: «Кокетства в вас, сударь, не меньше, чем в секретаршах Магистрата! Можно подумать, я не ваш «Сравнительный семантический анализ титанийских рун» штудировал... да и комментарии к программе освоения того же «эхойлана» — чьих рук дело?!» — Ну, бог с ним... Каждая из Рук говорит на своем диалекте, который отличается от имперского языка, но не настолько, чтобы возникали трудности в понимании. Есть и внутриэтнические субдиалекты... Тем не

менее этот феномен языкового единства еще ожидает своего исследователя.

— Если космическую экспансию Эхайнора начала компактная этническая группа, — предположил Кратов, — то нет никакого феномена. Они просто разнесли один и тот же язык по всем звездным системам.

— Это всего лишь одна из гипотез, — согласился Агбайаби. — Из тех, что лежат на поверхности. И она на общих основаниях нуждается в исследованиях и фактах. Которых у нас пока нет... Далее: каждая Рука есть также и сложное экономическое сообщество высокой степени обособленности. Не автаркия, конечно, но близко к тому. Торговля между Руками развита слабо. Культурный обмен, хотя и декларативно поощряется метрополией, фактически отсутствует. Социальная интеграция близка к нулю. Смешанные брачные союзы — чудовищная редкость. Я даже рискнул бы предположить, что Эхайнор — это империя на последней стадии вырождения перед распадом и диссипацией — кабы не полное отсутствие центробежных сил! Эхайнам безразличны соседи — но нет и желания отделиться.

— Что ж, вполне здравый подход, — заметил Кратов. — Когда соседство не в тягость, зачем же разлетаться?

— Эхайнор очень привержен традициям и обычаям. Существует строгое деление на социальные касты. Иерархические правила неукоснительно соблюдаются, их нарушение осуждается и преследуется по закону. Руки находятся с Эхайнуолой в отношениях жесткого вассалитета — и этим все сказано.

— То есть, теоретически возможно, чтобы левая рука не ведала, что творит правая, — сказал Кратов, — но от туловища им все равно не оторваться.

— У нас возникли большие затруднения, как обозначить титул или, если угодно, должность верховного и единоличного правителя каждой из Рук. Архонт? Герцог? Генерал-губернатор? Или, что уж вовсе ни в какие ворота не лезет — президент?! Каждый из этих терминов чересчур перегружен привычными земными реалиями.

— Руководитель Руки! — фыркнул Кратов. — А как это звучит по-эхайнски?

— «*Гекхайан*», — сказал Агбайаби.

— Вполне терпимо...

— Согласен, терпимо — для вас, ксенолога-практика, владеющего несколькими экзотическими языками, к примеру — языком иовуаарп. А как быть остальным?.. Как всегда, на помощь пришла древняя и вечно юная Эллада. Греческий язык помог завуалировать наше лингвистическое скудоумие. В обиход был введен спекулятивный термин «хирарх».

— Кем? — с живейшим интересом спросил Кратов.

— Не помню... неважно... Власть хирарха в пределах Руки безгранична и неоспорима. Своими решениями он определяет военную, экономическую и национальную политику социума. Разумеется, есть правительство, есть административные органы всех уровней. Но политическую ответственность несет хирарх. И, как я уже говорил, он может прекословить даже Империуму.

— Что будет, если хирарх примет неверное решение?

Агбайаби хохотнул.

— Что есть неверное решение, коллега? — возгласил он. — Это такое решение, чья основательность хотя бы кем-то подвергается сомнению. В Эхайноре нет традиции обсуждать решения вышестоящего чиновника, и уж наипаче — хирарха. Все решения хирарха верны по определению.

— А если он спятит? — не унимался Кратов. — Прикажет всем в течение часа покончить с собой?

— Прецеденты нам неизвестны. Я возьму на себя смелость предположить, что существуют скрытые механизмы социальной самозащиты, дремлющие законы, о которых мы просто не знаем.

— Очень будет неприятно узнать, — проворчал Кратов, — что Эхайнор нападает на Галактическое Братство исключительно по приказу сбрендившего Империума...

— Я могу продолжать? — ядовито осведомился Агбайаби.

— Молчу, — поспешно сказал Кратов. Мэтр отверз уста, и Кратов тотчас же его перебил: — Последний вопрос, учитель... Хирарх — это наследуемый или выборный пост?

— Неизвестно! — прорычал Агбайаби.

— Молчу! — завопил Кратов и с деланным испугом зажал рот ладонью.

Примерно с минуту Агбайаби пыхтел и ворочался, свирепо уставясь на «мемку». Наконец заговорил, понемногу увлекаясь:

— Первой, если так можно выразиться, по силе является Черная Рука. После Красных Эхайнов именно она доставляет нам наибольшие хлопоты. По косвенным данным, штурмовики Черной Руки повинны в трагедии на планете Оунзуш. Мы же склонны подозревать их в нападении на Зефир. Черные Эхайны славятся своим темпераментом, необузданным нравом и даже среди сородичей слывут грубиянами и головорезами. В отличие от эхайнов Светлой Руки, которые, напротив, считаются хладнокровными, сдержанными в проявлениях эмоций, рассудительными. Что не делает их менее опасными противниками, а скорее даже наоборот.

— Поподробнее, пожалуйста, — сказал Кратов.

— Извольте. Нашим достоянием стали факты многочисленных мелких конфликтов между Красными и Черными Эхайнами. Эти две народности друг дружку явно недолюбливают. Вот данные информационных перехватов. По локальным коммуникационным каналам Черной Руки циркулирует видео-версия эпической драмы «Отроги Гмихиве», где Красные Эхайны утрированно и неуважительно выведены в качестве отрицательных персонажей.

— Ну, это еще ни о чем не говорит!

— Но в каталогах сценических действ, разрешенных к демонстрации по всему Эхайнору, эта драма не значится. Как не значится и киноэпопея «Рейд на Деамлухс», повествующая о вооруженном конфликте между Черными и Красными Эхайнами в территориальном споре за планету Деамлухс. Можно было бы отнести сей опус к жанру фантастики, кабы не то обстоятельство, что планета Деамлухс реально существует, принадлежит Черной Руке и носит следы широкомасштабных военных действий с применением оружия массового уничтожения типа тяжелых фограторов.

— Ничего удивительного, — хмыкнул Кратов. — Удивительно то, что они, с их агрессивностью, до сих пор не перегрызли друг другу глотки...

— И на сей счет имеется версия, — сказал Агбайаби со внезапно пробудившимся воодушевлением. — Что Импери-

ум, трезво оценивая угрозу междоусобиц, во время оно разумно обратил негативную пассионарную энергию всего эхайнского этноса вовне, на звездную экспансию. Но следы внутренних трений никуда не исчезли, хотя и в значительной степени сгладились... или были принудительно подавлены. А в культуре Черной Руки сохранились особенно отчетливо. И это дает нам в руки хороший козырь. Наши специалисты изучают возможность искусственного подогревания этого подспудно тлеющего внутреннего конфликта с тем, чтобы... как бы это поточнее выразиться... сызнова стравить две самые мощные этнические группы в борьбе за верховенство в Эхайноре. Чем ослабить оный изнутри и надолго отвратить от опасных — главным образом, для самих эхайнов — планов агрессии против Галактического Братства.

— Это слабо сочетается с основными нравственными принципами Галактического Братства, — заметил Кратов.

— Еще бы! — воскликнул Агбайаби. — Но это вынужденная оборонительная мера. Это политика!

— Не думал, что от политики несет трупным душком, — сказал Кратов с непонятной интонацией.

— Война, друг мой, не лучшее времяпровождение, — сухо сказал мэтр. — Любители белых перчаток и розовых очков изволят не утруждать себя участием... В утешение вам, доктор Кратов, скажу, что мы вовсе не заинтересованы в том, чтобы столица Эхайнора вдруг переместилась из Эхайнагги в Эхайнетт. Красные все же не такие сумасброды, как Черные...

— Вы уверены, что утешили меня? — буркнул Кратов.

— Мы имеем также сведения о трениях между Желтыми и Лиловыми Эхайнами. Но эти две Руки малочисленны и серьезного влияния в Эхайноре не имеют. Мы даже не знаем, участвуют ли они в самостоятельных военных операциях. Поэтому нам, по большому счету, на них наплевать. До поры... Это не значит, что мы не учитываем их в своих проектах. Например, эти Руки весьма хороши в качестве плацдарма для внедрения разведывательных групп. Да мало ли что...

— Вы начали с того, что Светлые Эхайны более опасны, нежели все прочие, — напомнил Кратов.

— Я к тому и веду. У нас есть планы, направленные на ослабление любой из Рук — кроме Светлой. Причина кроется в их пресловутой холодной рассудительности — по эхайнским, разумеется, меркам. Самый флегматичный Светлый эхайн рядом с самым экспансивным итальянцем, грузином или юго-нирритийцем Эльдорадо покажется несдержанным холериком... Тем не менее Светлая Рука поддерживает прохладно-ровные отношения со всеми соседями, безукоризненно лояльна к метрополии и снисходительно сдержанна к экстремистским поползновениям Эхайнетта. В коммуникационных каналах не замечено никакого компромата. Обычная смесь экстатического милитаризма, насилия и эротики. Между тем, Светлые — это гвардия Эхайнора.

— Латышские стрелки, — проворчал Кратов.

— Что? — переспросил Агбайаби.

— Когда в России к власти на короткое время пришли коммуно-утописты, — пояснил Кратов, — они обзавелись собственной гвардией — латышскими стрелками. Это были самые преданные слуги режима и самые безжалостные каратели. Хотя латыши традиционно считаются рассудительной и чуточку флегматичной нацией.

— Наверняка с массой искусственно приглушенных националистических комплексов, — предположил мэтр. — В том числе и с комплексом превосходства, что оправдывало в их глазах жестокость по отношению к низшим, по их мнению, существам... Впрочем, здесь я не специалист. И, кажется, я просил не перебивать!

— Да, учитель, — потупился Кратов.

— Составляя по оценкам лишь пятнадцать процентов от общей численности эхайнов, Светлые образуют до пятидесяти процентов персонала элитных штурмовых отрядов и до семидесяти — в охране самого Империума. Двое из Императоров — предполагаемые выходцы со Светлой Руки. Подтверждено, что «Равенну» сожгли именно Светлые. Да и Форпост, пожалуй, тоже их дело...

— Расскажите мне про Светлых Эхайнов, учитель, — попросил Кратов.

— О! — скрипуче рассмеялся Агбайаби и захлопнул крышку «мемки». — Зверь-Казак учуял настоящего противника! С ним, коллега, вам будет посложнее разобраться... нежели с Серпом Люцифера. Хотя вы и углубленно штудируете все известные человечеству культы силы... Кодекс Эхлидх, он же Кодекс Силы — штука серьезная. Вам еще не доводилось сталкиваться с таким вызывающим, дерзким пренебрежением к правам личности, как эхайнский Кодекс Силы! Это вам не «бусидо», как вы опрометчиво полагали месяц назад. Это вам не «ниндзюцу», как вы надеялись два месяца назад. Это — религия, это — modus vivendi... Что означает «образ жизни». Учите латынь, друг мой.

— Для чего? — удивился Кратов.

— К приезду Озмы. Вам же захочется понимать слова ее дивных песен... Эхайны впитывают Эхлидх с молоком матери и живут с ним сколько могут. Потому что Эхлидх поощряет унижение слабых. С пеленок эхайн доказывает, что он сильнее всех других эхайнов. Избить слабейшего почетно. Убить поверженного не стыдно. Ударить сзади есть доблесть. Тот, кто позволил подобраться к себе сзади, виноват сам и не заслуживает уважения. Изнасиловать женщину не преступление, а проверка мужских достоинств. Если она сопротивляется, то получает удовольствие. Если она не позволила надругаться над собой, то заслуживает уважение мужчин. Если позволила — всякий будет вправе насмехаться над ее бедой. Однако насильник должен быть готов к тому, что лучший воин в семье вызовет его на ритуальный поединок...

— «Суд справедливости и силы», — ввернул Кратов.

— Именно... Только это не рыцарский турнир в присутствии сиятельных особ. И не дуэль, когда противники долго расшаркиваются, демонстрируя глубочайшее уважение друг к другу, и расходятся после первой крови. Это бой двух лютых зверей, преследующий цель не защитить чью-то честь, а убить соперника. Без правил и без жалости. Если у тебя фогратор, а у противника — две голые руки, это его беда... Вы, на своем ринге, в своих замечательных синих панталонах, можете ли выдавить противнику глаза, откусить мизинец или оторвать гениталии?

— Мочь-то я, конечно, могу, — рассеянно сказал Кратов. — Но не стану, вот в чем разница.

— У нас есть запись одного перехвата, — сказал Агбайаби. — Он был снят с локальных коммуникационных каналов Светлой Руки. Помимо официальных, там есть и так называемые «пиратские» видеосети. По ним циркулирует информация, распространение которой может преследоваться по закону. Забавно было узнать, что Эхайнор способен подчиняться каким-то законам... Так вот, «пиратские» сети иногда поставляют нам чрезвычайно любопытные сведения! Но то, что было снято в этом случае, не дало нам ничего нового, кроме наглядной демонстрации Кодекса Силы в действии. Это была запись одного из «судов справедливости и силы». Сначала, содрогнувшись, ее хотели просто уничтожить, но что-то помешало. А теперь, я думаю, вам будет полезно ее увидеть. — Агбайаби помолчал. — Чтобы вы распрощались с иллюзиями.

— Вы полагаете, у меня есть иллюзии? — изумился Кратов.

— Полагаю, в избытке, — покивал мэтр. — Иллюзия первая: изучение земного опыта и практические занятия на ринге помогут вам понять психологию противника. Иллюзия вторая: накопленные знания позволят вам лично принять участие в каких-либо операциях на территории эхайнов. Иллюзия третья: Светлые Эхайны — те, с кем можно договориться.

— Вы читаете в моей душе даже то, что там еще не написано! — засмеялся Кратов.

— Милый мой, наивный доктор ксенологии! — сказал Агбайаби по-отечески прочувствованно. — Вы всегда работали в дружественной или, по меньшей мере, индифферентной среде. Вы привыкли к мысли, что в любой ситуации можно договориться. Что проявление враждебности есть лишь следствие недопонимания. Но здесь — все не так! Здесь вам придется иметь дело с врагами убежденными. Которые искренне вас ненавидят, желают вам медленной и мучительной смерти и не упустят возможности таковую вам причинить. И в этом ряду самые наивраждебные враги — Светлые Эхайны. Потому что в своей к вам ненависти они руководствуются не чувствами, а разумом. А нет ничего

страшнее разума на службе у ненависти... И Эхлидх, к слову сказать, создали именно они.

— А ЭМ-технику для Эхайнора тоже они создали? — спросил Кратов.

— Нет, — сказал Агбайаби. — ЭМ-техника у них наша.

— Постойте-ка: получить ее они могли не так давно, ненамного позже нас... Это что же — они освоили пять звездных систем и заселили двенадцать планет, не имея собственной технологии дальних космических полетов?!

— Да есть у них собственная технология, — вяло отмахнулся Агбайаби. — «Нитмеаннар», что в переводе означает «Выстрел из большого лука». Возможно, божьим попущением вы знакомы с нашими экспериментами по пронизыванию гравитационных пространственных уплотнений?

— А были такие? — удивился Кратов.

— Были. Только мы начали работы в этом направлении триста лет назад и вскорости свернули по причине дороговизны и отсутствия скорого и ощутимого эффекта, как это всегда и бывает. А тут и приспело время нам вступить в Братство, где с нами охотно поделились ЭМ-техникой. Эхайны же, начав примерно в то же время, от своего не отступились и довели исследования до конца. И обрели собственный способ перемещения в субсвете на расстояния до пятидесяти световых лет в разумные сроки. То есть за одну эхайнскую жизнь можно было слетать туда и обратно. Что они и делали до самого недавнего времени. Но вы правы, авторство «нитмеаннара» бесспорно принадлежит Светлым Эхайнам. Конечно, это была не ЭМ-техника, но все же...

— Но ведь они тоже были в Братстве!

— Период добрых отношений между Галактическим Братством и Эхайнором действительно имел место. — Лицо Агбайаби жалко сморщилось, словно он вдруг глотнул неразбавленного лимонного сока. — Был он весьма непродолжителен. Однако же, все выглядело пристойно и в самом радужном свете. Эхайнор стал ассоциированным членом Братства и на этом основании получил доступ ко всем достижениям нашей науки и техники. Включая ЭМ-технику, которая, разумеется, оказалась проще, надежнее и экономичнее «Выстрела из

большого лука». Есть мнение, что за тем они и пошли на временную сделку со своими убеждениями, требующими видеть в чужаках лишь врагов. Как теперь представляется, это был типичный для эхайнов вероломный трюк. Обмануть врага — не стыдно...

6.

Обходя выстроившиеся неправильным полукругом, размалеванные в яркие цвета скиды с охотниками, старшина загонщиков повторял одно и то же: «Ждите сигнала. Его уже подняли. Очень большой...» Кратовский скид, ядовито-желтый, был украшен натуралистически изображенной рожей Медузы-горгоны, прическа которой могла бы служить наглядным пособием по герпетологии. Двигатель уже работал, и машина, похожая на гигантский башмак, нервно подрагивала. Кратов надвинул на лицо прозрачную полумаску и в который уже раз пожалел, что не облачился в легкий скафандр модели «конхобар». В конце концов, скафандр тоже можно было утыкать ковбойской бахромой, увешать тряпьем и расписать до неузнаваемости. Впереди лежало болото Пангелос, тысяча квадратных километров непролазной вонючей трясины, едва подернутых тухлой водицей. И вся эта дрянь на протяжении нескольких часов будет лететь ему в лицо.

Охотник справа, крупный мужик в белой накидке вроде савана, крепко сомкнув челюсти, смотрел вперед застывшим взглядом. Его руки в белых же перчатках спокойно лежали на рулевой дуге скида-альбиноса. Ружье уже загодя болталось за спиной (в отличие от кратовского, что валялось под сиденьем). Охотником слева была долговязая, жилистая дама в лиловом комбинезоне и высоких ковбойских сапогах. Голова ее была обвязана плотным красным платком и увенчана широкополой шляпой, глаза прикрыты огромными стрекозиными очками, так что лица не разобрать. Дама взволнованно привставала в стременах, попусту терзая руль нежно-алого в белую полоску скида. «Наверное, я выгляжу не лучше», — подумал Кратов и убрал руки от руля на колени.

Снова подошел старшина.

— Уже идет, — сказал он. — Очень большой и очень злобный. Может, кто хочет отказаться?

Фирме было выгодно, чтобы клиент отказался — деньги в таком случае не возвращались. Кратов отрицательно помотал головой.

— Там, на Пангелосе, у вас с ним будут равные шансы, — продолжал старшина. — Хотя вы и с ружьем. Кстати, где оно? Достаньте и держите наготове. Он все равно увидит вас первым. И тогда вы можете не успеть.

Кратов подчинился. Старшина придирчиво обошел его скид кругом, зачем-то потолкал в холку и направился к Лиловой Амазонке. Кажется, он и ее предупреждал о равных шансах.

Белый Саван неспешно поднял руку и простер перед собой.

— Слышите? — спросил он.

Кратов непонимающе передернул плечами.

— Это он воет, — сказал Белый Саван. — Его разозлили. Но он не станет охотиться на нас. Это все брехня. Он будет улепетывать вглубь болота, чтобы снова залечь. Какой бы большой он ни был, циклоп хочет одного: чтобы его оставили в покое.

Кратов не слышал ничьего воя и не чувствовал ничьего присутствия, кроме охотников.

— В фирме мне говорили иное, — сказал он. — И показывали статистику.

— Брехня, — повторил Белый Саван. — Это статистика смертности среди дураков и трусов. Заяц, зажатый в углу, тоже способен вспороть вам брюхо задними лапами. Вы знаете, что такое заяц?

— Я с Земли, — веско заметил Кратов.

— Просто не нужно зажимать циклопа в углу. Нужно, чтобы он до конца сохранял иллюзию выхода. Он хочет, чтобы от него отстали. А я хочу его голову. Кто-то из нас двоих будет разочарован.

Кратов поморщился. Не нужна ему была ничья голова. Конечно же, он знал, зачем пришел сюда. Знал, что его ожидает и что за публику он здесь встретит. Не думал только, что ему будет до тошноты противно внимать всему этому воинственному бреду... Он поглядел на Лиловую Амазонку. Та вы-

глядела более решительно, чем несколько минут назад. Должно быть, слова старшины добавили ей азарта. Впрочем, только выглядела: на самом деле, Кратов воспринимал исходящую от нее волну ледяного ужаса пополам с ненавистью. Насчет ужаса все было понятно. С ненавистью было сложнее. Не могла же эта женщина так люто ненавидеть циклопа, который никогда до этого дня и дороги ей не перебегал... Ощутив взгляд Кратова, она высокомерно приподняла острый подбородок.

— Это мой циклоп, — сказала она с вызовом. — Я хочу, чтобы он напал на меня. Я ему оторву его поганые лапы. Оторву ему яйца.

— У циклопа нет наружных половых органов, — осторожно заметил Кратов.

Белый Саван коротко хохотнул.

— Вырвите ему печенку, леди, — посоветовал он. — Не то он использует свой шанс лишить вас вашего роскошного бюста.

Лиловая Амазонка открыла рот, чтобы ответить (ее бюст можно было назвать роскошным лишь в издевку), и в это мгновение взвыла сирена.

— Вперед, вперед! — заорал чей-то голос, многократно усиленный динамиками. — Не отставать! Кто не успел, тот опоздал! Да веером, веером расходитесь, не то побьете скиды и сами побьетесь! Зверь вас дожидаться не станет, дерьмо вы этакое!

Белый скид прянул с места прежде других и привидением канул в смрадное марево. Строй разрушился. Теперь каждый был за себя, и один циклоп — против всех. Лиловая Амазонка звенящим от негодования голосом изрыгала страшные проклятия, пытаясь стронуть свой скид. Кажется, она забыла включить сенсоры высоты. «Голубая пипка под рулем!» — крикнул ей Кратов и бросил свою машину по-над трясиной.

Воздушная волна, катившаяся перед тупым рылом скида, вздымала буруны отвратительно-зеленого цвета. Воняло застарелой падалью. Хорошо было бы поднять скид метра на четыре, но эта штука была специально устроена, чтобы лишь утюжить любую поверхность, слегка сглаживая неровности

рельефа. Минимум возможностей, минимум управления, максимум впечатлений для клиента — особенно, когда он, не одолев крутую кочку, с маху хлобыстнется рожей в грязь.

Добавим сюда отсутствие сколько-нибудь надежных органов ориентировки и выдранную с мясом «кошачью память». Добавим первобытную пукалку, работающую на принципе выталкивания биметаллического снаряда расширяющимися газами, вместо серьезного оружия. Добавим полное отсутствие техники безопасности. Настоящее испытание нервов, проверка на прочность, тест на излом... и тому подобная дребедень. На деле же — свободное высвобождение подавленной агрессии. Игры со смертью — если правда хотя бы треть из того, что наплели Кратову в фирме и присовокупил только что Белый Саван.

Такое можно встретить лишь на Эльдорадо и, наверное, на Тайкуне, куда, уж точно, ни один человек с остатками здравого смысла и слабейшим налетом цивилизованности не сунется.

Разумеется, локаторы также отсутствовали. С их помощью засечь друг друга и не в пример более крупную жертву (она же охотник) не составило бы труда. Но превратило бы опасную забаву в рутинную операцию.

Кратова это не касалось. Его обострившиеся, как всегда бывало в минуты опасности, чувства без труда улавливали эмоциональный фон всякого, кто оказывался неподалеку, даже неразличимый за пеленой испарений. Доминирующей составляющей, как правило, был страх. Эти люди умирали от ужаса перед тем, что ожидает их на любом из редких клочков неверной тверди, за любым спутанным клубком болотной травы-проволочницы, в любой подозрительно спокойной луже. И они пришли сюда, чтобы выдавить из себя этот ужас — заплатив за эту радость приличные деньги. Поэтому другой составляющей была ненависть — к себе, к одолевающему ужасу, к тому, что их ожидает. В таком состоянии человек терял остатки тормозов. (В фирме сказали: нередко охотники забывали о добыче и палили во все, что движется. В любую тень, в белый свет как в копеечку... друг в друга.) На этом уходящем из-под ног полигоне никому нельзя было подставлять спину.

Вдобавок Кратов надеялся, что когда циклоп окажется неподалеку, он сможет почувствовать и его. Он как-то испытывал себя, и ему без труда удалось прочитать эмо-фон китакасатки, слона и гориллы по имени Отец Тук. С определенным усилием он настраивался на эмоции Полкана и Мавки. (Никогда ему не везло с кошками. Эти хитрые твари словно обитали в другом психогенном измерении, наглухо отгородившись от людей, с которыми, казалось бы, тысячи лет делили кров и стол. И тут ничего нельзя было поделать.)

Наивно было бы полагать, что среди пятидесяти охотников не найдется никого, кто обладал бы теми же навыками. Особенно подозрителен в этом смысле был Белый Саван. И то, что читалось сейчас в эмо-фоне Кратова, красило его столь же мало, как и всех остальных. Тот же подлый страх, та же ненависть, то же зоологическое возбуждение, ни в каком родстве с благородным чувством азарта не состоявшее...

— Ы-ы-а-а-а!..

Метрах в десяти — и, что самое удивительное, во встречном направлении, — мимо Кратова пронеслось нечто бесформенное, истошно вопящее и ведущее беспорядочную стрельбу во все стороны. Над головой коротко и неприятно просвистело, перед самым носом скида выплеснулся фонтанчик от разрыва.

— Идиот сучий, мать твою в хобот! — проорал просто так, в пространство Кратов.

Между тем, светало. Над незримой линией горизонта где-то по ту сторону Пангелоса показался красноватый шар солнца, до неприличия размытый струями испарений. По условиям контракта все должно было завершиться до полного восхода. Как только светило целиком выкарабкается из трясины, а непроглядное марево осядет, загонщики на тяжелых гравитрах начнут собирать тех, кто уцелел. Брать каждого за шкварник и затаскивать на борт, согласен он на то или нет. По кратовским расчетам, веселью оставалось длиться чуть меньше часа.

— ...Дистанцию блюдите, не сбивайтесь в кучу, как стая трески!.. — оглушительно грянуло с небес.

Несколько секунд спустя это нелепое повеление повторилось теми же словами над совершенно пустым местом. Откуда

оно исходило, понять было невозможно. Какой-нибудь крохаавтомат, которому все равно — что и кому приказывать.

Кратов старался держаться в стороне от острия погони. На то у него были свои соображения. Что бы там ни плел Белый Саван, никакого циклопьего воя он не слышал. По его представлениям, все звуки, какие была способна издавать эта тварь, должны были лежать за порогом человеческого восприятия, в области низких частот. (В фирме сказали: вы сразу поймете, что циклоп рядом. Это ни с чем не спутать. Ни с того ни с сего вы обезумеете от страха, и это значит, что вы его нашли — или он вас. Вот здесь в контракте отметьте, что сами отвечаете за свое благополучие). Хотя, может быть, именно это Белый Саван и имел в виду.

Если циклоп и впрямь поет свои песенки в инфразвуковом диапазоне, то лучше держаться в стороне от охваченной самыми низменными страстями охотничьей орды, над которой полощется грязно-коричневое знамя злобы и страха, а впереди катится неумолчный воинственно-панический рев, упреждая всякого о приближении опасности. Циклоп постарается обойти эту слепую угрозу стороной. Сытый, он захочет укрыться от греха в глубине Пангелоса. Голодный — нападет на поотставшего одиночку, почитая его за легкую и необременительную добычу...

Скид перемахнул гряду кочек, метров сто пролетел по воздуху в ореоле из грязевых брызг и ухнул вниз, зарывшись носом в трясину. Руль едва не вырвался из рук Кратова, сиденье довольно чувствительно наподдало в зад. Рыча от ненависти, Кратов привстал в стременах и попытался вытолкнуть машину из зловонного бурого месива. Нога его не встретила сопротивления и разом погрузилась по колено. Скид опасно накренился и натужно взвыл. Из-под его салазок летели жирные комья. Кратов выругался самым безобразным ругательством, что пришло на ум, зажмурился и завалился назад. Сейчас он опрокинется к чертовой матери, утопит транспорт и, по всей вероятности, окажется в самом неприятном положении за все время пребывания на Эльдорадо... даже более неприятном, чем первый бой с Риффом Ниже Нуля, когда он вообще ничего еще не смыслил в тактике ведения поединков... ногу

ему выпростать явно не удастся, зато увязнет и задница, и ему придется лечь навзничь, раскинуть конечности, лежать без движения, таращиться в мутное небо и считать секунды до того момента, пока на него не набредут загонщики. И хорошо, если зыбь не расступится под ним до прибытия помощи. Либо же ему посчастливится, и скид выдерется из гнусного вязла, а заодно вынесет и седока, и тому повезет обуздать машину прежде, чем она влопается снова... Скид затрясся, как в лихорадке, но, кажется, освободился. Кратов открыл глаза — и ничего не увидел. Потом сообразил в чем дело, смахнул рукавом грязь с полумаски и, взревев, как дикий зверь, чувствуя, как хрустят сухожилия в прихваченной ноге, как трещит позвоночник, немыслимым усилием вернулся в седло. Все это время скид, рискованно загребая левым бортом, чертил по болотному киселю, где мерзко-бурому, а где и трупно-зеленому, широкую дугу... Кратов выправил машину, привел в действие сенсоры высоты (голубая пипка под рулем), хотя у него создалось серьезное подозрение, что они отказали, а то и отродясь не работали. Все проделывалось в большой спешке, потому что гряда кочек, которую он только что перевалил, уже снова надвигалась.

Скид отвернул в самый последний момент.

Кратов перевел дух. В ушах звенело, и в этом не стихающем звоне таяло эхо брошенных в небеса богохульств. В сапоге хлюпало. Казалось, грязь просочилась не только под одежду, но и под кожу. Ничего так не хотелось, как окунуться в бассейн с чистой, слегка подогретой, подсвеченной изнутри водой... просто в ванну... а хотя бы и под душ...

Машина старательно воспроизвела скрытую в курившемся тумане складку рельефа: сначала вздернула нос, затем клюнула и уж после всего, исполнив свой долг до конца, опрокинулась кверху днищем. Кратов, как раз в этот момент подгадавший со вдохом, втянул в себя добрую порцию болотной жижи. Его тотчас же стошнило на себя... Скид, укрывший его, словно гробовая крышка, ходил ходуном. Ослепший, оглохший и осатаневший Кратов барахтался в этом дерьме, не имея ни опоры, ни сил, и чувствовал, что тонет.

«Только не здесь. И не так».

Под распяленными ладонями, под коленями не было и намека на твердь. Метры, десятки метров слабо пружинящей волокнистой дряни. Наполовину состоящей из воды, на четверть — из древней торфяной взвеси, и еще на четверть — из полусгнивших останков таких вот безмозглых придурков, что ищут приключений на свою з-з-задницу!..

«Господи, не сейчас!»

Кратов с трудом сумел перевернуться на спину — прелая жидкость хлынула за шиворот. Содрал с лица никчемную, в три слоя покрытую грязью маску. Намертво вцепился в нависший над головой руль, забросил ноги в стремена. Застыл в этом положении, словно муха в паутине. Скид не собирался тонуть — значит, он не даст утонуть и незадачливому наезднику.

«Надеюсь, у этой калоши есть механизм автостабилизации». Кратов выждал с полминуты, но скид никак не обнаруживал стремления вернуться в натуральное положение. «Ни хрена у тебя нет, скотина!»

В конце концов, его жизни ничто серьезно не угрожало. И теоретически можно было бы даже вызвать по браслету помощь. Вряд ли только она появится. В контракте особо оговаривалось невмешательство посторонних организаций и служб в творящийся на охотничьем поле бардак до истечения установленного срока. Иначе какой во всем смысл, в чем риск и щекотание нервов?..

Да, разумеется, несомненно, жизнь и благополучие человеческого индивидуума есть высшая ценность. Всегда и повсюду.

Только не на Пангелосе.

Если ты считаешь иначе — не суйся в эти игры.

«Что я делаю? Зачем я здесь? Ах, да, охота на циклопа... Найти, загнать в угол и уничтожить. И получить удовольствие. Наверное, кому-то действительно в радость гнать и убивать, гнать и убивать. Тому же Белому Савану или этой бешеной стерве в лиловом тряпье... Но, бог свидетель, не мне. Я здесь лишний, я здесь по ошибке. Мне жаль потраченных на эту глупость энектов, но такой опыт стоит своей цены. И заберите меня отсюда поскорее.

Вообще-то я не прочь поглазеть на циклопа. Но лучше пусть это будет живой циклоп, где-нибудь в музее внеземных биосфер. Я согласен даже привести с собой парочку друзей. А друзья пускай прихватят своих женщин и детей, чтобы поудивляться и поахать вместе. И эмоциональный фон над нами будет витать самый что ни на есть здоровый, насыщенный добрыми, возвышенными, солнечно-оранжевыми тонами.

Что нужно, чтобы превратить человека в животное? Совсем пустяк: строптивая ездовая машина. Оружие — кстати, где оно?.. Добыча в берлоге. И много-много грязи».

7.

— Послушайте, Бруно, — сказал Кратов. — В общем я немного представляю себе профессиональный состав нашего «клуба любителей эхайнов». Но у меня есть неясности.

— У меня тоже, — проговорил Понтефракт. — По поводу моей скромной кандидатуры. Каким образом я-то затесался в этот паноптикум?!

Они неторопливо шли по тускло освещенной набережной Тойфельфиш, старательно обходя особенно подозрительные лужи. С одной стороны набережной тесно лепились друг к дружке бесчисленные конторы, офисы и увеселительные заведения, отражаясь окнами на мокрой брусчатке. С другой — гудел океан и бился в самого ненадежного вида ограждение. Тритоя принимала непременный по субботам косметический ливневый душ, который должен был снести с ее улиц накопившуюся за будни нездоровую пыль. Ливень был на славу, совсем как настоящий, с мелодраматическими перебоями и внезапными водяными обвалами. «Стоит человеку улучить свободную минутку и выйти прогуляться, — думал Кратов, — как на нежное и ласковое солнышко откуда-то наползают самого гнусного вида тучи, разверзаются хляби, и его лучший вечерний костюм обращается в использованное банное полотенце. А потом выясняется, что я просто не ознакомился с погодным графиком на текущую декаду. Это называется: везет, как утопленнику. Что следует понимать буквально. Однажды я выйду на улицу купить банку пива и захлебнусь под какой-нибудь гигиенической цунами...». Он грустно вздохнул и поплотнее запахнул свой плащ, который так и назывался — «дождевик». Насчет вечернего костюма он, разумеется, преувеличивал. Жеваные серые брюки простого местного покроя и дешевый серый свитер даже в таком вольнодумном мире, как Эльдорадо, не сошли бы за светский туалет.

— Перестаньте, Бруно, я серьезно... — продолжал Кратов. — Мэтр Агбайаби — величайший ксенолог современности, начал заниматься проблемой галактических конфликтов еще до моего рождения. Вы — ксеноэтолог, ваша тема — нестандартные межрасовые контакты и взаимодействия. К тому же, вы представитель местного самоуправления, наш гостеприимный и хлебосольный хозяин... — Понтефракт в смущении совершил отметающий жест своей неизменной сигарой. — Доктор Грозоездник — не только сторона, пострадавшая в конфликте... все мы пострадавшие стороны... но и видный специалист по истории оборонных астроинженерных систем. Коллега Блукхооп — выдающийся ксенопсихолог, специализирующийся в последнее время на эхайнах и только на эхайнах. А кто такой Носов?

— Ха! — воскликнул Понтефракт. — Носов!.. Эрик Андреевич Носов, друг вы мой, это фигура. Примечательная фигура! Это один из немногих сохранившихся и заботливо лелеемых... можно так сказать?.. пестуемых земными административными институтами экспертов по военным действиям. Бог, так сказать, войны. Вы, небось, думали, что Земля могущественна, но беззащитна перед лицом нагло демонстрируемой угрозы извне?

— Ничего я на этот счет вообще не думал, — признался Кратов.

Понтефракт кивнул на открытые двери ближайшего бара, откуда падал красноватый свет и неслась негромкая музыка.

— Зайдем? — спросил он.

— Почему бы и нет, — сказал Кратов. — Я сегодня еще не ужинал. Да и не обедал, впрочем. К тому же музыка мне нравится.

— Вы разбираетесь в джазе так же хорошо, как и в поэзии старого Востока, друг мой?

— То есть никак, ни в том и ни в другом. Я люблю эту поэзию. Даже не знаю, за что. Наверное, за простоту и ясность... чего всегда не хватает моему разуму. За кажущуюся простоту и недоступную ясность.

Издавна слышал
я о дороге, которой

мы напоследок пойдем...
Но что это будет
вчера иль сегодня, — не думал... [1]

Вы что-то поняли?

— Ну, в целом...

— А джаз я не люблю вовсе. Там нет ни простоты, ни ясности. Онанизм для виртуоза... Но эту мелодию, по меньшей мере, можно слушать.

— Это «Cantilena candida», из репертуара божественной Озмы, в вольной интерпретации нашего филармонического джаз-оркестра. Кстати, вы слышали, что Озма прилетает?

— Я не слышал, — проворчал Кратов. — Я видел. Вы забили весь город дурацкой рекламой.

— И слегка потеснили вас, с вашим мордобоем... Согласитесь, коллега, что всякая реклама изначально глупа. Это трюизм, даже не требующий пояснений. Но если уж рекламировать, то предпочтительнее высокое искусство, приобщающее огрубелые сердца к таинствам небес, нежели кровавые ристалища, призванные распалять низменные позывы в не так уж и далеко отошедших от дерева обезьянах.

— Красиво сказано, клянусь собакой!

— Кошкой, друг мой! В Тритое принято клясться кошкой...

Они вошли, сбросив мокрые плащи в углу. Устроились за свободным столиком недалеко от стойки.

— Пива и паукрабов! — возгласил Понтефракт. — И две порции фирменного!

— А что здесь «фирменное»? — опасливо осведомился Кратов.

— Понятия не имею, — сказал Понтефракт. — Но, во имя кошки, пусть только попробуют отравить члена Магистрата и его гостя! — Он безуспешно пытался раскурить потухшую под дождем сигару от настольной лампы. — Так о чем вы там не думали, друг мой?

— Совсем недавно мне в голову не приходило, что Земле кто-то станет угрожать, а тем более — что она будет готовиться к отражению такой угрозы.

---

[1] Исэ-моногатари (X в. н. э.). Пер. с японского Н.И.Конрада.

— Будет, — сказал Понтефракт. — Да она уже готовится, и еще как прилежно готовится. И всегда была готова. И пусть вас не вводит в заблуждение мнимая бесшабашность многославного и разношерстного, бог ему прости, народа Эльдорадо. Мы тоже готовы. Во всяком случае, нам так представляется. Потому что у нас есть аналогичные господину Носову специалисты. В службах, аналогичных земному Департаменту оборонных проектов.

— Не вы ли?

— Что вы! Какой из меня вояка?! Этим заняты персоны посерьезнее...

Понтефракт поискал, куда бы ему пристроить сигару, и, не найдя ничего достойного, щелчком отправил ее под стол. Откуда-то из щели в стене туда метнулась ярко-оранжевая крыска, робот-уборщик. Подошла хмурая девушка в кимоно на тритойский манер, неся на подносе пиво и закуски. За ней чинно следовала непременная во всех заведениях этого мира трехцветная кошка, сытая и ухоженная: она даже не клянчила угощение, а просто обходила дозором свои владения.

— О, вот и выпивка! — оживился Понтефракт. — А как называется эта чудовищная рыба, выглядывающая из зарослей морского салата, словно бы сама намереваясь съесть всякого, кто посягнет на ее честь?

— Это «иглозуб по-нирритийски», — безучастно ответила девушка.

— А вы не хотите нам улыбнуться? — спросил Кратов. — Это обогреет нас лучше всякого камина, которого здесь попросту нет...

— Вам не холодно, — возразила девушка. — Иначе бы вы пили не пиво, а грог. Я могу идти?

— Надеюсь, недалеко, — сказал Понтефракт. — Потому что мы будем делать многочисленные и разнообразные заказы. Вечер только начинается, и я намерен убить его с большим вкусом!

— С вами я рискую потерять только что с невероятным трудом восстановленную форму, — заметил Кратов.

— И напрасно. Я протащу вас по самым злачным притонам Тритои, что приобщит вас к Кодексу Силы лучше вся-

ких потасовок. Вы узнаете простые и грубые удовольствия жизни.

— Бруно, Бруно, — сказал Кратов с укоризной. — Чем вы хотите удивить человека, который шесть лет провел в Плоддерском Круге?

— Ну, это я забыл. Хотя удовольствием ваш плоддерский опыт назвать трудно, не так ли? — Понтефракт откинулся в кресле, взглядом оголодавшего хищника обследуя помещение. — Нам даже не придется долго искать приключений, — объявил он. — Вон с той компанией мы славно подеремся чуть попозже, после «иглозуба по-нирритийски». Во имя кошки, это не унизит чести члена Магистрата. А если мы их отделаем, то даже и возвысит. Красотку у стойки вы... как это говорится на Земле?.. склеите.

— На Земле так не говорится, — фыркнул Кратов. — Это грубый и бессмысленный архаизм. У нас женщины выбирают сами.

— Да? И вы им такое позволили?!

— Они не спрашивали...

— Я занялся бы ей лично, — сказал Понтефракт. — Но это уже поколеблет честь члена Магистрата. А указанному члену хочется лишь доброй встряски без неприятных последствий для дела и дома. Это помогло бы ему хоть ненадолго отвлечься от забот о проклятых эхайнах... Вы посмотрели ту видеозапись, что подсунул вам мэтр Агбайаби?

Кратов кивнул. У пива был необычный привкус, словно в него добавили добрую щепоть морской соли. Вряд ли этот напиток можно было пить бесконечно... Он поднял прозрачную высокую кружку и поглядел сквозь нее на плясавший в настольной лампе язычок огня. В пиве плавали какие-то мелкие хлопья.

Молодая женщина, что сидела вполоборота возле стойки бара, была действительно хороша. Пожалуй, даже чересчур хороша для такого заведения. Что-то в ее красоте было неестественное, неживое. Как будто лицо со старинной картины вдруг обрело плоть и обзавелось телом. Восковая нежность кожи... уверенно проведенная линия прямого носа... блестящие малиновые губы... фантастические, невозможные сиреневые глаза — и никаких следов косметики. Чуть намокшие

платиновые волосы падали на плечи и струились по черной накидке. Длинные, ломкие пальцы рассеянно постукивали по шарообразному бокалу. Эсфирь с картины Шассерио...

— И как? — донесся до Кратова голос собеседника.

— Она действительно прекрасна, — промолвил он задумчиво.

— Запись? — переспросил Понтефракт озадаченно.

— Нет, девушка...

— Снежная Королева, — сказал Понтефракт с непонятной интонацией.

— Что вы имеете в виду? — удивился Кратов. — Я бывал на планете с таким именем. Меня там слегка подпалило фогратором.

— Здесь все будет наоборот. Здесь вас заморозят.

— Заморозят? Что ж, я готов... — Кратов отхлебнул пива. — Запись, конечно, страшная. Но — в достаточной мере вы меня не напугали. Я все еще убежден, что не бывает народов-разбойников и народов-убийц.

— Может быть, мы еще не все знаем о законах общественного развития, — грустно вздохнул Понтефракт. — Может быть, мы вообще ни черта не знаем... Кто, например, мог вообразить себе язык, в котором нет грамматических правил?

— Вы правы, — сказал Кратов. — Это не язык, а издевательство над ксенолингвистикой!

— Я пытался его изучать, — признался Понтефракт. — И бросил к кошачьей матери. Как можно усвоить язык, где нет ни корней, ни суффиксов, ни окончаний?! Слова «сказал» и «сказала» звучат по-разному! Стоит ли удивляться, что у эхайнов с их химерическим языком враждебный нам менталитет! Они и должны мыслить иначе, у них другая архитектура мыслительного аппарата.

— Некоторые кавказские языки ничуть не проще, — пренебрежительно сказал Кратов.

— Где это?

— На Земле.

— Ну, может быть, — недоверчиво сказал Понтефракт. — Чего там только не встретишь... Но мы ведь не должны заниматься земными делами? — спросил он с надеждой.

— Надеюсь, на Земле управятся без нас... Не знаю, как там дело обстоит с механизмами мышления, но согласитесь что люди и эхайны очень похожи! Доктор Блукхооп прав: мы словно близнецы...

— Это еще одна ваша иллюзия. Эхайна невозможно спутать с человеком. При всей внешней схожести эхайнский тип сразу бросится в глаза. Другая лепка лица, другое крепление мимических мышц... Что я вам говорю, ксенологу-профессионалу Вы спутали бы человека, скажем, с виавом или иовуаарп?

— Никогда! — слегка покривил душой Кратов.

— Во имя кошки, вы лжете, — Понтефракт погрозил извлеченной из кармана очередной сигарой. — С последними даже у вас были бы трудности... Но к эхайнам это не относится. В их лицах... как бы точнее выразиться... есть что-то звериное. То есть, если бы они, как и мы, состояли в родстве с обезьянами, я бы сказал: они к обезьянам гораздо ближе.

— Ну, они наверняка состоят в родстве с какими-либо эхайнскими обезьянами...

— На Эхайнуоле нет приматов! — торжественно заявил Понтефракт. — Рептилии есть. Птицы, разнообразные млекопитающие есть, а приматов — нет! О чем это говорит?

— Всего лишь о том, что эхайны — обычные мигранты и прибыли на Эхайнуолу из другого мира.

— И крайне любопытно было бы этот мир отыскать, не так ли?

— Особенно любопытно было бы обнаружить там сохранившиеся культурные памятники. А то и здравствующую цивилизацию протоэхайнов.

— И попробовать с ними договориться? — Понтефракт откровенно веселился.

— Я что-то говорю не так? — осторожно спросил Кратов.

— Еще бы! — хихикнул Понтефракт. — Иллюзия за иллюзией мером восемьдесят два — что эхайны имеют глубокую предысторию... Ни черта-то они не имеют. Двести лет назад у них вообще не было космического флота. На Эхайнуоле, как и на Земле, бушевали междоусобицы — с существенной поправкой на эхайнский темперамент. Так что Эхайнуола — это колыбель их дурацкого злобного разума...

— Тогда, может быть, не Эхайнуола? А, допустим, Эхлиамар, цитадель Светлой Руки?

— Разумеется, в наших представлениях об истории и культуре Эхайнора есть зияющие пробелы, — кивнул Понтефракт. — Но мы старательно их заполняем. На Эхлиамаре тоже нет приматов.

— Должны же они были от кого-то произойти! — воскликнул Кратов.

— Не должны были, — печально сказал Понтефракт. — Но все же произошли, на нашу голову... И, вне всякого сомнения, было бы небезынтересно устранить эту лакуну. — Он зачем-то наклонился к кратовскому уху и прошептал: — У меня впечатление, что кое-кто из наших общих знакомых знает об этом больше, чем прикидывается.

— Например, Блукхооп, — сказал Кратов. — Эти беспрестанные намеки...

— Ну, да бог с ним, — промолвил Понтефракт. — Вернемся к нашим баранам... то бишь, к эхайнам. К записи «Суда справедливости и силы».

— Запись была плохого качества, — сказал Кратов. — Перекрывалась не только помехами, но и каким-то неразборчивым текстом. Еще этот непонятный значок в левом верхнем углу, словно воздушный шарик, проткнутый двумя стрелками и притом не лопающийся... Что это за странный символ?

— Да кто же его знает!

— Я к тому, что несмотря ни на что, эхайнские женщины показались мне привлекательными.

— У вас широкий доверительный диапазон, друг мой. — Понтефракт покосился на прекрасную незнакомку. — Вы могли бы увлечься кем угодно... К тому же, и у шимпанзе встречаются прелестные мордашки! — Он свирепо воткнул сигару в угол рта и с грохотом опустил пустую кружку на стол. — Не вздумайте симпатизировать эхайнам! Не вздумайте! Это даже не иллюзия, это роковое заблуждение! Не позволяйте дремать вашему чувству опасности! Если, оборони вас кошка, вы столкнетесь с эхайнами во плоти — не дайте ситуации уйти из-под вашего контроля из-за того, что их женщины хороши собой, а дети милы! Все женщины хороши, все

дети милы, даже демоницы и демонята! Ни на миг не упускайте инициативы, коллега! Иначе эти демоны перехватят ее — и сделают с вами что захотят.

Он жестом подозвал хмурую официантку:

— Еще пива. И снежной королеве у стойки лучший коктейль... за счет Магистрата.

— Вы так боитесь эхайнов, Бруно? — спросил Кратов.

— Боюсь, — согласился Понтефракт. Лицо его раскраснелось, в бороде застряли крошки сигарного пепла. — Если они захотят напасть на Эльдорадо... я не знаю, что из этого выйдет. Мы можем **не** успеть собраться с силой и духом — особенно с духом! — чтобы достойно ответить. Мы же люди... — Он зажмурился и помотал головой. — Нет, не боюсь. Я их ненавижу. Вот мы здесь сидим с вами и говорим только об эхайнах. Когда вокруг столько достойных, прекрасных тем... А вы еще удивлены тем, что мне хочется приключений!

— Я не удивлен, — кротко сказал Кратов. — И я тоже не хочу больше говорить об эхайнах. Но вы еще не рассказали мне об Эрике Носове.

— А это практически одна и та же тема, — заявил Понтефракт. — И даже на одну букву в тематическом каталоге. Эхайны и Эрик. Эрик и эхайны... Вот давеча Эрик перечислял некоторые инциденты, связанные с эхайнами, где люди выступали пострадавшей стороной. Между тем, в узких кругах широко известны и эпизоды с прямо противоположным раскладом!

— Я вхож во многие очень узкие круги, — мрачно сказал Кратов. — И мне ни черта не известно.

— Возьмем, например, попытку захвата тремя штурмовиками эхайнов корабля Звездного Патруля в районе Глаза Ориона. Ну, вы представляете себе, что за народ эти патрульные.

— В общем, представляю, — улыбнулся Кратов. — Но ведь у них нет средств ведения боевых действий в космосе?

— Гм... Считается, что нет. Зачем патрулю тяжелые боевые лазеры класса «Протуберанс»?.. Утлый земной кораблик, как бы вовсе и не имея упомянутых средств, вдребезги разнес два штурмовика... надо полагать, используя какие-то подручные материалы... и взял на абордаж уцелевший. Правда, эхай-

ны, по варварскому своему обычаю, успели покончить с собой. Увы, это у них принято, хотя, к примеру, эхайны Светлой Руки уже в нескольких эпизодах предпочитали сдаться в плен... Благодаря такой резвости нашего патруля человечество впервые получило доступ к конкретной информации о самом Эхайноре, о Красных Эхайнах и об их анатомии и физиологии.

— Забавно, — пробормотал Кратов.

— А забавнее всего, — сказал Понтефракт, — что в реестре лихого экипажа числился субнавигатор по имени Эрик Носов. В миру же вице-президент Департамента оборонных проектов с правом решающего голоса. А заодно действующий военный консультант Непобедимой Гвардии федерации Вифкенх. А заодно Шипоносный Ящер Алой Ленты империи Ярхамда, с пожизненно и посмертно неотчуждаемой привилегией лежать в присутствии венценосных особ. Равно как и действующий генерал-капитан Крестовой армады Тысячи Островов Утхосса... Ну как? Вы ошеломлены?

— Еще бы!

— Эрик не афиширует свои выдающиеся качества. Но в то же время иногда умело допускает утечку информации. Например, ни Грозоездник, ни Блукхоон не подозревают об его истинном статусе, опрометчиво полагая, что он всего лишь мой... или, что смешнее, ваш секретарь. Мне он сообщил свои титулы открытым текстом. И попросил не скрывать от вас. А вы заметили, что об этом знает Конрад, хотя они никогда не соприкасались визави?

— Я не заметил. Впрочем, у него вырвалась одна странная фраза... о шипоносных ящерах.

— Вот именно. Трудно вообразить, что мэтр виброкинетического массажа сведущ в воинской иерархии империи Ярхамда, ни один из жителей которой никогда не ступал на благословенные земли Эльдорадо. За последнее я ручаюсь как член Магистрата.

— Конрад мог встречаться с имперцами за пределами Эльдорадо.

— Где?

— Носов мог втайне от вас посещать его салон.

— Зачем?

— Вы и сами могли проболтаться!

— Когда?

— Подите вы с вашими вопросами! — рассердился Кратов. — Что мешает вам взять и расспросить Конрада? И вообще, не понимаю я, к чему вы клоните...

— Эрик не нуждается в массаже Конрада, — сказал Понтефракт. — У него свои специалисты не хуже. Конрад никогда не встречался с имперцами, потому что нам известны все пункты его перемещений за пятьдесят с лишним лет его жизни, и они не совпадают с перемещениями имперцев ни в пространстве, ни во времени. И я ни к чему не клоню. Я просто размышляю, ибо это один из достовернейших признаков того, что я все еще существую.

— А, я понял, — оживился Кратов. — Вы хотите, чтобы я как человек прямой и бесхитростный поделился вашими подозрениями с Конрадом? И это будет звеном в какой-то местной игре в казаки-разбойники, правил которой я не знаю?

— Друг мой, — проникновенно сказал Понтефракт. — Война — это всегда игра. А мы с вами находимся на периферии театра военных действий, как бы это ни было всем неприятно. Только не питайте двухсотой по счету иллюзии, что вы вне игры. Эти ваши потуги освоить психологию насилия — такая же игра, не хуже и не лучше любой другой.

— Знаете что, Бруно? Пойдемте-ка отсюда.

— Хороший ход! — Понтефракт довольно закряхтел. — Такая игра мне нравится! Вы точно знаете, что в ближайшие часы меня отсюда поленом не вышибить. А сами уже слопали своего иглозуба, выдули пиво и теперь приметесь ныть, что завтра у вас очередное сафари... совещание... торжественное построение... И все лишь затем, чтобы догнать эту девочку!

— Какую, какую девочку?! — негодующе вскричал Кратов.

Понтефракт царственно взмахнул широкой ладонью.

— Идите, Зверь-Казак, — сказал он. — Я вас отпускаю. Вы слишком серьезны для хорошего кутежа и разврата...

Кратов вышел в ночь и сырость, кутаясь в плащ. Дремавшая у двери кошка проводила его равнодушным взглядом. Словно отметила факт убытия в своем поминальнике.

Океан гудел тяжким басом. Шквальный ветер мотал фонари на набережной, срывал с верхушек волн соленые брызги и швырял в лицо. Ежась и лязгая зубами, Кратов быстрым шагом двинулся в направлении озаренной множеством прожекторов площади Морского Змея, где всегда можно было найти пустой гравитр.

Всегда — но не сейчас... Стоянка была пуста. И вся площадь была необычно безлюдна, словно дочиста выметена ветром.

Если не считать крохотной фигурки в блестящей черной накидке...

Кратов неспешно приблизился.

— Похоже, надеяться не на что, — сказал он значительным голосом. — Роллобусы не ходят до утра. Гравитры разлетелись по сухим и теплым уголкам.

Сиреневые глаза глядели на него из-под капюшона с выжидательным любопытством.

— Могу я вас проводить? — спросил он осторожно.

— Я живу в «Хилтон-Стар», — зазвучал хрустальный голос. Сказочно мелодичный, совершенно под стать этому, словно нарисованному китайской тушью лицу. — Это далеко.

— В этом городе нет ничего по-настоящему далекого. Я обитаю по соседству с вами, в пансионате «Бель Эпок». Мы можем говорить всю дорогу.

— О чем же? — К любопытству добавилась искорка потаенного смеха.

— О чем угодно. О том, что увидим в пути. Ведь вы нездешняя?

— И вы тоже.

— Я даже не удивляюсь вашей догадке. Никто и нигде не принимает меня за местного жителя.

Холодная мокрая ладошка доверчиво легла в его руку.

— Меня зовут Идменк, — сказала девушка. — А вас?

Интерлюдия. Земля

С высоты птичьего полета остров напоминал слегка обгрызенную по краям пиццу с пышной начинкой малоаппетитного зеленого цвета. Это и были пресловутые джунгли Индокитая. Кое-где желтыми пятачками проступали пастбища. Сама Ферма выглядела как землистый прямоугольник с сахарно-белыми кубиками домов.

— Что это за скопления светлячков? — спросил Кратов.

— «Живые души», — без намека на иронию пояснил Грегор. — Движущиеся и обладающие биополем объекты. И достаточно крупные. Насекомые и птицы выпадают. Здесь, — он ткнул пальцем в Ферму, — мы с вами. Это, я думаю, коровы. А в лесу — какие-нибудь обезьяны и грызуны. — Поразмыслив, он добавил: — Если соберется сразу много попугаев в одном месте, мы их тоже увидим.

— Одна большая девочка чем-то отличается на этой схеме от стаи маленьких попугаев?

— Почти ничем, — уныло сказал Грегор.

— Ладно, не кисни, — сказал Кратов. — Может быть, ничего еще не случилось. Может быть, Рисса гуляет по берегу моря, любуется закатом с каким-нибудь мальчиком...

— Где вы видите «живую душу» на берегу моря? — сварливо проворчал Грегор. — Все так называемые мальчики на месте. И так называемые девочки, кстати, тоже. Нет только Кандиды, Большого Виктора и Антона-пятого — они позавчера улетели на материк.

— Рисса тоже могла улететь на материк, — предположил Кратов.

— Конечно, могла. Только, наверное, при этом она оделась бы и взяла свои любимые побрякушки. И хотя бы один гравитр со стоянки. — Грегор помолчал. — И попрощалась бы.

— Но браслет-то у нее имеется? — вдруг осенило Кратова.

— Имеется, — упавшим голосом сказал Грегор. — Вот он. Лежал на ее столе. Рисса все время забывала его надеть. А

может быть, он ей не нравился. Девчонки — такие привереды в пустяках...

— Грегор, я же просил, — печально промолвил учитель Тонг.

— Я помню, — сказал тот. Похоже, он готов был разреветься. — Все дети должны носить браслеты. Днем и по возможности ночью. Некоторые так и поступают, даже спят в браслетах. Например, я. Рисса — другое дело. Что же мне, бить ее?

— А что ж, — сказал Кратов.

— Ладно, я ее побью, — обещал Грегор и шмыгнул носом. — Пусть только она найдется.

— Ничего не может произойти плохого, — сказал Тонг. Казалось, он пытался убедить самого себя. — Это остров, где живут дети. Рисса непременно найдется. Она просто решила сыграть с нами не очень добрую шутку.

— Ну, это не значит, что мы должны пойти и лечь спать, — сказал Кратов.

— Сначала мы убедимся, что это шутка, — согласился Тонг. — Потом объясним ей, что так шутить нельзя. И лишь после всего этого пойдем спать.

Они стояли над объемной картой острова в окружении большой толпы. В первых рядах стояли насупленные учителя. Кое-кто из детей сидел на деревьях, чтобы лучше видеть происходящее.

— У нас есть план экстренных действий, — сказал учитель Ка Тху. — Правда, мы никогда им не пользовались.

— Сейчас самое время, — ввернул Кратов.

— Нужно сделать так, чтобы Рисса узнала о том, что мы беспокоимся, — сказал учитель с нормальным именем Ольгерд и чудовищной фамилией Бжешчот. — Если вдруг она решила нас разыграть, то ей достанет ума прекратить розыгрыш.

— Давайте считать, что девочка осознает свои действия, — сказал Кратов с раздражением. — И не следует ли нам вызвать помощь с материка?

— Следует, — сказал Тонг. — Материк уведомлен. И если через час Рисса не объявится, оттуда вылетит группа спасате-

лей. Но я надеюсь, что все обойдется без паники... Итак, учитель Ка Тху?

— Разбиваемся на группы по три человека, — сказал тот. — Начинаем поиск от Фермы к побережью. Постоянно держим связь друг с другом. Гравитры поднимаются в воздух со включенными прожекторами и акустикой. Малыши остаются в поселке под присмотром учителя Тонга. Мальчики двенадцати лет и старше осматривают остров на гравискейтах с воздуха. Грегор — за старшего. Девочки обследуют сушу и кустарники, все участки, где отмечено присутствие «живых душ»...

— Между прочим, это я чемпион Фермы по скейтингу, а не Грегор! — вмешалась рослая темнокожая девица в джинсовых шортах.

— Для тебя, Розалинда, сделаем исключение, полетишь с мальчиками... Мы, взрослые, прочесываем лес.

— Плохо, что уже почти стемнело, — посетовала учитель Кендра Хименес.

— Ничего, — промолвил Ка Тху. — На дворе середина двадцать третьего века. На Ферме есть сканеры, инфравизоры и куча другой полезной техники.

— Я ее точно отлуплю, — сказал в сторону Грегор. — Не посмотрю, что девчонка.

— Отлупи лучше Майрона, — предложила Мириам.

— Тоже неплохо, — согласился Грегор.

— Меня-то за что? — огрызнулся Майрон.

— Сам знаешь, — просунув шоколадную рожицу в обрамлении белых кудряшек подмышку дюжей Розалинде, пискнула кроха Мерседес.

* * *

На фоне густо-синего неба лес казался бесформенной черной массой. Из его глубин доносились жутковатые недружелюбные звуки.

— Почему вы решили, что нужно искать здесь? — спросила Кендра.

— Я ее встретил здесь неподалеку, — сказал Кратов. — Похоже, что я последний, кто ее видел...

Он чуть не добавил «живой», но вовремя прикусил язык.

— А потом я углубился в дебри, — продолжил он. — И... мы с этим лесом друг дружке не понравились.

— Это правда, — согласился учитель Ольгерд Бжешчот. — Один из мальчиков, Большой Виктор, мне говорил, что место это нехорошее.

— А вы промолчали, — укоризненно заметила Кендра.

— Виктор рассказывал это с присущим ему мрачноватым юмором, — оправдываясь, промолвил Ольгерд. — Вы же знаете этого паренька. В тринадцать лет он весит столько же, сколько и я, имеет подтвержденный Национальной федерацией Японии черный пояс каратэ — то есть подлинную регалию, а не те игрушки, что раздают в бесчисленных липовых школах по всему миру, — и ничего не боится. Он просто сказал, что ловил с малышней вальковатых змей «тун-кым», и ему там не понравилось.

— Риссы не было с ними? — спросила Кендра.

— Увы, нет. Вы же знаете эту девочку. Она не любит пресмыкающихся. Большой Виктор их тоже, конечно, не любит, но способен легко преодолеть неприязнь. Рисса же предпочитает симпатичных млекопитов. Можно было ожидать, что ее фаворитами будут кошки. Но она предпочла единорога.

— Почему вы так решили? — осведомился Кратов. — Насчет кошек?

— Вы же знаете кошек, — охотно пояснил Ольгерд. — Это одно из немногих животных, у которых почти круглая форма черепа. Очертания кошачьей головы близки к младенческому, но не вызывают реакции отторжения, как это происходит применительно к обезьянам, которых люди обычно воспринимают как злую пародию на самих себя. Поэтому люди питают к кошкам подсознательную нежность... Было бы естественно ожидать того же и от Риссы, с ее рано сформировавшейся материнской самоидентификацией. Однако юная красавица поставила меня как психоаналитика в тупик. Вы любите кошек, доктор Кратов?

— Я? — погруженный в размышления, тот не сразу понял вопрос. — Не знаю... наверное. Не требуйте от меня соответствия вашим стандартам. Я ведь ксенолог.

— Константин должен быть одинаково терпим даже к самым жутким уродам, — ввернула Кендра. — По нашим с вами, Ольгерд, представлениям.

— Это верно, — усмехнулся Кратов. — У меня много хороших знакомых, например, среди рептилоидов.

— Удивительно, — сказал Ольгерд. — Человеку свойственно испытывать беспредметный страх перед рептилиями. Это в нас от тех же обезьян, которые тысячелетиями почитали змей за смертельных, опаснейших врагов. Даже если вы сумели преодолеть этот древний инстинкт без ущерба для психики, должна сохраниться хоть какая-то замещающая реакция. Например, недоверие...

— Рептилоиды тоже не доверяют людям, — уклончиво проговорил Кратов. — Но вот этому рациональных объяснений не имеют. В мирах, где эволюция остановилась на рептилиях, млекопитающие редко получали шанс на выживание.

— Я видела этих ваших рептилоидов, — сказала Кендра. — Почему-то все называли их «тоссами». Они совсем не такие, как наши змеи или ящерицы. Они как... как большие детские игрушки. Можно ли бояться игрушек, или не доверять им?

— Можно! — с наслаждением уверил ее Ольгерд.

— Вам, сударыня, прямая дорога в ксенологи, — сказал Кратов уважительно. — Есть люди, которых при виде тоссов прямо-таки трясет.

— А, эти... — со странной интонацией сказала Кендра. — Я знаю, о ком вы говорите. Вот перед кем нужно испытывать подсознательный страх.

— Так оно и есть, — оживленно сообщил Ольгерд. — Не скажу, что страх, но отмечалось недоверие, как, например, у Мерседес. Или плохо скрываемое отвращение, как, например, у Грегора. Чем взрослее ребенок, тем ярче у него, простите за тавтологию, нетерпимость к нетерпимости. Хотя есть и исключения из правил, например, тот же Майрон...

— А почему вы спросили, не ходила ли Рисса ловить скалковидных змей? — поинтересовался Кратов.

— Вальковатых, — поправила Кендра. — Из ваших слов я поняла, что у этого участка леса — мрачная аура...

— Мягко сказано, — усмехнулся Кратов. — Кто-то из тамошних жильцов не любит, когда нарушают его уединение.

— Если бы Рисса была с Большим Виктором, она бы тоже это ощутила. Но ощутила бы глубже.

— И в беседе со мной наверняка нашла бы более точные слова, — добавил Ольгерд.

— Насчет «глубже» не уверен, — возразил Кратов. — Это не хвастовство, а точная самооценка. Я специально развивал свою восприимчивость к эмо-фону под руководством очень сильных инструкторов.

— Правда? — обрадовался Ольгерд. — И что же за эмоции сейчас во мне бушуют?

— Ирония, — сухо ответил Кратов. — Не понимаю только, чем я мог ее вызвать... Но это на поверхности, вершки. А корешки у вас те же, что и у всех нас. Отчетливая и сильная тревога.

— Не сердитесь на учителя Бжешчота, — мягко сказала Кендра. — У него легкий характер. Видите ли... Рисса — телепат.

— Телепат?! Час от часу не легче... — Кратов вдруг вспомнил свои грешные мысли при их встрече. Ему сразу стала понятна та ирония, с какой разглядывала его эта соплячка. — Дьявол! У вас тут водятся обычные дети?

— Это самые обычные дети, — сказала Кендра. — Хотя... где вы встречали обычных детей?

— Я сам был обычным ребенком, — заявил Кратов.

— Угу, рассказывайте! — засмеялся Ольгерд.

— У каждого ребенка есть свой скрытый дар, — с воодушевлением пояснила Кендра. — Иногда нам удается помочь ему проявиться. Быть может, это станет для вас сюрпризом, но сейчас все дети таковы.

— Они и прежде были таковы, — ввернул Ольгерд. — В том числе и вы, доктор Кратов... Просто никто вами не занимался всерьез.

— Это Ферма, — продолжала Кендра. — А есть Полигон, где юные сорванцы строят удивительные машины и механизмы. Гоняют самых невообразимых роботов, как сидоровых коз. Есть Оазис, где детишки выращивают кактусы с гипер-

динамическим хемосинтезом, что преобразуют песчаный грунт в сероземы. Кажется, это какая-то инопланетная терраформ-технология.

— Мы получили ее у тех самых игрушечных рептилоидов, у тоссов, — сказал Кратов.

— Возможно... Есть Ландшафт, там тоже занимаются терраформированием, но механическим. Есть остров, где строят дома, не помню, как называется... Это только то, о чем я знаю, только в этом регионе и только для исключительно одаренных детей. А еще тысячи и тысячи школ и колледжей для детей, чьи способности не так ясно выражены. Тесное сообщество детей и учителей. Так уж вышло, что детям интереснее жить в обществе сверстников. И поверьте, никто из них не может быть назван обычным ребенком, ребенком «без свойств»...

— Маленькая Мерседес давеча попеняла мне, что я до сих пор не обзавелся потомством, — сказал Кратов. — И я уж было призадумался. А теперь вижу, что бог меня оградил.

— Не выдумывайте, Константин, — строго сказала Кендра. — Если у вас есть желание, есть верная и любящая женщина, послушайтесь умного совета Мерседес. А уж мы вам поможем. Зачем же еще нужны учителя?

— Уж вы поможете, — проворчал Кратов. —

Не знаю, что за люди здесь,
Но птичьи пугала в полях —
Кривые, все до одного! [1]

— Наденьте очки, — посоветовала Кендра. — Лес темный...

— Ни к чему, — сказал Кратов. — Я хорошо вижу в темноте.

И тут же, споткнувшись, едва не въехал носом в шипастые плети какого-то кустарника.

— Ах, да! — насмешливо фыркнул Ольгерд. — Очень сильные инструкторы.

Кратов смолчал. Он стоял в самом начале знакомой уже тропинки и озирался.

— Ну что? — спросила Кендра.

---

[1] Исса (1763 — 1827). Перевод с японского Веры Марковой.

— Пока спокойно...

— У нас же есть фонари, — проворчал Ольгерд.

— Обойдемся, — сказал Кратов. — Лучше включите сканер.

— Толку от него, когда кругом деревья...

— Вот что, — проговорил Кратов. — Пойду-ка я впереди. А уж вы — следом, шаг в шаг и без лишнего шума.

— Это всего лишь лес, — попытался протестовать Ольгерд. — Его давно обезопасили и... гм... выхолостили.

— Мы попытаемся, — сказала Кендра. — Но не ждите от нас большого проворства...

— Хотя было бы лучше, если бы вы подождали меня на опушке, — заметил Кратов с сомнением.

— Еще чего! — возмутился Ольгерд. — Это вам не какая-нибудь дикая планета. Это *наш* остров и *наш* лес. И в нем заблудилась *наша* девочка.

— Рисса не заблудилась, — сказал Кратов. — Она же телепат. Она шла в сторону Фермы. И вдруг что-то почувствовала. Заинтересовалась. Повернула к лесу. И...

— И? — напряженным голосом спросила Кендра.

— И оказалась в лесу, — закончил Кратов.

— Договаривайте же! Что все это значит?

— Это значит, что скоро мы ее найдем, — отрезал Кратов. — И больше ни черта это не значит. Если только вы не дурите мне голову с этим *вашим* островом.

— Мы не дурим, — промолвил Ольгерд. — Честное слово, доктор Кратов. Просто... я вдруг засомневался, все ли мы сами знаем об этом острове...

Кендра, замыкавшая процессию, вдруг поднесла к лицу браслет, что-то негромко сказала и выслушала ответ.

— Что там, Кенди? — спросил Ольгерд. — Может быть, Рисса нашлась?

— Нет. Я запросила у учителя Тонга наши координаты. Он их сообщил. И еще...

— Ну, ну!

— По его словам, мы движемся прямо на значительное скопление «живых душ». Как будто обезьяны со всего леса решили собраться в одном месте.

— Зачем обезьянам это делать? — изумился Ольгерд.

— Разумеется, незачем. Потому что никакие это не обезьяны.

— Да? И кто же это?

— Я не знаю, — ответила Кендра, и голос ее предательски выдал тревогу.

— Мне это не нравится, — раздельно произнес Ольгерд. — Ох, как мне это не нравится. И знаете что? Напрасно мы не взяли оружия.

— На Ферме оружия нет, — сказала Кендра.

— И это тоже напрасно...

— Послушайте, — нарушил молчание Кратов. — Мне все происходящее не нравится еще больше, чем вам. Но я могу обойтись без оружия. Так что поворачивайте-ка назад...

— Идите к черту, Кратов! — раздраженно откликнулся Ольгерд.

— Ладно, — сказал тот. — Но не вздумайте проявлять чудеса героизма. Вы, учитель Бжет... Тшеч... Ольгерд, отвечаете за госпожу Хименес. Если что не так, падайте ничком и прикрываете ее своим телом.

— С удовольствием! — нервно хихикнул Ольгерд.

— Что вы намерены предпринять? — быстро спросила Кендра.

— Уж найду что, — проворчал Кратов. — Что сказал Тонг, далеко ли до них?

— Метров триста... Вы думаете, Рисса у них?

— Ничего я не думаю...

Лес оживал. Бормотал невнятные угрозы на одной басовой ноте. Над головами людей с сухим шорохом метались летучие мыши. Из непроглядной тьмы доносились неясные вздохи и хруст раздвигаемых ветвей.

Что-то глухо и влажно заскрипело.

Кратов предостерегающе вскрикнул и попятился, тесня своих спутников раскинутыми руками.

Огромное старое дерево, путаясь распяленными сучьями в густой сетке лиан, плавно улеглось поперек тропинки перед самым его носом.

За его спиной Ольгерд со свистом втянул воздух в легкие.

— Не пора ли прикрывать телом?.. — прошептал он.

— Пора, — ответил Кратов вполголоса. — Забирайте женщину и уходите.

— Вместе с вами, — упрямо сказал Ольгерд.

— Марш отсюда! — шепотом рявкнул Кратов. — Вы мне только мешаете!

Кендра вышла из оцепенения и попыталась что-то возразить — Кратов не слушал. Он стоял, напряженно всматриваясь в темноту и вслушиваясь в рухнувшую вместе с подгнившим стволом тишину.

Тишина показалась ему выжидательной.

Продемонстрировано было нежелание принимать гостей. И не без любопытства исследовалась реакция означенных гостей на столь явное и недвусмысленное проявление враждебности.

«Я не испугался, друзья мои, — подумал Кратов. — И ваш немудрящий спектакль в духе Робин-Гуда меня не впечатлил. Так что самое время познакомиться».

Удивительное дело: в эту минуту, стоя лицом к лицу с чем-то непонятным, неизвестным и, может быть, даже опасным, он ощущал уверенность и спокойствие. Чего с ним давненько уже не случалось.

«Как хотите, только нынче я пройду эту тропинку до конца!» — пообещал он, одним прыжком перемахивая через поваленную лесину...

* * *

...И сразу же провалился в какую-то смрадную, омерзительно густую жижу по пояс. Наверное, это была ловушка, которую он как старый звездоход обязан был учуять и избежать. Разумеется, если бы все происходило на какой-нибудь Нимфодоре или, не к ночи будь помянута, Хомбо, он держал бы ушки на макушке, мышцы в напряжении, а великолепно отточенное за годы частого употребления чувство опасности — наготове. Но здесь, на детском острове, в специально выхолощенном, как выразился Ольгерд, лесу... Воистину, Земля-матушка способна была вить веревки из своих беспутных сыновей.

Подтянувшись на руках (грунт под ладонями чвакал и полз, и, что самое гнусное, в нем туго и склизко что-то шевелилось), Кратов рывком выдернул тело из ямы. Вся одежда пропиталась тухлой дрянью, а со старой, верной курткой, похоже, можно было попрощаться. Когда он поднимался на четвереньки, из карманов лилось, а в сандалиях хлюпало. Состояние было хуже не придумаешь.

В сотне шагах впереди маячили размытые, бесформенные силуэты. Темное на темном. Но, учитывая его способность к ночному видению, живое на просто теплом.

Это они хотели, чтобы он здесь и остановился, и ни за что бы к ним не приближался. Это они ему не верили ни на грош и не желали с ним связываться. Это их глухие, бессвязные, звериные эмоции он подслушивал днем, после встречи с Риссой (не предполагая, что ночью будет вынужден отправиться на ее поиски).

Кратов выпрямился, вскинул руки.

И сразу уловил, как изменилась окраска исходящего от диковинных зверей эмо-фона.

Теперь в нем преобладало неуверенное любопытство.

— Я не причиню вам вреда, — сказал он, делая решительный шаг навстречу (отвратительно мокрые брючины льнули к ногам).

«Ради всего святого, давайте напоим наши мысли добром и светом. Только покой. Только достоинство и уверенность.

И ни малейшей тени намерения открутить башку всякому, кто хотя бы когтем коснется нежно-шоколадной кожи Риссы».

Самым краешком глаза он все же успел присмотреть себе добрый сук, при падении дерева заломившийся так, что теперь его держали лишь лохмотья коры...

Но не происходило ровным счетом ничего.

Он стоял с поднятыми руками, мокрый и грязный, лопатками ощущая жирные потеки по всему телу. И те, в лесу, тоже стояли, ни производя ни единого движения.

И вот-вот должна была явиться совершенно никчемная подмога в лице перепуганных учителей. Или, что еще хуже, не проспавшихся спасателей с континента.

Кратов сделал еще шаг.

Силуэты наконец обнаружили признаки жизни. Без шороха, без хруста ветвей, без малейшего звука попятились в самую чащобу...

«Но так мы не уговаривались!»

Теперь все выглядело так, будто они улепетывали от него сломя головы (если таковые у них имелись), а он обратился в охотника и вовсю стремился их догнать. И очень уж смахивало на новую ловушку.

— Ай!

Что-то кольнуло сзади в плечо, пробив горячей иглой набухшую влагой ткань куртки. Где-то над головой зашуршала росистая листва.

— Сдаюсь, — выдохнул Кратов, останавливаясь. — Я, кажется, вышел из игры. Меня кто-то укусил. И хорошо, если это всего лишь мандариновый полоз...

Он бормотал эту галиматью, стягивал куртку и, морщась от напряжения, до хруста выворачивая шею, старался разглядеть укушенное место. Ему предстояло вытащить из брюк ремень (в надежде, что они не спадут с него под собственной тяжестью!) и здоровой левой рукой соорудить более или менее пристойный жгут на не самом подходящем для этого месте — плечевом суставе.

«Тут тебе не Хомбо, брат-плоддер!»

Кто-то приземистый, горбатый, похожий на большую собаку с жесткой, стоящей дыбом шерстью на хребте, подковылял к нему и ткнулся мокрым носом в пораненную руку.

— Нос тут не поможет, — в нервном возбуждении продолжал бормотать Кратов. — Тут еще одна рука не помешала бы, а лучше целых две, и чтобы приделаны они были к нормальному медику... хотя на крайний случай я согласен и на Грегора...

Он вдруг разом опомнился и оборвал болтовню.

Это и впрямь была собака. Только размерами с хорошего бычка, невообразимо уродливая, криволапая, с нелепым обрубком взамен хвоста. На широкой морде, сплошь в болезненных проплешинах, тускло и печально светились выпуклые рыбьи глаза. Из страдальчески перекошенной клыкастой пасти в обрамлении дряблых брыл свисал слюнявый язык...

Неудачный бионт.

На время позабыв про укус, Кратов протянул руку и машинально потрепал щетинистый загривок, находившийся на уровне его пояса.

Шершавый язык неуверенно, стыдливо проборо здил его запястье.

— Парень, — прошептал Кратов. — Тебе досталось больше, чем мне... Кто тебя так?!

Мгновение спустя он понял, отчего ему кажется мучительно знакомым этот безобразный зверь.

«...Это была собака, огромная, черная как смоль. Но такой собаки еще никто из нас, смертных, не видывал... Ни в чьем воспаленном мозгу не могло возникнуть видение более страшное, более омерзительное, чем это адское существо...»

Собака Баскервилей.

Вернее, то, что вышло, когда кто-то из этих гениальных детишек захотел сделать себе живую игрушку по образу и подобию прочитанного.

Но у него плохо получилось. И он выбросил игрушку.

— Тебе плохо? — спросил потрясенный Кратов. — Ты болеешь? Ты боишься, что скоро умрешь?

От жуткого создания исходила волна печальных собачьих эмоций.

— Иди, я тебя поглажу, — позвал Кратов. Монстр, застенчиво отводя башку, улегся возле его ног. — Ты думаешь, я смогу помочь тебе?

Ничего такого зверь не думал.

— И правильно. Я сейчас сам очень рассчитываю на помощь. Меня тяпнула какая-то тропическая гадина. Быть может, ядовитая, и уже тикает счетчик, отмеряя мой срок. Конечно, я буду сопротивляться, так что счетчику придется потикать подольше. И все-таки... Что ты тут делаешь?

Зверь не ответил. Просто со сдержанным любопытством вслушивался в интонации человеческого голоса.

— Ведь ты не один здесь?

Пес не понимал обращенных к нему слов. Он не успел научиться их понимать. Наверное, от него избавились прежде, чем он стал умным по обычным собачьим меркам.

— А девочку четырнадцати лет ты не встречал?

Никакой реакции.

— Ты хочешь, чтобы я подольше тебя гладил?

Пес на всякий случай покрутил обрубком хвоста.

По укушенной руке от жгута к локтю и ниже распространялся неприятный зуд. Пальцы набрякли горячей кровью. Голова слегка кружилась. На этом неприятные ощущения исчерпывались. Означало ли это, что они происходили от неведения и излишней мнительности?

Кратов похлопал пса по складчатой шее.

— Идем, познакомишь меня со своими друзьями. Только не прикидывайся, что у тебя нет никаких друзей...

Зверь и не думал прикидываться.

Он тяжело трусил чуть впереди, изредка оглядываясь и не отходя слишком далеко, чтобы Кратову удобнее было держать ладонь на его спине. Тому даже не было нужды нагибаться... Застойная вода тухлыми брызгами летела из-под тяжелых лап.

«Не надо... Мы не хотим... Пускай он уйдет...»

— Черта с два, — упрямо пробормотал Кратов.

* * *

Он сидел на полусгнившем бревне посреди крохотной полянки, скрытой от наблюдения с воздуха сросшимися древесными кронами. С трудом мигал свинцовыми веками, морщился от болезненных толчков где-то внутри черепа, напряженно пытался заставить свой мозг мыслить и оценивать происходящее. Это было почти невозможно. Он плохо наложил жгут. В Звездной Разведке его учили выживать в самых скверных местах и лечить себя всеми подручными средствами. Его учили усилием воли останавливать кровотечение и регулировать температуру тела. Он мог зарастить глубокий порез и вытолкнуть из-под кожи занозу. Разумеется, он мог накладывать шины, давящие повязки и грубые жгуты. Только не в том месте, где халтурно устроенный жгут попросту не удержится. Слишком широкие плечи, слишком много мышц. Досадное упущение... Ночное зрение отказывало вместе с естественным дневным, и оттого все виделось плоскими размазанными клякса-

ми. Ничего так не хотелось, как свалиться с бревна, лечь рядом таким же бревном и тихо лежать, пока окончательно не выветрится сознание...

(На самой обочине которого теплилась вполне здравая мысль: поднести к лицу браслет и кликнуть на помощь. И всех распугать, и все необратимо испортить.)

А возле него ходили кругами, не отваживаясь приблизиться, не ведая, как с ним обойтись и чего от него ждать, страшные призраки. Обросшие ущербной плотью кошмары из горячечных снов. Чудовища, уроды.

Трехметроворостый, вдавленный в землю собственным весом, одышливо ковыляющий на бочкообразных коротких ногах опираясь на скрюченные пальцы обросших вздутыми мышцами рук старина Кинг-Конг. В отвислом его брюхе урчало, маленькие глазки недоверчиво посверкивали под нависшим козырьком лба.

Путающийся в собственных ногах, рахитично кривых и тонких, как тростинки, расплющенный бесформенным тяжелым наростом на спине Конек-горбунок. Под нелепой, словно бы напяленной задом наперед шкурой (шерсть начинала расти от хвоста к шее, заметно при этом редея, так что грива оказалась на холке, а не там, где ей полагалось быть) отчетливо проступали ребра.

Небольшой копытный зверь в густой затхлой шубе, с головой, навечно склоненной под гнетом непропорционально массивных и широко раскинутых рогов. Не то бычок-смоляной бочок, не то неудавшийся эскиз к бубосу.

Совершенно невиданное животное, опознать какое не представлялось возможным: не то обезьяна, не то медведь, только вполовину меньше ростом, со спиной песочно-желтого цвета и нежно-розовым брюхом. Передних лап то ли не было вовсе, то ли они были настолько малы, что прятались в нагрудной шерстке. В глазах-плошках застыло по-детски наивное выражение. К несоразмерно большой голове невпопад приделаны были гигантские круглые уши. Каждое размером с самое голову, они то расправлялись в тщетной попытке соблюсти изначальную эстетику замысла, то безвольно скручивались в трубочки.

Стелющееся по-над вытоптанной травой в жалком подобии кошачьей грации головастое существо, все в лишаях и проплешинах. Крысиный голый хвост нервно охлестывал впалые бока, в падавших на морду лохмах нечесаной гривы опасно щерилась влажная пасть... без единого зуба. Возможно, это предполагалась мантикора.

Знакомый по любимым сказкам неуклюжий и ласковый зверь-хурхамырь[1], во плоти оказавшийся безобразным страшилищем, которому впору не люльки качать да колыбельные мурлыкать, а прямая дорога в дремучий лес, в белокаменные палаты, стеречь аленький цветочек. Лес тут был дремучий, в этом ему не откажешь. Все прочее — совершенно не к месту.

Несуразная грузная тварь на толстых кенгуриных лапах, при таком же толстом хвосте, по мере приближения к крохотной ящеричьей головенке плавно сходившая на нет, что делало ее схожей с детской пирамидкой. В ней самым невероятным образом сочетались динозавровые стати и плотная звериная шерсть... Годзилла-подросток.

И еще какие-то изувеченные до неузнаваемости, фантасмагорические чудища, бесшумными тенями скользившие на самой границе видимости, не имея отваги открыть себя и свое убожество его взгляду. Все до единого больные, жалкие, распространяющие вокруг себя удушливую ауру несчастья.

Только баскервильский пес лежал рядом, умостив жуткую морду на лапах, и от него исходил эмо-фон, полный довольства и покоя.

Бионты...

— Господи, — шептал Кратов, обхватив раскалывающуюся голову руками. — Бедные, бедные... За что вас так?!

Ушастый зверь подковылял чуть поближе и присел, медленно моргая — белесые полупрозрачные веки едва смыкались на огромных глазах. Приоткрыл безгубый жабий рот, пошевелил тонким серым языком.

— Ты высокий, — невнятно промолвил он. — Мы не знали. Мы думали — идут маленькие...

---

[1] Слово придумано и впервые употреблено М. Л. Шаламовым в одном из своих коротких рассказов.

— Ты умеешь разговаривать? — без особого удивления осведомился Кратов.

— Мы разные, — сказал ушастый. — Есть глупые. Есть молодые. — Наконец, у него обнаружилась передняя лапа, маленькая и пухлая, как у младенца. Он слабым движением указал ею на собаку Баскервилей. — Есть те, что хорошо думает. Почти все. Только я умею говорить... как ты.

— Маленькие — это значит, дети?

— Дети?.. — Бионт выглядел растерянным. — Не знаю. Маленькие есть маленькие. — Он с ощутимым усилием поискал синонимы. — Невысокие.

— Вы прячетесь здесь от маленьких?

— Да, прячемся. Здесь... Мы должны были умереть. Я слышал, маленький говорил. Май... — Рот страдальчески искосился. — Майрон... Да, я помню. Он говорил: не получились. Должны умереть. Жалко. Пусть лучше уйдут. Другая программа.

— Что такое «другая программа»? — напрягая потрескивающие от жара мозги, спросил Кратов.

Ушастый осторожно, словно опасаясь, что шея не выдержит, помотал головой.

— Нет, не знаю. Майрон сказал... он знает.

— И вы ушли в лес, чтобы никто не мог вас найти?

— Да, мы спрятались. Мы не получились. Никто не должен нас видеть. Но нас нашли.

— Это я вас нашел? Ты обо мне говоришь?

— Да, о тебе. И еще...

— Ты давно здесь?

— Да, я давно. Есть еще давнее... дольше. Есть другие... другие... — бионт замолчал, мучительно подыскивая подходящее слово.

— Те, что пришли недавно?

— Да, недавно. И придут еще... прятаться от маленьких. Маленькие опасны.

— Вы прячетесь здесь, потому что боитесь детей?!

— Да, боимся. Нельзя, чтобы нас видели маленькие.

Кратов не выдержал и сполз с бревна на прохладную землю. Ему было совсем плохо. И не всему причиной был ядовитый укус.

«Удивительный разговор, — неожиданно подумал он и даже нашел силы усмехнуться. — Два собеседника, равных по коммуникационным потенциям. Загибающийся от отравы ксенолог с явным перегревом мозга. И больной говорящий зверь, которому неоткуда было черпать словарный запас...»

— Ты высокий, — сказал ушастый. — Маленькие опасны всегда. Высокие опасны, или не опасны... не знаю. И тот, первый, не знает. Знает только про себя, что не опасен. Но все равно, лучше спрятаться... Теперь нас нашел ты. Ты очень высокий. Почти как Кинг-Конг. Наверное, это значит, что ты совсем не опасен. Или не так? — спросил он, смятенно трепеща ушами. — Что теперь будет? Мы умрем?

— Незачем вам умирать, — сказал Кратов. Он чувствовал перемены в своем состоянии. Жар быстро отступал, и начинался озноб. В общем, ничего хорошего. — Никому не надо умирать. И мне тоже... Все должны жить. Все, кто появился на свет божий, имеют право на жизнь. Никто вам этого не говорил? Ни Майрон... ни учитель Тонг?

— Жить плохо, — горестно сказал бионт. — Наверное, лучше умереть. Но мы не умеем... сами.

— Я знаю, что вам плохо, — стуча зубами, пробормотал Кратов. — Я вас прекрасно понимаю. Вы больны... как и я... это был не мандариновый полоз... Но теперь все изменится. Дайте мне только выбраться отсюда.

Он постарался встать, шаря рукой вокруг себя в поисках опоры. Ладонь вместо травы уперлась в мохнатый собачий череп. Пес издал слабый горловой рык, но не пошевелился. Ушастый наблюдал за происходящим, не делая попыток прийти на помощь. В его выпученных глазах читалось сочувствие. Кратову все же удалось подняться и закрепиться вертикально.

— Угу, я высокий, — сказал он с иронической гордостью. — И я ни капли не опасен. Даже наоборот... — Какая-то шальная мыслишка пыталась пробиться сквозь подступающую пелену беспамятства. — И тот, первый, не опасен. Стало быть, я *второй*?

Бионт качнулся вперед всем телом — голова перетянула, и он едва сумел восстановить равновесие.

— Да, ты второй, — подтвердил ушастый.

— А этот... первый... еще здесь?

— Да, здесь.

— Верно, я — Второй, — сказал Кратов. — Только вот он никакой не первый, а Третий. Третий навигатор погибшего корабля... Приведите его ко мне. У меня нет сил, я нуждаюсь в помощи настоящего, высокого человека. Я могу умереть, и тогда вам никто не поможет.

— Он не хочет, — промолвил бионт. — Он похож на нас. Другая программа.

— И слышать не желаю, — выдавил Кратов. — Приведите силой... уговорите... сделайте что-нибудь. Никаких смертей... никаких программ, только уговоры. Эпоха всеобщих уговоров. Вы уговорите его. Я уговорю высоких и маленьких... — Он снова нахмурился, пытаясь разогнать разбегающиеся мысли по местам, как укротитель дрессированных зверей по тумбам. — Кстати, о маленьких... Я ведь здесь не просто так. Я ищу маленькую девочку. Хотя она только зовется маленькой... а на самом деле давно уже взрослая сеньорита...

— Да, знаю, — с охотой откликнулся бионт. — Эпоха уговоров. Высокая маленькая потеряла одного из нас. А теперь нашла. Высокая маленькая уговаривает его идти с ней. Он не хочет, боится. А она уговаривает и не хочет уходить без него.

— Милая, добрая девочка Рисса... — бормотал Кратов, заваливаясь на бок. — Хоть кто-то на этом острове умеет быть добрым...

Его подхватили, не дали упасть. Не имея сил открыть глаза, он послушно оперся о чье-то плечо (невидимый спаситель закряхтел под его тяжестью, но сдюжил), затем обхватил здоровой рукой больную и бережно прижал к груди.

— А теперь потихонечку отсюда... — попросил Кратов. — Конечно, лучше всего вызвать сюда гравитр... но бедные зверушки перепугаются...

— Ты сможешь идти, Второй? — услышал он глухой, почти незнакомый голос.

— Вряд ли...

Это была ложь. Он мог идти, навалившись на подставленное плечо. Мог открыть глаза и согнать страдальческую гримасу с лица. Разумеется, ему было плохо.

Он хотел, чтобы Стас Ертаулов думал, будто бы его старый друг умирает.

Оттого-то ему было еще и стыдно.

Плохо и стыдно. И то и другое — не слишком.

— Дотащите меня до опушки, — сказал он. — И позовите на помощь по моему браслету. И пускай никто не боится высоких. А уж они не дадут вас в обиду маленьким.

С шумным сопением подковылял Кинг-Конг, подставил широкую, как кровать, волосатую спину. От него разило растительной гнилью и застарелым звериным дерьмом. «Ты не виноват, дружище...» — проронил Кратов, всползая могучей обезьянище на закорки... Ему сразу же вспомнился стихотворец Бубб с планеты Церус I. Того и жди — внезапно и не совсем к месту вдруг позвучат самые варварские «танка», что когда-либо сочинялись под сводами Галактики.

Но Кинг-Конг молчал и только сопел, да еще урчал необъятным брюхом... Кратова покачивало, как в лодке. Он приоткрыл один глаз — рядом неуклюже трусил Годзилла, чуть поодаль трюхал, вывалив язык едва не до земли, баскервильский пес, да еще мелькала между стволов чья-то тень.

— А где этот... с ушами?

— Он решил остаться. Ему трудно ходить.

— Нет! — почти закричал Кратов. — Он должен идти с нами. Пускай все идут! Уговорите его...

— Успокойся, — сказал невидимый Стас Ертаулов. — Я и сам не решил еще, идти мне с тобой или нет.

— Только посмей исчезнуть, — пригрозил Кратов. — Ты смерти моей хочешь?..

Ответа он не услышал, потому что милостиво позволил себе лишиться чувств.

* * *

«Здесь холодно, — проворчал Олег Иванович Пазур. — Нужно было одеться по погоде. Да только кто же знал, что это

будет за погода...» Он сидел у костра, протянув к огню постарчески высохшие руки. Светящиеся языки, медленно извиваясь, всплывали к беспросветному черному небу в пронзительно-ярких созвездиях. Они казались лишь призраками живого пламени, нарисованными над грудой сухих веток. От них даже не было дыма. Кратов осторожно потянулся и провел ладонью над костром. «Этот огонь не греет, мастер», — сказал он одеревеневшими губами. «Но и не обжигает, — усмехнулся Пазур. — Если не сунешь руку в самое пекло... Что ты здесь делаешь, Второй?» — «Не знаю. Я здесь случайно. Должно быть, это просто бред. Меня укусила змея. Наверное, я умираю». — «Не болтай глупостей! От этого не умирали уже во времена моего соплячества. Тебя кусали, грызли и пытались жевать куда более опасные твари из самых негостеприимных мест этой Галактики... — Пазур насмешливо фыркнул. — Тоже, вещий Олег сыскался!» Лицо мастера, наполовину скрытое в тени, выглядело по-обычному недовольным, словно его обладатель только что съел целый лимон вместе с кожурой и семечками. А после того, как он невольно упомянул собственное имя, сделалось совершенно желчным. «Ты думаешь, правильно ли ты поступил, — продолжал Пазур. — Нужно ли было связываться с этим металлическим тараканом-дредноутом... следовало ли вытаскивать Ертаулова из его скорлупы...» — «Ничего я не думал, — возразил Кратов. — С тех пор, как я попал на Землю, с логикой моих поступков творится что-то неладное. Я просто бросаю камни по кустам. В надежде, что однажды спугну зайца». — «Или медведя, — пробурчал Пазур. — Или этого... шерстистого носорога. Есть одно жизненное наблюдение, сделанное, кажется, еще древними греками. Эллины много размышляли о неотвратимости, роке, судьбе. Что где-то в укромном уголке сидит старая Мойра и каждому прядет свою пряжу-судьбу. И ничегошеньки от самого человека не зависит, коли ему уготована кем-то посторонним и невидимым такая жизненная нить. «Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет: кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют»[1]. А

[1] Гомер. Илиада. Перевод с древнегреческого Н. Гнедича.

еще где-то бродит сердитая Ананка с кнутом... Они там, у себя, шагу ступить не могли без оракулов, которые диктовали им вышнюю волю. Потом римляне назовут все это «фатумом», после чего окончательно сопьются, совратятся и деградируют... Просто удивительно, что при такой покорности судьбе кто-то мог еще совершать какие-то поступки и подвиги. Строить поразительные храмы, ваять превосходные статуи, сочинять потрясающие трагедии... Могли бы просто сидеть и перебирать четки». — «Не ожидал увидеть в вас такой интерес к древним грекам!» — «А что ты вообще обо мне знал? Только то, что я сварливый старик со скверным характером. Да еще и фанатик... И потом — мне вовсе не обязательно помнить наизусть «Илиаду». Достаточно, что ты еще помнишь кое-что. Вот, например: «Странно, как смертные люди за все нас, богов, обвиняют! Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто гибель судьбе вопреки на себя навлекают безумством?»[1] — «Это «Одиссея», мастер». — «Ну, неважно... Ты просто пытаешься убедить меня, а точнее — себя, что никакая Мойра не в состоянии выпрясть тебе жизненную нить без твоего деятельного участия». — «Я не в ладах с фатумом. Мне больше по душе слово «карма». Я сам предпочитаю мостить дорогу своей судьбы из разновеликих камней своих поступков». — «Карма, гм... Или точнее сказать, «Судьба по прозвищу «Удача»? — Кратов не отвечал, и мастер, нахмурившись, продолжал: — Не думаю, что ты в состоянии все решать за себя в этой жизни. Откуда берутся те камни, которые ты частью укладываешь в свою судьбу-дорожку, а частью безоглядно швыряешь по кустам? Все очень сложно, парень, а ты любишь, чтобы было просто и ясно. И тебя злит неприятное открытие, что по-твоему никогда не будет. Ты чувствуешь, как кто-то или что-то незримо и жестко управляет тобой, и с отчаянным упорством пытаешься сбросить с себя эту невидимую ведущую лапу. Ты ненавидишь быть пешкой в чужой игре. Козырем в чужой партии. Поломать чужую игру — для тебя самое милое дело. Ты обожаешь быть трикстером, верно?» — «Да, это больше мне под-

[1] Гомер. Одиссея. Перевод с древнегреческого Н. Гнедича.

ходит...» — «Но, может быть, вначале тебе следовало бы ознакомиться со ставками, которые сделали игроки? И тогда бы ты уже не так своевольничал, а?» — «Может быть, мастер. Но загвоздка в том, что никто не торопится поделиться со мной своими секретами. И даже не очень-то намерен внятно изложить правила самой игры». — «Ты не хочешь быть пешкой, — повторил Пазур. — Ты не хочешь быть даже ферзем. И трикстер для тебя лишь паллиатив... А хочешь ты быть игроком, не так ли?» — «Пожалуй...» — «Но это невозможно. Поверь мне, «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда»[1]. Ты даже предположить не можешь, какие игроки устроились за игровой доской». — «Я могу предположить...» — «Хорошо, пусть можешь. Тогда ты должен понять, что даже пешкой быть в такой партии — честь высокая и благородная. А уж если мыслить категориями более понятного и любимого тобой маджиквеста, то удел трикстера — это тот максимум, какой игроки могут предложить отдельно взятому человеку». — «Не считайте меня самонадеянным наглецом, мастер. Я трезво оцениваю свои силы. И я, конечно же, понимаю, что не могу состязаться с Хаосом на равных». — «Тем более, что никакого Хаоса не существует. Что бы не внушал тебе этот чешуйчатый мешок... тектон Горный Гребень». — «Почтительности в вас, Олег Иванович, ни на грош!» — «В моем-то теперешнем состоянии?! — хохотнул Пазур. — Только мне и забот, что реверансировать да распинаться бог весть перед кем... А ты сам никогда не задумывался над тем, что слишком уж мы, люди, доверчивы к чужеродным оракулам?» — «Мы — достойные потомки древних эллинов», — серьезно ответил Кратов. «Ладно, оставим это. У тебя будет еще время разобраться. И повод, кстати, тоже... — Примерно с минуту Пазур молча смотрел на кисейное трепетание костра перед собой. — Видишь это пламя? — спросил он наконец. — Оно почти не греет. Оно не обжигает, если пронести над ним ладонь. Оно кажется вполне безопасным, но при всем том остается пламенем. И если ты впихнешь туда всю руку, тебе это не понравится. Так что не бойся огня, парень». — «Я уже не боюсь от-

[1] А.П.Чехов. Письмо к ученому соседу.

крытого огня, мастер. Я давно излечился». — «Вот и славно. Ты можешь смотреть на огонь. Ты можешь поиграть с ним. Вне всякого сомнения, ты можешь употребить его для освещения своих ночей. Или просто для созерцания в минуты размышлений. Огонь очень подходящ для созерцания... Но никто не заставляет тебя лезть в огонь руками, ногами и тем более головой. Ты понял, о чем я?» — «Кажется, да. Я все правильно делаю, ведь так? И если я снова не полезу с головой в тот... огонь... что все еще тлеет на потерянном «гиппогрифе»... он меня не сожрет?!»

«Пшел-ка ты вон отсюда!» — скомандовал Пазур.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Блудные братья II

1.

Густая тень наползла на лысый горный склон, перевалила через него и рухнула в бездонную пропасть. Не переставая при этом старательно изображать из себя сорвавшуюся с места ветряную мельницу. Должно быть, чрезвычайно напуганную перспективой поединка с очередным рыцарем Печального образа.

Кратов сдвинул прозрачную боковую шторку, высунулся из кабины по пояс и глянул вниз. Конечно же, пропасть не была бездонной. Далеко внизу, чуть прикрытая тяжелым туманом, змеилась речушка. Кратов тотчас же представил себе эту чистую и пронзительно холодную воду, даже ощутил ее... плюнуть на все, посадить гравитр и окунуться с головой... смыть с себя пыль, пот и отвратительные запахи непрогоревшего топлива...

Он вздохнул и вернулся в кабину. «Ничего хорошего в том нет, — попытался он убедить себя, — чтобы некстати за-

работать насморк. Да и негде там посадить эту неуклюжую бандуру. Посадить — негде. А грохнуть — запросто». Кратов посмотрел на приборы. Назначения половины этих архаичных циферблатов и табло он так и не запомнил. Наверняка они демонстрировали ему какую-то важную и полезную информацию. Элекоптер, холера ему в бок... Недоношенный гравитр с винтовым движителем. Где эти фирмачи выкопали подобную рухлядь? Такие машины лет сто уже нигде не выпускались и на кратовской памяти уж точно в воздух не поднимались. Высота... скорость... направление... это он еще как-то мог разобрать. Сейчас, когда есть время сосредоточиться, перевести в уме допотопные футы в метры и сложить разрозненные части головоломки в единую осмысленную картину. Но когда дойдет до дела, он может не успеть.

Оставалось надеяться, что его противник находится в таком же непростом положении.

Теперь элекоптер летел, прижимаясь к земле, по узкому ущелью. Если верить карте, оно называлось Чертова Кишка, славилось эффектами аэродинамической трубы и вело к еще более замечательному географическому объекту, именуемому Гадской Плешью. То ли из-за обилия горных ползучих пресмыкающихся, то ли по какой иной причине скверного свойства... И там-то все могло и состояться. Лучшего места для воздушного маневра и не сыскать.

С некоторым колебанием Кратов отключил автопилот и взялся за ручное управление. Машину нещадно тряхнуло и с тупым упорством стало притирать к правой стенке ущелья. Труба — она и есть труба. «Фаннелинг», он же туннельный эффект, усиление ветра в проходе между двумя преградами — так называл это Грант, старый друг и соратник по плоддерским подвигам, в миру же простой синоптик. Бывали, знаем... Стиснув зубы, часто смаргивая заливающий глаза пот, Кратов взял влево. Его тут же едва не размазало о противоположный склон.

Можно было набрать высоту и спокойно войти в Гадскую Плешь поверху, безо всяких неприятных воздушных потоков. И ясно обозначить перед врагом свое присутствие. Сдать ему все козыри... «Дудки, потеть мы больше не станем, — поду-

мал Кратов, стаскивая шлем и утираясь рукавом. — И в игрушки играть — тоже». Прикрыв глаза, размеренно считая про себя, он успокоил сердце и дыхание, остановил потоотделение. Заглушил свой эмо-фон — кто знает, не горазд ли противник в телепатии...

Представим себе, что это древний космический корабль. Как их там называли... «челнок». И система управления, сообразно названию, заимствована у водоплавающих. Имеются в виду не гуси да утки, разумеется, а барки и бриги. А также лихтеры, тендеры и прочие фиш-хукеры. «Вы, наверное, подыскали себе подходящее судно? Пожалуй, на этот счет вы разборчивы? Вы хотели бы получить быстроходное?..»[1] Во всяком случае, для драйвера со стажем это ветхозаветное снаряжение — бесспорный шаг назад и потому не должно составить большой сложности. Хотелось бы верить.

Он положил обе руки на сенсорную панель и почти нежно ее погладил. Удивительно, но элекоптер начал подчиняться. Он даже выровнялся и понемногу сместился в центр Чертовой Кишки.

«Сейчас мы выскочим на открытое пространство Гадской Плеши, как панночка в гробу, и все закончится очень скоро. Оппонент, коему надлежит прибыть к месту воздушной дуэли со стороны Скотомогильника... тоже весьма располагающее название... либо уже там и сразу накроет меня залпом изо всех бортовых орудий, либо в означенном Скотомогильнике застрял, и тогда уж я не подкачаю и встречу его как следует. Впрочем, с тем же основанием он может прибыть и со стороны Копченых Ребрышек, Драконьего Чиха или Слоновьей Задницы. «Дорогая, лечу это я на смертный бой вдоль по Слоновьей Заднице...» В фирме любезно сообщили, что на длительное ристалище, с маневрами, мертвыми петлями и заходами в хвост, рассчитывать не приходится. Пилоты в массе своей попадаются аховые... ручка вниз — ручка верх... каждый почитает за честь первым подставиться сопернику. А уж тот, кто запоздал с этими реверансами, и есть победитель. Если только не забудет, как приводить в действие ракеты, пуш-

[1] Александр Дюма. Двадцать лет спустя.

ки и лазеры, — Кратов не глядя нащупал пульт с пронумерованными сенсорами, каждый из которых соответствовал определенному классу бортового вооружения, и в духе русской рулетки лишь два из двенадцати действительно могли что-то привести в действие. — Ну, я-то не забуду. Ахну кулаком по всем двенадцати сразу, пускай попробует не выстрелить!.. Ну-с, и что за чувства мы при этом ощущаем? Полагается испытывать боевой азарт... фонтаны адреналина, извергающиеся в кровь... бледность в лице... дрожь в членах... собственно, ради чего я здесь и нахожусь. Но вот ничего я не испытываю, хоть режьте меня! То есть, какие-то эмоции я определенно испытываю, хотя и тщательно глушу и подавляю. Но нет у меня особенного желания исторгать боевой клич и грызть кромку щита. Раздражение от тупости вверенной техники — это да, этого сколько угодно. Недоумение по поводу того, что за бес в который уж раз занес меня в очередной балаганный аттракцион. Недовольство собственным неуместным безрассудством. Надежда на то, что все закончится скоро и благополучно, и по возможности без членовредительства. Желание выпить холодного пивка... только баварского или на худой конец английского, но уж никак не местного, больше похожего на пряную взвесь. Холодок под сердцем — потому что вечером предстоит мне свидание с прекраснейшей из эльдорадских женщин... Черт-те о чем вы думаете, господин пилот, в преддверии смертельного поединка! О всяких глупостях вы думаете, а не о том, что вас свободно могут расстрелять, как сонную тетерю, и расплющить о голые камни Гадской Плеши. Каковая уже налицо, имеет, так сказать, место во всей своей неприглядности...»

Чертова Кишка мгновенно распахнулась, и элекоптер вырвался на оперативный простор.

Географический объект Гадская Плешь напоминал собой грандиозную, неохватную глазом за один раз, каменистую впадину, словно бы возникшую от соприкосновения горного массива в этом его участке с чьим-то колоссальным, планетарных масштабов, седалищем. Шел по космической тропке некий безымянный исполин по своим неведомым делам, притомился и решил чуток передохнуть. А тут весьма кстати

подвернулась ему вольная планета Эльдорадо — ибо что более подходящее может подвернуться в этой Галактике для отдыха и приятного времяпровождения?! — и подставилась ему массивом Монте-Драгон. С той поры горы хранят отпечаток великанского седалища... Круто вздымавшиеся со всех сторон ребристые стены были испещрены разломами и трещинами, и нелегко было смекнуть, где здесь Драконий Чих, где Слоновья Задница, а где Скотомогильник. Тяжко полоща в воздухе лопастями, элекоптер выбирался на середину воздушного бассейна, и сейчас, оглянувшись, Кратов был бы в затруднении отыскать тот маршрут, каким сюда прибыл. На всем пространстве внизу не виднелось ни единого клочка растительности. Бесчисленные речки и ручейки, что покрывали впадину сетью тончайших морщин, собирались в самом ее центре в небольшое, но, должно быть, дьявольски глубокое озеро. Кратов сверился с картой: озеро присутствовало и именовалось, естественно, Анус. Свалиться в него было бы чрезвычайно рискованным приключением, возможно — самым опасным во всей программе. На берегу озера что-то блеснуло. Так и есть: обломки разбитой машины, следы чьего-то фиаско, удалить которые никто не озаботился. Или же сознательно сохранил, в назидание грядущим поединщикам. А еще более вероятно, в устрашение... Метрах в пятидесяти Кратов увидел еще один элекоптер, вернее — его неясную тень, образованную разбрызганными по камням осколками корпуса. Можно было представить, что сохранилось от пилота. «Разумеется, вы рискуете жизнью. За это вы и платите. Воздушный бой есть воздушный бой, и никак иначе его не назовешь. Где вы еще сможете умереть так быстро и красиво?..» Закусив губу, Кратов повел машину прочь, подальше от берегов зловещего водоема.

Отлетев метров на триста (тысячу футов, как услужливо сообщили ему приборы), он снизился, синхронизировал работу несущего и рулевого винтов и сумел зависнуть в относительной неподвижности. Соперник явно запаздывал. Преодолевая некоторое душевное сопротивление, Кратов поглядел вниз.

И сразу же увидел человеческий скелет в истлевших лохмотьях.

Элекоптер свечой прянул вверх.

«Умереть... быстро и красиво...»

Кратов отнял руки от сенсорной панели — пальцы безобразно тряслись. «Ну здорово, — подумал он. — Этого только не хватало. Один застарелый покойник внизу, другой потенциальный — вверху. Бери меня сейчас голыми руками... Господи, неужели эти подонки не удосужились собрать все останки и предать земле, как полагается?! Или их дело — получить монеты, посадить на элекоптеры, указать направление, а там хоть трава не расти? — Он взялся за управление. — Трава здесь и впрямь не растет... Но ведь как-то они должны эвакуировать дуэлянтов! Допустим, победитель вернется на базу своим ходом. А проигравший?»

Он вдруг с неприятным изумлением вспомнил, что не уточнил эти подробности в фирме.

«Что же получается? Если меня просто завалят на камни, то я принужден буду полагаться на благородство соперника, который возьмет меня в кабину. Только как он это сделает? Условиями контракта категорически запрещено совершать посадку под любым предлогом. Это равносильно поражению, а значит — пропадает свой залог и плакал приз из залога проигравшего. Мне, как жителю благополучной метрополии, человеку в высшей степени состоятельному, на потерю некоторого количества энектов, в общем, наплевать. Но для жителя Эльдорадо это существенное обстоятельство... То есть я должен буду возвращаться на базу за пятьдесят километров по голому камню на своих двоих?! — Он едва сдержал нервный смешок. — Буде таковые двое уцелеют. Но ведь я могу оказаться ранен, и даже тяжело. И если в этом парне с Эльдорадо гуманистическое воспитание возобладает над меркантильными соображениями, если он добрый христианин, то он, конечно, махнет рукой на приз и подберет то, что от меня останется. Вопрос только в том, что добрый христианин станет делать над Гадской Плешью, какие сатанинские искусы приманят его сюда?.. Нет, моим противником будет человек иной мотивации поступков. Он выложил кругленькую сумму за острые ощущения — и захочет пережить их сполна. И вряд ли это окажется холодный естествоиспытатель вроде меня...»

Кратов снова подвесил свой элекоптер над страшным местом. Выбеленный палящим солнцем череп щерился беззаботно и радушно.

«Сначала ему поломало ребра и позвоночник в рухнувшей с громадной высоты машине. Ему достало сил отползти от горящего элекоптера на безопасное расстояние, прежде чем тот взорвался. И он еще успел проклясть свою глупость, лукавство фирмачей и улетающего победителя. И смерть его была долгой и некрасивой».

Минуты ползли, словно вереница улиток по садовой дорожке.

«Да, но как же эти шустрики узнают, если вдруг я решу преступить их запрет на посадку?! — Кратов нерешительно поиграл пальцами над пультом. — Нет, они наблюдают. Не могут не наблюдать! И если они видят и знают все, что здесь творится, то они обыкновенные преступники. Если только существует понятие «обыкновенное преступление»... Нешто доиграть до конца, а уж после, вернувшись в Тритою, всколыхнуть Магистрат и учинить разбирательство? Нет, не получится. Не хочу я играть в эти игры, да и не смогу. Да и что это за игры над человеческими останками?! Двое кретинов, испуская воинственные кличи, гоняют один другого над трупом третьего? Нет уж, к чертовой матери такое развлечение... Но это невозможно. Даже если был несчастный случай, останки надлежало эвакуировать, а обстоятельства инцидента всесторонне рассмотреть, обнародовать, перечислить виновных и уж по меньшей мере отлучить от бизнеса. Как это и происходит в цивилизованном обществе. А что бы здесь ни творилось, Эльдорадо — точно такой же уголок Федерации, как и Земля, и права личности никто еще не отменял, и даже не приостанавливал. Нет, здесь какой-то подвох. На этом выстроен какой-то расчет... Или я чего-то не знаю об Эльдорадо? Лезу со своими простодушными уставами в чужой монастырь?.. — Он кисло усмехнулся. — Ну, ты искал грубых развлечений? Так ты их нашел».

Нежно касаясь вдруг сделавшихся невероятно чуткими сенсоров, Кратов повел элекоптер на посадку.

Ему стоило немалых трудов удержать машину от опасного крена и в нужный момент сбросить обороты всех винтов.

На какое-то время он даже забыл о том, что вот-вот явится его соперник — только затем, чтобы узнать о своей бескровной победе и пережить громадное разочарование. Разнузданно вихляя боками, элекоптер коснулся каменистого грунта сначала передними лапами, затем задними, и лишь затем грузно утвердился на поверхности Гадской Плеши.

Кратов толчком распахнул сдвижную дверцу и выскочил из кабины, не озаботившись даже выбросить трап. Медленно, страшно медленно он приблизился к желтовато-белым костям в обрывках комбинезона. Настороженно склонился над останками, будто опасался, что мертвец вдруг восстанет из праха и кинется на него.

Скелет с лязгом сомкнул челюсти.

Кратов рявкнул нечто неразборчивое и с размаху сел где стоял.

— Этот макет изготовлен Тритойским анатомическим театром имени Виктора Франкенштейна, — с воодушевлением провозгласил скелет. Голос был звонкий и девичий. — Он мог бы принадлежать женщине двадцати пяти лет, весом шестьдесят килограммов и ростом два метра двадцать пять сантиметров. Вы могли бы разглядеть эти подробности с высоты в пятьдесят футов, не нарушая условий контракта, если были бы достаточно наблюдательны. Если вам известны реально существующие образцы человеческой породы с перечисленными физическими характеристиками, сообщите в дирекцию Тритойского анатомического театра...

Совершенно автоматически Кратов подумал, что, кабы не занятость, мог бы приложить некоторые усилия и организовать посещение дирекции анатомического театра племенем полудиких валькирий с Охазгеона, для которых упомянутые стати были стандартом. Средства, какими грозные дамы имели обыкновение отучать лиц противоположного пола от пристрастия к черному юмору, были весьма радикальны. Да и от самого театра остались бы лишь пепелище да кичливое название. Загвоздка состояла в том, что валькирии к человеческой породе никаким местом не принадлежали. Так что он при всем желании расквитаться с шутниками не смог бы...

Не успел он как следует огорчиться, как вспомнил об одном знакомом субнавигаторе со стационара «Кракен». Милую девушку тридцати неполных лет звали Оленька Лескина, росту в ней было без малого два тридцать, но с весом у нее было все в порядке, дистрофией она никак не страдала, кушала хорошо и славилась веселым покладистым нравом... Нет, отдавать Оленьку адептам доктора Франкенштейна никак не следовало.

— К нашему глубокому прискорбию, мы все же вынуждены констатировать, что вы пренебрегли пунктом 54 упомянутого контракта, исполнение которого обязательно. Нарушение же влечет за собой договорные последствия в форме безусловного признания вас потерпевшим поражение и невозвращения суммы внесенного залога...

Обманный покойник скрупулезно перечислял все кары небесные, что должны были обрушиться на голову нарушителя пункта 54. Когда фантазия его иссякла, он повел свою речь по новому кругу. Кратов слушал его, сидя на теплом щебне, сознавая себя полным и законченным идиотом. Которого жестоко разыграли и который сознает свою полную неспособность отплатить обидчикам той же монетой.

«С меня хватит», — думал он мрачно.

2.

...Все случилось как бы само собой, так что никто не высказал ни удивления, ни протеста, а напротив, всячески способствовал тому, чтобы все шло своим чередом и, упаси боже, не прервалось ни на минуту. Где-то посередине таинства Кратов вдруг осознал, что его с самого начала, с той самой дождливой ночи, возможно даже — со слов Понтефракта («Снежная Королева...»), сказанных странно и как бы невпопад, подстерегал сюрприз. На то, чтобы понять, какого этот сюрприз свойства, приятного или вовсе даже наоборот, времени у него не было. Потому что все прочие сюрпризы оказались исключительно приятными и желанными...

И лишь когда все закончилось — а правильнее было сказать: ненадолго прервалось, — он успокоил дыхание и бережно провел уткнувшуюся в его плечо Идменк кончиком пальца по горячим губам.

— Послушай... — начал он.

— Угу, — сказала она невнятно. — Ты угадал. Я не человек.

— А кто же?

— Это так важно?

— Не очень, — признал он.

— Все было хорошо?

— Все было необыкновенно!

— Тебе было легко и удобно?

— И все-таки? — настаивал он. — Ты должна простить мне мой интерес. Но я ксенолог...

— Даже сейчас?! — Идменк изобразила легкое удивление. Для не-человека у нее была удивительно живая и тонкая человеческая мимика.

— Особенно сейчас, — Кратов тоже постарался изобразить нешуточную озабоченность. Но вышло это у него не так

естественно, как у Идменк. Да и смешно было бы корчить серьезную мину в постели.

— Ну хорошо. — Идменк проворно села рядом, подобрав под себя ноги и поглядывая на него сверху вниз с обычной своей полуулыбкой. Теперь она стала невероятно похожа на удивительную светловолосую Мадонну с картины Алессио Бальдовинетти, с материнской любовью взирающую на несмышленое дитя. Кратов приподнялся на локте. — Я во всем готова сознаться. Я, зловещее инопланетное существо, заманила тебя, известного ксенолога, на свое ложе и намерена выведать у тебя все самые секретные планы Земли...

— Я тебя отшлепаю, — пообещал Кратов. — Не посмотрю, что ты инопланетное существо. Ты мне в дочери годишься! Мягкое место у тебя устроено так же, как и у людей, и такое же мягкое. Так что ты получишь наказание, а я — удовольствие.

— Я юфманг, — сказала Идменк просто. — Это тебе о чем-то говорит?

— Конечно! — воскликнул Кратов (на самом деле это говорило ему совсем немного). — Вы живете в подземных поселениях планеты Яльифра. Вы очень похожи на сказочных гномов. Вы низкорослы, кривоноги и по земным меркам довольно уродливы. У вас на лице богатая растительность...

— И мы носим разноцветные колпаки с кисточками и полосатые гольфы, — закончила Идменк. — И все же я юфманг, по нашим мерилам вполне взрослый и в дочери тебе не годный. Разве у меня кривые ноги? — Она неспешным, кошачьим движением вытянула ноги, далеко не самые длинные из тех, что Кратову довелось видеть, но поразительно ладные, и он тотчас же с удовольствием провел ладонью по гладкой прохладной коже от бедра до ступни. — А где моя борода? — спросила Идменк, нерасчетливо приблизив лицо.

Кратов прижался губами к ее мраморной щеке.

— У тебя нет бороды, — прошептал он. — И это хорошо: я не люблю бородатых женщин. У тебя лишь прекрасные волосы моего любимого цвета.

— Я слегка изменила их натуральный цвет, — созналась Идменк. — Чтобы не слишком выделяться среди эльдорадок. На самом деле они у меня — в тон глазам.

— О! — воскликнул Кратов. — К бесу эльдорадок! Не можешь ли ты вернуть своей прическе природный вид? Я обожаю женщин с сиреневыми волосами.

— *Юффиэй*, — строго сказала Идменк. — Женщин с сиреневыми волосами не бывает. Я не женщина, я *юффиэй*.

— Я всю жизнь мечтал встретить *юффиэй*, — поправился Кратов. — Настоящую, без подделки. Для этого мне пришлось надолго застрять на опостылевшей планетке Эльдорадо. Ты слышала такое слово — «фея»? Очень созвучно, не правда ли?

— Меня это тоже поразило. Я долго думала над этим.

— И что ты придумала?

— Мы очень похожи... несмотря ни на что. Ваши мужчины почти так же безобразны, как и наши. Ваши женщины почти так же прекрасны. Просто у вас, людей, половая дивергенция выражена не настолько контрастно, как у нас. Между мужчинами и женщинами больше сходства, чем между *юффатаг* и *юффиэй*...

— Даже я не знаю такого слова — «дивергенция», — покривил душой Кратов.

— У меня хорошее разностороннее образование. Ты не ожидал? Это здесь я вынужденно бездельничаю... Так вот, все мои наблюдения за людьми и юфмангами говорят о том, что, наверное, наши расы не так далеки, как кажется. Наверное, есть нечто, нас единящее, и о чем мы пока не ведаем.

— Мы очень близки, — сказал Кратов, привлекая ее к себе. — Особенно сейчас.

— Если забыть про кривые конечности и различия в температурном балансе, выяснится, что мы невероятно похожи. Возьмем меня. Даже ты, знаток галактических рас, не сразу смог отличить меня от женщины. У меня две молочные железы и одно лоно, расположенные так, что ты не заблудился. И эрогенные зоны у меня там же, где ты и ожидал. Мне было хорошо, легко и удобно любить тебя, как и тебе — меня. Если ты, конечно, не солгал...

— Я не солгал.

Идменк вздохнула у него в руках.

— И все же я чужая, — сказала она. — Я думаю подругому. Я лишь делаю вид, что думаю, как человек. И по-

ступаю как человек лишь оттого, что нахожусь рядом с тобой. На самом деле... это дается мне не без труда.

— Но я тебе не отвратителен?

— Нет. Ты мне не отвратителен. У тебя есть три огромных преимущества перед *юффатаг*.

— Какие же? — с интересом спросил Кратов.

— Во-первых, тебя очень много. В тебя можно зарыться, — она немедленно попыталась это сделать, — по тебе можно путешествовать. Тебя можно изучать, как карту, и каждый раз находить что-то новое. Например, этот шрам я заметила только сейчас. Наверное, тебе есть что рассказать о его истории.

— Да уж, конечно...

— Кое-что в тебе устроено не так, как у *юффатаг*, и ведет себя иначе. Вот я дотронулась, и оно ожило. Как будто это зверек, который существует независимо от тебя. Ты на вид очень сдержанный и серьезный, а у него довольно бурный темперамент, его так легко вывести из себя!

— Просто у тебя холодная ладошка.

— Во-вторых, у меня холодная ладошка, а ты весь очень горячий. Это важно для меня, потому что только сейчас я, кажется, по-настоящему согрелась с той минуты, как прибыла в Тритою, с ее сыростью, слякотью и нескончаемым холодным ветром с моря. Мы, юфманги, всю жизнь проводим в жарких недрах своего мира, и нам ни к чему такая высокая температура тела, как вам, живущим на поверхности ваших планет, в суровых природных условиях.

— Расскажи это туарегам в Сахаре, — усмехнулся Кратов. — Ну, а что же в-третьих?

— Ты очень нежный, — сказала Идменк. — Ты обращаешься со мной так, будто я — цветок ветролетки, который лишается своего убранства от самого легкого дыхания. У вас есть похожее растение, одуванчик, но ветролетка намного краше и уязвимее. Ветролетке нельзя иначе, она растет в старых подземных выработках, где нет сильного тока воздуха, а ведь ей нужно разбрасывать семена... Ты словно боишься повредить мне неосторожным жестом, словом, взглядом. На самом деле я не такая хрупкая, как кажусь, но... мне приятно ощущать себя такой.

— Уж каким только, но нежным никто еще меня не называл, — пробормотал Кратов.

— Пускай это будет мой подарок тебе на память.

— Спасибо... — Кратов попытался согнать с лица глупую счастливую улыбку. «Сказано же: сдержанный и серьезный...» — Какие у тебя еще нечаянные подарки для меня?

— О, этого сколько угодно! — успокоила его Идменк. — Я даже не уверена, что все они тебе понравятся. Меня не так много, как тебя, но, как всякая *юффиэй*, я тоже полна неожиданностей. Например, тебе нужно знать, что я... как это говорят у людей... мадам... леди... мужняя жена.

На сей раз Кратову без труда удалось избавиться от улыбки блаженства.

— То есть я, получается, участвую в адюльтере? — спросил он.

— Что такое «адюльтер»?

— То, чем мы сейчас занимаемся. Ты — неверная жена, а я — осквернитель супружеской чести...

— Я слышала, что среди людей эти понятия довольно расплывчаты.

— Ты совершенно права, но до полной сексуальной свободы мы еще не созрели, и посягать на чужую жену все еще считается нехорошим поступком. Особенно, когда законный супруг об этом не знает... Кстати, где твой супруг?

— Здесь, в Тритое.

— Час от часу не легче! Мне нужно быть готовым в любой момент собрать свои тряпки и сигануть в окно! И когда же он возвращается?

— Не он, — сказала Идменк. — А я. Мой муж сейчас трудится, и будет трудиться до рассвета. Потом он вернется в свой номер и найдет меня там. Это я должна буду собрать свои одежды и бегом лететь через весь город, на проспект Буканеров, чтобы оказаться в нашем семейном гнезде к его приходу.

— Про «Хилтон-Стар» он не знает?

— Разумеется, нет.

— А если узнает?

— Наверное, убьет меня.

— Убьет?!

— Ну, не тебя же ему убивать. Ты — посторонний, не наш. Ты вне наших законов и традиций. Откуда тебе знать, что у нас во всем бывает виновата жена?

— И ему это простят?

— Ему — простят. Мне — нет.

— Но разве у вас женщины не выбирают?

— У нас — нет.

— А тебе, наверное, хочется выбирать?

— Я думаю над этим. Я экспериментирую. Тебя же я выбрала...

— Ну, не совсем. Все же, это именно я вызвался проводить тебя в ту жуткую непогодь.

— Я могла отказаться, — неуверенно произнесла Идменк. Помолчав, она призналась: — Хотя, пожалуй, не могла. Было темно, холодно и страшно.

— Послушай, если ты хочешь выбирать... научиться выбирать, тебе следует побывать на Земле.

— А как же мой муж?

— Наверное, тебе придется убежать от него, — сказал Кратов.

Идменк окинула его слегка рассеянным взглядом.

— Я думаю над этим, — наконец сказала она.

Они надолго замолчали. Пальчики Идменк, словно живые ледышки-сосульки, блуждали по его телу как бы сами по себе. Ощущение было немыслимо приятным. Хотелось откинуться, расслабиться, растечься по ложу, как медуза, ни о чем не думать, а просто лежать с закрытыми глазами и твердить про себя, как заклинание: «Только не уходи... не уходи...» Надеяться, что это невероятное блаженство никогда не закончится. И точно знать, что оно неминуемо закончится, и очень скоро. А когда-нибудь закончится навсегда.

«Я не хочу терять эту женщину», — внезапно родилась в нем простая и болезненно отчетливая мысль. Быть может, впервые за многие годы. «Я не хочу ее терять», — повторил он, будто проверяя себя.

Это была правда.

«Не отнимайте у меня эту женщину».

— Что? — переспросила Идменк.

Кажется, он произнес последнюю фразу вслух.

— Я не хочу тебя никому отдавать, — сказал он, обнимая ее со всей силой, какую только мог себе позволить употребить.

— Мне говорили, что земные мужчины эгоисты, — проворчала Идменк. — Я никуда от тебя не уйду еще долгих... полчаса.

Ее любопытные пальцы коснулись его кожи чуть ниже левой лопатки.

— Зачем тебе это? — осведомилась она.

— Что — это? — не понял Кратов.

— Ты — как гористый континент, со своими кряжами, перевалами и ущельями. И даже рудными залежами. Ты полон тайн. Зачем тебе металлический осколок под кожей? Это след какого-то тяжелого боевого ранения?

— Металлический осколок?! О чем ты говоришь?..

Идменк хихикнула.

— Мы так и будем беседовать одними вопросами? — Она увидела выражение кратовского лица и объяснила: — У тебя под кожей, возможно — прямо в мышечной ткани, небольшой кусочек инородного вещества. Крохотная бляшка, меньше половины ногтя моего мизинца, — Идменк показала, какого размера эта бляшка, а Кратов тупо проследовал взглядом за ее пальцами. — И эта штуковинка содержит металл, хотя и в очень незначительном количестве.

— Как ты узнала? — не сдержал очередного вопроса Кратов.

— Мы, юфманги, обладаем обостренной кожной чувствительностью ко всякого рода скрытым примесям, — терпеливо сказала Идменк. — А в особенности к металлам. Мы же гномы, нам положено чуять рудные залежи на сто саженей под ногами.

— Во мне не должно быть никаких рудных залежей, — озадаченно проговорил Кратов.

— Прости, я тебя расстроила, — сказала Идменк. — Похоже, ты полон тайн даже для самого себя...

Кратов закинул руку за спину и попытался нащупать инородное тело. Идменк бережно взяла его ладонь и подвела к нужному участку кожи.

— Вот здесь, — сказала она.

Наощупь ничего не чувствовалось.

— Ты не ошиблась?

Идменк надменно вздернула точеный носик.

Кратов тихонько выругался страшным плоддерским ругательством.

— Что такое «иоп фашумат»? — спросила Идменк с невинным любопытством.

— Э-э... не вздумай это где-нибудь повторить, — поспешно сказал Кратов и потянулся за видеобраслетом.

3.

В перерыве между раундами, пока второй секундант, молчаливый мулат Доминик, разминал Кратову онемевшие плечи и шею, Ахонга склонился к его уху и тихонько спросил:

— У тебя есть какие-то виды на выигрыш?

Забавно, но возле ринга вся их взаимная уважительность рассеивалась, как туман, и они без каких-либо усилий переходили на «ты».

— Угу, — промычал Кратов из-под маски.

— Ты не мог бы завалить его в этом раунде?

Кратов с трудом — шея, как показалось, отчетливо заскрипела! — повернул голову и постарался изобразить взглядом недоумение. Это было нелегко после пропущенных ударов: в мозгу все еще клубился туман беспамятства, все тело наполнено было пустотой, как прихотливых очертаний воздушный шарик.

— Ты что, поставил на меня?! — спросил он свирепо и невнятно.

— Боже упаси, как можно! — Ахонга даже замахал руками. — Просто мне нужно через час быть в Концерт-холле. Там Озма выступает, а я со своими ребятишками обеспечиваю внешнюю охрану.

Кратов встряхнул руками — мышцы гудели и взывали о милосердии. Милосердия ждать не приходилось.

— Ладно, попробую, — сказал он. — Но сильно не надейся.

Доминик хлопнул его по загривку. Грянул гонг, и Кратов оторвался от сиденья. Как раз вовремя, потому что Африканский Носорог, красивый темнокожий гигант в красном трико, с обнаженным потным торсом, с места прыгнул на него, надеясь сразу же и оглушить. Кратов мягко откатился, уходя от страшного удара, и принял боевую стойку «краб-отшельник». Поскольку Носорог был выше его на полголовы, такая стойка должна была

доставить ему максимум неудобств или по меньшей мере вывести из себя. Так и случилось: шипя, как масло на сковороде, Носорог пытался достать противника своими изумительными длинными руками, но всюду натыкался на непробиваемый блок (отчего плечи и шея Кратова понемногу превращались в хорошую отбивную). Его знаменитые прыжки с места на высоту человеческого роста тоже теряли всякий смысл. «Работай! — орал Ахонга со своего места. — Не спи, старый хрен, не давай ему тебя задолбить, как жабу!» Но и Кратов утрачивал всякий простор для маневра, сосредоточив все внимание на этой взбесившейся мельнице из четырех... восьми... двадцати крыльев, что так желала нашинковать его, да помельче. Зрители орали и топотали: Африканский Носорог им нравился, он был моложе и, несмотря на псевдоним, стройнее. Особенно неравнодушны к нему были девочки в возрастном интервале от четырнадцати до тридцати, то есть самая оручая и визгливая часть аудитории. «Ри-но! Ри-но!! Ри-но!!!» — неслось над трибунами (Кратов лишь после третьего раунда догадался, что означает этот неумолчный вопль, и как сумел разъяснил Ахонге: кто-то из особенно грамотных фэнов прознал, что в классической биологии носорог называется «rhinoceros»). Кратовские болельщики были постарше и, к сожалению, посдержаннее. На каждый удачный прием своего кумира они реагировали ординарным «А-а!!!» и радостным свистом. Носорог кое-что соображал в капоэйре, но мельница его явно сбавляла обороты... Восьмой раунд закончился, и Кратов, с видимым усилием разогнувшись, хватаясь за канаты — с самой небольшой долей притворства! — потащился в свой угол. В ушах у него звенело. Доминик содрал шлем, оставив только маску, и вылил ему на темя чуть ли не полведра воды. «Что с тобой? — допытывался Ахонга. — Ты в норме? Достоишь до конца? Или с тебя хватит?» — «Я его прикончу», — проговорил Кратов распухшими губами. «Зачем тебе это? Зачем?! Тебе все еще интересно, лунная холера?! Ты уже похож на кусок свинины!» Доминик неожиданно отодвинул менеджера и отверз уста. «Все хорошо, — сказал он. — Ты самый сильный. Он сопляк против тебя. Вали его прямо сейчас». Ахонга несколько секунд беззвучно разевал рот. «Ладно, — наконец выдавил он. — Господь знает, кому помогает. Если ты выигра-

ешь, все деньги твои. Потому что я такой бойни года три уже не видел...» — «Я его бесплатно прикончу», — упрямо пробубнил Кратов и встал. Ног он не ощущал, все тело трепетало и плыло, как дирижабль... Африканский Носорог шел навстречу, бодро покачивая согнутыми в локтях мощными лапами, свежий, прекрасно отдохнувший, готовый драться еще сто раундов кряду. Кратов без подготовки, коротко и страшно ударил его в голову. Попал, и сам тому удивился... Носорог рухнул, как подрубленный. «Ри-и-ино!!!» — надсаживались девицы. «Ка-зак! Ка-зак!! Ка-за-ак!!!» — вдруг проснулись кратовские фэны. Носорог перекатился через себя, опасаясь добивания, и напрасно: сейчас Кратову не хватило бы на это сил. Он встал, и от его нарочитой свежести не сохранилось и следа, всякий мог видеть, какой ценой досталась ему эта прыть в предыдущем раунде... Кратов надвигался на него медленно, невыносимо медленно, с полгода примерно... а надвинувшись, снова прямо и бесхитростно пробил выставленный блок. Носорог всем весом упал на канаты и, отброшенный ими, ракетой полетел на Кратова. То ли ничего уже не соображая, то ли так и задумал... Кратов попросту срубил его на лету, и Носорог уже не встал. «Ка-за-аааааак!!!» — ревели трибуны как резаные. «Аааааа!!!» — вопил Ахонга. Доминик молча улыбался. Рефери бесцеремонно пихнул Кратова к секундантам. Все кончилось. Полуголые девицы из кордебалета обступили его, размахивая флагами федеральных цветов и блескучими гирляндами. «Ты выиграл! — стонал Ахонга. — Ты соображаешь, какой у тебя сейчас рейтинг, лунная холера? Да ты... да я... мы с тобой можем чемпиона вызвать!.. Все денежки выкачать из этого сраного города!..» Кратов ничего не соображал. Все силы ушли на то, чтобы стоять по возможности прямо и не слишком сильно раскачиваться. Кажется, к нему подвели такого же невменяемого Носорога, и он даже потрепал соперника по влажному загривку. Кажется, на ринг вылез действующий чемпион континента Большой Грифон, как обычно, во всем черном, и пообещал сожрать победителя на завтрак, если тот осмелится его вызвать. Кажется, рядом из ничего образовался Рыжий Черт и негромко посоветовал отшить чемпиона в самой унизительной форме, и Кратов, послушный, как марионетка, равнодушно показал Большому Грифону большой итальянский кукиш...

4.

— Мы богаты, — припевал и приплясывал Ахонга в раздевалке. — Мы несусветно богаты. Я могу послать все к лунной холере и ехать на архипелаг Криммельфорс. И все девушки будут любить старого Ахонгу. Потому что он богат... — Он вдруг замолчал, что-то прикидывая. — Я даже могу не ехать охранять Озму, — объявил он. — Что мне эти гроши?

— Не болтай, — буркнул Доминик, хлопотавший возле Кратова. — Пошли-ка лучше кого-нибудь за Лолитой.

— Нет, надо ехать, — сказал Ахонга. — Гроши мне, конечно, не нужны. Но и дурная репутация тоже ни к чему. И потом — лишний раз послушать Озму бесплатно... — Его внимание снова переключилось на Кратова. — Знаете, доктор, я такого лет десять не видел. Вы хотя бы помните, что творилось?

— Помню, — безотчетно отозвался тот. — А когда творилось? И что?

— Ну, в двенадцатом раунде! Например, когда вы зажали бедолагу Носорога в углу и раз десять, не меньше, съездили ему ногой по мордасам?

— Двенадцатый раунд? — ошеломленно переспросил Кратов. — Я думал, все кончилось в девятом. — Он осторожно повращал головой. — И я никого не бил ногой по мордасам.

Доминик, склонившись, заглянул ему в глаза.

— Плохо дело, — сказал он.

— Я что-то пропустил? — упавшим голосом осведомился Кратов.

— Похоже, что так, — произнес Ахонга озабоченно. — Есть подозрение, что вы, доктор, так и не вышли из того нокдауна.

— Я свалил его двумя ударами, — сказал Кратов. — И это все, что я помню.

— Значит, самое интересное происходило без вас, — заключил Ахонга. — И то, что Зверь-Казак впервые выглядел настоящим зверем, вы не оцените по достоинству.

— Можно просмотреть запись, — сказал Доминик.

— И мой блокнот с зарисовками, — добавил Ахонга. — Гляньте-ка на эту жуткую рожу в этой жуткой позе. Как вы думаете, кто это?

Кратов посмотрел на него жалобным взглядом. Напрягать воображение было свыше его сил.

— Это вы, — сказал Ахонга с непонятной интонацией. Он поднес видеобраслет к лицу: — Лолита, за дело! И прихватика с собой нейроскан...

— Я совсем отупел, — пожаловался Кратов. — Каждый пропущенный удар выбивал из меня по два месяца высшего образования зараз.

— Ну, если вы сознаете этот факт, значит, еще не все потеряно, — проворчал Ахонга. — Тот же Большой Грифон, наверное, и не заметил, как обратился в то, что он сейчас есть... Так я поехал?

— Куда? — не понял Кратов.

— На концерт Озмы, — терпеливо разъяснил Ахонга. — В Концерт-холле выступает Озма, и я туда сейчас еду. — Он помолчал. — Я бы и вас с собой взял, да есть подозрение, что вы упадете в самый неподходящий момент. Мы лучше с вами завтра поедем. Для развлечения и... э-э... интеллектуальной реабилитации я оставляю вам свой красный блокнот. А синий беру с собой, на Озму. Вернусь через два часа. Вы понимаете, о чем я говорю? Я вернусь и отвезу вас в лучший ресторан. За это время Лолита приведет в порядок вашу физиономию — если сможет. А вы окончательно очухаетесь. — Ахонга снова сделал паузу. — Если сможете. Некоторые не смогли...

— Ложитесь на живот, — сказал Доминик грубовато. — Вы помните, как вас зовут?

Кратов кивнул. Он почувствовал легкое прикосновение ампулы к предплечью. Туман и пустота понемногу отступали. Зато наваливалась неодолимая дремота... «Ничего, — сказал Доминик. — Сейчас все пройдет». Его шершавые ладони разминали кратовскую спину. Затем без какого-либо перехода

их бесцеремонность сменилась на нежное, но вряд ли более слабое касание женских ладоней. «Привет, Лола, — пробормотал Кратов. — Простите, я, кажется, без штанов...» — «Освежеванной туше ни к чему шкура, — ласково проворковала Лолита. — Господи, что они с вами сделали! Что вы сами делаете с собой! И зачем? Ради денег?» — «Нет, — ответил Кратов. — Ради познания...» — «Найдите себе женщину. Возьмите ее в жены. Пускай она родит вам десять детей. Таких же умных, как вы, и красивых, как она. И бросьте вы этот бизнес, потому что может статься, что к концу карьеры у вас нечем будет думать и нечем делать детей...» — «Я так и поступлю», — пообещал Кратов. Или подумал, что пообещал... «Вам даже не нужно долго искать, — продолжала Лолита. — Я так прямо сейчас готова...» — «Осторожнее, — встрял Доминик. — Этот парень с Земли». — «Угу, — сказал Кратов. — На Земле выбирают женщины. После таких слов мне следовало бы покорно вздохнуть и протянуть вам плетку...» — «И вы всегда принимали такой выбор?» — спросила Лолита недоверчиво. «Конечно, нет, — сказал Кратов. — За это на меня даже наложили заклятье... почти двадцать лет назад». — «За такой срок все давно выветрилось, — засмеялась Лолита. — И потом, вам вовсе не обязательно возвращаться на эту вашу дурацкую Землю! Оставайтесь в Тритое и выбирайте кого хотите. Например, меня». Этот странный разговор, в котором добрую половину реплик, причем наверняка самых остроумных, Кратов явно не произносил вслух, тянулся и никак не мог прийти к завершению. Всех выручил нейроскан, на время лишивший Кратова возможности отвечать...

5.

...Однако рядом уже была не Лолита, а другая женщина. В блестящей черной накидке с опущенным на лицо черным капюшоном, из-под которого выбивался случайный локон удивительных сиреневых волос. «Идменк?!» Вместо ответа она протянула хрупкую, прохладную руку и коснулась его разбитого лица. И сразу отступила всякая боль. И, кажется, вернулось то, о чем он забыл и о чем, наверное, не хотел бы и вспоминать. Голова Африканского Носорога, что с каждым ударом запрокидывалась все сильнее и, наверное, могла бы оторваться вовсе и улететь в первые ряды, не упади он на колени — что позволило рефери прыгнуть между бойцами и прервать эту ужасную, убийственную серию ударов... Толчки бессмысленной, звериной ярости в натянутых жилах — сплошной, ничем не разбавленный адреналин вместо крови... Кляксы света под сомкнутыми веками и ни слабой тени боли после каждого соприкосновения с невесомым, неощутимым кулаком противника... И снова грязно-серое, пляшущее на расстоянии удара лицо Носорога со странно скошенными к переносице глазами... Носорог рушится спиной на канаты и, словно камень из катапульты, летит навстречу — рука просто выброшена перед собой, он натыкается на нее подбородком... глаза по-прежнему сведены в кучку... и здесь все заканчивается, и уж тогда-то вся боль мира лавиной обваливается на его расшибленное тело... «Я так не хочу, — пробормотал он плохо повинующимися губами. — Так нельзя. Это мерзко... я сам себе омерзителен». Женщина в накидке улыбнулась — он по-прежнему не видел ее лица, но по каким-то неясным, мельчайшим признакам... отблеск призрачного света на жемчужных зубах... игра теней на высоких скулах... сразу угадал, что она улыбнулась, — и снова ничего не сказала (за ней смутно угадывались еще две фигуры, если верить очертаниям — тоже

женские, но они не принимали в происходящем никакого участия, всего лишь стояли так же молча и недвижимо, словно ждали своего часа). Ее рука все еще лежала на его лбу, и он хотел бы, чтобы это длилось вечно, но по щемящей тоске под сердцем, по слезам на щеках, по тому, как ослабевало это целительное, желанное касание, уже понял, что никакое счастье в этом мире, под этими звездами, не длится вечно... И вот она отступила за границу света и растворилась в сумерках, как и не была. «Нет, не уходи, все что угодно, только не это, господи, я не хочу тебя терять!..» Он попытался подняться, чтобы догнать уходящую, вернуть, хотя бы присоединиться к ней — тело не повиновалось. Две другие женщины наконец приблизились к нему, будто желая утешить, умалить значение утраты своей любовью. И хотя он продолжал бороться с собственным бессилием, не собираясь покоряться, вселенская боль, что еще недавно представлялась невыносимой, уже отступала...

6.

Кратов лежал на спине, слабый и беззащитный, как дитя, наконец-то избавившийся от боли и отупения, и с щенячьей влюбленностью взирал на мир. Мрачный Доминик стоял над ним, сложив руки на груди, и жевал огромную сигару. Милое лицо Лолиты исполнено было сочувствия и материнской нежности. «Ничего страшного, — сказала она, бросая косые взгляды на экран нейроскана. — Стукнули по головке. Сильно стукнули. Много раз стукнули. Головушка у нас крепкая, чугунная. Все пройдет...»

Когда вернулся Ахонга, Кратов был практически в форме. Он лежал на животе, свежий, влажный после бассейна, растертый ароматическими маслами, и с любопытством листал красный блокнот.

— Как прошел концерт? — спросил он.

— Это же Озма, — вздохнул Ахонга. — Когда она запела «Finis mundi», десять тысяч рыдало, а еще десять блаженно улыбалось. Лично я и рыдал и улыбался.

— И никого не в состоянии были защитить, — добавил Кратов.

— Надеюсь, что не существует монстра, готового посягнуть на здоровье и благополучие божественной Озмы. Вы можете вообразить кого-то, способного на подобное святотатство?

— Это кто? — Кратов ткнул пальцем в расхристанное, бешеное чудовище, запечатленное безжалостным стилом Ахонги на одной из страничек блокнота.

— Это тоже вы, — кротко сказал тот. — Конец девятого раунда.

Кратов смущенно хмыкнул.

— Мне не нравится, когда я чего-то не помню, — заметил он. — И уж меньше всего мне нравится то, как я здесь выгляжу.

— Носорог сильно вас ударил. По лицу. А вы как-то говорили, что не выносите этого.

— М-да... — Кратов захлопнул красный блокнот. — Ну их к дьяволу, этих зверовидных ублюдков. Я желаю погрузиться в мир света и любви. Покажите мне свои свежие трофеи.

Конфузливо скалясь, Ахонга протянул ему синий блокнот.

— Где вы учились рисовать? — спросил Кратов.

— Ну, я не всегда был менеджером, — спесиво заявил Ахонга. — У меня приличные родители. Они дали мне хорошее образование. Я изучал не только изобразительные искусства в Академии живописи, но и много музицировал. Верите ли, у меня абсолютный слух... что делает меня особенно восприимчивым к голосу Озмы. А когда выступают эти новомодные засранцы, — добавил он с неожиданным остервенением, — у меня кожа сыпью покрывается! Озма — это... это нечто святое.

— Красивая девушка, — вежливо сказал Кратов.

— Это она и есть.

— Я представлял ее иначе...

— Ну, в прошлом году она была пышнокудрой брюнеткой восточного типа. А нынче это златовласая фея. — Ахонга помолчал. По его испятнаному дикарской татуировкой лицу блуждало выражение чистого блаженства. — Она имеет право быть кем угодно...

— А это кто?

— Дредноут-Джексон, вы его не знаете. Он работает со мной в охранном бизнесе. Тоже, изволите видеть, ревет, подлец! А ведь росту в нем добрых восемь футов и весу, как в упитанной горилле!..

— Вот этот, я вижу, не ревет.

— Меня тоже поразило его самообладание. Странный тип. Лицо необычное, глаза желтые, как у персидского кота... Но знаете, доктор Кратов, мне показалось, что внутренне он рыдает. Не глазами — всем существом. А глазами просто не умеет. Не научили... не то, что нас с вами. Увы, я не смог передать это его состояние своей жалкой рукой.

— Можно мне взять ваш блокнот?

— Зачем?! — изумился Ахонга.

— Хочу показать друзьям. Среди них есть истинные ценители.

Ахонга иронически сощурился:

— А не помогут ли они мне устроить персональную выставку в Академическом манеже?

7.

Обычно благодушный и всем ласково улыбающийся, Понтефракт выглядел на сей раз крайне озабоченным. И его можно было понять.

— Все изменилось, — сказал он мрачно. — И мы уже не можем пребывать в прежнем расслабленном состоянии, уповая, что опасность рассосется сама собой.

— Не следует сгущать краски, — проговорил Грозоездник. — Но ни к чему и разбавлять их розовым. Еще ничего не случилось.

— Но может случиться в любой момент, — возразил Понтефракт. — И мы даже не знаем, что именно это будет!

Эрик Носов, притулившийся в своем излюбленном кресле в дальнем углу помещения, сделал порывистое движение, будто намереваясь что-то сказать, но сдержался.

— Это не может быть ошибкой или случайным совпадением? — спросил Агбайаби.

— Увы, нет, — вздохнул Понтефракт. — Наши специалисты проанализировали не только этот рисунок, но и все, что было в блокноте. Несмотря на специфику стиля и явное отсутствие серьезной техники, художник в других своих зарисовках весьма точно воспроизводит оригинал. С какой стати ему было фантазировать в одном-единственном случае из двадцати?

— Он просто не мог знать специфических деталей, — провещал из своего аквариума Блукхооп. — Как следует из разъяснений доктора Кратова, этот человек бесконечно далек от нашей с вами проблематики. И все же он ясно указал эти детали на своем рисунке.

— Надбровные дуги, — кивнул Понтефракт. — Форма переносицы. Ушные раковины. Разрез и цвет глаз. Еще с десяток более мелких композитных особенностей... Это эхайн.

— Это эхайн, — негромко повторил Носов.

— Эхайн на концерте Озмы, — сказал Кратов. — Зачем?

— Мне страшно даже строить предположения, — признался Понтефракт.

— Ладно, — сказал Носов, досадливо морщась. Все посмотрели на него. — Вам всем страшно, а мне нет?.. Предположение первое: эхайн прибыл в Тритою с рутинной разведмиссией. Цель оной состоит в осмотре на месте, подготовке углубленного и массированного внедрения эхайнской агентуры в жизненно важные элементы местной социальной инфраструктуры. С тем, чтобы получить о ней исчерпывающее представление и попытаться экстраполировать извлеченную информацию. Это даст Эхайнору приближенную оценку военного потенциала Федерации и ее дальнейших намерений, а также возможность разрушительного воздействия на упомянутые болевые точки в момент вторжения... Такой вариант мы давно предвидели и к нему вполне готовы. Скажу больше: мы основательно предполагаем, что этот план уже осуществляется, хотя менее всего ожидали, что эхайны объявятся на Эльдорадо во плоти. Однако это смело, нагло, вызывающе — то есть, вполне в духе Эхайнора. И в то же время столь осторожная и последовательная тактика для них нехарактерна. Кавалерийский наскок, атака с лету, бомбовые ковры, рассеиваемые с орбиты, — другое дело.

— Противно, — сказал Агбайаби. — Эдак придется на всех планетах Федерации установить контрольно-пропускные пункты.

— А заодно и попытаться проанализировать этнический состав всех новоприбывших за последние двадцать лет, — криво усмехнулся Носов. — И применительно ко всем проверить действие закона сохранения маршрута.

— Что еще за закон? — удивился Понтефракт.

— Это наша... гм... внутренняя терминология. Внутрицеховая версия закона сохранения материи. Если объект куда-то прибыл, значит, откуда-то он несомненно убыл. Остается выяснить, откуда именно — с Земли, с Магии... или с Эхайнуолы.

— Так, — пасмурно сказал Кратов. — Как следует из ваших слов, Эрик, вы имеете и другие предположения.

— Имеем, — сказал тот деловито. — Предположение второе: эхайн здесь по случаю и никакой разветвленной агентурной сети не представляет. То есть, он прибыл с какой-то одной-единственной целью. Например, просто посмотреть на потенциального противника. Какой-нибудь военный функционер или шеф разведотдела сил вторжения... В этом случае никакой достоверной информации он не извлечет, а скорее, будет введен в заблуждение — и распространит беспочвенные иллюзии на весь свой департамент. Что-де земляне — толпа неорганизованных раздолбаев, только тем и занятая, что скудоумными развлечениями, мелким бизнесом и поисками приключений на свои задницы.

— Мы и впрямь похожи на... то, что вы сказали? — озабоченно спросил Понтефракт.

— Надеюсь, что да, — сказал Носов. — Тот редкий случай, когда весь бардак, творящийся в вашем драгоценном мире, мне по нраву. Лучшей операции прикрытия и не изобрести! С точки зрения эхайнов захватить такой мир не составит большого труда, а спалить его к чертовой матери — дело чести любого воина... — Понтефракт скривился, как от приступа зубной боли, и полез в карман за сигарой. — Это, так сказать, пессимистический вариант. Нейтральный же состоит в том, что эхайн прибыл сюда из непонятных нам соображений, впрямую связанных с Кодексом Эхлидх. Например, он решил доказать себе — или второму лицу — проницаемость земной обороны. Поспорил с кем-нибудь... или в карты проиграл...

— Карточные игры среди эхайнов не распространены, — ввернул Блукхооп.

Носов долгих десять секунд молча таращился на перламутровую капсулу, в окошке которой хладнодушно мерцал огромный выпуклый глаз.

— Тогда в лото, — сказал он наконец. — Разве это принципиально?.. И доказал, беспрепятственно миновав все фильтры тритойских космопортов и явившись на концерт Озмы. В его глазах это унижает противника и свидетельствует о его отвратительной мягкотелой беспечности и боевой несостоятельности. То, что на Эльдорадо по определению нет никаких фильтров, для нормального эхайна никогда не будет

понятно. Как это можно обойтись без удостоверений личности, виз и аусвайсов? Особенно в прифронтовом пространстве? Так мы воюем, едрена вошь, или нет?!

— Наполните же наши сердца и оптимизмом, — кротко попросил Понтефракт.

— Есть и оптимистический вариант. Эхайн прибыл в Тритою с единственной целью — послушать концерт Озмы.

— У-у... — тихонько взвыл Понтефракт.

Агбайаби саркастически улыбался.

— Вообще-то из слов Ахонги следовало нечто похожее, — с сомнением сказал Кратов. — Ему показалось, что эхайн испытывал громадное внутреннее напряжение.

— Господин Ахонга может верно интерпретировать внешние признаки эмоциональных проявлений эхайна? — спросил Понтефракт сварливо. — Он знает, как отличить эхайнский гнев от эхайнского спокойствия? Отвращение от блаженства?

— Вас потрясло бы сходство, — как всегда, загадочно промолвил Блукхооп.

— Ну, я тоже в это не верю, — заявил Носов. — С чего бы мне быть оптимистом, при моей-то информированности?.. Так что остается предположение третье.

— Ну же, не терзайте нас, — сказал Понтефракт страдальческим голосом.

— По сути, оно существует на стыке между первыми двумя. Эхайны *действительно* готовят вторжение. Эхайны *действительно* имеют здесь агентурную сеть. К тому же, они знают о существовании этого высокого собрания и располагают записями наших конфиденциальных бесед. Как известно, им даже удалось нечувствительно вживить «жучок» одному из нас в мышечную ткань.

— Что такое «жучок»? — спросил Грозоездник. — Речь идет о каком-то небольшом инсектоиде?

— Так на профессиональном жаргоне контрразведчиков называют медиатранслятор — миниатюрное следящее устройство, — разъяснил Носов.

— И что же, мы здесь беседуем, а этот эхайнский «жучок» за нами следит?!

— Мы его удалили и пытаемся использовать для передачи дезинформации. Надеюсь, он был единственным... — Носов замолчал, уперевшись остекленелым взором в капсулу Блукхоопа и о чем-то напряженно размышляя.

— Доктор Носов, — негромко окликнул его Агбайаби.

— Простите, — сказал тот, выходя из ступора. — На чем бишь я... Так вот: не ограничиваясь банальной разведывательной деятельностью, эхайны хотят нанести нам какой-то упреждающий парализующий удар. Унизить нас, указать нам на занимаемое нами место в галактической иерархии, потрясти нас невиданным кощунством, вселить в нас ужас и тем самым обезоружить перед лицом безжалостного противника. Продемонстрировать, что наши ценности не имеют для Эхайнора ни малейшего значения.

«Вы можете вообразить кого-то, способного на подобное святотатство?» — сразу вспомнил Кратов.

— Эхайны хотят убить Озму, — ровным голосом сказал Носов.

8.

Грозоездник с лязгом перебрал жвалами.

— Не понимаю, — признался он. — Этот отдельный человек, Озма, действительно много значит для вашей культуры?

— Наша Федерация состоит из разных этносов, — сказал Агбайаби. — Между некоторыми до сих пор сохраняются давние и глухие трения. Все же, у нас была бурная и кровавая история... Один мир может питать предубеждение к другому. Один народ может не доверять другому. Один человек может не любить другого. Озму — любят все. Размеры творческого вклада Озмы в нашу культуру оценит время. Но в настоящий момент она — то, чему поклоняются.

— Идол, — лаконично пояснил Кратов.

— А, так здесь присутствуют религиозные мотивы! — воспрял духом Грозоездник.

— Ни в коей мере, — возразил Агбайаби.

Арахноморф озадаченно умолк.

— Озма, — сказал Носов. — Подлинное имя — Ольга Флайшхаанс. Родилась в 115 году в местечке Сиринкс, планета Магия. Биографические сведения отрывочны и скупы, очевидно — она заботится об ореоле тайны вокруг своей персоны. В раннем детстве обнаружила удивительные музыкальные способности. Абсолютный слух, не по-детски сильный голос необычного тембра. Несомненное дарование в области композиции... Выступала с Большим академическим оркестром города Элуценс на гастролях, была услышана маэстро Ла Фьямма, оценена по достоинству и приглашена для продолжения образования на Земле. Где и провела восемь лет. Высшая школа вокального мастерства в Риме, стажировка в «Ла Скала», в Мадридском королевском театре... В пору взросления голос Озмы, тогда еще — Ольги Флайшхаанс, претерпел неизбежную мутацию, однако самым удивительным образом.

Его диапазон увеличился на три октавы, и при определенных усилиях со стороны вокалистки в нем стали появляться мужские форманты. Я не специалист, но знатоки говорят, что такого голоса никогда не существовало ни на Земле, ни на Магии, ни где-либо в пределах Федерации... В возрасте двадцати двух лет Ольга Флайшхаанс начинает активную гастрольную деятельность, все более отходя от классического репертуара. Она экспериментирует в области авангардного джаза, но каноны и стандарты этого музыкального течения ее сковывают. Впрочем, ее старые записи, например, концерт с квартетом Фоззи Шепарда, неискушенного зрителя и по сю пору разят наповал. Ходят легенды, что после того, как Ольга исполнила «Литл Биг Блюз» на Нью-Орлеанском традиционном ночном сешне 138 года, его автор Гас Гилкрист разбил свою знаменитую гитару, покинул зал и на два года отказался от публичных выступлений, предаваясь чудовищному пьянству, разгулу и самоуничижению. Потому что юная, и что особенно унизительно для орлеанского джазового братства, белая певица, даже не американского происхождения, вскрыла своим голосом такие глубины в этом, скажем прямо, непростом для самого изощренного исполнителя произведении, о каких не подозревал сам его создатель. И какие при самом великом напряжении фантазии и голосовых связок никогда не смог бы воспроизвести, не говоря уже о том, чтобы превзойти...

— Я слышал эту легенду, — с воодушевлением подхватил Понтефракт. — Все кончилось, когда Ольга пришла в халупу Гилкриста, перебила все его бутылки, разогнала всех его баб, влепила самому маэстро пощечину, закатила феерическую истерику и потребовала, чтобы он не валял дурака. Трудно поверить, но это подействовало. Они провели вместе одну ночь, и присутствовавший при этом Фоззи Шепард сделал запись их пятичасового сешна, в котором и сам принял посильное участие. Пиратская запись ходит по рукам под названием «Ночной кошмар в Пайлоттауне». Зрелище впечатляющее: пьяный старик-негр в соломенной шляпе и шортах, с шестнадцатиструнной акустической гитарой в мозолистых лапах, роскошный мулат в сакраментальных белых штанах, белом же пиджаке и белом галстуке «кис-кис»; за расстроенным му-

зейным синтесингером, и зареванная белая соплячка в джинсовом комбинезоне поют «Колд ин хэнд блюз»...

— Послушайте, Бруно, — нервно сказал Агбайаби. — Вы не могли бы мне достать эту запись? Хотя бы на время? Я и не знал, что она существует...

— Эльдорадо — планета пиратов, — с гордостью объявил Понтефракт, — и Тритоя — столица ее!

— По-видимому, это был один из последних джазовых экзерсисов Ольги Флайшхаанс, — сказал Носов. — Со 140 года она выступает в жанре, который с большой натяжкой можно назвать «популярной музыкой». Ее дебют состоялся на ежегодном фестивале в Вудстоке, где она с огромным блеском исполнила программу собственных сочинений в стиле, близком к «пауэр-болт», но таковым не являвшемся хотя бы потому, что в поношение традиций Вудстока Ольга пела на родной латыни, точнее — на *новолате*, магиотском диалекте. Ее не отпускали со сцены три часа, у нее кончился репертуар, в отчаянии она спела вначале «Hey Jude», а потом без перехода «Miserere», но и это не помогло. Тогда она в совершенной оторопи исполнила «The Way Old Friends Do» [1]...

— Это такая старенькая, простенькая в мелодическом плане вещица с глубоким латентным драйвом, — жмурясь от удовольствия, сказал Агбайаби. Кратов покосился на него с изумлением: он и представить не мог, что этот старец увлекался чем-либо еще, помимо ксенологии.

— ...Но Озма этот драйв пробудила и усилила во стократ, — ухмыльнулся Носов, — так что весь Вудсток единым духом рухнул на колени и не вставал еще битый час, требуя продолжения. И лишь приезд легендарных «Морайа Майнз» спас положение.

— Истинно, — подтвердил Понтефракт. — Попники так ее и называли: «Бич божий», «Внезапная смерть»... Если на фестивале или концерте появлялась Ольга Флайшхаанс, остальные участники могли убираться восвояси — никто их и

[1] «Hey Jude», слова и музыка — Пол Маккартни, группа «Битлз» (1968 г.). «The Way Old Friends Do» (Как поступают старые друзья), слова и музыка — Бенни Андерсон, Бьерн Ульвеус, группа «Абба» (1980 г.).

слушать не станет, с их чепуховой музыкой и ничтожными голосами.

— Серьезные специалисты полагают, что именно благодаря феномену Озмы современная массовая культура пришла в беспрецедентный упадок, — продолжал Носов. — Между тем как классическая музыка и в определенной степени музыкальный авангард переживают настоящий бум... Так или иначе, в 141 году Ольга Флайшхаанс приняла сценический псевдоним «Озма», собрала собственную концертную труппу из единомышленников и с непреходящим успехом гастролирует по Галактике. Большинство исполняемых композиций — ее собственного сочинения. С ней сотрудничают выдающиеся аранжировщики современности — Ла Гуардиа, Деллафемина, Белоцерковер. Хотя и ее аранжировки отмечены бесспорным талантом. Возьмем, к примеру, ту же «Cantilena candida»...

— Что означает ее псевдоним? — спросил Грозоездник.

— «Губы ее были алы, глаза сияли, как алмазы», — едва заметно улыбаясь, сказал Агбайаби. — «По плечам струились золотистые кудри» [1]...

— Он взят из старинной детской книги о волшебной стране, — объяснил Понтефракт. — Страна называлась Оз, а правила ею прекрасная принцесса Озма. И жили там самые невообразимые существа. Совсем как в нашей Галактике.

— Вы хотите сказать, что эта певица полагает себя властительницей Галактики? — уточнил Грозоездник.

— В определенном смысле так оно и есть, — хмыкнул Понтефракт. — Во всяком случае, ни одна из планет Федерации не возьмется это оспаривать...

— Даже Амрита, — осклабился Агбайаби, — что, подобно киплинговской кошке, «гуляет сама по себе». Озма завоевала их единственным концертом собственных интерпретаций Ригведы в стиле «рага-стрим».

— Но мы даже не воспринимаем большую часть вашего акустического спектра! — возмущенно заломил передние конечности арахноморф.

---

[1] Лаймен Фрэнк Баум. Страна Оз. Пер. с английского Т.Венедиктовой.

Блукхооп сверкнул выпученным лукавым глазом в своем узилище.

— Это шутка, коллега, — сказал он. — Маленький розыгрыш в человеческом духе. Юмор гуманоидов. Юмор вы обязаны понимать по своему общественному статусу...

Грозоездник просвистел что-то невразумительное и, по всей видимости, непереводимое. Блукхооп, однако же, понял.

— Вы слишком строги к ним, друг мой, — промолвил он. — В конце концов, все юные расы амбициозны и непочтительны...

— Я могу закончить? — осведомился Носов. Никто не проронил ни звука. — Итак, Озма в настоящее время находится на планете Эльдорадо, в городе Тритоя, куда прибыла с родной Магии и откуда вскорости направится на Тайкун. Ей двадцать восемь лет, и она все еще набирает высоту своего феерического таланта. У нее нет друзей и нет человека, с которым она делит ложе. У нее прекрасное здоровье и, по нашим сведениям, естественная сексуальная ориентация, но творчество отнимает все время и сжигает все силы... В круг привязанностей Озмы входят лишь самые близкие родственники и домашние животные. К последним можно причислить трехгодовалую дымчатую кошку Дороти, что прибилась к труппе во время предыдущих гастролей Озмы в Тритое.

Понтефракт приосанился.

— Это предмет гордости Магистрата, — заявил он.

— Озма обожает менять внешность. Сейчас это отнюдь не растрепанная соломенноволосая девчонка в джинсах периода «Ночного кошмара» и Вудстока, и не знойная чернокудрая магиотка, как в прошлом году. Вот как она выглядит сегодня. — Носов проделал легкое мановение зажатым в руке пультом, и на свободном пространстве в центре помещения возникла застывшая женская фигура.

«Губы ее были алы, глаза сияли, как алмазы...»

Нет, ничего королевского в Озме, пожалуй, не было. В облегающем длинном платье из безыскусной и даже грубой на вид белой ткани, с просторными рукавами и высоким стоячим воротником, она выглядела скорее фрейлиной на пикнике. Копна жестких волос живого соломенного цвета была

умело уложена таким образом, чтобы казаться в полном беспорядке и в то же время не вызывать раздражения. Лицо и кисти рук были насыщенно-смуглыми, что могло быть в равной степени и результатом долгих прогулок под палящим солнцем, и незатейливым макияжем. На этом легком шоколадном фоне контрастно-алым пятном выделялись полные губы, сообщавшие круглому, скуластому личику несколько наивное выражение, и широко расставленные прозрачно-зеленые глаза. «Господи, — подумал Кратов, — да ведь она дурнушка!» Это ничего не меняло. Это нельзя было сравнить ни с чем и ни с кем, ни с одной из прекраснейших женщин, что встречались ему на жизненном пути. Ни с агрессивной, тропической красотой Рашиды Зоравицы, ни с морозным очарованием Идменк... Первый взгляд на Озму заставлял оцепенеть на месте. Второй — валил с ног. В ее простоватом лице, в ясном взгляде было столько царственной силы, что ей не нужно было даже открывать рта, чтобы завоевать народы и планеты. Достаточно было просто стоять молча перед тысячами потрясенных глаз. Но Озма при этом пела.

— Это действительно... Озма, — пробормотал Кратов.

— Не говорите, что никогда не видели ее воочию, — тихонько сказал Понтефракт, склонившись к нему.

— Только на афишах, что расклеены по всему городу, — печально сказал Кратов. — Теперь-то я вижу, что у вас за художники.

— Дерьмо художники, — охотно согласился Понтефракт. — У меня странное ощущение. Будто бы вы хотите признаться, что никогда не слушали ее голоса.

— Боюсь, что так...

— Нет! — Понтефракт в ужасе отстранился от него. — Этого быть не может! Вы с ума сошли! Родиться и жить в лучшем из миров и не слушать Озму?! Чем же, кот дери, вы занимались почти сорок лет своей жизни?

— Видите ли, — осторожно промолвил Кратов. — Я вообще не питаю устойчивых пристрастий в музыке. Мне в детстве на ухо наступил медведь...

Прислушивавшийся к их словопрениям Грозоездник встрепенулся.

— Простите, — вмешался он. — Но как такое могло произойти? По моим сведениям, медведь — это крупный реликтовый хищник. Даже если допустить, что он сохранился на одной из планет вашей Федерации, то соприкосновение одной из его конечностей с органом слуха, да еще расположенном в столь уязвимом месте, как черепная коробка, неизбежно привело бы если не к гибели жертвы, то к тяжким увечьям!

— Это иносказание, коллега, — с некоторым раздражением пояснил ему Блукхооп. — Фигура речи! Вы должны это знать, вы специалист. К тому же, медведи еще не вымерли, и это вы также должны знать...

— Доктор Кратов, — сказал Понтефракт. — Друг мой! Не наговаривайте на себя. Я сам слышал, как вы мурлыкали после первых двух литров пива. Вы в состоянии воспроизвести услышанную мелодию, а значит — старина медведь обошел вашу колыбельку стороной. Вам нужно побывать на концерте Озмы, дабы вы поняли, что потеряли. И преисполнились раскаяния.

— Долгое время музыкальная культура Федерации пребывала в застое, — сказал Агбайаби. — Считалось, что исполнительское мастерство достигло совершенства, и потому красота и выразительность голоса большого значения не имеют. Все внимание уделялось тексту, мелодии и аранжировке. Это подлежало оценке и восхищению. Голос стал всего лишь одним из инструментов в партитуре. Тем более, что ничего не стоило синтезировать любой голос на усмотрение композитора... Но появилась Озма, и все вернулось на свои места. Людям, в общем-то, безразлично, какие слова и на какую музыку она поет. Им хочется *слушать* ее голос.

— Справедливости ради заметим, — ввернул Понтефракт, — что и слова и музыка также не обманывают ничьих ожиданий.

— Самые неискушенные упиваются ее голосом, — согласился Агбайаби. — Более наторелые — в состоянии оценить гармонию. Полиглоты вкусят блаженства от стихов. А те, кому на орган слуха наступил реликтовый хищник, благоволят насладиться обликом божественной Озмы.

— Но, как правило, потрясенный зритель подвержен комплексному воздействию сразу нескольких факторов! — воскликнул Понтефракт.

— Благодарю вас, коллеги, — произнес Носов. — Теперь доктор Грозоездник и доктор Блукхоон наверняка составили представление о том, что значит для человеческой цивилизации скромная по галактическим меркам персона Озмы.

Грозоездник все еще выглядел озадаченным.

— Это не так просто понять, — пояснил он. — У нас не существует искусства звукоизвлечения. Видимо, это связано с анатомическими особенностями нашей расы. Мы можем восхищаться простотой и логикой математических построений. Мы ищем гармонию в изящно выведенных доказательствах физических теорий и химических формулах. Но я увидел ваш энтузиазм и принимаю ваши слова на веру.

— Нам непросто понять ваш страх утратить отдельного члена своего сообщества, — сказал Блукхоон. — Вас так много, вы такие одинаковые. Что значит одно человеческое существо, когда остается человечество? Эта потеря будет немедленно и сторицей возмещена — у вас нет проблем с рождаемостью. Но вы все еще ставите общественную значимость отдельного индивидуума в зависимость от его личностных характеристик. Вы, как и тысячи лет назад, храните приверженность иерархической, клановой структуре общества. Только нынче градация происходит не по имущественным и сословным признакам, а по объективной, а чаще — мнимой существенности вклада в культуру или науку. Ну что ж... Если утраченный член и впрямь обладал некими выдающимися характеристиками — что мешает искусственно промоделировать и воспроизвести их в ближайшем же потомстве? И даже если такое невозможно — ведь сохранятся его труды, записи... хотя бы тот же «Ночной кошмар в Пайлоттауне». Разве этого недостаточно?

— Мы не хотели бы, чтобы все ограничилось записями, — сдержанно заметил Агбайаби. — Мы хотели бы, чтобы за тем, что уже есть, следовало что-то еще. И как можно дольше.

— Ничто не длится вечно. Позвольте вам напомнить этот трюизм. Иногда бывает разумно остановиться на вершине, вместо того, чтобы неожиданно для всех, в том числе и для себя, вдруг сорваться в пропасть... — В окошке перламутровой капсулы трепыхнулась тонкая пелерина и пропала. —

Впрочем, все это — праздные рассуждения на отвлеченную тему. Вы не желаете ни малейшего разрыва целостности, и это ваше право. Мы можем не понимать его, но мы обязаны принять его.

— И помочь вам не допустить потери, — прибавил Грозоездник.

— Бруно, — обратился Носов. — Я знаю, что это не совсем укладывается в рамки местных законов. Но вы должны допустить моих людей на очередной концерт Озмы. И на все последующие, кстати. И дать им свободу действий.

— Это будет непросто, — задумчиво произнес Понтефракт. — Озма пробудет в Тритое двадцать семь дней...

— Полагаю, вы не ждете, что толпы громил в защитной броне станут разгуливать между рядов, бряцая боевыми фоторами, — с легким сарказмом сказал Носов.

— Не жду, — согласился Понтефракт, продолжая сохранять озабоченный вид. — Я знаю, что вы незаметны неискушенному глазу.

— Искушенному — тоже, — веско промолвил Носов.

Интерлюдия. Земля

— Вам повезло, — проговорил Грегор серьезно. — Это надо было уметь: провести в лесу час с небольшим и нарваться на укус «жан-лок-ванг»! Я вам завидую.

— Я не могу понять, когда ты начинаешь шутить, — сказал Кратов.

— Чтобы не рехнуться от забот, я шучу беспрестанно, — с печалью в голосе пояснил Грегор. Он вдруг хихикнул: — Мне повезло, что я микробиолог. Никому в голову не придет пригнать ко мне в лабораторию стадо всех моих мутантов в назидание...

— Ты не знаешь, что там с ними стряслось? — спросил Кратов. — Почему они оказались в лесу, а не... умерли, как предполагалось?

Грегор отрицательно покачал головой:

— Не знаю. Учителя разбираются.

— И зачем Майрону понадобилось изгонять с Фермы единорога? Ведь это один из немногих абсолютно удачных бионтов.

— Потому что Майрон — кабан! — с неожиданным ожесточением заявил Грегор, глядя в сторону.

— Кабан?!

— Угу. Свиной самец. Такое животное, которое обычно берут за щетину и тычут клыкастым рылом в... землю, пока оно не поймет.

— Что поймет? — озадаченно смеясь, спросил Кратов.

— Что оно — кабан... Так я пойду?

— Беги, милый. Спасибо, что навестил. И... не бей Риссу.

— С этого дня она занимается кухней, — зловеще произнес Грегор.

— Как ты полагаешь, что от этого пострадает больше — ее свобода или ваши желудки? — усмехнулся Кратов.

Лицо Грегора сразу же сделалось чрезвычайно озабоченным.

Светило незлое утреннее солнышко. Медлительно перепихивал с места на место напитанные влагой и растительны-

ми запахами воздушные массы легкий ветерок. Сдержанно шебуршали над изгородью большими овальными листьями пыльно-серые деревья (поначалу Кратов счел их фикусами-переростками, но это оказалась «ка-он», местная разновидность каштана; чуть позже Кендра Хименес показала ему настоящий тропический фикус — это была махина почти в три обхвата, при виде которой смешно было и вспоминать о традиционной кадке, символе средневекового мещанства!). Кратов сидел на скамье под навесом и немного отстраненно взирал на обычную всеобщую суету. Отпаниковав и проревевшись после ночных приключений и рассветного пришествия монстров, Ферма продолжала жить своей малопонятной и многообещающей жизнью. Хотя и нельзя было отрицать, что он внес в нее свою лепту дополнительных забот...

В своем загоне буянил Дракон: ему хотелось на волю, в ледяные струи ближайшей речушки и к несуществующей подруге. Майрон, похоже, о нем позабыл, сейчас у него была другая головная боль (что, впрочем, его никак не оправдывало): стадо «смоляных бычков» всех мастей и размеров, да в придачу Конек-горбунок, плод разнузданной хэллоуинской фантазии...

Важно прошествовала феноменальная сеньорита Мерседес Мартинес Солер, не упустив, однако же, одарить ослепительной коралловой улыбкой Кратова, польщенного вниманием столь значительной особы. Избавившись от кулинарных хлопот, она явно наслаждалась независимостью и отнюдь не спешила к своим ручным растениям.

Совсем низко, почти задевая верхушки молодой самшитовой поросли, пронеслись на скейтах амазонки во главе с чемпионкой Розалиндой. Сорванные встречными потоками воздуха «ноны» трепыхались за спинами на манер тормозных парашютов.

Проплелся незнакомый, самого печального вида вундеркинд, а за ним на почтительном расстоянии неуклюже протопали Кинг-Конг и Годзилла. Земля подрагивала от их тяжкой поступи. Чудища следовали на реабилитационные процедуры, что энтузиазма их мрачному облику не добавляло. Вслед им кто-то невидимый тоненько напевал по-русски:

По улицам ходила
Здоровая Годзилла
Она, она
Голодная была.

В тенечке под фикусом пили пиво и с некоторой опаской взирали на эту странноватую компанию спасатели в расстегнутых до пупа оранжевых комбинезонах, напрасно прибывшие с континента. Мимо них в обратном направлении, сияя пугающей беззубой ухмылкой, проскакала и сгинула в казуариновой аллее уже покончившая с процедурами мантикора.

На крылечке биохимической лаборатории увлеченно беседовали учитель Ольгерд Бжешчот и безымянный круглоухий зверь. Последний обещал породить особенно много вопросов. Никто не сознавался в его сотворении, а сам ушастик упорно не желал указать своего создателя. А может быть, просто не знал. Между тем, по словам Тонга, именно он был самым сложным и многообещающим из всех бионтов. У него была тонкая, высокоорганизованная психика. Он воспринимал эмо-фон и, в свою очередь, мог направленно транслировать собственные эмоции, а также аккумулировать и ретранслировать чужие (чем еще недавно и занимался, пытаясь изгнать Кратова из леса). Он едва ли не способен был читать мысли — то есть обладал свойством, которое никому из известных ученых до сих пор не удалось формализовать, а тем паче искусственно воспроизвести. Однако же некто неназванный все это сумел, воспроизвел и теперь не желал чистосердечно сознаться в великом открытии!.. На счет ушастика строились фантастические предположения. Например: что его придумал и вырастил отсутствующий Большой Виктор (эта гипотеза расценивалась как самая нежизненная: Большого Виктора уважали и ценили, а малыши так и вовсе души в нем не чаяли, но однозначно признавалось то неоспоримое обстоятельство, что звезд с неба он не хватал). Что ушастик был бионтом второго поколения, то бишь естественным потомком каких-нибудь старых бионтов, о которых вообще никто не подозревал или не помнил — ведь Ферма существовала уже лет пятьдесят (хотя бионтами, как представляется, здесь стали заниматься совсем недавно). Что ушастый тайно прибыл сюда

с какого-то другого детского острова, например — на самодельном плоту. Что Ферма время от времени неведомым и противоправным образом используется для каких-то тайных, никому не известных научных проектов, к которым дети не имеют никакого касательства, и что если вдруг обнаружатся иные свидетельства означенного свинства, то кое-кому придется открутить башку. И что феноменом круглоухого в первую очередь и займется специальная комиссия, каковая начнет здесь работать с завтрашнего дня, во всем разберется и раздаст всем сестрам по серьгам.

В сторонке грустная, не выспавшаяся, но все равно очаровательная Кендра Хименес сидела на травке, вытянув красивые загорелые ноги, и тихонько тренькала на укулеле. Спасатели бросали в ее сторону жаркие взгляды, увы — недостаточно жаркие и потому бесследно таявшие, не достигая цели, в прогретом воздухе.

Приблизился учитель Тонг, стеснительно присел напротив. Бесчисленные морщины делали его лицо непроницаемым.

— Я слышал, вы уже улетаете, — сказал он.

— Угу, — кивнул Кратов. — Жду, когда мне пригонят гравитр с континента. Боюсь, что дальнюю дорогу на «Коралловый берег» пешком я пока не осилю. Между прочим, что это за зверь такой — «жан-лок-ванг»?

— Банановая змея, — пояснил Тонг. — Небольшая, но вполне ядовитая. Должно быть, вы энергично размахивали руками там, в чаще, чего делать никак не следовало бы, и ненароком ее задели. Все же это девственные леса Индокитая. Вы легко отделались — у вашего организма прекрасно налаженные защитные механизмы.

— Это комплимент? Спасибо. Теперь буду хвастаться и укусом, и организмом...

— И вам тоже спасибо, — негромко пропел Тонг.

— Мне-то за что?!

— Во-первых, вы нашли Риссу.

— Допустим, она пришла сама, когда наш ушастый гуру довел до сведения единорога, что всем пора возвращаться. — Кратов огляделся. — Кстати, где она?

— Какое-то время будет нелегко оттянуть ее от единорога даже за уши, — улыбнулся Тонг. — Отрядить Риссу на кухню было ошибкой Грегора. Надеюсь, он успеет ее исправить до обеденного времени... Во-вторых, вы предупредили возможное... гм... несчастье и даже указали, как его избежать. Чем всецело подтвердили свою репутацию компаса и лекарства в одной упаковке.

— Я не слишком доверяю легко наступившим хэппи-эндам...

— А как же они должны наступать?! Время потоков крови, огненных смерчей и орудийной канонады, хвала создателю, прошло... Мы слишком сильно отпустили поводья, и наши гениальные дети понеслись вскачь. Давно известно: дети — самые жестокие существа под солнцем и луной. Ибо не ведают что творят. Мы должны учить их осознанию и состраданию. Плохо, если это нам не удается... Строить живое существо, как игрушечную крепость из кубиков, занятие увлекательное. Особенно если гнать от себя мысль об их страданиях.

— Вы же сами закладывали бионтам программу самоуничтожения, — напомнил Кратов.

— Это была ошибка. Она могла привести к большой беде.

— Но Майрон же попытался ее исправить!

— Майрон оказался достаточно умен, чтобы внести коррективы в ментальные программы, — покачал головой Тонг. — Строптивые или бракованные бионты не умирали. Они вынуждены были уходить и прятаться. Реакция отторжения. Их отбрасывало от детей, как от силового поля... — Он на мгновение погрузился в свои мысли. — И от всех нас, учителей, увы — тоже отбрасывало. К счастью, вы оказались настолько большим, что никакие программы на вас не отреагировали.

— Тот редкий случай, когда я благословляю свой рост, — заметил Кратов. — Не пойму только, чего это Майрон так ополчился на единорога.

— Ему хотелось сделать больно Риссе, — невесело улыбаясь, промолвил Тонг. — Он решил, что она слишком независима... от него. Ему хотелось, чтобы она все время вертелась где-нибудь неподалеку, как другие девочки. Чтобы с восхищением заглядывала ему в рот, восторгалась, какой он

умный, и с готовностью принимала его знаки внимания. Но, увы, Майрон с его гипертрофированным интеллектом Риссе уже не интересен...

— Какое-то время парня ждет нелегкая жизнь, — задумчиво сказал Кратов, припомнив рассуждения Грегора о клыках и щетине.

— И в-третьих, — сказал Тонг. — Я благодарен вам за доверие. Вы оказались достаточно мудры, чтобы предоставить нам возможность самим исправлять наши ошибки. У вас было моральное право собрать всех детей и прочесть им суровую нотацию. Но вы поступили иначе.

— Точнее, я не поступил никак, — поправил Кратов. — Это не совсем в моем стиле, но... из меня неважный учитель. Должно быть, я не настолько взрослый сеньор, чтобы не бояться детей.

* * *

Гравитр прилетел к полудню. В кабине сидел мощный подросток, которого все называли Большим Виктором. По всей видимости, он уже был в курсе последних событий, отчего имел комично перепуганный вид. Его немедля облепила малышня и повлекла на правеж к учителям. Быть может, тайне происхождения круглоухого бионта суждено было раскрыться.

Кратов подхватил свою сумку. Слава богу, его никто не провожал, кроме, разве что, Сэра Генри — так на скорую руку окрестили баскервильского пса, приладив ему на морду круглые черные очки-консервы, чтобы уберечь от яркого дневного света гипертрофированные больные глаза.

Кряхтя, он поднялся и побрел к машине. Его слегка пошатывало, в голове все еще плавали лоскутья болезненного тумана.

Откуда-то из-за угла вывернулся Майрон. Завидев Кратова, он придал лицу крайне озабоченное выражение и попытался проскользнуть мимо.

Это ему не удалось.

Сэр Генри глухо заворчал, а Кратов сцапал Майрона за плечо.

— Шерстистый носорог, — сказал он с наслаждением, — был глупым, упрямым и свирепым животным. Таким же, как и его местные правнуки, но намного крупнее. И все его нравственные пороки количественно соответствовали его габаритам. И с прохожими он раскланиваться не станет. Генофонд не позволит. А если ты снова схитришь и поправишь ему инстинкты, это будет уже не шерстистый носорог, а кукла, зомби. Ты знаешь, что такое «зомби»?

Майрон, хлюпая носом, закивал, как болванчик.

— Ты хочешь сделать носорога-зомби?

Майрон с той же частотой отрицательно замотал головой.

Кратов подумал, чего бы еще сказать страшного и убедительного, но в голове больше не рождалось слов, допустимых для употребления в обществе детей.

— Иди и впредь не греши, — буркнул он, отпуская плечо.

Сумка полетела в открытую кабину. Кратов попробовал молодцевато вспрыгнуть следом, как обычно и поступал, но острая боль, проснувшись в плече и отозвавшись под лопаткой, вынудила его убавить резвость. Он опасливо поднялся в кабину и умостился в кресле пилота.

Сэр Генри стоял в некотором отдалении, вывалив язык и искательно шевеля обрубком хвоста.

— Ты же понимаешь, — сказал ему Кратов. — Я не могу тебя забрать с собой. Тебе нужно быть здесь. Тебя здесь будут кормить, лечить и жалеть. Пусть только попробуют не жалеть... А у меня даже дома своего нет. Будь здоров, парень.

Он захлопнул дверцу и запустил генераторы.

Позади него деликатно откашлялись.

— Только не думай, Третий, что я не чуял твоего эмофона, — проворчал Кратов. — Ты его заглушил, не спорю. Но эти ухищрения для меня не годятся.

Ертаулов бесшумно переместился в соседнее кресло.

Старый, изношенный, опустившийся человек. Неряшливо одетый в вытертые добела джинсы и заношенную серую фуфайку, плохо выбритый. В черные, отросшие сверх меры волосы вплелись седые пряди. Запавшие глаза утратили прежний живой блеск. Никакой это был не прежний Стас Ертаулов, а нечто совершенно иное, чужое и даже страшноватое.

Но вот он улыбнулся. И эта бурая, обветренная рожа на мгновение преобразилась, словно из-под грубо нанесенной на древний холст авангардистской мазни вдруг проступил чистый и юный лик.

— Привет, Второй, — сказал Ертаулов просто. Как будто не было этих бесконечных лет и десятилетий, а расстались они только вчера... выйдя из-за столика какой-нибудь нехитрой таверны, вроде «Ангел-эха».

Кратов молча кивнул, собираясь с мыслями.

— Что же ты хочешь от меня, Второй? — спросил Стас. — Зачем же ты меня искал? А?

* * *

— Куда мы летим?

— Пока что ты летишь со мной. Когда мы окажемся на материке, ты сам назовешь мне ту клинику, в которую мы двинемся дальше. Кстати, вот тебе список самых лучших, — Кратов включил автопилот и, пошарив в кармане куртки, вытащил листок белой бумаги, заполненный мелким и аккуратным почерком учителя Тонга.

— У меня со здоровьем все в порядке, — насторожился Ертаулов.

— Конечно, конечно. Если только ты и дальше намерен прятаться от меня и от всего остального мира по темным углам...

— Я прекрасно жил все эти годы. Мне никто не нужен. И я никому не нужен!

— Говори только за себя. Как ты ни старался оборвать все связи, на этой планете еще осталось несколько десятков людей, кто помнит тебя и любит.

— Любит?! — Стас залился отвратительным истерическим смехом. Никогда раньше он так не смеялся. — Где же они были раньше с их любовью? Где они были эти двадцать лет, когда...

— Вот видишь? Тебе вовсе не было так замечательно, как ты утверждаешь. Тебе нужна была помощь. Но ты же ни о чем не просил.

— А я должен был просить?

— Видишь ли... — Кратов улыбнулся. — Человек устроен не намного сложнее, нежели автомат для раздачи горячих сосисок. И к тому, и к другому нужно хотя бы подойти. И очень желательно как-то обозначить свои намерения.

— Ненавижу горячие сосиски! — прошипел Стас.

— Вот поэтому никто и не знал, что с тобой происходит, и что тебе нужна помощь, — рассуждал Кратов. — Ну кому могла прийти в голову такая бредовая мысль, что весельчаку и остроумцу Стасу нужна поддержка? Когда он сам всегда был поддержкой нуждающимся... Кто мог знать, что Стас давно уже не весельчак?

— Это верно, — Ертаулов скорчил желчную гримасу. — Я навечно распростился с весельем, когда прошел через пустой, мертвый корабль на центральный пост.

— Почему ты говоришь — пустой? — удивился Кратов. — Ты был там не один. Там были все мы...

— Я был там — один, — раздельно проговорил Стас.

— Ладно, — проворчал Кратов. — Расскажешь как-нибудь после...

— Ты, наверное, думаешь, что я стану винить тебя за это двадцатилетнее равнодушие?

— И будешь совершенно прав. Я вел себя как натуральный свиной самец. У меня нет оправданий этому чудовищному свинству.

— Я не удивлен, что ты так легко и надолго позабыл обо мне. Я не удивлен, что обо мне позабыла Рашуля. Чего можно ожидать от теней!

— Да, да, она мне рассказывала... — покивал Кратов. — Ничего, если моя тень влепит тебе между рогов почти так же весомо, как и оригинал?

— Это ничего не доказывает, — упрямо произнес Ертаулов. И вдруг, состроив очень знакомую лукавую физиономию, сделал вид, что на всякий случай отодвигается. — Тени бывают очень плотными.

— Хорошо, пускай я — тень, — усмехнулся Кратов. — Тень, которая два десятка лет обманывает всю Галактику, прикидываясь живым человеком. Эта удивительная тень

шесть лет отзвонила в плоддерах. Горела в огне, тонула в болотах дерьма, мерзла в ледяных пустынях. Ей все время было больно — совсем как настоящему человеку! Она читала наизусть «хокку» и «танка», умиляясь их обманной простоте, пила вино, а чаще — пиво, предпочтительнее «Карлсберг», любила женщин. И тогда ей было приятно — совсем как человеку. И поверь: женщинам тоже чаще бывало приятно, чем нет.

— Ты был в плоддерах? — озадаченно переспросил Стас.

— А что же, Рашида, по-твоему, тоже тень?

— От всех нас остались лишь тени, — сказал Ертаулов без прежней уверенности.

— Ты не про всех, ты ответь мне про Рашиду! — рявкнул Кратов. — Если она — тень, отчего тебе было легче рядом с ней, нежели без нее?!

— Тень всегда ищет другую тень...

— Черта драного она ищет! Тень бежит от света! В этом ее главное качество, и только так ты можешь отличить тень от всего прочего.

— Я бегу от света, — тихо, будто уговаривая самого себя, промолвил Стас. — Я ненавижу свет. Я люблю, когда темно и тихо.

— Может быть, и любишь. Но позволь мне в этом убедиться. Позволь мне точно знать, что под этим мрачным и нелюдимым типом не прячется где-нибудь усталый от одиночества, перепуганный, загнанный в угол прежний Стас Ертаулов, которого я люблю, которого любит Рашида, которого любят все, кто знал хотя бы несколько минут!

— И если окажется, что его уже нет там... в углу... ты оставишь меня в покое?

— Ну, возможно... — уклончиво ответил Кратов.

— Ты приходил тогда... в лес... вместе с Рашидой? — вдруг спросил Ертаулов.

— Угу. — Помолчав, Кратов сказал: — Теперь мы вместе. Эта ведьма, кажется, добилась своего...

— Костя, я что — болен?

— Это не болезнь. Это груз, который взвалили на нас против нашей воли двадцать лет назад. И мы тащим его на себе

через всю жизнь, даже не подозревая о том. Тебе досталось больше других. А мне — меньше.

— Наверное, ты можешь объяснить и понятнее, — ощетинился Ертаулов.

— Я так и сделаю, — пообещал Кратов. — После того, как ты покличешь меня на первое свидание в парке возле клиники. Я принесу тебе кулек с апельсинами — нарву по дороге, и они ничем не будут отличаться от тех, что растут на ветвях, свисающих прямо на парковые скамейки. На тебе будет какая-нибудь чудовищная пижама и шлепанцы на босу ногу. А вокруг будут разгуливать симпатичные сестренки и поглядывать на нас с подозрением. И по меньшей мере с десятью из них у тебя уже будет все очень и очень серьезно...

— Я не чувствую себя больным, — растерянно сказал Стас. — Я чувствую себя естественно. Как будто так и должно быть... — Он мучительно наморщил лоб. — Да нет, все-таки есть одно отличие. Я гляжу на мир словно сквозь серое стекло. Серое, мутное и нечистое. Наверное, в мире есть серый цвет. Но ведь не может же быть в нем один только серый?!

— Не может, — согласился Кратов. — И как правило, не бывает. И, если повезет, сейчас ты сам убедишься.

* * *

Там, где река впадала в океан, разрывая веером холодных пресных языков грязно-зеленую полосу мангров, они увидели Риссу. Крохотная фигурка едва была различима на фоне бликующих вод. Нагая Рисса неспешно брела по песку, изредка приседая и рассматривая вынесенные прибоем раковины. Ветер играл русыми прядями. («Ради бога, только не спугни!» — взмолился Стас, и Кратов послушно набрал высоту.) За ней, осторожно ступая длинными ломкими ногами и отпрыгивая в приближении волны, следовал единорог. Быть может, они мысленно беседовали о чем-то важном только для них двоих... Смуглокожая девушка и изящный, ослепительно-белый зверь.

— Один раз увидеть — и умереть, — печально улыбаясь, проговорил Ертаулов.

— Наоборот, — возразил Кратов. — Для таких минут и существует жизнь.

— Вообще-то, подглядывать нехорошо, — заметил Стас.

— Мальчишки всегда подглядывают, — пожал плечами Кратов. — Ну, а мы — взрослые сеньоры. Мы любуемся.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Блудные братья III

1.

Погас свет, и возбужденное гудение амфитеатра стало стремительно затихать, словно и его кто-то выключил одним движением руки... По мере того, как умирал шум, нарастало всеобщее напряжение. Десятки тысяч людей молча сидели и стояли в полной темноте, наэлектризованные всеобщим ожиданием чуда. Кратов плечом ощущал нервическую дрожь невидимого соседа и с некоторым неудовольствием обнаружил, что и сам взбудоражен сверх всякой меры. Так прошла минута — а почудилось, что целая ночь. На огромной сцене, завешенной слабо подсвеченными крыльями голограмм, ничего не происходило. На другом конце амфитеатра кто-то, не сдержавшись, кашлянул — толпа вздрогнула. Еще кто-то почти истерически хихикнул. И, словно поняв, что дальше ждать нельзя, дальше начнутся смерти от разрыва сердца, в глубине сцены оглушающе громко и размеренно грянул гигантский барабан.

Кратов с трудом расцепил сведенные судорогами кулаки и смахнул заливавший глаза пот. Он прислушался к себе: серд-

це билось в такт барабану, ноги против воли притопывали в общем ритме. Это походило на колдовство... Сцена понемногу наливалась ослепительным алым сиянием, которое в местах, где крылья соприкасались, светлело до нежно-розового. В барабанный бой вплеталась неуловимая мелодия незнакомого инструмента, придавая этому инфернальному, бездушному грохоту живую окраску. Казалось, что это даже никакой не инструмент, а голос мифического существа, которое мучительно пытается произнести не приспособленными для этого губами человеческие слова, и с каждым мигом все ближе и ближе к цели. Это было невероятно, однако же Кратов отчетливо различил — барабан повторял одно и то же: «Оз-ма... Оз-ма...» Сосед справа, будто загипнотизированный, откликнулся шепотом: «Оз-ма... Оз-ма...» Сосед слева молчал, но в его тяжелом дыхании тоже слышалось: «Оз-ма... Оз-ма...»

Сопротивляться было невозможно. Да и не имело большого смысла. Кратов сдался. «Оз-ма...» — прошептали его губы.

Хотя это казалось невообразимым, барабан колотил все громче и громче. Во всем мире не оставалось больше ничего, ни вещества, ни энергии, одно лишь слово, которое было вначале: «Оз-ма... Оз-ма...»

И вдруг стальной, нечеловеческий голос, перекрывая собой все иные звуки, просто и ясно проронил:

— Озма.

И на амфитеатр, сметая все на пути, пала тишина.

Крылья голографических миражей побледнели и растаяли, стянувшись в крохотную белую фигурку посредине сцены. А затем фантастической отброшенной тенью воспроизвели ее во стократном увеличении.

Озма вскинула руки — сияющий фантом мгновенно повторил ее движение — и запела.

Ее голос моментально заполнил собой все пространство Концерт-холла, став воздухом для тех, кто дышит.

Это было не пение. Не вокал в обычном его значении. Так могла бы звучать душа целого мира, если бы кому-то удалось услышать ее, переложить на ноты и подобрать приличествующее оркестровое обрамление.

Голосу Озмы нельзя было просто внимать — холодно, оценивающе, отстраненно. В нем можно было жить — и не хотелось его покидать.

Пережить такое впервые за без малого сорок лет было слишком сильным потрясением.

Кратов почувствовал, как его взяли за руку, и с облегчением ответил на это прикосновение. По лицу его текли слезы, в носу нестерпимо щипало. Двадцать или тридцать тысяч людей стоя и держась за руки, слушали Озму, свою королеву. И, может быть, впервые, сознавали себя единым целым. Человеческим братством.

«Я люблю тебя, — думал Кратов в щенячьем умилении. — Я за тебя свою жизнь положу. Я люблю всех этих людей, что здесь собрались. Люблю этого дуралея, что отдавил мне руку. И эту хлюпающую носом рыжую нескладеху двумя рядами ниже. И маленькую ледышку Идменк, что прячется от постылого мужа в промозглых закоулках Тритои, тоже люблю — хотя чтобы полюбить ее, не требуется вовсе никаких усилий... И тех, которые сейчас далеко и, быть может, даже не знают обо мне, тоже люблю. И за них мне тоже своей жизни не жаль. Господи, Озма, мне так не хватало тебя все эти годы! Господи, наконец-то! полное! безраздельное! счастье!»

2.

— Константин, — зазвучало у него в правом ухе, за которым пристроен был миниатюрный динамик. — Мы его нашли. Желаете посмотреть?

Кратов машинально кивнул. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя и понять, о чем идет речь. Потом он сообразил, что его кивок вряд ли будет услышан Носовым и его людьми.

— Да, желаю, — невнятно пробормотал он, адресуя звук в болтавшуюся на шее цепочку, со стороны вполне сошедшую бы за безвкусное украшение.

— Говоря по правде, мы нашли не одного, а по меньшей мере троих, — сказал Носов. — Ближайший к вам стоит у колонны позади вас, сложив руки на груди. Он одет в белые брюки и рубашку навыпуск, черную с широкими красными полосами. — Помолчав, он деликатно осведомился: — Вы в состоянии работать?

Кратов утер слезы, достал носовой платок и осторожно высморкался.

— Я в порядке, — ответил он.

— Тогда любуйтесь. Пока мы думаем, что нам делать с этой ордой...

Кратов обернулся. Нашел рассеянным взглядом колонну, подпиравшую верхний ярус. Должно быть, обзор оттуда был не ахти какой, потому что народ толпился и радовался зрелищу в некотором отдалении.

Эхайн был там, смутно различимый в густой тени, что изредка прорезалась сполохами прожекторов. Стоял, привалившись плечом к колонне. Даже отсюда было видно, какой он огромный.

Кратов поглядел на сцену. Озма только что закончила петь и отступала в круговерть голографических призраков, а

на передний план выдвинулись музыканты ее оркестра, тоже виртуозы фантастические, чтобы продемонстрировать свое искусство. Особенно старался худой лохматый негр-гитарист в бесформенной хламиде ядовито-желтого цвета. То, что он вытворял с инструментом, заслуживало быть увиденным. Кратов всегда был неравнодушен к людям, умевшим делать свое дело лучше других. Ему хотелось бы остаться и досмотреть, разорвет этот парень верещавшую почти человечьим голосом гитару в клочья своими железными пальцами сейчас или домучит до конца представления... Тяжело вздохнув, Кратов попятился. Выбрался из людской гущи на свободный пятачок возле лестницы, что вела на верхний ярус. Теперь эхайн стоял почти рядом. При желании можно было перевеситься через ограждение и потрогать его рукой.

Эхайн глядел на сцену, и лицо его было непроницаемо. Обычное человеческое лицо, разве что с чересчур грубыми чертами, по самым неуловимым признакам выделенное сканером из тысяч и тысяч таких же. Хотя нет, было в нем что-то чуждое... дикое... Как там говорил Понтефракт? «Они к обезьянам гораздо ближе»... Луч света прокатился по задворкам амфитеатра, на секунду выхватив из тьмы гигантскую фигуру целиком — эхайн проворно отшагнул, пытаясь скрыться. Глаза желтые... как у персидского кота... длинные светлые волосы увязаны на затылке в тугую бамбошку, как носят местные спортсмены и бодигарды.

— Ошибки нет? — прошептал Кратов.

— Ошибки — у нас — нет, — ядовито и даже с некоторой обидой в голосе отозвался Носов.

— Что вы намерены делать?

— Пока следить. Выяснить, куда они направятся после концерта. Хотя я на их месте конца не дожидался бы...

Словно услыхав слова Носова, эхайн отклеился от колонны. Медленно опустил руки, сунул большие пальцы за пояс... Озма возвращалась на сцену, звучали вступительные такты, и даже Кратов с его запущенным слухом распознал тему — «Cantilena candida», что как умел играл оркестрик в баре на набережной Тойфельфиш недавним ненастным вечером. Люд-

ское море в полном безмолвии встрепенулось, пошло волнами, лица просветлели. Все ждали нового чуда.

А эхайн уходил. Правильнее было бы сказать, уползал в темноту прохода под ярусами, потому что желтые глаза его были неотрывно обращены к сцене, все тело развернуто к первым звукам голоса Озмы, словно антенна, а ноги шажок за шажком влекли прочь... Кратов прислушался, пытаясь выделить один-единственный эмо-фон из бушующего океана эмоций. В какой-то миг это ему удалось.

Ахонга был прав: все существо эхайна содрогалось от внутренних рыданий.

Прежде чем гигантский силуэт окончательно растаял в глубине прохода, Кратов легко перемахнул через перила и бросился следом.

— Константин! — почти завопил Носов. — Что вы деласте?!

Кратов не слушал его. Эхайн быстрым бесшумным шагом удалялся прочь. Обычный человек, спешащий по своим неотложным делам... настолько неотложным, что даже пришлось покинуть концерт божественной Озмы...

— Постойте! — окликнул его Кратов.

Эхайн немедля и, как показалось, с готовностью остановился. Неспешно обернулся. Сохраняя бесстрастное выражение лица, спокойно и пристально поглядел на приближающегося Кратова сверху вниз.

— Я не буду вас задерживать, — торопливо заговорил тот, сознавая себя беспомощным подростком рядом с этой громадиной, с этой штурмовой башней в белых брюках местного покроя и в рубашоночке игривой расцветки. — Я ни о чем вас не спрошу... меня все это не очень заботит. Поймите одно: мы знаем, что вы здесь. Мы знаем о каждом из вас, и мы можем обнаружить и проследить за вами когда только захотим. Это отвратительно нашей природе, это должно быть унизительно для вас... Я хочу, чтобы вы поняли простую вещь. Вам незачем прятаться. А нам нечего скрывать. Приходите открыто, и мы все обсудим. Мы очень похожи. Я понял это там, на концерте. Мы испытываем одни и те же чувства. Значит, мы можем *сочувствовать* друг другу. Нам не для чего воевать...

Возможно, эхайн улыбнулся — тонкий, почти безгубый рот приоткрылся, прорезав лицо прямой чертой, обнажились и тускло блеснули крупные белые клыки.

— Зверь-Казак, — сказал эхайн странным, скрежещущим голосом.

И вдруг исчез.

И все исчезло вместе с ним.

3.

— Вы идиот, — сказал Носов. — Вы чертов идиот, а не ксенолог! Какого дьявола вам понадобилось лезть со своими ксенологическими ужимками в наше дело?!

— Это и мое дело, — попытался возразить Кратов.

Он сидел, а скорее — лежал на заднем сидении шестиместного гравитра и чувствовал себя покойником, которого пинками подняли из гроба.

— Уж лучше молчите и не производите лишних телодвижений, — с досадой отмахнулся Носов. — Мало того, что вы сорвали операцию, так не хватало, чтобы вы умерли у меня на руках...

— Ерунда, — сказал Кратов. Голова раскалывалась, перед глазами все плыло и танцевало. Нестерпимо саднила расплющенная бровь, тупо отзываясь в здоровенной гуле на затылке. — Ерунда, — повторил он упрямо. — Я сделал честную попытку. Я должен был это сделать, и я сделал. Теперь, по крайней мере, буду спать с чистой совестью. Куда мы летим?

— Ваши ксенологические закидоны, — злобно проговорил Носов. — Ваши инфантильные иллюзии...

— Я уже слышал про иллюзии, — усмехнулся Кратов и немедленно ощутил боль в губах. Значит, губы у него тоже разбиты. Интересно, как он выглядит со стороны — хуже, чем после боя с Носорогом, или все ж таки приличнее? — Это нужно было сделать хотя бы раз.

Носов зарычал.

— Я сильно вам навредил? — спросил Кратов заискивающе. Хотя и сознавал, что его интонация вряд ли кого сможет обмануть.

— Мы профессионалы, — ответил Носов неохотно. — В наших операциях всегда предусмотрена... защита от дурака.

Мы отследили всех. Даже хорошо, что все так произошло. По меньшей мере один эхайн твердо убедился, что имеет дело с дураками. — Он выдержал паузу и спросил: — Знаете, кто удостоил вас чести соприкосновения со своим кулаком?

— Нет, — сказал Кратов. — Но горю нетерпением узнать, кому же адресовать счет за лечение...

— Его сиятельство граф Лихлэбр, капитан корпуса военной разведки штурмовой группы войск Светлой Руки, — с нескрываемым удовольствием отчеканил Носов.

— Он действительно граф? — спросил Кратов.

— По всем признакам. Олицетворяет власть Империума в крупной административно-территориальной единице Эхлиамара, владеет огромными земельными наделами на других планетах, аристократ. В конце концов, «граф» — лишь приблизительный эквивалент его титулу «*т'гард*» в нашем тезаурусе, равно как и «капитан» — только условный синоним воинского звания «*ашпайг*»...

— Это серьезная фигура?

— Очень серьезная.

— Чему же вы тогда радуетесь? — пожал плечами Кратов.

— Знакомый противник, — объяснил Носов. — И, скажем так, не лишенный известного благородства. В эхайнском, разумеется, понимании.

— Он вас тоже знает?

— Надеюсь, нет.

— И как его благородство сочетается с планами убийства Озмы?

— Неплохо сочетается, могу вас уверить. Но ведь мы и не знаем его точных планов.

— Эрик, — промолвил Кратов, привстав на своем лежбище. — Я никому не скажу... У вас в Эхайноре агентурная сеть?

— А как вы полагаете? — прищурился тот.

— Полагаю, что у вас там есть агентурная сеть. И весьма разветвленная.

— И вы рассчитываете услышать от меня подтверждение вашей гипотезе?

— Не рассчитываю.

— Приятно, что вы иногда способны и к рациональному мышлению, — хмыкнул Носов.

— С вашего позволения, еще одна гипотеза... Наши оппоненты также имеют здесь агентурную сеть, и она состоит не только из уроженцев Эхайнора. — Носов не проронил ни слова, и Кратов продолжил: — Она целиком состоит из местных жителей, которые симпатизируют Эхайнору. Хотя бы той причине, что натуральных эхайнов вы со своей техникой вскрыли бы в два счета... как сегодня.

Носов молча глядел перед собой.

— И Конрад — отнюдь не ключевое звено, — закончил Кратов, совершенно отчаявшись услышать хотя бы слабое подтверждение.

— Да, — внезапно откликнулся Носов. — И нет... Лежите, лежите! В конце концов, плюха от графа Лихлэбра заслуживает небольшой моральной компенсации... На Эльдорадо есть эхайнская агентурная сеть. Она состоит из одного человека. Вы уже называли его имя. — Он снова надолго умолк, сосредоточенно вглядываясь в полыхание ночных огней. — В Эхайноре у нас нет агентов. Нам не удалось ни подкупить, ни убедить, ни принудить к сотрудничеству ни одного эхайна. А людей они вскрывают так же легко, как и мы — их.

— И что они с ними делают?

Носов не ответил.

— Надеюсь, это очередная ваша дезинформация, — без большой надежды сказал Кратов.

— Вы быстро усваиваете новую терминологию, — похвалил Носов. — Но это чистая правда. Наши дела идут очень и очень неважно...

— М-да, — раздумчиво протянул Кратов и бережно потрогал шишку на затылке. — Так куда же мы летим?

— Мы сочли такое положение вещей неприемлемым, — сказал Носов. — И кое-что придумали, чтобы обойти их биосканеры. Я хочу познакомить вас с группой внедрения. Мы летим ко мне в офис, где с вами горят желанием познакомиться профессиональные шпионы.

— Вы уверены, что... я этого заслуживаю? — осторожно спросил Кратов.

— Вы хотите сказать — уверен ли я, что это знакомство будет обоюдно полезным? Уверен. Я хочу убедить вас, что вы дилетант, и что вы напрасно тратите время, рассчитывая на личные контакты с противником и готовясь к ним в меру своих о нем представлений. Я давно хотел сделать это — но в более деликатной форме, нежели граф Лихлэбр...

4.

Как мог лишь предполагать Кратов, их путь лежал куда-то на дремучие и небезопасные задворки Тритои, в район, называемый в просторечии Блаженной Икотой. То ли это объяснялось побочными физиологическими эффектами от чрезмерного употребления горячительных напитков дурного качества, что подавались здесь всякому желающему в несусветном изобилии. То ли отражало иронию здешних обитателей по поводу недовольства Магистрата их образом жизни и способами времяпровождения. То ли носило темный для неискушенного уха исторический смысл. Кратов склонен был считать, что название это возникло произвольно, просто как удачное словосочетание, и Понтефракт, в свое время выслушав его гипотезу, не стал ее оспаривать, присовокупив, что подавляющая часть топонимики Эльдорадо сложилась именно таким образом — по методике «Три Пэ». «Пол, потолок, палец, — разъяснил он заинтригованному Кратову. — Глядишь сначала на пол — именно на пол, ибо такова каноническая последовательность действий! — затем на потолок. Затем суешь в рот палец. И достаешь оттуда готовый топоним...» Кратов сразу же припомнил те удивительные имена поселков, городов и даже целых миров, что встречались ему в странствиях по Галактике (хронологически последней в этом монструозном ряду была планета Моржовый Ухмыл звезды Храпоидолица), и принужден был согласиться, что да, так, наверное, оно и было.

Гравитр опустился на замусоренный пятачок, игравший роль посадочной площадки — о чем свидетельствовало еще несколько стоявших в отдалении машин различной степени потрепанности.

— Вы способны передвигаться самостоятельно? — участливо спросил Носов.

— Не преувеличивайте достоинств этого вашего приятеля графа, — проворчал Кратов. — Меня в последнее время частенько били по голове и иным прочим жизненно важным органам. Хотя, возможно, и не с такой силой...

Кряхтя, он вылез из кабины. Потянул носом — неподготовленного человека ароматы Блаженной Икоты могли свалить с ног. Воняло паленым мясом (хотелось верить, что это были всего лишь подгоревшие шашлыки), прокисшим пивом, самыми причудливыми помоями и какими-то угрожающе ядовитыми химикалиями. Кроме всегдашнего в эту пору года сонмища лун — Ведьмы, Цыганки и Сомнамбулы, над кособокими силуэтами тусклоглазых строений вставало подозрительное самосветящееся марево.

— Там что, свалка радиоактивных отходов? — с неудовольствием спросил Кратов.

— Хуже, — сказал Носов, бросив на него косой взгляд.

Пожав плечами, Кратов двинулся за ним. Он старательно глядел под ноги, чтобы не споткнуться о какие-то бревна, железяки и камни. Ему даже почудилось, что некоторые из попадавших под ноги предметов издавали при этом звуки, сходные с невнятными ругательствами...

— Послушайте, Эрик, — сказал он. — А ваш гравитр не попрут?

— Могут, — согласился тот. — Но вряд ли станут.

Кратов изготовился было произнести нечто остроумное, с подковыркой, но в этот момент в ветхой кирпичной стене прямо перед ними вскрылся темный, разящий сыростью проход. «Осторожно, здесь крутые ступени», — предупредил Носов и, привычно наклонив голову, нырнул внутрь. Кратов тоже пригнулся и, как выяснилось, недостаточно. Он зашипел от боли, что отозвалась сразу в нескольких местах (затылок, бровь, ухо и в меньшей степени лоб, которым он приложился). То, что Носов назвал крутыми ступеньками, оказалось винтовой лестницей с железными перилами, покрытыми какой-то отвратительной слизью. К радости Кратова, очередное испытание его тактильной чувствительности быстро закончилось. Последний виток лестницы упирался в глухую каменную кладку, что, конечно же, никого не могло обмануть. Но-

сов сотворил над камнями мудреный гипнотический пасс — кладка расступилась. Сделав еще шаг, они очутились во все еще неосвещенном тамбуре, и лишь когда стена за ними сомкнулась, зажегся свет.

Из тамбура они попали в просторную комнату, убранством напоминавшую то помещение, где происходили совещания «клуба любителей эхайнов». Те же как ни попадя расставленные кресла, тот же круглый столик со встроенным пультом, тот же настоящий камин с настоящими дровами. И даже Бруно Понтефракт тот же самый, с бокалом в одной руке и сигарой в другой.

Но были и новые лица.

— Виват! — возгласил Понтефракт с воодушевлением. Потом как следует разглядел Кратова и смущенно добавил: — Меня не предупредили, что все так ужасно...

— Пустяки, — сказал Кратов, подходя к столу и садясь, а точнее — рушась в свободное кресло. — Не видели вы меня после боя с Африканским Носорогом... Просто мне еще не позволили привести себя в порядок.

— Вы нуждаетесь в серьезной медицинской помощи, — сказал Носов. — И это будет не шарлатан вроде Ахонги.

— И уж, как видно, не профессионал вроде Конрада... — пробормотал Кратов.

— Это будет настоящий специалист, — пропуская мимо ушей эту реплику, обещал Носов.

Тотчас же в боковом проходе возник и неслышно приблизился странный человек, с ног до головы закутанный в аморфный серый плащ с капюшоном, надежно скрывавшим лицо. Он встал позади кресла, и Кратов ощутил сухие, жесткие, как бы покрытые мельчайшими чешуйками, пальцы на своих разламывавшихся висках. Боль на мгновение усилилась. Он против воли дернулся, но услышал тихий, бесцветный голос со слабым акцентом: «Все будет хорошо».

И действительно стало хорошо.

Носов вышел на середину комнаты и остановился, похозяйски заложив руки за спину.

— Господа, — сказал он. — Это доктор Константин Кратов. Он ксенолог, консул Сфазиса на Эльдорадо — в сфере

наших общих, разумеется, интересов. Формально же он — частное лицо, пребывающее на отдыхе. Доктор Кратов, это наши будущие резиденты в Эхайноре.

Резидентов было четверо, и они выглядели как родные братья. Требовалось известное напряжение внимания, чтобы суметь их различить.

И все они были эхайны.

5.

Гигантский рост, могучее телосложение, длинные светлые волосы. Одинаково звероватое выражение лиц со странным апельсиновым цветом кожи, а быть может — загаром. Каменно сомкнутые тяжелые челюсти. Тонкие линии почти безгубых ртов. И желтые кошачьи глаза, в которых тлел огонек безумия.

Носов с любопытством наблюдал за лицом Кратова.

— Нет, Константин, — сказал он негромко. — Это *не эхайны*.

— Люди-2? — спросил тот одними губами.

— Мы рассматривали эту возможность. Но лишь как запасной вариант. Это люди, как вы и я. Немного грима, немного реструктуризации обмена веществ, и очень много серьезной подготовки. — Носов обернулся к резидентам и кивнул, приглашая к участию в разговоре. — Доктор Рихард Алеш, — отрекомендовал он. — Первое образование — социология, социометрия и виртуальная история.

— А второе? — спросил Кратов.

— Теория и практика активной разведки, — сказал Алеш противным голосом, напоминающим скрежет металла, разрезаемого очень тупыми ножницами. — Я слышал о вас, доктор Кратов. И с любопытством слежу за вашими потугами спроецировать человеческий опыт на галактические процессы.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду ваши неуклюжие экзерсисы с Эхлидхом.

— Это звучит как афористический каламбур.

— Эйфоризм, — смешливо ввернул Понтефракт.

— Я всю жизнь только тем и занимаюсь, — сказал Кратов, — что пытаюсь понять нелюдей своим людским умишком. Могу с гордостью заявить, что в девяноста случаях из ста такой подход себя оправдал.

— Но здесь как раз те десять случаев, что не укладываются в вашу замечательную статистику, — продолжал Алеш. — Я читал ваши труды по методике «наведения мостов».

— Простите?

— Так в научном просторечии называют вашу знаменитую методику трансактивного взаимодействия при спонтанных преконтактных связях... Забавно и не без выдумки. Но в нашем случае не годится! Вы никогда не сможете смоделировать менталитет среднего эхайна, используя человеческий материал в качестве исходного. Не спорю, это неплохо срабатывает на всех известных нам гуманоидных расах. Это недурно годится для рептилоидов и даже арахноморфов. Но к эхайнам не применимо категорически.

— Я так не считаю, — мягко возразил Кратов.

— Это ваше дело, — отрубил Алеш. — Точнее — ваше заблуждение. Как всякая свободная личность, вы имеете полное право на заблуждения. Но лишь в тех пределах, в которых вы не нанесете ущерб безопасности Федерации и Галактического Братства!

— Вы уверены, что знаете эти пределы?

— Уверен. Это моя работа. Это дело моей чести. Моей и этих людей. Сегодня вы могли выйти за эти пределы. И если бы не профессионалы, что оказались рядом в нужную минуту, ущерб мог бы быть гораздо ощутимее. К счастью, все обошлось лишь небольшой встряской для ваших мозгов... которая, надеюсь, пойдет им на пользу.

Носов жестом остановил Алеша.

— Доктор Цви Магдол, — сказал он, обращаясь ко второму резиденту.

— Эконометрика, глобальное моделирование и сложные социальные структуры, — объявил тот. Голос его был такой же душераздирающий, как и у Алеша. Кратов тотчас же вспомнил: как и у графа Лихлэбра. — Это первое образование. Второе у нас всех, здесь присутствующих, одно и то же. Возможно, доктор Алеш был излишне строг в своих оценках... ничем и никогда повредить нашим операциям никакое стороннее вмешательство не в состоянии. Грош нам была бы цена... Но в основном он прав. Вы неверно истолковали свою

миссию на Эльдорадо, господин Кратов. Исходя из личного субъективного опыта, вы решили, будто вас подпустят к эхайнам вплотную. И что-де от этого делу галактической безопасности будет польза. Это не так. Вы не профессионал, не специалист в этой области. Вы пострадаете сами, и в большей степени, чем это произошло сегодня. Вы подставите под удар тех профессионалов, кто вынужден будет спешить к вам на выручку. Да это и неважно... В определенном смысле сегодняшний инцидент был проверкой на разумность, и вы ее не прошли. Впредь никто не позволит вам даже приблизиться к эхайнам. Оставьте это нам. Мы специально подготовлены. И мы выполним эту задачу лучше вас. — Магдол с силой сомкнул огромные ладони, и мышцы под тонким свитером откликнулись на это движение, вздувшись чудовищными буграми. — Вы просто не представляете, что за мощь нам противостоит. Я имел счастье изучить вашу биографию...

— Такая честь, — сказал Кратов без тени улыбки. — И что же вы узнали обо мне?

— Вы любите все делать сами, во все влезать по собственные уши. И, напротив, не любите кому-либо уступать право на поступок. Поймите, господин Кратов, сейчас настал именно тот момент, когда вам придется его уступить. Вы специалист по контактам — прекрасно! Мы выслушаем ваши советы и примем их к неукоснительному исполнению. Одна только загвоздка: время контактов еще не пришло.

— Что же это, если не контакт? — нахмурился Кратов.

— Вооруженное противостояние, — лязгнул Магдол.

— Доктор Томас Арнерич, — сказал Носов, передавая эстафету следующему.

— Психология, психология и еще раз психология, — сказал третий. — Как видите, мы не дилетанты. Разумеется, никто из нас не специалист в области психологии эхайнов. Равно как и в социологии эхайнов, и в экономике эхайнов. Что бы ни говорил доктор Алеш, все мы вынуждены до определенного предела руководствоваться земным опытом. А затем черпать из бездонных колодцев галактической мудрости. Мы слишком мало знаем об эхайнах. Наша задача — узнать о них все. Мы не хотим, чтобы в ход пошло оружие. Это самый по-

следний аргумент. Не секрет, что он наготове. Но вначале мы попытаемся обойтись без него. Мы внедримся в их социум. Мы исследуем его изнутри, сделаем анализы и срезы. Мы найдем его нервные узлы и научимся на них воздействовать. Быть может, в какой-то миг мы вдруг поймем, что же послужило причиной этой непонятной враждебности, и сможем ее устранить. Ведь об этом вы мечтаете, господин Кратов?

— Об этом, — сказал тот.

— И я тоже, — вставил Понтефракт.

— Что же до меня, то ни о чем я так не мечтаю, как сбросить с себя этот камуфляж, — Арнерич повел дюжими плечами, — обрести нормальный человеческий облик и вернуться к любимым занятиям. На Земле, на родной, доброй, ласковой планете. И забыть злобный, истеричный, смертельно опасный Эхайнор... Надеюсь, вас не ввела в заблуждение наша внешность?

— Меня предупредили...

— Среднестатистический эхайн мужского пола обладает ростом два метра двадцать сантиметров и весом сто шестьдесят килограммов. Если принять во внимание, что всю свою жизнь он проводит в совершенствовании боевых искусств, то в пике формы это — двуногая машина для убийства, постоянно пребывающая в готовности номер один. Основная психологическая компонента личности — агрессия. Вы должны были это понять из нашего поведения и способа выражения мыслей. В естественной обстановке мы *уже* ведем себя, как эхайны. Мы грубы и агрессивны, даже между собой. Мы постоянно сдерживаем себя, чтобы здесь, среди людей, выглядеть людьми. Это дается нам не без труда. Примерно так же чувствует себя т'гард Лихлэбр на улицах Тритон... Когда мы вернемся, нам придется выдержать длительную психологическую реабилитацию. Мы сами себе отвратительны. Но это неизбежная цена за новое знание, которое, быть может, позволит избежать большой беды. Поймите это и простите нам неподобающую резкость высказываний.

— Поймите и то, что на вашем шутовском ринге, в болотах Пангелоса и в кувырканиях над Гадской Плешью вы никогда не станете эхайном, — сказал Алеш. — В эхайнов нель-

зя играть! Нельзя погрузиться в мир насилия, как в теплый бассейн, чтобы затем выйти и насухо вытереться. Вы же так и поступаете. Всякий раз вы покидаете ринг и становитесь доктором ксенологии Кратовым, добрым, уравновешенным, мирным человеком, который любит маму, женщин и пиво. Ни разу не было, чтобы Зверь-Казак доковылял хотя бы до проспекта Буканеров. Он существует лишь в четырехугольной вселенной ринга и умирает с последним ударом гонга... Поэтому вы никогда не узнаете, как и о чем думает эхайн, а значит — вы останетесь некомпетентны. Оставьте это нам, вынужденным сидеть в этой клетке взаперти до того момента, пока нам не разрешат ступить на землю Эхайнора... Вам ясно?! — вдруг рявкнул Алеш с металлическим подвизгом и подался вперед всей тушей.

— Это мне ясно, — промолвил Кратов спокойно. — А вот как вы думаете, эхайны подозревают о том, что вы существуете?

— Вне всякого сомнения, — ответил Магдол.

— И что же они, по-вашему, станут делать со своими подозрениями?

— Хха! — скрежещуще выдохнул Магдол, не то засмеялся, не то пригрозил. — Это вопрос... Не знаю, как первый *геобкихф* Гтэрнегх... это хам и солдафон, а вот второй *геобкихф* Эограпп и *геакетт* Кэкбур, и даже т'гард Лихлэбр, безусловно, не дураки... Одно я знаю точно: у них ничего не выйдет.

— Ну-ну, — сказал Кратов. — Впечатляющая демонстрация. Пока что я понял одно: общаться с эхайнами — удовольствие ниже среднего.

— Так оно и есть, поверьте, — промолвил Арнерич.

— И все же меня не оставляет ощущение, что мы здесь играем в какую-то игру, — продолжал Кратов. — Точнее, играете-то вы, но желали бы, чтобы и я принял ваши правила. А они мне не нравятся. Как попытка расставить шахматные фигуры на доске для го... Вы уже нацелились на Эхайнор, как на цитадель мрака. Вы рассуждаете о нежелании пускать в ход оружие. Но чудится мне за вашими словами, что дредноуты уже разводят пары, и пушки по обоим бортам расчехлены, а пушкарям уже выдали по чарке водки... Что скажете, Эрик? — повернулся он к Носову.

— Очень образно, — засмеялся тот.

— Я так и знал, что не услышу прямого ответа... Вы не устаете повторять, что не хотите войны. А по-моему, так вы очень ее хотите. Вам не терпится повоевать, господа... — Кратов с удивлением обнаружил, что в его голосе прорезался металл, сообщавший ему неожиданные эхайнские интонации. — Я слушал вас и ждал, когда же прозвучит: вы, штатские, ни хрена не смыслите в настоящей заварушке. Другое дело мы, военная косточка...

— А что же, — заявил Алеш. — И впрямь не смыслите. Давайте уж назовем вещи своими именами.

— Руки чешутся? — спросил Кратов, глядя прямо в желтые глаза резидента, но обращаясь по-прежнему к Носову. — Истосковались по прикладу?

— Хха! Чего ж им тосковать?! — с вызовом усмехнулся Алеш. — Часу не прошло, как отстрелялись!

— Секреты, конспирация, дезинформация... — сказал Кратов. — На войне как на войне... Не будет вам войны, братцы. Мы что-нибудь придумаем, чтобы ее не было. Хватит, навоевались за тысячи лет. Пора научиться договариваться.

— Думайте, — сказал Алеш. — Только глядите не опоздайте. Когда т'гард Лихлэбр прогуляется по набережной Тойфельфиш... или Монмартру... или Александрийской аллее... он может решить, что ему нравятся наши планеты.

— Это уже предмет для переговоров, — промолвил Кратов. — Я знаю несколько пустующих замков в Шотландии...

— Но он может и решить, что они ему не нравятся, — заметил Магдол.

— Тогда он рискует остаться без недвижимости на Земле.

— Доктор Гвидо Терранова, — повернулся Носов к последнему из четверки, скромно державшемуся в тени.

— Ксенология, — коротко сказал тот. — Академия ксенологии, Сан-Марино. Институт проблем ксенологии, Ватикан. У нас есть общие знакомые, например — профессор Аксютин... Вот что, доктор Кратов. Ваша попытка контакта с Лихлэбром была обречена, но вы этого не знали! Как не знали и мы, хотя и вовсю строим из себя провидцев... Я рад, что вы здесь. Я восхищаюсь вами. И я надеюсь, что вы найдете ка-

кое-то неожиданное решение. Там, где никто его не ждет, даже вы сами. — Тень улыбки промелькнула по его лицу, похожему на маску, совершенно неприспособленную для простых человеческих выражений. — Мы действительно не хотим воевать, что бы здесь ни звучало. Мы говорим «гордо и богохульно»[1] — но это не мы. Это Эхайнор говорит нашими голосами...

— Гвидо! — взревел Алеш. — Хха! Что ты несешь?!

— Доктор Алеш! — обернулся к нему Терранова с неожиданным для своей массы проворством. Рука его скользнула к поясу... за которым ничего не было.

— Брек! — воскликнул Носов.

Резиденты, оказавшиеся на ногах и в опасной близости друг от друга, застыли. Напрягшиеся мышцы обмякли, желтое полыхание в злобно сощуренных глазах угасло.

— Благодарю всех, господа, — сказал Носов.

[1] Откровение св. Иоанна Богослова, глава 13.

6.

— Что скажете? — спросил Понтефракт. В присутствии резидентов он вел себя непривычно тихо и лишь энергично дымил сигарой.

— «Если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, происходил от глупой и невежественной обезьяны, — с удовольствием продекламировал Кратов, — то у него был бы хвост и дикий голос»[1].

Понтефракт хохотнул.

— Отличный ответ, — сказал он. — Эрик, я как-то имел неосторожность обронить, что эхайны гораздо ближе к обезьянам, чем мы...

— В Эхайноре нет обезьян, — возразил Носов с нарастающим раздражением.

— Что так? — подивился Кратов. — От кого же они произошли? От медведей?!

— И верно, — заметил Понтефракт. — Надеюсь, ваши мальчики прояснят эту поразительную лакуну.

— Голос у них противный, не спорю, — сказал Носов несколько уязвленно. — А какой он может быть, когда на Эхайнуоле даже дети скрежещут, как несмазанные двери?

— Да бог с ним, с голосом, — отмахнулся Кратов. — Я даже рад, что вы так много знаете об эхайнах, что подготовили очень похожих резидентов. Я только не слишком радуюсь тому, что сам не владею и половиной ваших познаний.

— Поверьте, это скучные познания, — сказал Носов. — К чему вам знать фасон нижнего белья рядовых чинов штурмовой группы войск Светлого крыла? Или любимый напиток его светлости *т'лиитта*, сиречь маркиза, Гтэрнегха, он же первый геобкихф, сиречь супер-директор, Департамента внешней раз-

---

[1] А.П.Чехов. Письмо к ученому соседу.

ведки? Или сто тридцать два способа обольщения замужних дам, изложенных в классическом анонимном романе чрезмерно фривольного содержания «Пятый локоть»?

— Это не скучно, — запротестовал Понтефракт. — Это даже мне интересно...

— А вы не боитесь, что ваши эхайны окажутся больше похожими на эхайнов, чем сами эхайны? — спросил Кратов.

— Что за странная мысль! — поморщился Носов.

— Просто я все еще ощущаю себя участником какой-то игры, — пояснил Кратов.

— Да, да, мы все уже слышали, — досадливо сказал Носов.

— Вы играете в войну, и с вами все ясно. А эхайны... они тоже играют. Только вот во что? — Кратов помолчал, лаская гуло на затылке (после массажа, заданного ему странным типом в плаще с капюшоном, боль ему ни в одном органе не досаждала). — В бармалеев? Сами же не устаете повторять, что граф Лихлэбр не дурак...

— И что же из этого следует?

Кратов пощелкал пальцами, подыскивая наилучшее оформление своим мыслям, а затем с удовольствием продекламировал:

Год за годом все то же:
Обезьяна толпу потешает
В маске обезьяны.[1]

— Бросьте, Константин, — буркнул Носов, хотя вид у него был озадаченный. — Про обезьян мы тоже слышали. Дались вам нынче обезьяны! Ерунда какая...

— Ага, я, кажется, понял эту аллегорию, — сказал Понтефракт. — Вы тоже пораскиньте мозгами, Эрик. Вам полезно, клянусь кошкой...

— Мы тоже не дураки, — сказал тот. — Ну скажите, похож я на дурака?

— На дурака в этом цирке больше всех, по всей вероятности, похож я, — хмыкнул Кратов.

— Отчего же? — полюбопытствовал Понтефракт.

---

[1] Басё (1644 — 1694). Перевод с японского Веры Марковой.

— Идиотское у меня положение. Вокруг все знают то, чего не знаю я. Эрик знает, какое исподнее носят рядовые эхайны. Вы, Бруно, знаете, что Блаженная Икота превратилась в полигон для подготовки десанта в Эхайнор.

— Мне положено это знать, как члену Магистрата!

— Даже Блукхооп знает что-то про нас и эхайнов и тоже молчит, как... как рыба в пироге.

— Он и есть рыба, — сказал Понтефракт. — Только в кляре.

— И это ерунда, — заявил Носов с неожиданным энтузиазмом. — Так вот, доктор Кратов. Я знаю, чем вас утешить. Что бы ни толковали вам мои люди, вы ведь не отступитесь и не оставите попыток разобраться с Кодексом Силы...

— Не оставлю, — подтвердил тот.

— Я хочу подарить вам знание, которого нет ни у кого из нас. — Носов мечтательно улыбнулся. — Вам нужно пройти курс боевой подготовки по методике «журавлиных наездников».

— Что еще за методика?!

— Она создана на планете Тшарилх. Это система Охиуфсоар, о которой вы, как я подозреваю, даже слыхом не слыхивали.

— И видом не видывал такое название ни в одном справочнике...

— Ничего удивительного: они себя не афишируют, но охотно и плодотворно сотрудничают с Галактическим Братством на правах ассоциированного членства. Это ортогуманоиды, чьи физические характеристики весьма сходны с нашими. Хотя физиология, разумеется, совершенно иная.

— Вы тоже изучали эту премудрость?

— Увы мне... Так, вершки. К корешкам меня не подпустили. Я не вышел ростом, и мой вес по эгиохским нормам никуда не годится. Меня бы не взяли даже в подростковую группу.

— Ну, ваши резиденты наверняка его освоили в совершенстве!

— Не угадали! — Носов сделал отметающий жест. — Они, наоборот, слишком тяжелы и громоздки. Вы же в своей нынешней форме обладаете всеми необходимыми для этой

методики физико-динамическими характеристиками. Ну, что? По рукам?

— Во-первых, безусловно, по рукам — я любопытен и всегда рад возможности узнать что-нибудь новенькое. Если это не займет много времени и не вступит в противоречие с моим мировоззрением...

— Ни то, ни другое! Это не религия, не культ, а обычная система общефизической подготовки.

— А во-вторых, зачем мне это?

— Вы серьезно изучаете Эхлидх, — сказал Носов терпеливо. — Но эхайнский культ силы направлен прежде всего на самоутверждение через подавление окружающих. Вам будет любопытно обнаружить, что существуют боевые искусства, выстроенные вне всяких культов, но столь же разрушительные, как и гуманистические.

— «Журавлиные наездники»... Удивительное название. На Тшарилхе есть журавли?

— Конечно же, нет. Это всего лишь образный перевод с эгиохского на русский. Там в горах живут большие белые птицы, которые в брачный сезон очень красиво танцуют на воде. И столь же красиво сражаются за право обладать своей суженой.

— И что же, у нас на Земле нет ничего похожего? — спросил Кратов недоверчиво. — К примеру, ниндзюцу, ушу, русский рапид?

— Нет, и не было, — сказал Носов со вздохом. — Ничего даже близко похожего на Земле никогда не было. Методике «журавлиных наездников» — три тысячи лет. Будь у нас что-то такое же и так же долго, мы бы с вами сейчас ломали голову над тем, что означает идиома «обидеть слабого».

— Хорошая мысль, — кивнул Кратов. — И когда же начнем?

— А прямо сейчас! — Носов обернулся — человек в плаще с капюшоном неприметно и молчаливо маячил в дальнем углу комнаты. Коротко поклонившись, Носов промолвил: — Учитель Рмтакр «Упавшее Перо» Рмтаппин, это ваш новый ученик.

Странный тип быстрым кивком отбросил с лица глухой капюшон. У него было вытянутое, со вдавленными скулами,

костистое нечеловеческое лицо. По обе стороны хрящевидного выступа, что делил это лицо пополам от корней волос до безгубого рта, тускло поблескивали черные диски глаз с контрастно-белыми точками зрачков. Обладателю такой внешности нашлось бы лучшее место среди горгулий собора Парижской богоматери.

— Я готов, мастер-командор, — негромко сказал Рмтакр «Упавшее Перо» Рмтаппин на прекрасном русском языке, с тем же неуловимым акцентом.

— Учитель, — сказал Носов с укоризной. — Я же просил не выносить воинские звания за пределы Тшарилха...

— Хорошо, мастер-командор, — кротко и, как показалось Кратову, язвительно согласился Рмтакр.

— Подождите, — сказал Кратов, растерявшись. — Но у меня были планы на вечер!..

— А знаете, куда мы пошлем ваши планы? — с наслаждением спросил Носов.

Интерлюдия. Земля

— ...Мне было страшно, так страшно, как никогда в жизни не было ни до, ни после, это только ты, здоровый лоб, с ног до головы закованный в латы самодостаточности, ничего не боялся, и тебе все равно было, что делать и куда идти, что в экзометрию, что в самое пекло, да ты и пошел после того, как я не вернулся, а я был перепуган и хорохорился для того лишь, чтобы никто не видел моего жуткого, леденящего сердце, разум и душу страха, это было стыдно, это было физиологически отвратительно, больше всего я боялся, что ты со своим нечеловеческим уже тогда чутьем на эмоции учуешь запах моего страха, и она тоже учует, и мастер, все мы умели это, всех нас этому учили, но ты уже тогда был лучше всех, и я боялся собственного страха, и стыдился его, стыдился перед тобой, но это было, было, было, и ничего нельзя было поделать, только ты остался, тебя еще ждал твой ад, а я ушел в свой персональный ад сейчас, это было необъяснимо и страшно, я все время говорю — «страшно», потому что это единственное слово, которое подходит для экзометрии, все остальные неточны и маловыразительны, это было, наверное, как моментальная смерть, когда угасают все чувства, и мне осталось лишь биение моего живого сердца, и я все ждал, когда же стихнет и оно, а вокруг не было ничего, я не ощущал собственного веса, я не осязал одежды, что была на мне, я не видел даже приборов на внутренней поверхности шлема «галахада», кажется — я закричал и не услышал голоса, но тут из другого измерения меня на короткое время взяли за руку, это ты дернул фал, беспокоясь, и я, чтобы вернуть себе ощущение реальности, ответил, и понемногу начал оживать, пальцы ощутили зажатый в них фал, откуда-то из ничего всплыли светящиеся панели приборов, между лопаток зачесалось, во рту образовался противно-соленый привкус, это я губу закусил и не чувствовал до того момента, как ты меня позвал, смешно, столько лет прошло, а я все помню до мелочей, и есть такие мелочи, о каких я даже тебе не скажу, и я солгал

тебе тогда ответным подергиванием фала, что у меня все в порядке, между тем как ничего в порядке не было ни до, ни на протяжении, ни уж, разумеется, после, потому что я снова ощутил самого себя, но ощутил висящим в абсолютной пустоте, свободной даже от вакуума, ощутил себя вмороженным в ничто, потому что по ту сторону прозрачной скорлупки шлема была экзометрия, она глядела на меня, а я не видел ее и не знал, как подобает вести себя с этой дамой, и я, трясясь от примитивного, первобытного, никакими известными мне словами не передаваемого страха, трясясь каждой клеточкой своего тела, двинулся вперед, хотя и не знал уже, верно ли ориентируюсь, но в какой-то миг мне почудилось, будто пятки ударились о что-то твердое, и я решил, что это корпус «гиппогрифа», а значит, я могу выполнить задание и прослыть смельчаком, смогу добраться до гравигенной секции, а там уже я буду снова внутри корабля, где мне черт не брат, там-то я уж разберусь, и вот когда я так осмелел и обрел надежду, все и случилось, потому что на самом деле я двигался неверно, и воспринимал все неверно, и приборы гнали сплошную бредятину, и если я что-то и впрямь тогда нащупал, то уж никак не старину «гиппогрифа», это были *они*, *они* были рядом все это время, *они* никуда не делись после того, как ударили нас, и когитр врал, что все уже закончилось, потому что все еще продолжалось, хотя никакой нужды не было наносить нам повторный удар, мы уже были покойники, и *они* просто были рядом, чтобы проследить за нашей агонией, а может быть, насладиться ею, и вот на них-то я и натолкнулся, бестолково суча ногами, ты не поверишь, но я увидел это, я увидел это своими глазами, я увидел то, что никто никогда не видел до меня, да и не увидит больше, потому что нам нельзя быть рядом, мы разные, мы настолько разные, как это только возможно, нам нельзя встречаться, мы не можем сесть и обо всем договориться, как это делаешь ты с самыми чужими чужаками из субсвета, и делали до тебя другие, мы никогда не поймем друг друга, и то, что мы, существа из субсвета, сунулись в экзометрию, было чудовищной, дикой ошибкой, и огромное счастье, что им никогда не пришло в головы сунуться в субсвет, ты сейчас начнешь мне рассказывать про своего

биотехна, но это другое, твой биотехн не оттуда, он по эту сторону, он лишь ничтожная попытка воспроизвести с чужих слов мимолетное впечатление о чьих-то неверных представлениях, он даже приблизительно не похож, хотя отдадим ему должное, кое-что он несомненно умеет так же, как *они*, но только не верь тому, кто скажет, будто понимает экзометрию, будто может вообразить и поведать тебе о том, что в ней происходит и будто там есть жизнь, будь это даже тектон из растектонов, ведь на самом деле ничего там нет, вернее, ничего нет, что можно было бы выразить в нашей системе понятий и как-то поименовать и обозначить, как-то одушевить и заземлить, ни хрена там нет, черт вас всех побери, а есть то, чего мы не знали, не знаем и не узнаем до смертного часа, и одно лишь могу тебе сказать, что *они* не такие, вот и все, а ведь я *их* увидел, я висел в экзометрии, как дохлая муха в янтаре, и рассматривал *их*, и в этот миг я сознавал, что схожу с ума, что уже сошел, да нет, что я говорю, я ничего не сознавал, я просто таращился на *них*, как месячный младенец, только что пузыри не пускал, а может, и пускал, дело прошлое, и сейчас я тоже схожу с ума от недостатка слов, воображения и фантазии, от того, что не могу передать тебе даже мимолетной тени представления о том, какие *они*, хотя знаю, как это для тебя важно, да и для тех, кто стоит за тобой, до них-то мне большого дела нет, как не было им до меня, но я очень хочу помочь тебе, я всего и хочу, что просто поделиться с тобой этим знанием, выплеснуть из себя хотя бы чуточку, все это переполняет меня столько лет, и я не могу избавиться от этого, ни с кем не могу разделить, мой мозг ежечасно лопается и взрывается, тебе должно быть знакомо такое ощущение, хотя ты, наверное, уже забыл, это быстро забывается, как всякая боль, как зажившая рана, хочу только, чтобы ты понял, что *они* другие, *они* чужие нам, *они* не могут быть там, где есть мы, а мы ошибочно полагаем, что экзометрия пригодна для наших нужд, *они* огромны, *они* фантастически огромны, но *они* не бесконечны, *они* сияют, но мы не знаем этих цветов, *они* неразумны, но мы просто не знаем, что такое разум, *они* не живые, но, быть может, это то, куда отлетают и чем становятся наши души после того, как покидают тело, *они* чужие нам, я

уже говорил это и буду повторять, пока ты не поймешь, что здесь ты, даже ты, потерпел фиаско, здесь твое искусство и твоя энергия ничего не значат, и тебе остается лишь одно, опустить руки и отойти, а время шло, но я не ведал ни времени, ни пространства, я висел и смотрел на *них*, а вы ждали от меня помощи и не дождались, потому что помощи ждать было не от кого, но есть и еще кое-что, о чем тебе нужно услышать, о чем я никому еще не говорил, даже ей, даже самому себе, это то, что я увидел, когда вернулся на корабль, я ведь не рассказывал тебе, как я сумел вернуться, я что-то плел тебе про то, что вдруг ощутил, будто поправился на миллион тонн, да, был такой момент перед самым возвращением, а еще я говорил, что меня оторвало от корабля, как былинку, и это чистой воды ложь, потому что я ни секунды не ощущал себя связанным с кораблем, едва только погрузился в экзометрию полностью, если пренебречь этим клоунским фалом, и глаза я не закрывал, я не мог этого сделать, потому что смотрел на *них*, и о вас вспомнил, только когда шел по мертвому, вымороженному, вскрытому, будто консервная банка кораблю в направлении темного центрального поста, я солгал самую малость и скрыл всю правду, а правда заключена в том, что я видел, вернувшись на корабль, что я видел, пока шел по заледенелому коридору на центральный пост, и что я увидел, когда наконец пришел туда...

* * *

Кратов потянулся и выключил видеал.

— Но он хотел рассказать что-то еще! — запротестовал Торрент.

— Он и рассказал.

— Но мы хотели бы это услышать!

— Там... личное. Вряд ли это может представлять для вас какой-то интерес.

Торрент зашипел, как рассерженный кот, но промолчал.

— Бедный Стасик, — проронила Рашида. — Почему он не поговорил со мной, когда я была рядом? Почему он держал это в себе?

— Я не знаю, — откликнулся Кратов. — Мы этого никогда не поймем. Мы-то не побывали по ту сторону. Можно сказать, на том свете... Я только подозреваю, что на самом деле его сдерживало то, что он увидел, вернувшись на «гиппогриф».

— Я и говорю: мы должны это услышать! — вскинулся Торрент.

— Для Стаса это было потрясением, — продолжал Кратов, словно не слыша. — Что вы хотите от двадцатилетнего сопляка?.. Добавлю, что потрясений было несколько. Никакая психика не выдержит.

— Даже твоя? — усмехнулась Рашида.

— Даже моя. Я тоже был двадцатилетним сопляком... Но мне повезло. Я избежал слишком тяжких испытаний. Наверное, кому-то должно было перепасть меньше всех, чтобы он когда-нибудь во всем разобрался.

— Можно подумать, что вы разобрались, — саркастически фыркнул Торрент.

— Я не Шерлок Холмс. Я простой ксенолог в затяжном отпуске, у которого дымятся мозги от перегрева. Меня не понимают дети и женщины. Меня недавно укусила ядовитая банановая змея... И все же, мне кажется, я очень близко подошел к разгадке.

— Дьявол, — произнес Торрент в некоторой растерянности. — Тогда зачем здесь я? Это же я, по своему внутригрупповому статусу в этой безумной компании, универсальный решатель проблем и профессиональный отгадчик кроссвордов... То есть, разумеется, мне нужно быть здесь, мне хочется быть здесь, но вы-то всегда стремились от меня отделаться, а теперь вдруг снизошли и позволили участвовать в этом узком, почти семейном совете...

— А уж я и вовсе лишний, — подал голос из своего угла необычайно смирный Мануэль Спирин. Вне своей экологической ниши в Тауматеке он ощущал себя немного потерянным.

— И этого я тоже не знаю, — честно признался Кратов. — Вообще-то я хотел бы пригласить сюда еще пару-тройку людей, но под рукой оказались только вы. А вдруг кто-нибудь из вас да и подаст дельную мысль? Три головы все же лучше одной...

— Спасибо, — вставила Рашида. — Это мою голову ты не принимаешь в расчет?

— Скорее, свою, — улыбнулся Кратов.

— Где сейчас Ертаулов? — осведомился Торрент.

— В клинике «Зеленый Луч», что на Суматре. Под присмотром доктора Дананджайя.

— А, знаю! — обрадовался Торрент. — Это очень хороший ментолог, очень хороший! Он уже поставил диагноз?

— Угу, — кивнул Кратов. — Выплеснул на нас целую охапку заумных терминов. Похоже, половину из них он употребил только из-за их впечатляющего звучания...

— Вы с ним чем-то схожи, Уго, — сказала Рашида.

— Надо думать, это комплимент? — вскинул бровки Торрент.

— Я запомнил только некоторые, — сказал Кратов. — Например, «серое затмение».

— И это я знаю! — снова возликовал Торрент.

— И я, — печально отозвался Спирин.

— Ошеломляюще, — сказала Рашида. — Все, кроме меня!

— И ты знаешь, — успокоил ее Кратов. — Просто не подозреваешь об этом.

— «Серое затмение» — это такой редкий психопатологический синдром, связанный с длительным пребыванием в экзометрии, — объяснил Спирин, слегка оживившись. — Катастрофическое снижение психического тонуса, подавленное состояние, разнообразные фобии, навязчивые идеи, галлюцинации... В общем, тридцать три удовольствия. Обычно после возвращения в субсвет и реабилитации под ярким солнышком на берегу теплого моря синдром быстро и бесследно исчезает.

— За исключением того, — добавил Кратов, — что переболевший «серым затмением» навеки обречен на подсознательный страх перед экзометральными переходами.

— Ты хочешь сказать, что на борту «гиппогрифа» я пережила нечто подобное? — спросила Рашида.

— Не «нечто подобное», — Кратов поднял указательный палец, — а в точности это самое. Но ты излечилась. И пускай в экзометрию тебя отнюдь не тянет, но в остальном ты — в хорошей форме.

— Негодяй! — любовно сказала Рашида.

— Что же касается Стаса, то его «серое затмение» перешло в тяжелую, хроническую форму. Доктор Дананджайя назвал ее «черным занавесом».

— О! — Торрент от удовольствия подпрыгнул в своем кресле. — О-бо-жа-ю!

— И это прямое следствие пребывания в открытой экзометрии. Кроме того, — Кратов многозначительно посмотрел на Спирина, — набор и без того несладких синдромов у Стаса отягощен громадной информационной перегрузкой мозга.

— А причем здесь... Ага! — Теперь настала очередь встрепенуться Спирину. — Вы полагаете, что Ертаулову выпала участь погибшего суперкарго с «Азмасфоха»?

— Разница в том, что Стас выжил.

— Тогда давайте договорим об ЭМ-зверях то, что не закончили в Тауматеке, — воодушевился Спирин. — Как следует из продемонстрированной записи, Ертаулов пребывает в убеждении, что он видел ЭМ-зверя в натуральную величину и в естественной, так сказать, среде обитания.

— И, судя по его словам, никакие это не звери.

— Но ведь тогда мы имеем уникальную возможность получить их изображение! Нужно провести глубокую ментографию его мозга...

— Если Стас согласится, — заметила Рашида.

— Отчего бы ему не согласиться? — пожал плечами Спирин. — Это не болезненно и абсолютно безопасно. Вы бы не согласились? Лично я бы с милой душой...

— Горячо, Мануэль Габриэлевич, — сказал Кратов. — Мозг Стаса и вправду нуждается в доброй ментографии. Да только впечатанный в зрительную память Стаса образ ЭМ-зверя меня интересует — не скажу, что мало, — но в самую последнюю очередь.

— Кто «Мануэль Габриэлевич», — проворчал в сторону Торрент, — а кто и «дерьмо собачье»...

— Обидели маленького, — безжалостно сказала Рашида.

— Что же, позвольте полюбопытствовать, для вас обладает высшим приоритетом? — осведомился Спирин.

— Начну с того, что доктор Дананджайя полагает все, что поведал Стас, лишь болезненными видениями, — сказал Кратов. — Следствием прямого и малоизученного воздействия экзометрии на человеческие мозг и органы чувств. Пасся ли вокруг «гиппогрифа» реальный ЭМ-зверь или только привиделся Стасу — мы не ведаем. В конце концов, рассудок Стаса мог лишь облечь плотью картинку, что показал всем нам бортовой когитр. Кстати, перед самым выходом в экзометрию. А ведаем мы лишь то, что корабль был поврежден. Не то случайно, не то умышленно...

— Мастер полагал, что умышленно, — сказала Рашида. — Помню я немного, но его слова: «Что этой гадине от нас надо? За кем она охотится?..» не забуду никогда.

— Еще мы знаем, что ЭМ-зверь атакует крайне редко, — продолжал Кратов. — И очень избирательно. Два случая за две с половиной тысячи лет. Большие объекты. Мелкота вроде «корморанов», по-видимому, его не привлекает. Сделаю смелое предположение, что он их попросту не видит. Тварь это здоровенная, неспешная и, по нашим понятиям, подслеповатая. Для того, чтобы привлечь его небезразличное внимание, нужно оставить за собой гигантский трек экзометрального возмущения, и уж тогда он вас выследит со всевозможным тщанием. «Азмасфох» был большим кораблем, не так ли?

— По тем временам — очень большим, — горделиво доложил Спирин. — Не стану утверждать, что самым большим — нкианхская «Дикая Птица» уже встала на вечный прикол, но их же «Царь Царей» или гелвоаллугский «Взнузданный Демон» еще летали довольно активно. Но это были последние из динозавров. Целесообразность создания гигантских кораблей для ЭМ-переходов всегда вызывала сомнения. В субсвете — да, конечно, отчего бы не поплавать на круизном суперлайнере внутри какого-нибудь не слишком загаженного кометного пояса или не попутешествовать по плотному и спектрально-многообразному шаровому скоплению? А в экзометрии... Сутки туда, сутки обратно. Кому придет в голову строить двадцатиэтажный автобус?

— Только тахамаукам, — хмыкнул Кратов.

— Пожалуй... Лишь у тахамауков оставались еще танкеры того же класса, а следовательно, и габаритов, что и «Азмасфох». Эти старые черти любили комфорт и ввозили на свои

новые планеты весь набор удобств из метрополии... Ну, сейчас-то их колонии встали на ноги, метрополия занята своими делами, и корабли-гиганты там больше не строятся.

— Но наш «гиппогриф» был не очень большим, — удивилась Рашида.

— Верно, — сказал Кратов. — И трек от него был ерундовый, плюнуть и забыть. Если не допустить, что в тот момент он все же оказался *самым большим* искусственным объектом в экзометрии. Как любят говорить англосаксы, оказался в нужном месте в нужное время.

— Кажется, я понимаю, к чему вы клоните, — медленно сказал Спирин.

— А вот я так ни черта... — пробурчал Торрент.

— От вас и не требуется, — утешил его Кратов. — Коли вы у нас профессиональный отгадчик кроссвордов, да еще психолог...

— Социопсихолог, — мрачно поправил тот.

— ...так не затруднит ли вас напрячь воображение и выделить в словах Ертаулова ключевые моменты, когда он говорит о том, что видел?

— Это мелкое и недостойное моей квалификации занятие, — высокомерно сказал Торрент. — Он повторял одни и те же фразы, как заводная игрушка. Например...

— Не торопитесь, — предостерег его Кратов. — Соберитесь с мыслями. Прокрутите запись еще разок.

Торрент запихнул кулаки в карманы своих клоунских панталон и, ссутулившись, убрел на веранду.

— Либо ЭМ-звери проявляют сезонную активность, — сказал Спирин, задумчиво глядя ему вслед. — Либо этот временной интервал что-то означает...

— Но так или иначе, раз в восемьсот семьдесят пять земных лет кто-то атакует в экзометрии самые большие корабли, — подытожил Кратов.

— Почему же нет никаких сведений о более ранних инцидентах?!

— А потому, Мануэль Габриэлевич, — раздельно проговорил Кратов, — что корабли, бывает, и не возвращаются из экзометрии в субсвет.

Спирин невнятно выругался и рывком вскрыл свой портативный видеал.

— Что вы намерены сделать? — осторожно спросил Кратов..

— Вломиться в статистический раздел Экспонаториума, — сердито ответил Спирин. — И пускай меня лишат кредита на пять лет вперед. Уж если там нет, то нигде нет... Смотрим год 575 от рождества Христова, статистику инцидентов.

Кратов, приподнявшись в кресле, заглянул ему через плечо.

— Блеск! — сказал он.

— Не вижу ничего блестящего, — пробурчал Спирин. — Отложим по шкале времени еще один отрезок. Трехсотый год до нашей эры. Статистика, надо думать, весьма поверхностная...

— Еще бы, — поддакнул Кратов. — Не все считали необходимым афишировать свои потери.

Спирин, горестно скривившись, дернул плечом.

— Отложим еще отрезок, — сказал он упрямо.

— Мануэль Габриэлевич, — промолвил Кратов. — Вам ни о чем не говорит эта дата — 1175 год до нашей эры?

— Говорит, — ответил тот. — Еще и как говорит... Первые опыты по зондированию экзометрии. Полтыщи лет до первого ЭМ-перелета. Нкианхский крейсер «Пернатый хищник», трехфлаговый адмирал Юлли Юлтусф, и все такое...

— Я терпелива, — угрожающе сказала Рашида. — Один бог знает, как я терпелива!

— Видишь ли, Рашуля, — сказал Кратов. — Нам точно известно, что ЭМ-звери начали нападать сразу после начала прорыва Галактического Братства в экзометрию. И делали это с удивительной, совершенно осмысленной периодичностью. Наверное, мы сможем вычислить эту периодичность с точностью до одного дня... И всякий раз они выбирали самый большой объект.

— В 300 году до нашей эры бесследно исчез большой военный транспорт с Гелвоаллуга, — с траурной торжественностью в голосе произнес Спирин. — В 575 году нашей эры — ренфаннский танкер «Энергия». Одни из самых больших кораблей своих эпох. И наверняка самые большие, что оказывались в экзометрии в критический момент. «Азмасфох» был первым, что уцелел и вернулся.

— А мы — вторыми... — сказал Кратов.

В тишине, что тянулась целую вечность и никак не могла прерваться, избавительно хлопнула дверь веранды, заставив всех вздрогнуть и обернуться.

— Но вам, доктор Кратов, придется расплатиться, — с порога объявил Торрент.

— С одним условием.

— Это вымогательство!

— Если вы расскажете, как отыскали Ертаулова.

Торрент болезненно ощерился, но лицо Кратова было непроницаемым.

— Ничего из ряда вон выходящего, — пошел на попятную Торрент. — Обычный закон сохранения вещества и энергии. Или его еще называют «закон сохранения маршрута»... — Кратов недоумевающе вскинул брови. Ему вдруг вспомнилась планета Эльдорадо, и милитарист-маэстро Эрик Носов с его военно-полевой терминологией. — Если тело материально и занимает в пространстве некоторый объем, то всегда существует возможность проследить, откуда оно пропадет и где возникнет. Тем более, что количество способов перемещения, исключая сверхъестественные, довольно ограничено...

— Может, хватит умничать? — кротко спросила Рашида.

— ...а ваш друг не имел привычки скрывать свое имя, — невозмутимо продолжал Торрент. — Смешно, что вы не смогли отыскать его сами... Я вошел в базу данных глобальной транспортной сети и спустя какое-то время получил координаты последнего места пребывания вашего друга. Он сел в гравитр в Куала-Тренгану и покинул его на острове Бунгуран-Бесар. Там ему не понравилось, и он переместился в Тхойбинь, где попытался обернуться безымянной тенью. Однако гравитр с живым пассажиром известной уже массы вскорости перелетел на один из близлежащих детских островов, который не очень добрые языки называют не иначе как «Остров доктора Моро». Там гравитр с означенной массой расстался...

— Хорошо, — сказал Кратов. — Благоволите получить и по моим векселям. Планеты по имени Нимфодора действительно не существует уже лет десять. То есть, в лоциях,

имевших хождение в пору вашего зеленого детства, она еще упомянута. Но в результате одного из астроинженерных экспериментов Галактического Братства была полностью разрушена и обратилась в облако каменных обломков и пыли, стремительно втягиваемое центростремительными силами в недра голубой звезды Аль Наир.

— Принято, — с наслаждением произнес Торрент.

— Вексель следующий: в ходе своей третьей миссии на Уэркаф я пытался вступить в прямой контакт с мерцальниками. Результат разочаровывающий, отчего эта миссия и не афишировалась. Мы остаемся совершенно чуждыми и непонятными друг другу. Нужна длинная цепь посредников. Сейчас ведется подготовка ксенологов-плазмоидов из системы Конская Голова. Это кропотливая работа, требующая решения массы побочных проблем, как-то: размещение группы плазмоидов на планете с обычной, а следовательно — смертоносной для них гравитацией, согласование тезауруса и системы понятий между остальными посредниками...

— Вот-вот, — покивал Торрент. — И Ертаулов вам о том же твердит: чуждые, непонятные... Итак, ключевые моменты. Они же — горячие точки.

Точка первая, субъективная. «Это было необъяснимо и страшно». Вряд ли это вас заинтересует, поскольку указывает на естественный психологический дискомфорт субъекта, помещенного в неизвестную, потенциально враждебную, не поддающуюся осмыслению и восприятию органами чувств среду.

Точка вторая, оценочная. «Мы разные, мы настолько разные, как это только возможно... мы не можем сесть и обо всем договориться». Это для вас более привлекательно, ибо свидетельствует не только о предполагаемых и, возможно, непреодолимых сложностях во взаимоотношениях с оцениваемым объектом, но также и о неком оставшемся за кадром источнике противоречий.

Я не стану провидцем, если добавлю, что упомянутый источник недвусмысленно указан третьей точкой, резюмирующей: «То, что мы, существа из субсвета, сунулись в экзометрию, было чудовищной, дикой ошибкой»... Я понятно говорю?

— Понятно, — сказал Кратов. — Спасибо, доктор Торрент.

— Чтоб я пропал! — воскликнул тот. — Ушам не верю! Меня впервые здесь назвали «доктором», а за окном — ни снега, ни града, ни урагана паршивого...

— Дождался, маленький, — усмехнулась Рашида.

— И что же вам понятно, коллега? — полюбопытствовал Спирин.

— А то, что нападения эти не случайны. Что ЭМ-звери — никакие не звери.

— Кто же? — испытующе спросил Спирин.

— Не знаю. Они действуют по своим правилам. Пытаются обращаться с нами, как умеют. Возможно, они просто хотят привлечь наше внимание. Но мы-то интерпретируем все происходящее иначе. Мы видим, что на наши корабли кто-то регулярно нападает. Нас хотят запугать. С нами не желают договариваться. И нас очень хотят выставить из экзометрии.

— Почему? — налегал Спирин.

— Потому что для нас это — способ передвижения, а для них — родной дом. И они не хотят, чтобы незваные гости следили в чистых комнатах грязной обувью. Так что нет Хаосу дела до нашей Галактики, и вообще никакой это не Хаос...

— Хаос, — нахмурилась Рашида. — Изначальное зияние, породившее Землю, Преисподнюю, Мрак, и Любовь... Что ты имел в виду?

— Пустяки, условное обозначение...

— Но ты рассуждаешь так, будто в болезненном бреде, что тебе наговорил Стас, есть какой-то смысл! Будто кто-то пытался использовать его как... как скорохода с письмом!..

— Хорош скороход! — хмыкнул Кратов. — Двадцать лет добирался, и все лесом да болотом... Рашуля, мы здесь уже битый час фантазируем и сочиняем, исходя из дерзкого допущения, будто кто-то нам что-то стремится сообщить!

— И в меру своей наивности пытаемся это сообщение прочесть, — присовокупил Спирин.

— Вот для чего я и надеюсь на ментограмму ертауловского мозга, — сказал Кратов. — Не портретами ЭМ-зверинца он перегружен, а этим самым письмом. И тот бред, что он выда-

ет все эти годы, лишь отдельные фразы, вразнобой выхваченные из текста.

— Возможно, возможно, — сказал Спирин. — Это очень объясняет все, что произошло с тахамауками с «Азмасфоха».

— Стаса они сделали почтальоном, — горько промолвил Кратов. — Против его воли. Сумку через плечо, ногу на гравискейт, и — айда... Но тогда при чем здесь я? Зачем они меня-то сделали «меченым атомом»?!

— Вы все при чем, — сказал Спирин. — Это было не простое письмо. Это было «длинное сообщение». И вы, все четверо, его приняли.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Блудные братья IV

1.

Ступать по ребристым плитам проспекта Буканеров и не ощущать мерзопакостного хлюпанья, не испытывать отвратительной сырости в обуви и в одежде — было ощущением невыразимо приятным. Этим вечером дождь в погодном расписании не значился. По высокому тропическому небу, подсвеченные закатом и рано взошедшей Цыганкой, бродили случайные облачка-пелеринки. Над горизонтом метались плотные столбы пульсирующего света — не то местный природный феномен, сродни земному «зеленому лучу», не то отблески какого-то чрезвычайно отдаленного веселья посреди океана. В прохладном воздухе разлито было обычное вечернее безумие.

— Удивительно, — сказал Кратов. — Сколько времени мы с тобой знакомы?

— Не поверю в твою забывчивость, — Идменк приподняла тонкую дужку брови, слегка нарушив ее идеальное начертание. — Это какой-то намек?

— Вовсе нет. На что бы я вдруг стал тебе намекать? Если мне что-то от тебя понадобится, я назову это своим именем...

— Дождливая ночь с четырнадцатого на пятнадцатое весуана. Почти сорок дней тому назад.

— Так вот: я не припоминаю, чтобы когда-то бродил здесь с тобой средь бела дня. Скажу больше: я и без тебя ни разу этого не делал. А что, на Эльдорадо бывает белый день?

— Бывает, — ответила Идменк. — Но он неинтересен. Он — лишь репетиция перед наступлением тьмы, когда все и начинается. В этом городе живут «совы».

— А есть другие города, где живут «жаворонки»?

— Конечно. Например, пляжи Южной Нирритии. Там не бывает дождей. Солнце заходит на четыре часа. Море всегда спокойно и ласково. Но если ты хочешь сломать себе шею, отправляйся в бухту Ифритов. Там гуляют десятиметровые волны.

— Хочу в бухту Ифритов. А не могли бы мы отправиться туда прямо сейчас?

— Ты же понимаешь, что это невозможно.

Кратов натянуто засмеялся.

— Понимаю, — сказал он. — Ты удрала от мужа. А я — от важных обязанностей. Благо у нас вот уже скоро месяц, как ничего не происходит. А у вас?

— У нас ничего не происходит никогда.

— Тебя даже не колотят?

— Я не даю повода.

Кратов страшно засопел.

— Сейчас мы дадим повод, — сказал он невнятно и, согнувшись почти пополам, нашел под черным капюшоном и черной же полумаской упругие прохладные губы...

«Это меня бы нужно колотить, — подумал он блаженно. — Как шаманский бубен. Чтобы хоть немного привести в чувство! Тем более, что лично я ни в какое чувство приходить вовсе не желаю. Кроме того, разумеется, единственного чувства, что живет во мне прямо сейчас. Раньше-то меня хотя бы на ринге как-то колошматили. А после того, как я стал «журавлиным наездником» первой ступени, впредь не положено мне вступать в единоборства с непосвященными, так

что, братцы, некому больше на этой планете мне вправить мозги на место...»

Идменк вдруг хихикнула.

— Наверное, нас принимают за маленькую дочь с очень большим отцом, — сказала она немного задохнувшимся голосом. — Видишь, оборачиваются.

— Не вижу. Плевать мне на них, пусть думают что хотят. Я тысячу лет не гулял по вечернему городу с женщиной. — Кратов помолчал, вспоминая. — И бог весть сколько ни с кем не целовался.

— Ни одна кошка не знает, на что только ты тратишь время.

— У вас на Яльифре кошки — тоже священные животные? — удивился Кратов.

— У нас нет кошек. В домах мы держим зверьков, которые называются *кнекулф*. Они покрыты разноцветными перышками, обожают, когда им щекочут живот, и умеют предсказывать подземные толчки. Для нас, живущих в толще гор, это очень важно. Мои слова — всего лишь заимствованная идиома. С кошками я познакомилась на Эльдорадо. Это было приятное знакомство.

— А были и неприятные?

Сиреневые глаза под полумаской иронически блеснули.

— Не надейся, что ты у меня первый...

— Твоя откровенность порой ставит меня в тупик.

— Земные женщины скрытны?

— Хха! — воскликнул Кратов, неуклюже пытаясь подражать эхайнской интонации. — Земная женщина — очень особенный зверек. Куда там кнекулфам и кошкам... «Сосуд греха», как с затаенным восхищением называли их древние. Целомудренная скрытность в них соседствует с невероятным, обескураживающим бесстыдством. И неизвестно, что нам, мужчинам, больше по сердцу.

— Не надейся, что женщины-юфманги иные.

Кратов вздохнул.

— Все женщины, во всех мирах, во всей Галактике, будь они покрыты чешуей или перьями... будь они о шести руках и десяти глазах нежнейшего фиалкового оттенка... все они одинаковы.

— О! — с притворным восхищением воскликнула Идменк. — Твой опыт не сравнить с моим...

Кратов почувствовал, что его сердце сейчас взорвется в груди, как дождавшаяся своего часа бомба. Тысячу лет он не гулял с женщиной по вечернему городу... равно как и по дневному, и по утреннему. Тысячу лет он не умирал от накатывавшей волны нежности — такой же громадной и всесокрушающей, как и в никогда не виданной бухте Ифритов. Тысячу лет его душа не разрывалась пополам от счастья сиюминутного обладания и боли неизбежной утраты. «Господи, — подумал он, сжимая зубы, чтобы не застонать в голос. — Я не хочу терять эту женщину. Я не верю, что ты есть, и я знаю, что тебя нет. Но если я и здесь кругом не прав... не отнимай ее у меня, оставь ее мне насовсем!..»

— Что ты? — спросила Идменк, прижимая его ослабевшую руку к своей вечно холодной щеке.

— Мы... — Ему понадобилось усилие, чтобы совладать с перехваченным горлом. — Мы можем что-то сделать... чтобы не расстаться?

— Я думаю над этим, — сказала она спокойно. — А ты?

«Снежная Королева... Нежная Королева...»

Не ответив, Кратов легко поднял ее на руки, — и впрямь, как ребенка. Прижал к себе — Идменк тихонько ойкнула и притихла. Какое-то время он молча нес ее, прислушиваясь к частому биению двух сердец, к ее дыханию возле своего уха. Рука ее, не по-человечески прохладная и все же живая, обнимала его за шею. «Нежная Королева...» — повторял он мысленно.

— Ты понесешь меня через весь город? — шепотом спросила Идменк.

— Нет, — сказал Кратов. — Только до «Бель Эпок». Или до «Хилтон-Стар». Это уж тебе решать, докуда мне тебя сегодня нести.

— Ты устанешь... — Ее хрустальный голосок наполнился едва сдерживаемым смехом. — И будешь бесполезен.

— Ты даже не знаешь, какой я сильный.

— Знаю. Ты ужасно сильный. Ты *прурэг*, зеленокожее руконогое чудовище из наших мифов. Как ты избил бедного

Африканского Носорога! Наверное, тебе следовало бы навестить его в клинике...

— Мы оба можем навестить его, — усмехнулся Кратов. — Обычно он пьет пиво под тираннозавром, у виава... Зайдем?

— Нет, — с неожиданным гневом сказала Идменк. — И опусти меня на землю. Немедленно!

— Прости, я забыл, — пробормотал Кратов в смущении.

— Ты не забыл!

— Я глупо пошутил.

— Не просто глупо! — Идменк попыталась высвободиться. — А злобно и жестоко!

— Разве я злой и жестокий? — кротко спросил Кратов. — Я только кажусь таким. На самом деле я только большой, сильный и глупый. Как нрурэг.

— Нрурэги и глупые, и злые! Они уносят маленьких детей и едят их!

— Я не стану тебя есть. Я стану тебя любить...

— Нрурэги тоже глумятся над девушками!

За препирательствами они миновали сначала огромный и довольно уродливый в сопоставлении с оригиналом объемный портрет Озмы («Последние концерты в Тритое! Следующая остановка — Тайкун! Спешите, спешите, спешите!»), а затем сине-крапчатого призрачного тираннозавра, настойчиво зазывавшего посетителей в виавскую забегаловку. Брыкание Идменк сразу же ослабло, сведясь к оскорбительному шепоту на ухо и ощутимым щипкам куда попало. По мере удаления от одного резвящегося фантома к другому — драконьей башке над китайским рестораном, обидность оскорблений падала и вскоре вовсе сошла на нет. Идменк прекратила щипаться и начала капризничать. Она потребовала сладкого — и Кратов послушно поднес ее к светящемуся окошку возле входа в ресторанный подвальчик, где несколько растерянная пожилая китаянка, с навечно приморожденной к лицу улыбкой, подала им блюдо в форме листа лотоса с шариками в лепестках магнолии. Идменк потребовала, чтобы он поставил ее на ноги, — Кратов, не переставая ворчать, что он сильный и ни капельки не устал, подчинился. В поле зрения сиреневых глаз угодил дремлющий над своим столиком проскопист Вижу Насквозь —

и они безотлагательно устремились туда. При виде клиента бритоголовый джинн-фантом вскинулся и со знанием дела исполнил танец живота (при этом на пузе возникали приветственные лозунги на всех официально признаваемых на Эльдорадо языках).

— Вы знаете, куда стремитесь? — печально осведомился Вижу Насквозь, очень похожий на сильно уменьшенную и порядком изношенную копию джинна.

— Знаем, — сказал Кратов. — Мы стремимся облегчить свой кошелек и отягчить ваш.

— Это само собой разумеется, — покивал проскопист. — Но так ли вы хотите знать свое будущее? Едва только сюда, — он ткнул коротким волосатым пальцем в золотое блюдо перед собой, — лягут ваши монеты, обратного пути не будет. Не лучше ли жить в томительном неведении? Что за радость знать ответы на незаданные вопросы? В чем смысл поприща, которое приведет в никуда?

— Я согласен, — промолвил Кратов. — Никакого смысла в том нет. Вы правы, нам не следовало вас отвлекать своим праздным любопытством.

Идменк больно ущипнула его за локоть.

— И в то же время, — продолжал Вижу Насквозь, — будущее не существует, пока оно не наступит. Мы рисуем его кистью намерений, но строим из кирпичей поступков. Предупрежденный — защищен...

— И с этим я тоже согласен, — сказал Кратов, бросая на блюдо две монеты пятиэнектового достоинства (с таким дикарским овеществлением эквивалента своих трудов он впервые столкнулся именно здесь).

Вижу Насквозь смежил веки и опустил голову. В его руке невесть как очутился матово-черный шар, по которому бегали серебристые искорки. Идменк стиснула кратовскую ладонь и, кажется, даже перестала дышать. Джинн унял свои телодвижения и, раззявив клыкастую пасть, навис над столиком... Проскопист развел руки — шар чудесным образом повис между ними, трепеща и выпуская языки золотистого пламени. Изнутри него стремительно выплывали разноцветные символы неведомого алфавита. Кратов открыл рот, чтобы спросить,

какой в них резон, если Вижу Насквозь даже на них не смотрит, но Идменк чувствительно толкнула его в бок.

Проскопист открыл глаза. Шар мягко упал в подставленную ладонь.

— И все же... — начал Кратов.

— Эта игрушка ни при чем, — сказал Вижу Насквозь. — Она для того лишь, чтобы отвлекать внимание клиента и не мешать мне сосредоточиться. Это я вижу насквозь, а не каменная безделушка.

— И что же вы увидели? — с насмешливым интересом спросил Кратов.

— Вы вечный странник, — вздохнул проскопист. — Вы забыли, где ваш дом. Никто и нигде вас не ждет. У вас нет друзей, нет женщины, нет детей. Перекати-поле... вырванный с корнем сорняк... И то, что вы уже три месяца дважды в день проходите по Буканерам мимо меня, ничего не значит. Скоро ветер судьбы сорвет вас и унесет прочь.

— Скоро? — усомнился Кратов. — Когда же?

— Возможно, даже сегодня.

— Не думаю, — Кратов принужденно засмеялся. — У меня иные виды на этот вечер.

— Много лет вы будете скитаться по звездам и мирам, — вещал Вижу Насквозь. — И когда вам покажется, что таков ваш извечный жребий, все закончится. Все закончится мгновенно и внезапно. Вы даже не сразу поймете, что все закончилось... Это будет как стена, как тупик. И вселенная застынет в потрясенном молчании вместе с вами.

— Я не ожидал такого масштабного прогноза, — признался Кратов. — Я рассчитывал на самое ближнее будущее.

— Такие прогнозы не имеют смысла. Три минуты назад я мог бы точно предсказать вам, что вы будете стоять у этого столика и слушать мои слова.

— Это и я мог бы!

— В том-то и суть...

— Теперь обо мне, — нетерпеливо вмешалась Идменк.

Вижу Насквозь скользнул непроницаемым взглядом по ее лицу, укрытому полумаской, по хрупкой фигурке, окутанной черным плащом... Затем, поджав губы, нашарил в блюде одну

монетку и не глядя кинул Кратову — тот рефлекторным движением поймал ее на лету в щепоть.

— Что это значит? — сердито спросил Кратов, перекатывая монетку между пальцев.

— Время закончилось, — сказал проскопист.

— Какое время?!

Помедлив, Вижу Насквозь ответил:

— Положим, мое время, — и стал убирать столик.

Кратов пожал плечами и, обернувшись к Идменк, хотел было сказать нечто язвительное по поводу местных шарлатанов и мазуриков. И вдруг ощутил, что ее рука, и без того холодная, сделалась совершенно ледяной и дрожит мелкой дрожью.

— Что ты? — спросил он. — Тебе холодно?

— Мне страшно, — шепнула Идменк. — Уйдем отсюда. Ко мне. Нет, к тебе...

...Лишь к полуночи ему удалось немного отогреть ее, окоченевшую и напуганную, и разогнать неясные страхи. А когда она, оттаяв и ослабев, уснула у него на плече, последовал экстренный, совсем не к месту и совсем некстати, вызов по браслету.

— Костя, — сказал Носов (такое обращение в его устах звучало неожиданно и потому особенно пугающе). — Беда пришла, Костя. Мы упустили их из наблюдения... Они похитили Озму.

— Я сейчас буду у вас, — сказал Кратов.

Он осторожно убрал руку — Идменк не проснулась, только скорчила легкую гримаску неудовольствия. «Зачем я им нужен? Чем я помогу им... этим спесивым профессионалам? Сейчас Носов скажет, что ситуация находится под контролем, эхайны взяты во флажки, как волки, и с минуты на минуту их внезапно и нечувствительно обездвижат. Без ущерба для них самих, а самое важное — для Озмы. И я верну руку туда, где ей самое место...»

— Нет, не ко мне, — быстро проговорил Носов. — К Конраду.

2.

Кратов спрыгнул из кабины гравитра на мостовую, и тотчас же от стены отделилась черная, плоская, как из бумаги вырезанная тень. «Эрик!» — окликнул он. Но это был не Эрик, потому что тень проплыла несколько шагов сама по себе и снова слилась со стеной...

— Я здесь, — негромко сказали у него за спиной.

Носов стоял возле гравитра, с непокрытой головой, жалкий и нахохленный, похожий на выброшенную с теплого насеста в ночь домашнюю курицу.

— А это кто? — глупо спросил Кратов, отчетливо сознавая всю неуместность вопроса.

— А... — Носов неопределенно махнул рукой.

— Вы их засекли?

— Нет, — злобно сказал Носов. — Они оказались по меньшей мере не глупее нас... Нужно было следить не за ними, а за Озмой. Нужно было ее всю, с головы до ног, увешать маяками. Нужно было...

— ...не считать их умными идиотами, — прервал его Кратов. — Что вы намерены делать с Конрадом?

— Отрезать ему яйца, — огрызнулся Носов. — Не все сразу, а по одному, да не просто отрезать, а нашинковать! Коли он с Лихлэбром на связи, то наверняка знает, где у них посадочная площадка.

— Если они намерены без промедления улететь...

— А что им еще тут делать?! Вящего ущерба нанести они уже не в состоянии. Ну разве что взорвать Магистрат — хотя половина Тритон скажет им за это искреннее «спасибо»...

— Погодите, Эрик... У Озмы есть личный браслет?

— Конечно, есть, и мы с этим работаем. — Носов помолчал, тоскливо глядя на светящиеся окна офиса Конрада. — Пока без большого успеха.

— Я не слишком-то верю в то, что эхайны посвящали Конрада в самые тонкости операции, — сказал Кратов. — К чему им это?

— Я тоже не верю. Но, как вы сами же говорили, нужно сделать честную попытку. У нас пока больше не за что зацепиться.

— Хорошо, — сказал Кратов. — Раз уж вы меня выдернули из дома... Дайте мне десять минут.

— Опять?! — застонал Носов. — Вовсе я не за этим вас выдернул!

— Так зачем же?

— Из-за вашего статуса в комиссии! Не Блукхоопа же мне тащить сюда, в его подстаканнике! Не Грозоездника, который ни черта не смыслит в делах человеческих! Не старика Агбайаби!..

— А где Бруно?

— Сидит в Магистрате, где ж ему быть. Координирует поиски...

— Противно все это, — сморщился Кратов. — Я даже не очень представляю, что ему сказать.

— Вы снова все испортите! — зашипел Носов.

— Вряд ли дела пойдут хуже, чем есть.

— Это верно... Вот что: ничего вы ему не говорите. Он сам поведет разговор. Вы же знаете Конрада, он любитель поговорить...

— Я-то знаю, — сумрачно сказал Кратов. — Я только не знал, что и вы это знаете.

— Запомните: десять минут, и ни секундой больше! — шепотом рявкнул Носов и легонько пихнул его к массивной двери из тускло-золотистого металла, усеянной мелкой дождевой пылью.

Краешком глаза Кратов успел заметить, что черные тени возле стены — их было не меньше пяти! — все же имеют некоторый объем, что заставляло усомниться в их трансцедентальности. Мысленно сосчитав до десяти, чтобы унять дыхание и привести в порядок лицо, он распахнул дверь — наверху зазвенели колокольцы, крутая лестница в ковровом покрытии озарилась теплым, успокаивающим светом. Пространство

перед Кратовым ощутимо загустело, словно бы не желая пропускать — да так оно и было, потому что негромкий женский голос задушевно сообщил: «Этим вечером магистр Конрад, к его глубочайшему сожалению, не принимает...» — «Передайте магистру, что это Кратов». После недолгой заминки тот же голос, понизившись до полного интима, проронил: «Магистр Конрад вас примет», и незримая вязкая преграда рассеялась.

3.

— Что у нас болит на этот раз? — спросил Конрад.

— Как обычно, — сказал Кратов, привычно откидываясь в кресле. — Все, что имею. А более всего — душа.

— Могу порекомендовать отличный массаж и для этого органа, — ухмыльнулся Конрад. — Сам-то я, увы, не специалист. А вот есть такой Бус Ван Страатен, он держит лавочку на Буканерах, с двенадцатиногим спрутом, да вы и видали, должно быть. И еще лучше, на вашей Земле, на Окинаве, есть такой Текики Такарада...

— Вы все друг дружку знаете?

— Мы — один цех. Как и во всех профессиях. Что вас удивляет? Галактика большая, но если кто-то добился потрясающих результатов в вашем бизнесе, неужели вы об этом не узнаете? И не попытаетесь что-то у него позаимствовать, чему-то научиться? Ну-ка, перевернитесь на живот...

Кресло поползло книзу, превращаясь в кушетку.

— Вид у вас и впрямь нездоровый, — мурлыкал Конрад, оглаживая его спину. — Но такое ощущение, что намедни никто вас мягким о твердое не колотил...

— Твердым о твердое — было, — сказал Кратов. — Сначала один здоровенный тип приложил меня в голову. Хочется надеяться, что кулаком. А уж после я, самостоятельно, все той же головой — о каменный пол.

— Голова у нас крепкая, — приговаривал Конрад. — Керамитовая...

— Чугунная, — поправил Кратов. — Лолита утверждает, что чугунная.

— Что еще за траханная Лолита... — привычно возмутился было Конрад.

И умолк.

В этот момент Кратову более всего хотелось бы видеть выражение глаз Конрада. Впрочем, застывшие и моментально увлажнившиеся ладони тоже говорили о многом.

— Там ничего нет, Конни, — сказал Кратов. — «Жучок» с меня давно сняли.

— Какой «жучок»? — безразличным голосом спросил Конрад.

— Маленькую такую штучку, что вы своими волшебными руками скрытно вогнали мне под кожу. Чтобы быть в курсе наших заповедных бесед. Медиатранслятор, как назвал его Эрик Носов.

— Эрик Носов, — задумчиво произнес Конрад. — Эрик... шипоносный наш ящер...

Эмоциональный фон Конрада стремительно менял свою окраску и спектральную насыщенность. Сейчас его мысли можно было читать, как если бы они были начертаны «на извести стены чертога царского»[1].

Кратов просто перекатился по лежбищу и, ссыпавшись на пол, мягко приземлился на четвереньки, а уж затем вскочил и на всякий случай принял самую непринужденную боевую стойку. Большой нужды в этом не было. Промахнувшись с первой попытки своими золотыми пальчиками, что могли убить так же легко, как и исцелить, Конрад обмяк. Он застыл в нелепой позе, уперев ладони в пустую кушетку, понурив голову и тяжко дыша. В эмо-фоне у него царил полный разброд.

— Кто же вы, Кратов? — спросил он невнятно. — Плейбой, искатель острых ощущений? Цирковой гладиатор? Если да — черт ли вас занес в такую ученую компанию? Или, может быть, вы — Джеймс Бонд? Все это время я стараюсь понять... Вы знаете, кто такой Джеймс Бонд?

— Знаю, — сказал Кратов. — А вы знаете, что они взяли Озму в заложницы?

— Нет, — выдохнул Конрад, хотя мысленно возопил: «Да! Да! Да-а!!!»

— Зачем они сделали это?

— Не знаю...

---

[1] Книга пророка Даниила, глава 5.

— Конни, — сказал Кратов. — Там, внизу, рыщет бешеный Эрик Носов, и поэтому ваши дела очень плохи. У меня было ровно десять минут, чтобы уговорить вас сотрудничать с нами. Уже прошло пять, а то и больше. Потом уговоры закончатся, и на какое-то время для вас перестанут существовать права личности. Носов просто достанет из вас все нужные сведения, как из бабушкиного сундука. Я не хочу этого. Мне отвратительны все эти игры. Я все время пытаюсь их остановить, и у меня ни черта не выходит... Я не хочу, чтобы мы воевали с эхайнами. Но если они повредят Озме, никого уже не удержать. Вы что, всерьез думаете, что если стрясется эта беда, эхайны уплатят вам обещанную мзду? Платить будет просто некому! Какие бы они ни были воины, у них нет ни единого шанса против нас.

— Я знаю, — сказал Конрад. — Я знаю ответы на все ваши вопросы. Но не могу отвечать...

— Конни, вы в безвыходном положении. И я не играю в хорошего дознавателя перед приходом плохого. Я вообще ни во что не играю. Мне просто нужно освободить Озму, и это все. Пускай сами эхайны катятся подальше. Мы даже выделим им корабль, если у них не окажется своего. Хотя я в это не верю... В любом случае вы не получите ничего, что было вам обещано. Ни так, ни эдак... Поймите это наконец! — Кратов с досадой ударил кулаком в ладонь. — Дьявол, я хочу вас перекупить! Что они вам обещали? На что вы, великий мастер своего дела, состоятельный даже по земным меркам человек, купились и клюнули? Быть может, и мы сможем дать вам это?

— Планету, — прошептал Конрад. Лицо его сделалось серым, как у покойника, и сам он походил на покойника, кабы не дергающиеся губы и капли холодного пота на лбу. — Эту планету — в безраздельное пользование...

— Вам — Эльдорадо?! — Кратов не сдержался и захохотал. — На кой хрен? Конни, что вы станете делать с этим миром? *Зачем вам планета*?! Вы умеете ею управлять? Вы хотите забивать голову всяким хламом, вроде графика продуктовых поставок, водоснабжения засушливых районов и осушения часто затопляемых, очистки улиц и сточных канав? Или вы думаете, что вам позволено будет возлежать на ложе подле

бассейна, а нагие красотки будут щекотать вам пятки?! Это сейчас вы можете купить себе бассейн и красоток... да вы уже и купили... А когда в вашей власти окажется огромный мир, вы сойдете с ума от ответственности, от бремени забот и полной невозможности их решить! — Он покачал головой. — Впрочем, я знаю, как эхайны могли бы исполнить свое обязательство. Они сожгли бы Эльдорадо дотла, убили бы всех его жителей до единого, включая ваших красоток и даже кошек, а в живых оставили бы лишь вас. И преподнесли бы этот обугленный шар вам в награду...

Конрад молча плакал.

— Я не могу обещать вам планету, — сказал Кратов. — Я вообще ничего не могу вам обещать, потому что вы сами не знаете чего хотите. Вам просто наскучила размеренная, сытая, спокойная жизнь зрелого мужчины, и вы решили поиграть в казаки-разбойники. В Джеймса, мать его, Бонда, в Мату Хари... тоже мне, баба-яга в тылу врага... Вы думали, что и они играют. А они использовали вас, как болванчика, чтобы захватить Озму. Конни, неужели Озма для вас ничего не значит?!

Кратов поглядел на свой браслет.

— Все, — сказал он. — Десять минут истекли. Носов уже поднимается сюда.

— Хорошо, — сказал Конрад. — По крайней мере, вы со мной разговаривали. А это приятнее, чем когда тебя, не церемонясь, привяжут к креслу и начнут ментоскопирование... Их посадочная площадка — в пятидесяти километрах от Дуговой магистрали. — Он говорил во все нарастающем темпе, словно боялся не успеть. — Берег моря. Голое, гиблое место, даже птицы туда не летают. Местные называют его Пляж Лемуров. Сборный пункт — дом с восьмискатной крышей в квартале Чернокрылой Птицы, это пригород Тритои. Но там они уже не покажутся, если Озма в их руках...

— Вам плохо? — встревожился Кратов.

— Мне ужасно плохо... — выдавил Конрад. — Клянусь четырехцветной кошкой...

Лицо его из серого буквально на глазах становилось иссиня-багровым, рука поползла к горлу. Конрад присел на краешек

кушетки, что с готовностью вновь обернулась креслом. Закашлявшись, откинулся на спинку. Из остатка сил просипел:

— Запомните: они не хотят Озме ничего...

Кратову показалось, что внутри головы Конрада вдруг взорвалась бомба. Ему даже послышался звук разрыва... Конрад качнулся вперед, неуклюже дернул руками и, словно переломившись пополам, свесился через подлокотник. Изо рта, из ушей, из-под судорожно сомкнутых век текла густая черная кровь.

4.

Дверь распахнулась, в помещение ворвался Носов, с ним несколько человек в искажающих очертания фигуры плащах-фантомах (мокрые от дождевых капель и вполне обычные лица в лишенных объема и отчетливых контуров капюшонах выглядели довольно странно).

— Я это знал! — вскричал Носов. — Чего было ждать?! Если вы взялись за дело, то лишь с тем, чтобы все развалить и порушить!..

— Тише, — сказал Кратов. — Что вы орете... при покойнике?

Его колотило, как в лихорадке, ноги подкашивались. И нестерпимо ныло сердце.

— Это я его убил? — спросил он.

Один из подручных Носова без церемоний, словно кукле, запрокинул Конраду голову, приподнял веки и заглянул в затекшие кровью глазницы.

— Разрыв мозга, — усмехнувшись, сообщил он.

— Это я его убил? — повторил вопрос Кратов.

— Подите к черту! — рявкнул Носов. — Его убили эхайны.

— Он умер у меня на глазах, — сказал Кратов. — Я не успел ему помочь. Я только спросил...

— Успокойтесь, — потребовал Носов. — Вы не виноваты. Скорее, можно винить меня: следовало предусмотреть такое развитие событий. Но он знал, что обречен. И мог бы вам сказать об этом. Тогда никто бы не умер.

— Он все выложил, — проговорил Кратов, не имея сил оторвать взгляд от тела, застывшего в неестественно перековерканной позе. — Квартал Чернокрылой Птицы...

— Это мы знаем, — перебил его Носов.

— Пляж Лемуров...

— А вот это — нет! — Носов щелкнул пальцами, люди-призраки обратили к нему лица. — Всех — туда, — распорядился он. — Накрыть полем, чтобы ни одна душа, живая и мертвая, не могла ворохнуться. Не нападать, в переговоры не вступать. Ждать меня.

— Не пойму, что с ним стряслось, — промолвил Кратов. — Он умер на моих глазах.

— Эхайны запрограммировали его на самоуничтожение, — сказал Носов. — Это значит, что они владеют ментокоррекцией не хуже нас. И умеют использовать ее не только на себе, но и на людях. Такие программы называются «шат-ап». Они абсолютно безопасны, пока вы не сболтнете лишнего, не употребите вслух какое-нибудь ключевое слово. А иначе они запускают вразнос ваш обмен веществ, пробуждают какой-нибудь латентный вирус, усиливают кровяное давление... да мало ли как можно разрушить человека изнутри. Должно быть, вы убедили Конрада преступить некий запрет. Жаль, это был очень хороший мастер... — Он с тревогой посмотрел на Кратова. — Константин, вам плохо?

— Мне ужасно плохо... — пробормотал Кратов.

И вдруг осознал, что именно эти слова были сказаны Конрадом за мгновение до кончины.

От этого ему стало еще хуже.

— А как мне, по-вашему, должно быть?! — рявкнул он со злостью.

Чтобы никто не видел его жалкого состояния, Кратов поспешно отошел к окну, уставился влажными глазами в промозглую ночную тьму.

Ему хотелось бросить все и вернуться в номер. Запереться в кабинете, выпить стакан водки, вспомнить, как нормальные люди плачут, и от души разрыдаться. Потом растормошить Идменк, схватить ее подмышку и улететь с этой проклятой планеты прочь... на Сфазис... или домой, на Землю, к маме под крылышко. Куда угодно, лишь бы подальше от всех этих кошмаров. И отвратительна была даже сама мысль о том, что никуда он не улетит, а пробудет здесь ровно столько, сколько потребуется, чтобы все кошмары прекратились раз и навсегда. Чтобы Озма, целая и невредимая, продолжала творить

свои колдовские действа где и когда захочет. Чтобы эхайны оставили мирную Галактику в покое. Чтобы Идменк отважилась наконец и сбежала с ним от нареченного супруга. Чтобы никто больше не умирал такой нелепой, никчемной и страшной смертью.

— Его можно было спасти? — медленно спросил он.

— Да, — сказал Носов. Поразмыслив, добавил: — Теоретически. Но на это ушло бы много времени. Нам все равно пришлось бы выбирать между ним и Озмой.

— Ненавижу выбирать, — процедил Кратов сквозь зубы.

— Война — всегда выбор... — Играя бровями в унисон своим мыслям, Носов двинулся к выходу. — Я лечу на Пляж Лемуров, брать этих субчиков, — сказал он через плечо. — Желаете присутствовать?

— Желаю, — сказал Кратов. — Но вначале мне нужно поговорить с одной рыбой.

— Поговорить — с рыбой?! — удивился Носов. — Ах, да...

5.

Двухметровое перламутровое яйцо бесшумно парило под неярким светильником. В переднем окошке трепетала бледная пелерина, манипуляторы покойно сложены по бокам.

— Простите, что нарушил ваш покой... — начал Кратов.

— Пустяки, — сказал Блукхооп. — Отдых в вашем понимании нам не требуется. Мы отдыхаем, лишь приобщившись к вечности. Вы понимаете, о чем я?

— Надеюсь, что да.

— Так же, как и я понимаю вас. Заблуждение, что я как ксенопсихолог сосредоточил свой профессиональный интерес исключительно на эхайнах. Люди мне так же любопытны, как... образец для сравнения.

— Тогда вы должны угадать мой следующий вопрос...

— Это нетрудно. Вы хотите, чтобы я поделился с вами той информацией об эхайнах, которая известна только нашей расе, и никому больше во всей Галактике.

Кратов молча кивнул. У него не оставалось больше сил, и он опустился на пол там, где стоял.

— Такой исключительной информации не существует, — сказал Блукхооп с отчетливо прослеживаемой иронией. — О том, что знаем мы, знает еще по меньшей мере одна раса. Во всяком случае, сведения должны быть погребены где-то в ее анналах, и при желании они могут быть извлечены и воспроизведены. И, конечно же, знают тектоны. Потому что тектоны знают все.

— Вы не назовете мне эту расу, — полувопросительно вымолвил Кратов.

— Нет, не назову. Замечу лишь, что это древняя и уважаемая галактическая культура, в пору своей зрелости много и шумно экспериментировавшая с перспективными биологическими видами в самых различных уголках мироздания.

Достигнув же возраста мудрости, многих своих деяний она устыдилась и постаралась умалить ущерб там, где он был нанесен, и... как это говорится у людей... замести следы там, где все обошлось благополучно. Между прочим, эти смелые опыты с «искусственным вразумлением» послужили причиной возникновения в современной ксенологии самых блестящих и фантастических теорий. Возьмем, к примеру, вашу теорию «галактического изогенеза», которую выдвигает доктор Андре Ван Дамм...

— Церус I — их дело? — мрачно осведомился Кратов.

— Нет. Есть принципиальное отличие между их экспериментами и тем, что вы встретили на Церусе I. Они никогда никого не принуждали быть разумным. Они лишь стремились подобрать каждому подающему надежды виду оптимальную среду обитания. Или, например, сохранить альтернативу: вид, обреченный на вымирание в условиях межвидовой конкуренции, эвакуировать со столь нелаековой к нему материнской планеты и дать ему реальный шанс в иных сходных условиях...

— Хорошо, — не слишком деликатно прервал медлительные рассуждения ихтиоморфа Кратов. — С каким из этих вариантов мы имеем дело?

— Разумеется, со вторым, — сказал Блукхооп. — Это был очень давний и масштабный эксперимент. Он ставил своей целью разъединение, сохранение и независимое развитие трех конкурирующих рас. К чести экспериментаторов отмечу, что они ограничились лишь первой его фазой, выведя из-под удара две угасающие ветви одного эволюционного дерева, а затем предоставили их самим себе. Что должно, по моему рассуждению, уберечь все три самостоятельно выросшие галактические цивилизации от комплекса неполноценности.

— Одна из этих рас дала начало Эхайнору, — нетерпеливо сказал Кратов. — Это секрет полишинеля. А кем же стали две другие?

— Хорошо, что вы сидите на полу, — насмешливо промолвил Блукхооп. — Есть надежда избежать ушибов, когда свалитесь от изумления.

6.

Едва не опрокинувшись на бок от сильного порыва ветра, гравитр плюхнулся на четыре лапы и намертво присосался к голому сырому камню. Кратов выскочил из еще ходившей ходуном кабины и, натягивая на голову капюшон, оскальзываясь, побежал к стоявшим возле тяжелых многоместных машин людям. Он сразу же озяб и промок. Свое имя Пляж Лемуров оправдывал полностью. Подразумевались, конечно же, не симпатичные недообезьянки из земных лесов, а лемуры в классическом, древнеримском понимании, то есть — неприкаянные души, что не обрели посмертного успокоения по причине сотворенных при жизни злодеяний. Только непокойным мертвецам и могла прийти фантазия использовать эту дыру как пляж и принимать здесь ванны из призрачного света трех эльдорадских лун.

— Где они? — спросил Кратов, сразу отыскав глазами Носова.

Тот, как всегда, ладный и подтянутый, не испытывавший видимых неудобств, стоял в тени изъеденной соленными брызгами скалы и через распахнутую дверь следил на светившимся в глубине кабины экраном. Он молча ткнул пальцем куда-то в расщелину между камней. Кратов немедленно сунулся к ней, но сразу же уперся в широкую спину одного из носовских «фантомов».

— Не спешите, — сказал Носов. — Еще успеете полюбоваться. Через пять минут у нас будут переговоры.

— Переговоры?! — Кратов не поверил своим ушам. — Да вы, оказывается, не только бряцать фограторами горазды!

— Мы горазды в очень многих вещах, — уклончиво сказал Носов. — Пойдете со мной?

Кратов прищурился.

— Вы шутите, — произнес он недоверчиво. — Не боитесь, что все испорчу?

— Не боюсь. Вы слывете очень благоразумным человеком... в критические моменты. А сейчас самый критический момент. По крайней мере, в моей жизни.

— Так, — сказал Кратов, собираясь с мыслями. — Что они хотят?

— Чтобы мы убрали поле. Иначе начнут убивать заложников. Кроме самой Озмы, у них в руках еще четыре человека из ее охраны. Обычная тактика террористов...

— Они хотя бы намекнули, зачем им Озма?

— Намекнули! — ощерился Носов. — Так намекнули, что у меня до сих пор кулаки чешутся. Они сказали, что она им нужна.

— И все?!

— И все.

Носов посмотрел на экран.

— Пошли, — сказал он коротко.

Отстранил «фантома» и протиснулся в расщелину. За ним двинулся незнакомый Кратову человек, очень худой и длинный, похожий на жюльверновского Паганеля, в широкополой соломенной шляпе (что вполне соответствовала образу, но вступала в вопиющее противоречие с погодой), только без очков и подзорной трубы. Потоптавшись на месте, Кратов сунулся следом и едва не застрял. Когда он, суетясь и шепотом бранясь, высвободился, то обнаружил, что замыкает процессию учитель Рмтакр «Упавшее Перо» Рмтаппин, великий знаток боевого искусства «журавлиных наездников». Как он здесь оказался и зачем, оставалось только гадать.

Корабль эхайнов, обычной для Галактики блюдцеобразной формы, обычного же для недальних перелетов размера, то есть не более двадцати метров в диаметре, лежал на естественной площадке, со всех сторон укрытой от волн, ветра и чужих взглядов тесно сбившимися скалами. С воздуха его было не разглядеть благодаря мимикрирующему защитному покрытию. Аппарат как аппарат, чуть поменьше типового «корморана»... Надо полагать, пятерым заложникам и громоздкого телосложения эхайнам, числом никак не менее, в кабине приходилось сидеть друг на дружке.

Едва только делегация с Носовым во главе приблизилась к кораблю на расстояние брошенного камня, как в борту его

вскрылся люк. Появились трое эхайнов, все двухметроворостые, невероятно широкоплечие и не по сезону легко одетые — в каких-то легкомысленных цветных шортах и безрукавках, очевидно — чтобы продемонстрировать свою телесную мощь и презрение к непогоде. Двое держали в мускулистых загорелых лапах какие-то сложные и ощутимо тяжелые агрегаты из матово-черного металла. Третий, напротив, в руках ничего существенного не имел, за исключением шутовской тросточки. И это был граф Лихлэбр.

— Ты смелый, — проскрежетал он, обращаясь к Носову. — Удивляет. Убил бы одной рукой.

— Может быть, — сказал Носов, невольно изъясняясь в той же экономной манере, которая у эхайна наверняка была обусловлена малым словарным запасом. — Но не ты. Ты умрешь первым.

— Хха! — воскликнул эхайн, и Кратов уловил в его эмоциональном фоне слабую тень одобрения. — Это, — граф не оборачиваясь показал на агрегаты у своих спутников, — оружие. Высокая энергия. Я умру. Но не один.

— Умрут все эхайны, — согласился Носов. И с отчетливо читаемой угрозой повторил: — Все.

— Женщины, — неприятно усмехнулся одними губами Лихлэбр. — Дети. Старики. А?

— Все, — подтвердил Носов.

— Не верю, — качнул головой эхайн. — Вы мягкие. Вы не можете, как мы.

— Ты не увидишь, — сказал Носов. — Может быть — я не увижу. Но они умрут. И — хватит об этом.

— Хха! — снова гаркнул Лихлэбр, но на сей раз с раздражением. — Мы решаем. У нас то, что вам нужно.

— Вы не решаете, — возразил Носов. — Вы отдасте то, что нам нужно. Мы вас отпускаем. И это все.

Желтые глаза эхайна скользнули по лицам стоявших молча людей.

— Ты смелый, — проскрипел Лихлэбр. — Почему не один? Кто они?

Нескладный тип, деликатно кашлянув, выступил вперед и снял шляпу.

— Филипп Лагранж, — представился он, коротко поклонившись, и сразу же вернул шляпу на прежнее место. От него исходило удушливое ощущение с великим трудом сдерживаемого страха. Если эхайн умел воспринимать эмо-фон (а отчего бы ему не уметь?), то мог бы наслаждаться произведенным впечатлением. — Я член Магистрата города Тритоя, континентальной столицы Эльдорадо. Я обязан присутствовать на переговорах по своему административному статусу. Магистрат уполномочил меня предоставить вам гарантии неприкосновенности и свободы передвижения, если заложники будут освобождены. В моем лице вольная планета Эльдорадо предлагает вам дружбу и гостеприимство на любой срок, какой вы сочтете для себя приемлемым...

Эхайн выставил перед собой трость (Лагранж осекся на полуслове и невольно попятился) и надменно объявил:

— Мы свободны. Мы ходим, где хотим. И берем то, что нам нужно. Ты? — Он смотрел на Рмтакра, как обычно, наглухо упакованного в свою серую хламиду, потемневшую от влаги.

— Ты мне интересен, — кротко ответил тот. — Мы уже забыли, как это выглядит.

— Где твое лицо? — рявкнул эхайн.

Рмтакр «Упавшее Перо» Рмтаппин слегка приоткинул капюшон. Призрачный свет Сомнамбулы отразился в черных блюдцах его нечеловеческих глаз. Лицо графа Лихлэбра напряглось, едва не утратив всегдашнюю спесивую гримасу. Низкий лоб собрался в складки, словно эхайн что-то мучительно припоминал. И эти воспоминания были ему крайне неприятны.

— Вы с ними, — сказал он с укоризной.

— Да, — удостоверил Рмтакр. — И давно.

— Это было ошибкой.

— Это был правильный выбор.

Лихлэбр усмехнулся, но не столь уверенно, как раньше. Его взгляд остановился на Кратове.

— Зверь-Казак, — промолвил эхайн.

— Т'гард Лихлэбр, — сказал Кратов.

И ужасной силы ударом швырнул его на мокрые камни.

7.

— ...! — вырвалось у Носова.

Он быстро переводил взгляд то на зловещие черные агрегаты эхайнов, нацеленные на людей, то на скалистые склоны, где наверняка таились его сотоварищи с такими же опасными игрушками.

Член Магистрата Лагранж пискнул что-то неразборчивое, схватил свою замечательную шляпу, сорвал с головы и, прижимая ее к груди, бросился бежать. Учитель Рмтакр «Упавшее Перо» Рмтаппин молча выдвинулся на его место, в его бесформенной фигуре читалось громадное напряжение.

Лихлэбр грузно возился в грязи, мотая головой со слипшимися в сосульки волосами. Ему с трудом удалось принять сидячее положение и укрепиться так, не заваливаясь на бок. Неверным движением он вскинул над головой ладонь (эхайны немедленно опустили оружие), а затем плавно и бережно поднес ее к затылку.

— *Драд-шхирси*, — раздельно выругался он.

— *Иофс'уэгхр кх'элпешт*, — ответил Кратов. — Долг любит возвращаться.

До графа, наконец, дошло, что с ним ведут диалог на его родном языке.

— *Драд-шхирси эр'шхирси драд*, — пробормотал он изумленно. — Ты боец. Это твоя работа. Я видел. Но ты говоришь... как эхайн!

Кратов быстро переглянулся с Носовым. По бледному лицу того мелькнула тень торжествующей ухмылки. Благодаря медиатранслятору Конрад мог знать содержание разговоров в «клубе любителей эхайнов». Он мог знать имена участников и проскользнувшие в беседах титулы. Но он не знал, кто есть кто на самом деле. И он честно сообщил своим нанимателям, что один из завсегдатаев интеллектуальных посиделок —

профессиональный гладиатор. Чем доставил им, наверное, немало пищи для размышлений на тему «на кой бес высокоученому собранию этот здоровенный и по скудоумию немногословный малый».

Между тем, Лихлэбр не глядя нащупал тросточку и, опираясь на нее всем своим немалым весом (тросточка гнулась, но держала), наконец выпрямился.

— Кто ты? — спросил он Кратова.

— Я тот, кто хочет договариваться.

— Ты не хочешь воевать?!

— Не хочу. И никто не хочет.

— Но мы хотим! — проскрежетал эхайн.

— Это ошибка. И я могу доказать.

— Доказать? Есть что-то, чего мы не знаем?

— Да.

— Но мы знаем все!

— Никто не знает всего... Отпусти всех заложников. Возьми меня. Узнаешь то, что знаю я.

Лихлэбр стер — а скорее, размазал — подолом безрукавки грязь с лица. Его кошачьи глаза горели огнем безумия.

— Идем, — сказал он наконец и, повернувшись, побрел на неверных ногах к кораблю.

Изумленный неожиданным развитием событий, Носов наконец обрел голос.

— Константин, — сказал он предостерегающе, на всякий случай перейдя с континентального эльдорадского на русский. — Даже не мечтайте. Это ловушка. Вы имеете дело с эхайнами...

— Вы тоже не знаете всего, Эрик, — возразил Кратов.

— Может быть, и не знаю, — проворчал тот. — Но не собираюсь рисковать чужой жизнью. Мне нужно выцарапать оттуда Озму, а не подать им на тарелочке еще и вашу голову!

— Успокойтесь, Эрик. Все будет хорошо. Я обещаю.

— Что вы можете обещать? Что?! Я не жду от вас ничего, кроме новых осложнений! Надо же додуматься: заехать по фыркалам аристократу, графу, начальнику разведки!

— Я пошел, — прервал его Кратов и почти бегом пустился догонять Лихлэбра.

Носов дернулся вперед, чтобы ухватить его за рукав, но промахнулся.

— Сумасшедший! — выкрикнул он. — Самоубийца!

Кратов не обернулся.

Он приблизился к эхайнскому кораблю — вблизи тот оказался несколько просторнее, чем издали, при искажающем перспективу лунном свете. Миновал вооруженную стражу, по трапу поднялся в шлюзовую камеру. Могучая спина т'гарда маячила впереди. Кратов озирался, не имея сил сдержать любопытство. Не так часто доводилось ему побывать на чужом космическом транспорте. А тем паче на эхайнском... Стены шлюза и открывшегося за ним трубообразного коридора были сделаны из темно-красного материала, напоминавшего земной керамит. Возможно, это и был керамит, полученный неправедными путями в мимолетную эпоху ассоциированного членства... Коридор круто заворачивался, следуя блюдцеобразным контурам корабля. Кратов отвлекся, засмотревшись на развешанные под самым потолком металлические блюда с чеканкой, носившие явно декоративный характер. Смысл изображенных на них переплетающихся аллегорических фигур он уловить не успел. Эхайн, шедший позади, грубо пихнул его между лопаток чем-то твердым, должно быть — прикладом своего варварского оружия. Кратов и не ожидал, что с ним станут церемониться. Он был готов к самому неучтивому обхождению. После тритойского ринга ничто не могло его испугать...

Он увидел порхание легких пылинок в едва заметном луче в опасной близости от лица и, не успев отпрянуть, закончил начатый шаг. Этого делать не следовало, но уже ничего нельзя было вернуть. Коридор перед глазами неожиданно загнулся кверху, а не как полагалось бы... Чеканные блюда сорвались со своих подвесок и повели вокруг него хороводы. Красноватый свет, исходивший от керамитовых стен, и без того весьма неяркий, сделался совсем тускл и вязок... словно ягодный кисель...

Его подхватили под руки прежде, чем он обмяк и осел где стоял. Дотащили до глубокого кресла в тесной кабинке, развернули лицом к большому овальному экрану. Что-то сказали — слова были знакомы, но в осмысленные фразы никак не

складывались. «Волновой шок... — со скрипом ворочались под черепной коробкой бессвязные, невесть к кому обращенные мысли. — Паралич воли... тупая кукла с идиотской улыбкой... развесив слюни...» На экране было видно, как один из эхайнов, все в тех же облепивших тело идиотских шортах и маечке, вывел наружу четверых людей, казавшихся рядом с ним подростками. Что происходило там, за пеленой дождя, Кратов понимал очень слабо. Люди стояли перед кораблем, никуда не двигаясь, будто чего-то ждали. Потом один упал, как подкошенный... трое продолжали стоять. Упал второй... двое дернулись, но остались стоять на месте, как прикованные. Еще один упал... и лишь тогда изображение зарябило и сгинуло, черная волна тошнотного беспамятства прокатилась от самых пяток до самых корней волос, пол под ногами качнулся, стены выгнулись по-кошачьи, очертания всех предметов, и до того смутные, смазались совершенно — как и всегда бывало при уходе от планеты на ЭМ-тяге в режиме форсажа...

Кратов замотал чугунной — не в шутливом, лолитином смысле, а буквально неподъемной — головой, чтобы стряхнуть наваждение. Мысли по-прежнему своевольничали, путались и разбегались, создавая ощущение бреда наяву.

Маленькая взъерошенная женщина (после эхайнов все люди казались маленькими) в соседнем кресле, в толстом белом свитере и белом, довольно запачканном, джинсовом комбинезоне, сказала, обратив к нему некрасивое скуластое лицо, расписанное грязными потеками высохших слез:

— Спасибо вам.

— За что спасибо?.. — едва различимо спросил пересохшими губами Кратов.

— Вы хотя бы дали этой поганой *бестиа* по ее поганой роже, — со мстительным наслаждением промолвила Озма.

Интерлюдия. Земля

— И сразу застегнись, — сказал Сидящий Бык, набрасывая ему на плечи просторную мохнатую шубу с капюшоном. — Тридцать пять ниже нуля — это не шутка для монголоида.

— Я русский, — проворчал Кратов, но подчинился.

Ему казалось, что высеченные космически холодным ветром слезы замерзают на щеках, сопровождая хрустом его слова.

Сам же человек-2 был одет в легкомысленную кожаную курточку с меховым воротником, поношенные джинсы и вязаную шапочку с помпоном. На сей раз он обзавелся обычным европейским лицом с немного стертыми, незапоминающимися чертами. Глядя на него, уже не возникало ощущения, будто стоишь перед зеркалом.

— Как ты думаешь, он захочет со мной разговаривать? — спросил Кратов.

— Он очень любознательный человек, — уклончиво ответил Сидящий Бык.

— Чем же я могу быть для него интересен?

— Хотя бы тем, что ты — один из немногих ныне живущих, кто испытал на себе его прибор. Испытал и...

— И что?

— И не захотел еще.

— Это было нетрудно, — сказал Кратов. — Мне не понравилось быть машиной.

— Были такие, кому понравилось.

— И что же с ними стало?

— Почти все они умерли неестественной смертью.

Еще полсотни шагов спустя Сидящий Бык вне всякой связи с предыдущим сказал:

— Тебе привет от Бубба.

— Бубб передает мне привет? — изумившись, переспросил Кратов.

— Буквально, разумеется, нет, — поправился человек-2. — Но он вспоминал о тебе часто и с большим пиететом. По-

скольку моя специализация — ксенология, то какое-то время местом моей работы был Церус I с его урсиноидами. Как представляется, в конце концов Бубб проникся ко мне доверием. Он даже посвятил мне прелестный стишок:

Лишь тебя увижу —
Взять хочу здоровый дрын,
С силой врезать меж рогов.
Только жаль мне дрын,
И подняться лень...

— Как ты думаешь, он понял, что ты — это не я?

— В каком смысле? — сдержанно удивился Сидящий Бык. Потом кивнул: — А, ты имеешь в виду — понял ли он, что я не человек...

— Значит, ты работал с урсиноидами уже не под моей личиной?

— Ну, разумеется. Ординарному ксенологу маскироваться под мэтра некорректно.

— Это я-то мэтр?!

— А то кто же? — фыркнул Сидящий Бык. — Я работал в одном из своих стандартных обличий. Примерно в таком, как сейчас.

— Стало быть, у тебя несколько лиц. Отчего же ты — Сидящий Бык, а не Янус?

— Янус был всего лишь двулик. Здесь я его превосхожу.

— Ты помнишь хотя бы то лицо, которое увидел в зеркале сразу после рождения?

— Естественно. Я увидел то же лицо, что ты видишь сейчас. Для меня оно стало чем-то вроде белого фрака, надеваемого по особо торжественным случаям. Например, по случаю встречи старинного друга.

— Такая честь! — ввернул Кратов.

— В повседневной жизни я ношу другое лицо. Скажем так: более соответствующее стереотипам человеческого восприятия, возникающим при звуках моего имени.

— Смуглая кожа, мощные скулы, — сказал Кратов. — Крупный нос, понятное дело — орлиный. Жесткие черные пряди до плеч. Иногда увязанные в косичку.

— Как видно, ты имел дело с индейцами, — пробурчал Сидящий Бык.

— Среди моих друзей есть и подлинные индейцы.

— Я отличаюсь от подлинных тем, что не увязываю волосы в косичку, а заплетаю. И не в одну, а в несколько. Все, как на старинных картинках. — Похоже, человек-2 снова шутил. Но полной уверенности в том не было. — Возвращаясь же к Буббу... Нет, он ничего не заподозрил. Его звериное чутье здесь спасовало. Если он и впрямь хотел отреть меня дрыном, то лишь затем, чтобы я не вязался к нему с глупыми вопросами в минуты размышлений о вечности.

— Браво! — сказал Кратов. — Наконец-то у Бубба появилось время для медитации!

— Урсиноиды довольно неплохо живут. После того, как по Церусу прокатился огненный вал по имени «Кратов», они стали господствующим видом на всей Хаффии. — Не видя реакции, Сидящий Бык счел необходимым пояснить: — Хаффия — это такой континент.

— В честь первооткрывателей с Хаффы, — задумчиво поддакнул Кратов.

— Вот именно... Бубб не выделял меня среди прочих ксенологов. Его доверительный диапазон применительно к людской расе оказался шире, чем это бывает у самих людей. Те выделяют нас быстро и практически безошибочно.

— Ну, среди людей тоже встречаются странные экземпляры, — хохотнул Кратов. — К примеру, доктор Артур Клермонт, начальник миссии на планете Пирош-Ас, принципиально удаляет всякую растительность с головы и лица, никогда не улыбается и строит фразы в соответствии с правилами «демосфенова канона».

— Что такое «демосфенов канон»?

— Не знаю. По-моему, он сам это и выдумал. Удручающая картина...

— Этот ваш доктор Клермонт — просто выпендрюжник, — заявил Сидящий Бык.

— Где ты подцепил это слово?! — ахнул Кратов.

— У тебя, разумеется, — спокойно ответил человек-2. — При первой встрече ты произвел на меня убийственное впе-

чатление... хотя и извинился. В ходе второй встречи ты на моих глазах выпил почти ведро «Карлсберга» и существенно обогатил мой запас русских идиом.

— На то был повод, — Кратов смущенно засмеялся.

— В отличие от человека, который выпендривается, то есть — эпатирует окружающих своим нарочитым, неестественным поведением, мы изначально и ненатужно ведем себя иначе. Мы другие, поэтому для нас то, что вы называете емким словом «выпендреж», вполне органично.

— Да, я заметил: курточка, штанишки — все по погоде... Почему мы идем пешком?

— Потому что здесь нельзя летать. А точнее — снижаться до десяти километров; следовательно, гравитры, с их нормальным пятикилометровым потолком, отпадают. Сразу за стоянкой начинается запретная зона. Есть, конечно, оленьи упряжки, но...

— Олени простудились? — сочувственно предположил Кратов.

— Просто я решил, что тебе захочется прогуляться по снежку.

— Ну, разумеется...

— Видишь эти корпуса? Это лаборатории ментального программирования. Не те цеха и поточные линии, которые ты можешь увидеть на любой ферме по производству биотехнов. Здесь ведутся уникальные разработки. Здесь делают человеческий мозг. Двенадцать лет назад здесь построили мой мозг.

— Тебе двенадцать лет?! — поразился Кратов.

— А ты полагал, что я окажусь твоим ровесником? — пожал плечами Сидящий Бык. — По вашим меркам я подросток-несмышленыш. Но я никогда не был ни младенцем, ни подростком. Я помню себя практически с момента рождения. — Он коротко улыбнулся. — Да и рождения как такового не было.

— Могу я задать совершенно бестактный вопрос?

— А у тебя получится?

— Забавно, — сказал Кратов. — Недавно в том же самом сомневался один чрезвычайно развитый подросток лет четырнадцати. Дело было на детском острове под названием Ферма. Там разводят животных...

— Знаю, — кивнул Сидящий Бык. — Ну, и какой же бестактный вопрос ты хотел задать чрезвычайно крупному подростку лет двенадцати?

— Как долго ты рассчитываешь прожить?

— Это не бестактный вопрос, — заметил Сидящий Бык. — Скорее риторический. Мы не умираем. В нашей функциональной программе смерть не предусмотрена. Речь идет, разумеется, о биологической смерти.

— Но это тело не сделано из вечных материалов! К тому же, ты не слишком бережно с ним обращаешься...

— Должно быть, я не слишком корректно выразился. В этих корпусах создали не мой мозг, а мою личность. А уж потом подыскали ей временный материальный носитель в виде мозга и временное тело. Моя личность бессмертна. Если мозг и тело выйдут из строя, их можно будет заменить.

— Заменить... понятно.

— Не печалься, — сказал Сидящий Бык. — Твоя личность тоже бессмертна. Личность как информационное наполнение мозговых клеток. Просто для тебя еще не создана технология замены мозга и тела. Но над этим работают. Это главная задача. Собственно, мы появились лишь как побочный продукт при решении главной задачи.

— Надеюсь, у тебя нет на этот счет комплексов?

— У меня вообще нет комплексов.

Они стояли перед белой двухстворчатой дверью без ручек и надписей. Сидящий Бык стянул с руки перчатку, подышал на ладонь и прижал к промороженному металлу. Створки бесшумно разошлись, оттуда выкатился клуб плотного пара, который показался Кратову горячим.

— Мы пришли, — сказал человек-2. — Отнесись к нему с уважением. Что бы ты ни думал о его рациогене — сейчас он работает над твоим бессмертием.

— Рациоген тоже был побочным продуктом? — не удержался от шпильки Кратов.

— Полагаю, да, — без тени смущения ответил Сидящий Бык. — Кому нужен всемогущий разум, который умрет?

* * *

— Антропоид, кавказская раса, мужской пол, гипертрофированная мускулатура... Не думаю, что вы мне интересны, — сварливо сказал Морлок.

— Вы удивитесь, но это взаимно, — поклонился Кратов.

— За каким же чертом вы явились?!

— Если наш разговор пойдет в том же ключе — то считайте, что лишь затем, чтобы вы это знали.

Морлок нахмурился и с полминуты старательно жевал губами, что-то для себя решая. Потом сказал:

— У меня для вас десять минут. Считайте это данью любезности. Не выпроваживать же человека, который тащился через весь мир, сам не зная зачем!.. Надеюсь, вам достанет рассудка использовать их с пользой.

Доктор Теренс Морлок стоял вполоборота, глядя куда-то мимо всего и всех, утолкав руки в карманы крахмально-белого комбинезона. Его пушистая, как у цыпленка, нежно-розовая макушка находилась примерно на уровне кратовского плеча. Кабы не брюзгливые интонации да пренебрежительное выражение лица, он бы вполне мог сойти за Санта-Клауса. Тем более что лютовавший за стенами лаборатории мороз к тому располагал. Однако рождественских подарков явно не ожидалось.

— Тогда сразу к делу, — сказал Кратов. — Я хочу найти и вернуть рациоген.

Седые брови совершили сложное волнообразное движение, а складки в уголках рта сделались еще горше.

— Рациоген, — наконец промолвил Морлок. Он внезапно развернулся на пятках и двинулся куда-то вглубь лаборатории, между тонкостенных резервуаров в форме шаров из зеркального металла с хрустальными иллюминаторами. Кратову ничего не оставалось, как следовать за ним. — Хм... Который именно?

— Тот, что в свое время не попал на базу «Антарес».

— Я не знаю ни про какую базу «Антарес», — отчеканил Морлок.

Сидевшая возле приборов крупная, коротко стриженая девушка молча встала — ее лицо с обыкновенными, *слегка стертыми* чертами ничего не выражало, только взгляд боль-

ших серых глаз зацепил Кратова вскользь, — и быстро ушла. Морлок рассеянно посмотрел ей вслед, как будто проводил глазами пляшущую на свету пылинку.

— Возможно, — сказал Кратов. — Возможно, и не знаете. Это тот рациоген, который в 125 году был отправлен со Старой Базы, но по назначению доставлен не был.

Морлок снова хмыкнул.

— Дело давнее, — сказал Кратов. — Никто уже не потащит вас на правеж в комиссию Академии Человека. Никто не отлучит от любимого дела. Все давно закончилось и почти забыто. А я — всего лишь частное лицо кавказской расы...

— Я слишком стар, чтобы бояться этих курьезных комиссий. Когда-то они посчитали, будто мы в чем-то виновны. Они наивно полагали, что нас можно убедить. Как можно в чем-то переубедить человека с убеждениями?! Разумеется, мы не приняли их доводов. Тогда они просто закрыли тему... Прошло столько лет, а я все еще уверен в своей правоте.

«На Пазура он похож, вот на кого! — неожиданно понял Кратов. — Кто бы мог подумать!.. Должно быть, отбор в ряды «Уязвленных», как обозначал их Дитрих Гросс, шел по признакам кислой физиономии и общей ядовитости речей!»

— Вы думаете, мне нужен этот рациоген? — продолжал Морлок. — Эта древняя, морально устаревшая конструкция с архаичными, вероятно — наполовину распавшимися нейронными связями и программами? Этот биоэлектронный монстр?! Мы никогда не называли его «рациоген» — этот термин придумали в Академии Человека. Мы называли его просто Прибор... Если бы у меня были силы, были живы Тун Лу и Строппиана, была бы жива наша школа... какой бы Прибор мы сейчас могли отковать! Галактика бы содрогнулась! Я не имею в виду, что представляемое вами химерическое сообщество вдруг затряслось бы в ужасе — мне нет до него никакого дела. Пошатнулись бы основы мироздания. Потому что впервые интеллектуальная мощь стала бы материальной силой. Впервые и на наших глазах возникли бы новые объективные законы природы, с которыми пришлось бы считаться прежним законам.

— Я не собираюсь предлагать вам этот рациоген.

— Тогда чего же вы от меня ждете?

— Я лишь хочу знать, способен ли он выполнить ту работу, для которой я намерен вытащить его из небытия.

— Прибор, юноша, способен выполнить любую работу, — высокомерно произнес Морлок. — Если ему потребуется материальное взаимодействие с окружающей средой — он подыщет себе эффекторы. Как вариант, это могут быть антропоиды кавказской расы... Полагаю, вы не пожелаете солить в нем капусту или понудить его решать транспортные задачи — что с позиций заключенного в нем потенциала одно и то же?

— Три человека, находясь в том самом рейсе, против своей воли стали носителями «длинного сообщения». Четвертым был навигатор Пазур, ваш единомышленник — если вам о чем-то говорит это имя.

— Не говорит.

— Он умер несколько лет назад, и та часть «длинного сообщения», что досталась ему, навеки утрачена. Так что речь идет лишь о троих, чье мозговое вещество перегружено чуждой и недоступной для обработки и анализа информацией. Очевидно, сообщение распределилось неравномерно. Что выразилось для его носителей в последствиях разной тяжести, от психического расстройства до почти полного отсутствия неприятных отклонений.

— Вещие сны? — отрывисто спросил Морлок. — Материализация образов из подсознания? Проскопия?

— Да, да...

— Вы — один из троих?

— Тот, кому досталось меньше всех.

— Так вы — тот самый молодой человек, которому выпало счастье общаться с Прибором. С моим Прибором...

Кратов едва удержался, чтобы не добавить: «И не только с вашим».

— Разве вам не нравится предвидеть ход событий? — с иронией полюбопытствовал Морлок.

— Иногда это меня забавляет! — оскалился Кратов.

— Должно быть, в тот момент вы были счастливы. Вы испытали реальное всемогущество, почти божественную власть над самим собой и окружающим миром. Не так ли?

— Я всего лишь ощущал себя машиной...

— Неправда, это не могло быть так!

— ...и как машина я был счастлив.

— Но потом связь разорвалась, и ваш человеческий менталитет продиктовал вам негативные оценки пережитых ощущений.

— Да, мне не полюбилось быть машиной.

— Медиатор... тот, кто подключил вас к Прибору, допустил ошибку. Впрочем, скорее всего, он был недостачно компетентен. Монстр... Ему не следовало разрывать эту связь. Вы могли бы навсегда сохранить свою интеллектуальную мощь. Медиатор запустил не ту программу.

— Программу запускал я, а он лишь отдавал распоряжения.

— Там была сенсорная панель. Центральный сенсор, красный с белой точкой, инициация связи «Прибор-мозг». Вам следовало бы перед этим набрать код главной программы, ввести ключевое слово...

— Прошу вас, доктор Морлок!

— Вы все еще боитесь соблазнов, юноша, — захихикал тот. — И правильно боитесь. Потому что однажды вам может показаться, что лишь Прибор способен помочь в безвыходной ситуации. Хорошо, я промолчу. Это ключевое слово знали только двое. Тун Лу уже умер. А я — буду молчать. Хотя — я уже употреблял это слово в нашей беседе по меньшей мере дважды.

— Не дождетесь, я не стану лихорадочно просеивать все сказанное сквозь сито, чтобы выловить вашу наживку...

«Да нет, — прибавил Кратов мысленно, — конечно же, стану!»

— Ладно, что вы хотите от Прибора? — спросил Морлок. — Чтобы он разгрузил ваши бедные мозги от «длинного сообщения»? Он на это способен. Что бы ни внушали вам господа из Академии Человека, ничто не справится с ментальным программированием лучше Прибора. В конце концов, то, что до неконтролируемой дефекации перепугало этих фарисействующих чистоплюев, — искусственная инициация нейронных программ или, пользуясь общепринятой малограмотной терминологией, «наведенная разумность» — лишь

одна из его функций. Признаю — любопытная, но не доминирующая, вскрывшаяся спонтанно, как побочный продукт... — Казалось, Морлок оправдывался перед кем-то, кто, наверное, о нем и думать позабыл и, быть может, давно исчез. Как видно, он и сам поймал себя на этом, потому что остановился на полуслове, часто заморгал и зачем-то вытер рот рукавом комбинезона. После короткой паузы он продолжал вещать, вкладывая в каждое слово огромный заряд сарказма: — Для Прибора кора больших полушарий — всего лишь расчерченный лист бумаги — даже не слишком просторный! — в каждой клеточке которого можно что-то написать, что-то стереть, а что-то и прибрать к рукам... Методика прежняя: вы подключаетесь к Прибору и лично сканируете собственный мозг в поисках латентной информации. Можете просто избавиться от нее. Можете выгрузить в память Прибора, преобразовать к любому из традиционных способов хранения данных — для тех, что возникли за четыре последних десятилетия, потребуется конвертирование, — и подвергнуть анализу. Вы можете все, что только придет вам в голову. Вы снова почувствуете себя всесильным...

— Подите к черту, доктор Морлок!

Тот желчно захихикал.

— Вы доставите Прибор на Землю? — спросил он, резко оборвав смешок.

— Нет. Скорее всего — на одну из труднодоступных и малонаселенных планет, из числа недавно открытых. Или на один из законсервированных космических стационаров. Подальше от соблазнов.

— Вы не позволите мне его увидеть?

Кратов отрицательно покачал головой.

— Это все равно, что не позволять Шекспиру ставить в «Глобусе» собственные пьесы, — кривя губы, заметил Морлок, — запретить Леонардо любоваться «Джокондой»...

— Согласитесь, что рациоген — не «Джоконда».

— Видите этот уродливый агрегат? Скоро мы научимся переносить в его память человеческую личность со всем ее уникальным опытом, с воспоминаниями и амбициями... а затем помещать в новое тело, созданное по технологии управ-

ляемого антропогенеза... и тогда человек наконец станет биологически бессмертным. А бессмертному рано или поздно понадобится другой мозг. Более дружественный к собственному хозяину, со всеми его незадействованными резервами. Как бы вы ни трепыхались, что бы ни выдумывали — вам никуда не деться от всемогущества...

Кратов уже уходил.

— Если у вас что-то не заладится, если вам нужен будет совет, если вы в чем-то засомневаетесь! — крикнул ему вслед Морлок. — Найдите меня, я буду ждать, я помогу. За одну лишь возможность снова его увидеть... Только поспешите — я старый, я могу умереть, и тогда вам никто уже не поможет!

* * *

Сидящий Бык ждал его на стоянке, сидя подле гравитра прямо на снегу в позе лотоса с прикрытыми глазами. Инфернальный ветер хлестал его по лицу, не в силах ничего поделать с этим айсбергом самодостаточности.

Кратов тронул его за плечо, втайне опасаясь, что тот повалится набок, как промороженная чурка. Но все обошлось. Сидящий Бык разлепил смороженные ресницы.

— Как протекала встреча? — спросил он

— Прекрасно. — буркнул Кратов.

— Ты не хочешь говорить об этом?

— Морлок сам тебе все расскажет, если сочтет необходимым.

— Уверяю тебя, он сочтет.

— Я и не сомневаюсь... — Кратов поежился и вдруг сказал с ожесточением: — Как я посмотрю, все, чем вы озаботили Галактику — сплошные побочные продукты. Не хочу даже думать, как нам всем станет весело, когда на свет явится ваш «опус магна»!

— Ну, ты, по крайней мере, будешь доволен, — мягко возразил Сидящий Бык.

— Ха! Я уже дрожу — не то от сладостных предчувствий, не то от этой чертовой вечной мерзлоты!

— Баффинова Земля — не место для слабаков. Поэтому нам редко докучают праздными визитами. И еще мы сильно экономим на криогенных установках... Речь шла о рациогене?

— Ты не менее своего творца любознателен, брат мой...

— Хочу вернуть тебе то, что ты забыл в нашу первую встречу. Твой маленький амулет.

Сидящий Бык разжал ладонь. Брелок, черный деревянный дракончик с планеты Финрволинауэркаф.

— Ты уверен, что тебе больше не понадобится удача? — спросил Кратов.

— А ты? — усмехнулся человек-2.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Блудные братья V

1.

От эхайна, истуканом застывшего между кресел с оружием в волосатых лапах, тянуло холодом и сыростью. Тем не менее он и не думал сменить насквозь промокший пляжный наряд на что-то сухое и более приличествующее моменту. Кратов, которого начинало морозить — наркотик прекращал свое действие, — несколько раз пытался обратиться к стражу с самыми невинными вопросами на эхайнском языке: долго ли еще лететь, да нельзя ли включить подогрев, да — с плохо скрытой издевкой — не найдется ли горячего кофе. Бесполезно. С тем же успехом можно было обращаться к статуе, например, «Устремленного в небо» Отто Кристенсена (единственный раз в жизни Кратова приглашали позировать для скульптурной композиции, почти два десятка лет назад, вместе с Рашидой и Стасом Ертауловым, и все трое почетным жребием пренебрегли, в результате чего великий мастер в огорчении взял в модели какого-то совершенно циклопических статей атлета, очень собой довольного и самодостаточ-

ного, ни в какое небо особенно не стремящегося, а озабоченного лишь соразмерным напряжением собственных мышц)... Эхайн вел себя так, словно в помещении он был один, а поставлен был охранять два пустых кресла да овальный экран, затянутый пепельной мглой.

Мелко стуча зубами, Кратов попробовал заговорить с Озмой — эффект был приблизительно тот же. Озма была погружена в личные переживания, на внешние раздражители реагируя слабо. На все вопросы отвечала коротко и невнятно: «*Нон ликвет*». Что в переводе с новолата, магиотского диалекта латыни, с вкраплениями итальянского языка и астролинга (новолатом Кратов владел весьма поверхностно, то есть гораздо хуже, нежели, скажем, эхайнским), могло означать либо «Сама не знаю», либо «Не понимаю, что вам от меня нужно». После пятой или шестой попытки Кратова завязать беседу, утомленно смеженные веки вдруг распахнулись, оттуда полыхнуло чистой зеленью, а в голосе проскользнули металлические нотки: «*Ноли ме турбаре* — оставьте меня в покое!»

Пожав плечами, Кратов откинулся на спинку кресла. Самовнушением постарался расслабить сведенные судорогами мышцы. В голове блуждал еще наркотический туман, однако же, к мыслям возвращалась некоторая ясность... И чем дальше он оценивал сложившуюся ситуацию, тем отчетливее понимал, что влип в одну из самых гнусных передряг за всю свою жизнь.

Все складывалось отвратительнейшим образом. Все кругом было плохо.

Озму они не уберегли. Эхайны пожелали ее похитить — и похитили. А исполнив задуманное, спокойно улетели домой с награбленным. На Эльдорадо же остались трупы Конрада и четверых безымянных охранников.

Попытка Кратова пробудить в эхайнах любопытство к своей персоне, с самого начала отдававшая гусарским авантюризмом, закончилась ничем. Т'гард Лихлэбр просто пополнил свой фонд заложников, чтобы при удобном случае расстаться с наименее ценными.

А в холодном номере пансионата «Бель Эпок» осталась совсем одна спящая Идменк.

Самое время в петлю головой...

Кратов покосился на эхайна. От того исходил нейтрально-агрессивный эмоциональный фон. То есть нормальный для сго нынешнего состояния: вы ведете себя тихо — я вас не трогаю. Начнется буза — прикончу всех не задумываясь. Большого напряжения в безмолвном страже не ощущалось. Пожалуй, он был настроен излишне легкомысленно. Он недооценивал Кратова, что было тому на руку. И можно было бы поиграть в какие-нибудь рискованные военные игры, с хорошими шансами на успех... если бы не Озма.

В эмо-фоне маленькой женщины царили растерянность и страх.

Кратов осторожно тронул Озму за руку.

— Все будет хорошо, — сказал он негромко.

— *Негатив*, — пробормотала Озма. — Ничто не будет хорошо. Они убьют нас.

— Нет логики. Зачем им нас похищать, чтобы просто убить?

— Есть логика! Они убьют нас не просто и не сразу. А я... еще не готова умереть.

— К этому редко бывают готовы, — возразил Кратов.

— *Ноли ме тангере*!.. — зашипела было Озма. И осеклась. Взгляд ее сделался оторопелым.

— Что, что с вами? — заволновался Кратов.

— Звук изменился, — сказала она.

— Какой звук?! Я ничего не... — Он вдруг понял. — И что же?

— Я слышу ровный звук, что исходит отовсюду, — с раздражением пояснила Озма. — Слышу все время. Сейчас высота и тембр звука изменились. Появились новые обертоны. Другая динамика. И все продолжает меняться.

— Это гравигенераторы, — сказал Кратов. — Они работают в новом режиме. Мы вышли в субсвет и приближаемся к планете... У вас потрясающий слух.

— *Грациам*, — усмехнулась Озма. — Благодарю.

2.

Вошел т'гард Лихлэбр в сопровождении одного из своих громил. Его внешний вид разительно отличался от того, каким он предстал на Пляже Лемуров. Никакого показного легкомыслия. На смену игривым шортам и безрукавочке явились узкие бархатно-черные брюки с широкой желтой полосой сбоку на манер лампасов, а также застегнутый под горло светло-кремовый мундир с золотым шитьем. Узор на груди смахивал на раскидистое генеалогическое древо и, возможно, таковым и являлся, если принять во внимание титул его обладателя. На рукаве же имели место не то герб, не то воинская эмблема. Поверх этих ландшафтов были пущены четыре плетеных шнура-аксельбанта с кисточками на концах, с нарочитой небрежностью заткнутых за широкий кожаный пояс с какими-то петельками и крючочками. (При виде этого петушиного декора взгляд Озмы осветился чистым любопытством, впрочем — ненадолго; утонченная магиотка оценила убранство т'гарда как безвкусицу и не удержалась, дабы не состроить презрительную гримаску). На орлином носу т'гарда угнездилось несообразное с его дикарским обликом пенсне, в руке зажата была уже знакомая тросточка. Сопровождавший его эхайн тоже не выглядел босяком. Покрой его наряда в целом повторял облачение т'гарда, но брюки были того же цвета, что и мундир, без лампасов, золотых узоров не наличествовало вовсе, эмблема на рукаве вышита была серебром, а два шнура попросту болтались от плеча до пояса. Все это очень напоминало собой земную военную форму времен глобальных вооруженных противостояний и вряд ли было чем-то иным.

Т'гард коротко и неразборчиво каркнул — страж дернул головой, как испуганная птица, принял оружие на плечо и удалился. Должно быть, переодеваться к параду. Затем Лихлэбр обратил свой взор на пленников.

— Вы находитесь на территории Светлой Руки Эхайнора, — проскрипел он. — Ваши права личности ограничены. Распоряжения сопровожающих должны выполняться неукоснительно. И не будет неприятностей.

Кратов отметил, что словарный запас т'гарда значительно расширился. Значит, на Эльдорадо он старательно пускал пыль в глаза оппонентам, корча из себя косноязычного солдафона.

«Обезьяна в маске обезьяны...»

— Вы уже нарушили все мыслимые права личности, какие только существуют в Галактике, — сказал Кратов. — Вы повинны в смерти пятерых граждан Федерации. Вы обманом и насилием захватили нас и удерживаете здесь против воли...

— Что касается вас, — прервал его Лихлэбр, — то вы здесь *по своей воле*. И оставим эти препирательства до иных времен. Сейчас настала пора покинуть корабль — что мы все и сделаем.

— Я просто хотел поставить вас в известность, что не намерен мириться с таким положением вещей, — пожал плечами Кратов.

— Вы не убьете нас? — вдруг спросила Озма.

Каменную физиономию т'гарда разрезала трещина спесивой улыбки.

— Вас — нет, — ответил он.

Он повернулся на каблуках и двинулся к выходу. Второй эхайн довольно миролюбивым жестом — гостеприимно раскрытые ладони, а не какой-нибудь грубый тычок в спину! — пригласил следовать за ним. Атмосфера явно изменилась, о чем красноречиво свидетельствовали и отсутствие видимого оружия, и эмо-фон конвоиров.

— Я же говорил, — шепнул Кратов на ухо Озме, поднимаясь из кресла.

Его качнуло — ноги были как ватные, не держали.

— Есть вещи хуже смерти, — упрямо возразила Озма.

— Глупости! Хуже смерти ничего не бывает...

Женщина не ответила. Ее рука быстрым, бездумным движением поправила прическу. «Да все с ней в порядке, — мысленно отметил Кратов. — Она может сколько угодно изобра-

жать из себя перепуганное дитя, но подсознательно уже успокоилась. И скоро на нее можно будет полагаться в своих планах. Осталось лишь выстроить эти самые чертовы планы...»

Они прошли через весь корабль, миновали тамбур и ступили на ребристую пластину трапа.

Поначалу Кратову померещилось, будто он снова угодил на Пляж Лемуров. Так же хлестал с черных ночных небес гадостный холодный ливень, так же завывал промозглый ветер, а из-за скал, словно вырезанных из черной бумаги и наклеенных на густо-пурпурный горизонт, долетал шум прибоя.

Но этот дождь, этот ветер... вся эта мерзкая непогодь несла *чужие* запахи.

— Где мы? — спросил Кратов тревожно.

— В Эхайноре, — произнес т'гард Лихлэбр.

В его голосе легко читалась ирония — в удивительном сочетании с гордостью и нежностью.

3.

Посадочная площадка осветилась множеством прожекторов. В перекрестиях лучей из темноты возникали массивные фигуры в плащах и широкополых шляпах. Т'гард не оборачиваясь поднял руку и взмахнул тросточкой — один из его подручных набросил ему на плечи точно такой же плащ из матово-черного хрустящего материала. Голову, впрочем, он оставил непокрытой.

Озма шла рядом с Кратовым, невольно теснясь к его локтю.

— Здесь плохо, — шептала она. — Ужасно. Холодно. Я хочу домой...

Кратов промолчал. Эти причитания были ему ножом острым по сердцу. Если бы он сразу принял всерьез слова Носова... да и Понтефракта, кстати! Если бы оценил всю угрозу, исходящую от непрошенных визитеров! Нужно было окружить девочку тройным заслоном телохранителей. Да не этих ротозеев из «секьюрити» Магистрата, а настоящих профессионалов. Буде такие сохранились еще на Земле... Что мешало собрать самых лучших из лучших и приставить к Озме, чтобы блюли ее неприкосновенность денно и нощно? А потом окружить их самыми непробиваемыми динозаврами из людей-2? А во внешнее кольцо набрать этих демонов с Тшарилха, что съели всех тамошних собак на методике «журавлиных наездников»?! Уж эти-то в клочья разорвали бы всю эту наглую гопу во главе с его хамским сиятельством...

Кратов осторожно обнял дрожащую Озму и привлек к себе. Удивительно, но на сей раз она не сопротивлялась.

— Все обойдется, — сказал он. — Мы выберемся отсюда. И очень скоро.

«Потому что, как я очень надеюсь, Носов и его рекруты уже на подлете», — прибавил он мысленно.

Широко расставив ноги, небрежно вертя тросточку между пальцев, т'гард Лихлэбр дожидался процессии встречающих.

Его мощная фигура, в тяжелых ниспадающих складках мокрого плаща, походила на монумент какому-нибудь древнему королю — разбойнику и головорезу. Шедший следом эхайн не оборачиваясь поднял растопыренную ладонь, приказывая остановиться на почтительном расстоянии. Все происходило в полном молчании, даже ветер приутих, и только дождь равнодушно и деловито продолжал шуршать своими струями.

Прожектор, пройдя вскользь по группе встречавших, выхватил из темноты их лица. Обычные эхайнские лица, для человеческого глаза практически неотличимые.

Однако Кратов сразу же уловил, как резко изменился строй мыслей Лихлэбра.

Его встречали те, кого он не ждал. И не хотел бы видеть в момент своего торжества.

«Это любопытно, — подумал Кратов. — Возможно, для кого-то это было бы и открытием, но только не для меня. У меня чутье на интриги. Социум, работающий на войну, немыслим без интриг. И весьма похоже, что т'гард учинил разбой на Эльдорадо именно в развитие какой-то собственной политической игры. Но в период его отсутствия события развивались не по его сценарию... Дьявол, я отдал бы все свои сбережения за то, чтобы прочесть этот сценарий и понимать, что за персонажи мыкаются в настоящий момент на сцене!»

Шедший впереди эхайн медленным движением снял шляпу — по тускло отсвечивающему голому черепу забарабанили капли дождя. Поднял голову, встретился взглядом с Лихлэбром...

На какое-то мгновение Кратову стало скучно.

Все это было с ним много раз. Еще ничего не произошло. Еще не сказано было ни слова. А он уже видел, что встретились два врага. Что они по меньшей мере полжизни ухлопали на то, чтобы насолить друг другу. Чтобы подсидеть и сжить со свету своего драгоценного недруга. И по возможности избавиться от него навсегда. Конечно, сейчас они станут расшаркиваться, рассыпаться в любезностях, помавать шляпами — хотя чем намерен помавать т'гард, было не очень ясно... К такому поведению их обязывают этикет и придворные условности. В Эхайноре, как ни странно, и то и другое имеется в наличии. А

затем оба запрутся в кабинетах, призовут самых приближенных советников и соратников и начнут плести Ее величество Интригу. Строить козни, чинить подвохи и каверзы. Гадить и пакостить. Мелко и по-крупному.

А он — снова пешка в чужой игре.

И Озма — тоже.

Все это было.

Охазгеон, пять лет тому назад. Поправка на развитой феодализм в окружении варварских племен. Дворцовый заговор с привлечением жрецов древнего культа Черной Гидры, а также чернокнижников и шаманов поплоше. Сложная трехступенчатая интрига с целью заменить одну правящую династию на другую. С обязательным расшаркиванием и помаванием шляпами. Впрочем, шляп там тоже не было... Иными словами, обычная потасовка за власть. Началось с закулисных маневров, а в итоге вылилось в ординарную Варфоломеевскую ночь... она же Ночь длинных ножей (кстати, несколько означенных ножей предназначались лично ему, но цели достиг лишь один).

Лутхеон, девять лет тому назад, не имеющий с предыдущим случаем почти ничего общего, кроме созвучия имен и... тактики политической интриги. Три месяца при дворе просвещенного правителя, демократа и гуманиста. Удивительное мононациональное общество с позитивными идеалами и рационалистической религией. Один шаг до самостоятельного выхода в космос и, как следствие, приобщения к ценностям Галактического Братства. И уже под занавес миссии — шествие бог весть откуда выплывших голодных и бесприютных к центру столицы, тройной заслон миротворцев в бронежилетах и касках вокруг резиденции правительства, заложники с обеих сторон (так что ему не привыкать к стесненным обстоятельствам), отданный «с болью в сердце и слезами на глазах» приказ восстановить конституционный порядок силовыми методами... хрустальный замок Мира и Благоденствия в одночасье оседает и рушится с мерзким хрупаньем прогнившей древесины. Горящие дома, горящая бронетехника на улицах столицы, нуклеарная бомбардировка провинций... во имя спасения нации от гибельного раскола и самоистребления к власти

приходит тоталитарный режим. Сильная рука. Очень сильная. До сих пор вспоминаются ее цепкие пальцы на горле.

Рьюнхокен, Уанкаэ, Са-Одд-Уарайд.

Все было...

Но это эхайны. А значит — все иначе.

— Кьеллом Лгоумаа, третий т'гард Лихлэбр, — проскрипел бритоголовый. — Вы...

— *Геакетт* Кэкбур! — оборвал его тот. — Нас понимают.

— Понимают? Кто?! — поморщился бритоголовый геакетт (должность, в табели о рангах административных должностей стоявшая чуть ниже супер-директора).

Презрительный взгляд уперся в пленников.

— Эти *этлауки*? — осведомился Кэкбур. — Удивительно. В вашем положении думать о двух паршивых этлауках... — Он сделал небрежную отмашку шляпой.

Его спутники, влажно шурша плащами, двинулись вперед...

Если бы он был один!

Подсечка одному охраннику, тому, что ближе — какой бы он ни был боец, сейчас он не ожидал подвоха от ничтожного этлаука, поскольку все его органы чувств накоротко замкнуты были на незримой дуэли двух патронов. Так что грохнулся бы затылком о каменные плиты как миленький... Попутно забрать оружие и встретить прикладом в челюсть другого, когда он прянет наводить порядок. Приклад тяжелый, забранный в металл, значит — охранник непременно выключится. Или по меньшей мере опешит... После — по обстоятельствам. Например, предоставить сиятельному т'гарду на собственном опыте испытать, что ощущают заложники под оружейным дулом. Разумеется, с поправкой на эхайнский менталитет и темперамент. То есть, для острастки пальнуть в сторону бритоголового. Чтобы воочию убедились в серьезности намерений...

Но он был не один.

Поэтому он продолжал стоять, как баран на бойне (кажется, именно там во времена гастрономического варварства оканчивали свои дни бараны!), и ждал, какие действия последуют за словами.

4.

Ладонь уперлась во что-то мокрое, пронизывающее до костей застарелым каменным холодом. Так и есть: каменный пол, залитый жидкой и отменно вонючей дрянью. Не то для вящего унижения, не то из каких-то недоступных человеческому разуму соображений гигиены... Кто-то из знакомых ксенологов рассказывал нечто похожее про каких-то арахноморфов. Кажется, это был Дилайт, и кажется, дело было на Аэндоре, и самым почетным гостям для отдыха там предлагалось изысканное ложе из жидкого паучьего дерьма. Здесь ни о каком почете и речи не велось. «Вы находитесь на территории Светлой Руки Эхайнора. Ваши права личности ограничены...» Еще бы: другая рука была болезненно вывернута и прикована к такой же промозглой каменной стене средневековой железной цепью. Ну добро, благодарим за гостеприимство и при удобном случае расплатимся соразмерной монетой.

Кратов подобрал под себя ноги и наконец подыскал телу сколько-нибудь удобное положение. В голове снова клубился туман, и это состояние становилось для него уже привычным. Возможно, вскорости он научит свой организм попросту не воспринимать местные наркотики всерьез... Он находился внутри классического «каменного мешка», единственным источником света в котором был тусклый и довольно грязный плафон в углу над столом, а узкая, в ладонь шириной, щель под самыми сводами света практически не давала и служила скорее средством естественной вентиляции. Если напрячь слух, то можно было различить доносящийся оттуда слабый шорох. Из чего следовало, что над Эхайнором, вернее — этим его клочком, — все еще стояла ночь и шел дождь. И очень хотелось надеяться, что это была все еще *та самая ночь*, а не ночь неделю спустя...

У противоположной стены, такой же ноздреватой и сырой, размещено было изящное, эфемерно хрупкое, словно бы

целиком сотканное из золотого, паутинной тонщины тростника, и уж никак с мрачным помещением не вязавшееся низенькое сооружение на трогательно изогнутых ножках, в котором с большим трудом можно было опознать письменный столик. В одном углу столика располагался хрустальный письменный прибор в форме аллегорической фигуры с факелом — пишущий инструмент был воткнут фигуре едва ли не в задницу. А всю другую половину этого произведения искусства (полагал ли Эрик Носов, что у эхайнов существует рукодельное искусство?!) занимали отвратительно грубые черные сапоги.

Сапоги принадлежали огромному белобрысому эхайну. Эхайн сидел за столиком, совершенно земным манером закинув на него ноги, и что-то жевал. Это придавало его зверской роже хоть какую-то осмысленность. На бессознательные поначалу попытки Кратова устроиться с удобством он не отреагировал. Но когда тот поднял голову и начал озираться, эхайн моментально ожил, неспешно убрал ноги и придал своей позе необходимую монументальность. На нем был примерно тот же костюм, что и на т'гарде, но без обильного золотого шитья, желтая полоса на брюках была вдвое уже, два аксельбанта небрежно висели вдоль пуза, и нашивка на рукаве выглядела иначе. Да и весь наряд казался основательно поношенным... Посидев немного и поиграв с Кратовым в гляделки, эхайн лихо выплюнул жвачку в дальний угол камеры и энергично вознес широченную ладонь над столешницей со вполне определенным намерением по ней хлопнуть. Кратов зажмурился: его должно было накрыть брызгами от того, что только что было прелестным столиком... В самый последний момент ладонь резко притормозила и опустилась плавно и даже без стука.

— Вы говорите на «*эххэге*», — не то спросил, не то констатировал, иными словами — проскрежетал он.

— Нет, — сказал Кратов. — Я говорю на «эхойлане».

— Есть различия, — задумчиво промолвил эхайн. — Но ими можно пренебречь.

Эмо-фон его говорил о спокойствии, к которому примешивалась слабая тень тщательно усмиряемой гадливости. «Я ему отвратителен, — подумал Кратов. — Но он должен меня

допросить, исполнить свой долг с максимальной эффективностью, и потому утаптывает в себе это отвращение. Великая вещь служебный долг! Как часто именно она позволяет вступить в нормальные переговоры и перекинуть мостки понимания... Хотя вряд ли мне удастся проделать мою работу на сей раз. Передо мной не ксенолог с профессионально расширенной толерантностью и даже не ученый со сколько-нибудь развитым кругозором. Передо мной какой-то мелкий чин военной разведки, то есть самый тупой и злобный представитель самого тупого и злобного сословия. Гиена, которой львы разрешили вкусить от падали. Я вовсе не хочу его этим оскорбить. Я просто пытаюсь профессионально выработать применимую к ситуации линию поведения...»

— Я младший *геургут* отдела дознания Департамента внешней разведки Юзванд, — назвался эхайн. — Обращаться ко мне можете по имени. Ваше имя мне известно — Константин Кратов. Воинского звания, по нашим сведениям, у вас нет.

Кратов помолчал, прикидывая положение «младшего геургута» в местной табели о рангах. Получалось что-то вроде заведующего сектором...

— У нас нет армии, — сказал он наконец. — А значит, нет и воинских званий. Я ксенолог. Если вам это что-то даст — ксенолог второго класса.

— Мне это ничего не даст, — покачал головой Юзванд. — И мы не верим, что у вас нет армии. Кто же тогда ведет боевые действия против Эхайнора? Призраки?

— Боевые действия?! — удивился Кратов. — Мы не воюем с Эхайнором!

— Плохо, что мы начинаем разговор со лжи. Но у меня нет полномочий развивать эту тему...

— Ладно, — сказал Кратов озадаченно. — Я могу задать вам вопрос?

— Можете. Эхайнор — свободный мир... Но вы не можете непременно рассчитывать на ответ.

— Со мной была женщина. Где она?

Юзванд безмолвствовал не меньше минуты, при этом лицо его сохраняло полную неподвижность и отсутствие следов какой-либо работы мысли. Затем он сказал:

— Вам нужно знать, что она в безопасности.

— Вам тоже нужно кое-что знать, — заявил Кратов раздраженно. — Безопасность и свобода этой женщины — та единственная причина, по которой Федерация планет Солнца может атаковать Эхайнор...

— У вас же нет армии, — усмехнулся эхайн, обнажив мощные белые клыки в уголках рта. — И мы знаем цену этого залога. Повторяю: она в безопасности. Тема закрыта. — И он снова проделал захватывающий фокус с ладонью и столиком.

— Прекрасно, — сказал Кратов (он поймал себя на том, что давно и с любопытством следит, разнесет ли Юзванд своими лапами мебель вдребезги, или все обойдется). — Мы закрыли уже две темы. Если так будет продолжаться, скоро мы просто будем сидеть и глупо таращиться друг на друга...

Юзванд приоткрыл безгубую пасть и глухо закашлялся. Понадобилось изрядное напряжение фантазии, чтобы догадаться, что это — смех по-эхайнски. Кратов совершенно безотчетно отметил, что компонента гадливости в ауре собеседника сильно потускнела.

(И тут же припомнил: *посовские лже-эхайны смеялись шаче*... Если они не успели исправить этот просчет, их ждут неприятности.)

— Странно, что вы мне нравитесь, Кратов, — объявил геургут, и это прозвучало искренне. — Мы враги. Мы находимся в состоянии войны. А вы мне, *драд-двегори*, симпатичны...

— Я не враг вам, — возразил Кратов. — И у вас нет причин меня ненавидеть. В этом может быть корень взаимной симпатии.

— Не увлекайтесь. Мгновение личной приязни не упразднит состояния войны... Я предупрежден о словесных уловках, на которые горазды этлауки. Известно, что этлауки могут уговорить кого угодно. Особенно такие, как вы, ксенологи. Одно из неформальных определений вашей профессии — специалист по уговорам.

— Вы прекрасно осведомлены о наших реалиях...

— А вы забыли, в чем состоит моя профессия. Так что тему взаимной симпатии мы тоже закрываем. — Юзванд, однако же, не удержался и вновь приподнял уголок рта в ухмылке.

— Что ж, не я выбираю содержание этого диалога, — Кратов задумчиво позвякал цепью. — Предлагайте вы. И нельзя ли снять эти оковы?

— Нельзя. Таковы уложения Департамента. — К эмофону Юзванда примешалась теплая краска сочувствия. — Допрашиваемый должен испытывать неудобства и переживать унижение...

— Кто вам сказал, что я испытываю неудобства?! — фыркнул Кратов. — Да будет вам ведомо, что в своем доме я каждую свободную минутку специально приковываю себя цепями к стене и провожу ночи напролет в висячем положении. Бывает еще, и вниз головой. А уж секс без цепей для нас, людей попросту немыслим!

— Я учту ваши странные пристрастия, — сказал эхайн. — И позабочусь, чтобы на ночь вам создали ваши излюбленные условия для полноценного отдыха.

— И уж ни в коей мере я не унижен, — продолжал Кратов, пропуская эти прозрачные угрозы мимо ушей. Кажется, он начинал различать, когда его оппонент шутит, а когда серьезен. — Унизить свободного человека цепями нельзя. Можно лишь принудительно обездвижить его тело, но дух всегда неизмеримо выше неумных и мелочных оскорблений! Учтите и это странное для вас и представляемого вами Департамента соображение.

«Наконец-то я начал изъясняться на уровне, доступном младшему геургуту отдела дознания, — мысленно отметил он. — Хотя это и не такая уж легкая задачка...»

— Нужно вам знать, — размеренно проговорил Юзванд, — что уложениями Департамента предусмотрены и меры физического воздействия к допрашиваемым, если они допускают бесчинство. И уж всецело эти меры поощряются, буде таковое бесчинство проявляется умышленно. Как в нашем в сами случае.

— Бросьте, младший геургут, — небрежно сказал Кратов. — Вы мелкий чин в административном учреждении, которое не жалуют даже в пределах Эхайнора. А за таковыми пределами о нем осведомлены лишь узкие специалисты. Между тем как я — персона пангалактического масштаба, и

мой гражданский ранг неизмеримо выше любого воинского звания Светлой Руки.

— Вы принадлежите к царствующей фамилии Федерации?! — Юзванд старательно собрал низкий лоб в складки.

— Я — нет, — не стал кривить душой Кратов. — А вот женщина, которую вы имели несравненную наглость ограничить в свободе, принадлежит к богоизбранной элите. Я уже говорил, что само похищение столь высокопоставленной особы уже подвело Федерацию к трудному выбору. А уж коли станет известно о тех стесненных условиях, в каких она содержится!..

— Никаких стесненных условий нет, — прервал его Юзванд. — Вы пребываете в странном для вашего ранга заблуждении. Женщина, с которой вы прибыли, подвергается самому подобающему обращению. И я уже говорил, что эта тема закрыта! — вдруг рявкнул он. — Что же до вас, то меня не сочли необходимым проинформировать о вашем статусе. Ваш гражданский ранг не имеет никакого значения в Эхайноре. И то обстоятельство, что вы еще живы, объясняется лишь вашим поведением на космодроме.

— Должен признать, что я слабо помню подробности, — уклончиво сказал Кратов. — Мне вторично впрыснули какой-то дикарский наркотик, и я очнулся в этом гнусном узилище. Возможно, при этом я совершил нечто эпатирующее...

— Как следует из отчета т'гарда Лихлэбра, — проговорил Юзванд, — спасаясь от преследования на планете Эхлдрагд, он вынужденно обездвижил вас. При этом он, разумеется, превысил нормы необходимого насилия по действующему Уголовному уложению Эхайнора. Но поскольку вы не эхайн, означенное уложение на вас не распространяется. С другой стороны, ваше ответное насилие, допущенное перед отбытием разведмиссии с Эхлдрагда, могло бы быть полностью оправдано — окажись вы эхайном. Но поскольку вы не эхайн, оно может быть расценено лишь как нападение дикого животного на разумное существо. Как дикое животное, вы уже заслужили унижения и наказания. Своим же поведением на космодроме вы лишь усугубили вину. И вы до сих пор живы лишь потому, что, во-первых, этого требовал т'гард Лихлэбр. Во-вторых, из его отчета следует, что вы располагаете некой цен-

ной информацией, которую якобы готовы довести до сведения эхайнской администрации. А в-третьих, перед тем, — Юзванд лукаво ощерился, — как перестать помнить подробности, вы безукоризненно произнесли формулу вызова на Суд справедливости и силы и назвали веские к тому основания. Чем поставили свидетелей инцидента в затруднительное положение.

— Искренне тому рад, — ввернул Кратов.

— Коллизия заключается в следующем: древний Статут справедливости, определяющий правила Суда, нигде не содержит указания на то, что его стороны непременно должны быть эхайнами.

— Я знал это, — заметил Кратов.

— И умело воспользовались как зацепкой. — В лязганьи Юзванда послышался оттенок укоризны. — Прародители начертали Статут для потомков во времена, когда Эхайнор был ограничен пределами одного обитаемого мира, и никто не подозревал о существовании этлауков. С тех пор Статут традиционно остается неизменным. Это тоже начертано прародителями. — Он покачал головой. — Ваш вызов — самое основательное объяснение тому, что вы еще живы. Прочими можно было бы и пренебречь.

— Помолчите, геургут, — бесцеремонно сказал Кратов. — Я кое-что припоминаю. И хочу сам себе кое-что разъяснить. А вы меня поправите, если я ошибаюсь.

— Драд-двегорш, — вздохнул Юзванд и в очередной раз хватил ладонью по столу. — Чего ради я позволяю вам вообще разевать рот?

— Сейчас узнаете. Дело в том, что по прибытии в Эхайнор т'гард Лихлэбр встретил не тот прием, на какой рассчитывал. Его встречали не те лица, кто провожал в миссию на Эльдорадо... на Эхлдрагд. Здесь мое воображение пасует, ибо я не могу догадаться, что и как нарушил т'гард и кому своей наглой операцией, а в особенности ее небывалым успехом наступил на мозоль и пересек дорожку. Геакетт Кэкбур — лишь исполнитель чужой воли...

— Хха! Геакетт Кэкбур, нужно вам знать, занимает тот пост, который позволяет ему иметь собственную волю! — скрипнул Юзванд.

— Благодарю, — улыбнулся Кратов. — Так или иначе, т'гарду светили огромные неприятности. Он стал лишней фигурой в политической игре. Его нужно было убрать — но убрать по правилам этой игры. Попытка ареста триумфатора таковые правила явно нарушала. Это нехорошо в глазах общественного мнения. Известно, что победителей не судят. К тому же, Кэкбур рисковал нарваться на вызов. А т'гард производит впечатление более опытного бойца, нежели мощный, но подзасидевшийся по теплым кабинетам геакетт. Я не поставил бы на Кэкбура и ломаного энекта...

— Да, мне докладывали, — сказал Юзванд. — На Эхлдрагде вы зарабатываете на жизнь коммерческими поединками. Как это сочетается с вашим декларируемым высоким рангом, я не понимаю.

— Я тоже, — признал Кратов. — Сойдемся на том, что для зажравшегося ученого это оригинальное развлечение, отдушина для нервов... Но продолжим наш анализ. — Он брезгливо подергал прикованную руку. — И тут возник я со своим вызовом... Кстати, нет ли у вас видеозаписи моего спича? Я хотел бы увидеть то, что невольно пропустил.

— Департамент располагает такой видеозаписью, — промолвил Юзванд. — Я подумаю, что можно будет для вас сделать.

— Таким образом, я снял с широких плеч геакетта сразу несколько нош. Я могу стать орудием легального устранения т'гарда Лихлэбра. Шансы мои, скажем откровенно, невелики, — поспешил добавить он, прочтя насмешку в желтых глазах эхайна. — Но они у меня есть. Однажды я уже понудил т'гарда пить из лужи у моих ног...

— Умышленное уничижение представителя высших сословий, выраженное в словесной форме, — продекламировал геургут в пространство. — Наказывается шестью годами принудительных работ на усмотрение пострадавшего. В сочетании с отягчающими обстоятельствами, как-то: физическое уничижение либо ясно выраженное и документированное посягательство на таковое, и так далее... наказывается смертной казнью через отсечение верхних конечностей и оставление без медицинской помощи.

— Как выяснилось, Уголовному уложению Эхайнора я, будучи диким животным, неподсуден, — попытался развести руками Кратов, но произвел лишь половину этого жеста. — Иными словами, я спас геакетту Кэкбуру задницу. В случае неблагоприятного исхода для меня будут спасены задницы, что сидят в креслах повыше. Когда сюда явятся штурмовики Федерации, Кэкбур и его начальство... кто там? первый геобкихф т'литт Гтэрнегх? второй геобкихф Эограпп?.. станут навытяжку перед каким-нибудь сэйл-командором и смогут оправдаться тем, что несносный этлаук сам напросился на неприятности. Сам влез в корабль т'гарда. Сам вызвал его на Суд справедливости и силы. Сам вырыл себе могилу и нагреб сверху землицы. И видеозапись ваша окажется как нельзя кстати!

— Умышленное приписывание должностному лицу высказываний и намерений, не соответствующих его реально имевшим место юридическим действиям, — сказал Юзванд, — выраженное в особо циничной форме. Четыре года рудников на усмотрение гекхайана Руки. — «Хирарха», — мысленно перевел Кратов и нерадостно вспомнил старика Агбайаби. — Ну, на наших рудниках вы вряд ли протянете дольше года...

— Неправомерное осуждение и наказание лица, находящегося вне пределов юрисдикции Уголовного уложения, — отчеканил Кратов, — либо попытка такового. Наказывается бесславным отстранением от занимаемой должности либо, при наличии отягчающих обстоятельств, смертной казнью через отсечение головы и оставление без медицинской помощи.

— Позорным, — машинально поправил эхайн. — Позорным, а не бесславным.

— Как дикое животное я не могу быть осужден. Но, будучи этлауком, я не являюсь диким животным, поскольку не вхожу в официальный реестр флоры и фауны Светлой Руки, издаваемый Эхлиамарской Академией натуралистики. А тот, кто не дик, — разумен. Таким образом, я — не эхайн, но разумное существо, находящееся вне правовой юрисдикции Светлой Руки.

— Ну, возможно... — промямлил Юзванд.

— Теперь вы понимаете, что все, кто участвует в агрессии Эхайнора против Галактического Братства, нарушили эту статью вашего Уголовного уложения? — спросил Кратов.

— В аналогичных правовых актах остальных Рук нет такой нормы, — нерешительно заметил геургут.

— Но в законодательстве Светлой Руки отчего-то есть. Эхлиамар всегда славился своей подчеркнутой цивилизованностью. Эхлиамар живет законами и традициями, кодексами и уложениями... Уж не потому ли Светлая Рука так неохотно участвует в военных действиях?

— Это ложь! — лязгнул Юзванд.

— Скорее статистика... Ваше уголовное законодательство прямо запрещает делать то, к чему вас принуждает вассалитет. Вы и без того не знаете, что вам с этим делать, как разрешить конфликт между долгом и правом. Но т'гард Лихлэбр со своей безумной выходкой еще более усугубил неприятную ситуацию. Он экстремист, вояка, головорез. Он умышленно пытается навлечь на Эхлиамар гнев Федерации, чтобы вступили в действие иные, дремлющие законы. Законы военного времени, что оправдывают практически любое преступление. Так называемые законы Рыцарского Устава.

— Геакетт Кэкбур свято чтит все законы, — сказал Юзванд.

— И он хочет наказать строптивца. Он может сделать это по закону. Но его беспокоит общественное мнение, в глазах которого Лихлэбр — герой, отчаянный парень, любимец народа. Если я не справлюсь с т'гардом, тогда будет найден другой выход. На поиски которого я столь любезно предоставил геакетту время. И еще...

— Что же еще, *яшарр* Кратов? — осведомился эхайн.

Несмотря на иронию, слова его звучали вполне уважительно — о чем свидетельствовала хотя бы форма обращения, употребляемая в «эххэге» применительно к высокородным собеседникам.

— И геакетт, и т'гард хотят, — сказал Кратов, — чтобы те сведения, что я хотел бы довести до всеобщего сведения, умерли вместе со мной. Поэтому при любом исходе Суда я обречен. Но пока что я нахожусь под защитой Статута.

— Это правда, — качнул головой Юзванд.

— И т'гард Лихлэбр, мятежник и преступник, тоже. Что особенно неприятно геакетту Кэкбуру.

— Драд-двегорш! И это правда, — сказал эхайн, стремительно воздвигаясь над столиком.

Росту в нем было не меньше двух с половиной метров. Он стоял неподвижно, отвернувшись лицом к стене, и от него исходили плотные потоки бешенства.

— Вы знаете наши законы, — прорычал Юзванд. — Знаете не хуже нас! Вы хитрые маленькие животные!..

— А теперь, — с наслаждением произнес Кратов, — как вы есть официальное лицо и представитель законной власти, благоволите зачесть мне пункт двадцатый Статута справедливости.

— «Буде каковой поединщик высокого сословия...» — размеренным голосом начал геургут.

Его огромный кулак с грохотом врезался в стену.

— Опустите это. Сразу перейдем к разделу о сословии низком.

— «Буде каковой поединщик, в силу своего подлого происхождения, имущественных изъянов либо иной какой ущербности, не способен изготовиться к Суду в равных с супротивником кондициях, да будет его положение временно до свершения Суда уравнено с рекомым супротивником...»

Камень стены крошился от страшных ударов.

— И еще, пожалуйста, об исполняемых требованиях, — сказал Кратов.

— «Оный поединщик в полном праве изъявить комиссарам Суда некие претензии, сиречь требования, числом не более пальцев на его руках, кои подлежат непременному и скорому исполнению, за изъятием одного», — проговорил Юзванд, от бешенства прикрыв глаза, — «дабы сей подлец не возомнил о себе лишнего».

— Свобода передвижения подразумевается, — заметил Кратов, — и в число требований не входит.

— И все, что мне говорили об этлауках, — чистая правда от первой до последней буквы!.. — бормотал Юзванд, разжимая окровавленный кулак, в котором зажат был заранее приготовленный ключ от цепей.

5.

Сквозь узкие стрельчатые окна на пол падали причудливые отсветы. Окна, больше схожие с бойницами, были предусмотрительно забраны снаружи решетками. Пол был обычный, выстланный красноватой паркетной дощечкой. Кратов прильнул щекой к стеклу. Отсюда и до самого горизонта лежало сморщенное серое океанское покрывало, снизу доносился приглушенный рокот невидимого прибоя. Из клубящихся тяжелых туч на полнеба вставало огромное, темно-рыжее, в бесформенных бурых лишаях солнце. «Странно, — подумал Кратов, — помнится, мне толковали, что Эхлиамар крутится вокруг желтого карлика. А мы здесь имеем в качестве светила оранжевую звезду самого почтенного возраста. Желтый карлик, обладая столь солидными видимыми с поверхности планеты размерами, выжег бы означенную поверхность дотла. Что мы и наблюдаем, к примеру, на Меркурии. И чего совершенно не наблюдаем здесь, заодно теряясь в догадках, как все это следует понимать...» Он исследовал окно в поисках запора, форточки или иной какой отдушины и отошел раздосадованный. В помещении витали тяжелые ароматы местных благовоний, и невредно было бы от них как-то избавиться. Увы, он вынужден был соблюдать чувство меры в своих претензиях, ибо самое невинное требование могло оказаться внезапно зачтено в разряд исполняемых... На круглом низком столике, сделанном из какого-то тяжелого и, по всей вероятности, чрезвычайно прочного — учитывая эхайнский темперамент и дурную привычку колотить перед собой ладонью — дерева, стоял простой глиняный кувшин. Тщетно поискав глазами какую-нибудь емкость, Кратов поднял крышку — та оказалась достаточно высокой, чтобы исполнить роль бокала и, возможно, для того и предназначалась. Напиток как по цвету, так и на вкус напоминал слабое недобродившее пиво.

Прихлебывая пойло, Кратов двинулся в обход своих апартаментов.

Он толкнул первую подвернувшуюся сдвижную дверь и оказался в спальне. Если судить по ее размерам, клаустрофобией эхайны не страдали. В этом закуточке можно было только лежать и при желании лежа дотянуться до потолка. Постель была устроена прямо на полу — толстый и не слишком мягкий на вид матрац, застланный двумя покрывалами. Подушка отсутствовала. В небольшой нише над изголовьем стоял светильник в форме раскрывшегося цветочного бутона. Поразительное сочетание равнодушия к удобствам и наивного уюта... «Кстати, а не вздремнуть ли? — подумал Кратов. — За плечами у меня бессонная ночь на Эльдорадо, хорошая нервная встряска и два тяжелых наркотических шока. В конце концов, у меня впереди еще двое-трое суток, пока инстанции не решат, как поступить с моим вызовом... Нет, рановато расслабляться. Не все еще события произошли». Горестно вздыхая, он задвинул дверь и заглянул в соседнее помещение. Там тоже была спальня. Затем последовали: кладовая со множеством полочек и встроенным шкафом, совершенно пустая (Кратов тотчас же стянул с себя все еще влажную куртку, за эти несколько безумных часов сделавшуюся похожей на тряпку, и повесил сушиться в шкаф); комнатушка неясного культового предназначения со следами спешно вынесенных святынь; душевая кабинка и круглый бассейн, полный прохладной зеленоватой воды, сквозь которую пробивались цепочки пузырьков (когда Кратов уходил, на глазах его стояли слезы); еще один закуток со сложным сооружением из черного камня, напоминающим авангардистскую скульптуру, и потребовалось немало воображения, чтобы узнать в этом банальный санузел...

«Удивительно, — подумал Кратов. — Я хожу по эхайнскому жилищу. Пью какую-то эхайнскую бражку. Имею несравненную наглость диктовать эхайнам условия. Еще вчера я об этом даже и не мечтал. И вот я здесь. И веду себя так, словно все развивается по заранее намеченному плану. Но ведь не было же никакого плана! Так отчего же меня не трясет от волнения? Отчего же я не мечусь по этой клетке в по-

исках щелки для немедленного побега? Отчего же мне даже не страшно-то?! — Он рассеянно пригубил из бокала. — Неужели оттого, что и вправду все это уже было, или было нечто очень похожее, и нет смысла ждать чего-то нового?»

Последняя дверь сдвигаться отказалась и на грубые толчки не реагировала. Кратов сдаваться не собирался. Он внимательно обследовал преграду, не нашел никакого потайного запора и совсем уж было занес ногу для досадливого пинка, как дверь открылась сама собой.

На пороге стоял Юзванд, надменно вперив желтые выпученные гляделки в пространство где-то на полметра выше его макушки.

— Яннарр Кратов, — наконец разомкнул он тяжкие челюсти.

— Геургут Юзванд, — откликнулся тот, предупредительно отступая на шаг.

— Младший геургут, — процедил тот сквозь зубы.

Он ступил в комнату, упорно избегая встречаться глазами с Кратовым. Сразу стало заметно теснее.

— Региональная комиссия по Статуту справедливости рассмотрела ваш вызов Кьеллому Лгоумаа, третьему т'гарду Лихлэбру, — заговорил Юзванд, — и не нашла оснований для признания его неправомочным.

— Еще бы, — пробормотал Кратов.

— В соответствии с требованиями Статута, Суду справедливости и силы надлежит свершиться через два дня в месте, какое укажет обвиняемый, то есть т'гард Лихлэбр. В соответствии с требованиями Статута это может быть, во-первых, любое ровное пространство площадью не менее десяти тысяч квадратных шагов или же, во-вторых, арена, рыночная площадь, иное место скопления народа площадью не менее трех тысяч квадратных шагов, если т'гард пожелает публичности суда. В последнем случае применение стрелометательного, огнестрельного, иного оружия, представляющего общественную угрозу, воспрещено, и поединщики должны употреблять для отправления Суда лишь собственные телесные члены. На вашем месте я не слишком бы рассчитывал на второе.

— Понятно, — кивнул Кратов. — Т'гард явится на упомянутое ровное пространство в танке с ракетными подвеска-

ми. А я окажу ему упорное сопротивление своими телесными членами...

— Это не противоречит требованиям Статута, — со злорадством произнес Юзванд.

— Благодарю вас, геургут, — сказал Кратов. — А как же с...

— Подождите, — прорычал эхайн. — Я еще не закончил. Вам нужно знать вот что. Во-первых, перестаньте называть меня «геургутом», а не «младшим геургутом». Эта неуклюжая лесть вас не красит, а меня не тешит. Во-вторых же, если высшие силы сочтут, что т'гард достаточно нагрешил в материальном мире и ему самое время предстать в Воинских Чертогах Небес... то есть каким-то поразительным образом вы одержите верх... когда этот Суд закончится, я хотел бы вас убить.

— Отчего же?

— Драд-двегорш, вы мне отвратительны!

— Ну, для вызова на Суд справедливости и силы вам потребуются более солидные причины. Региональная комиссия по Статуту высмеет вас.

— С вашим ядовитым языком за эти двое суток вы дадите мне массу поводов.

Кратов молчал, усмехаясь. «Вот оно что, — думал он. — Я кажусь ему маленьким уродливым хитрецом, который только и думает, как напрясть на кривое веретено простягу геургута. В его глазах я — трикстер, злокозненный Локи... Ей-богу, к такой роли я не готовился!»

— Послушайте, Юзванд, — сказал он наконец. — Напрягите воображение. Вам наверняка докладывали... Вы удивитесь, но дома я слыву здоровенным, неглупым, но вполне простосердечным мужиком.

— Причем здесь это? — равнодушно проронил эхайн.

— Так, к слову пришлось. И еще одно...

«Нет, вряд ли мне удастся развеять его заблуждения!» — сардонически подумал Кратов, а вслух продолжил:

— Когда война закончится — а она непременно закончится! — вы первый окажетесь мне благодарны.

— За что же я должен буду благодарить вас, ничтожного этлаука?! — изумился Юзванд.

— Скажите, геургут, сколько у вас колец на пальцах?

— Ни одного.

— Вот именно.

— Вы и это знаете... — мрачно промолвил эхайн.

— Вы хотите войны и подвигов, Юзванд, — сказал Кратов. — Вы хотите веселой и почетной смерти. Но вы не продолжили свой род, вы не произвели на свет ни одного сына. А как же Устав Аатар, древнейший свод законов, что до сих пор, однако же, регулирует аристократические наследственные отношения? «Всякий воин да родит сына. А буде не родит и умрет без мужского потомства, то да не слывет воином...» Конечно, кто сейчас придает значение этим пыльным скрижалям!

— Никто, — подтвердил Юзванд без большой решимости.

— Никто, — кивнул Кратов. — Кроме Круга Старейшин.

— Хха! — Кулак геургута, испещренный свежими коростами запекшейся крови, с грохотом вошел в соприкосновение со стеной.

— Вы разрушите мое последнее пристанище, — с шутливой опаской проговорил Кратов. Юзванд иронии не понял, но руку опустил. — Рано или поздно может случиться так, что вы — ну, пусть не вы, а ваш сын или внук, или прапраправнук... ваш потомок предстанет перед Кругом как соискатель т'гардского титула. И тогда ему напомнят о предке, который попрал Устав Аатар...

— Вы демон, — сказал Юзванд.

— Нет, — возразил Кратов. — Я просто хочу закончить эту войну и вернуться домой... Так как же насчет исполняемых требований?

Вместо ответа Юзванд отступил в сторону, низко склонив голову.

6.

— Второй геобкихф Авлур Этхоэш Эограпп! — гаркнул Юзванд.

Второй раз в жизни Кратов стоял перед женщиной, которая была выше его ростом (первой была Оленька Лескина, субнавигаторша со стационара «Кракен», семи с половиной футов росту).

Гордо вскинув тяжелый подбородок, второй геобкихф Эограпп глядела в пространство примерно на полметра выше его головы. Желтые глаза не выражали ничего, кроме холодного безразличия (что находилось в явном противоречии с эмофоном, в котором читался напряженный интерес). Короткие, совершенно бесцветные волосы были просто зачесаны назад, открывая покатый, загорелый, в едва приметных морщинках лоб. Губы со слабыми усиками (обычное для женщин-эхайнов явление) были плотно сжаты, ноздри крупного, слегка приплюснутого носа нервно шевелились. В складках черной пелерины свободного покроя без труда угадывалось сильное, прекрасно тренированное тело. От Эограпп исходил отчетливый и даже сильный аромат — но это были, разумеется, не духи в земном понимании; так могли бы пахнуть свежесорванные фрукты в корзине...

«Знает ли Носов, что один из его оппонентов — женщина?!» Кратов попытался припомнить, много ли женщин он встречал на сколько-нибудь ответственных постах. Он с удивлением обнаружил, что директоров, президентов и председателей, говоря фигурально, в юбках (ибо некоторые предпочитали брюки или даже саронги, а одна обворожительная леди, координатор Объединенной энергосистемы Гранд-Лисса, встретила его в купальнике) можно перечесть по пальцам.

— *Янтайри*, — промолвил он с легким поклоном.

Так на «эххэге» было принято обращаться к аристократкам. То, что Эограпп принадлежала к родовой элите Эхайнора, сомнений не вызывало.

— Мы рассмотрели перечень ваших исполняемых требований, — сказала женщина, не отвечая на приветствие. — Во исполнение воли предков и буквы Статута справедливости, будут удовлетворены все, кроме одного.

— Я приму это как должное.

— Требование первое — выполнено. Вы получили помещение для отдыха и размышлений с окнами на восток, — Эограпп повела вокруг обнаженной дланью с отличными мускулами под загорелой, покрытой золотистым пушком кожей. — Достаточно ли удобств? Не нужны ли разъяснения?

— Нет, янтайрн, благодарю вас.

— Если затруднения все же возникнут, вы вправе обращаться по любому вопросу в любое время суток к младшему геургуту Юзванду. Для связи вам будет немедленно предоставлен видеосет...

При этих словах в руках Юзванда, словно кролик из шляпы фокусника, возник названный прибор — плоский экран, судя по всему, жидкокристаллический, с выдвижной клавиатурой. Сзади его корпус был снабжен присоской, что позволило Юзванду просто прихлопнуть его к стене возле двери.

— Требование второе — выполнено *буквально*. Федерация планет Солнца извещена, что вы находитесь на Эхлиамаре. Та часть сообщения, что касалась вашего благополучия, опущена ввиду явного несоответствия истине. Очевидно, что в ближайшие два дня ваше состояние может кардинально измениться.

— Согласен, — проворчал Кратов.

— Требование третье — выполнено. Учитывая ваш высокий общественный статус за пределами Эхайнора, этот район космического пространства временно, до вашего убытия, объявлен нейтральной зоной, в силу чего воинские подразделения Светлой Руки получили приказ воздерживаться от боевых действий против Федерации и ее союзников.

Требование четвертое — выполнено. Вы будете ознакомлены с наиболее распространенными видами боевого оружия, принятыми на вооружение сухопутными войсками Эхайнора.

В день Суда вы получите то оружие, какое сочтете необходимым, в рабочем состоянии, с полным боекомплектом.

Требование пятое — выполнено. Женщина по имени Озма в течение этих суток будет доставлена в это помещение, где будет находиться под вашим присмотром и опекой. С ней все в порядке.

— Надеюсь...

— Требование шестое — выполнено. Вам будет дана аудиенция у представителя высшей администрации Светлой Руки Эхайнора. Кто именно сочтет для себя приемлемым выслушать вас, в настоящий момент уточняется.

Требование седьмое — выполнено. Вам и женщине по имени Озма предоставлена будет возможность по вашему желанию совершать пешие прогулки в окрестностях, в сопровождении охраны из числа сотрудников Департамента.

Требование восьмое — выполнено. В этом помещении будет установлен терминал для связи с региональным филиалом центрального информатория, посредством которого вы получите доступ к сведениям о культуре, истории и экономике Эхайнора, не имеющим стратегического значения... буде таковые обнаружатся.

Требование девятое — выполнено. Посредством упомянутого терминала вы получите возможность просмотра спортивных и развлекательных каналов местной информационной сети.

«Что же за требование вы отфутболили?! — подумал он. — Дабы не мнил о себе, подлец...»

— Требование десятое — отклонено, — спокойно сказала Эограпп. — Канонический текст Рыцарского Устава вам предоставлен не будет.

— Драд-двегорш, — пробормотал Кратов. — Единственный позарез нужный мне документ, которого я и в глаза не видел...

Женщина коротко дернула головой и повернулась, намереваясь уйти. Юзванд, выпятив каменную челюсть, пожирал ее вытаращенными кошачьими зенками.

— Кстати, — задержавшись, насмешливо сказала Эограпп через плечо. — С чего вы взяли, что находитесь на Эхлиамаре?

— А где же я нахожусь?! — опешил Кратов.

— Рубежи Светлой Руки не ограничены одной планетой, — промолвила Эограпп. — Вы имеете счастливую возможность пребывать в городе Гверн, что на планете Юкзаан, иначе именуемой Дочь Океана...

Дверь захлопнулась.

7.

— Вам не кажется, что он выглядит больным? — спросила Озма.

— Он? — рассеянно переспросил Кратов.

— Да, *луменус*... светильник.

Ее рука была простерта в сторону янтарного солнца, что тяжко и грозно нависало над океаном всей своей колоссальной тушей.

— Светило, — поправил Кратов. — Немолодое, заслуженное и очень большое светило планеты Юкзаан, она же Дочь Океана. А я полагал, что нас доставили на Эхлиамар...

— Это важно?

— Еще бы! Сейчас все думают, что мы на Эхлиамаре, и там нас будут искать... и освобождать. Но чертов т'гард перехитрил всех. Мы — на Юкзаане, на планете, о которой никто ничего толком не знает, кроме астрофизических данных, имя которой я встретил в отчетах по Эхайнору лишь однажды, а Носов, кажется, и вообще ни разу не упоминал.

— Кто такой Носов?

— Это парень, который в эту самую минуту заканчивает план силовой операции по нашему вызволению.

— Зачем нужна сила? — удивилась Озма. — Нам никто не угрожает.

— Это и есть самое поразительное, — вздохнул Кратов. — Мы — в стане эхайнов, этих демонов во плоти. И нам — никто не угрожает...

— Я не понимаю, — сказала Озма с отчаянием в голосе. — Зачем все это? Зачем нужно было меня порабощать... *captivare*... брать в плен?.. Зачем было убивать мою охрану? И зачем здесь вы? Какой в том смысл?!

Кратов бросил короткий взгляд поверх ее головы. Сопровождающие, четверо гигантских, кажется — еще выше, чем

Юзванд, эхайнов в одинаковых глянцево-черных плащах смотрели в их сторону, не проявляя, впрочем, намерений приблизиться.

— Для вас будет сюрпризом, — промолвил он, — но эти парни всерьез полагают себя в состоянии войны с Федерацией. Я не знаю всего, но, похоже, они хотели ударить нас побольнее, чтобы мы потеряли, наконец, терпение.

— Я всего лишь человек, — сказала Озма. — Обычный и малоинтересный. Я — только голос. Больше во мне ничего нет. Я — голос во плоти, голос на двух ногах и с двумя руками. Во мне нет ничего привлекательного, как в женщине. Я плохая *аматрикс*... любовница. Из меня выйдет скверная подруга и мать. Мне ничего не нужно, только бы я могла петь. Вот уже почти сутки, как я не пою. Разве что чуть-чуть... Если это будет продолжаться, я умру.

«Она не понимает, — подумал Кратов. — Мы говорим на разных языках. И даже в буквальном смысле! Мы думаем о разном. Она настолько далека от наших злополучий, как это только возможно. Ей нет дела ни до эхайнов, ни до Федерации, ни до великой Галактики. Она сама себе Галактика. Господи, зачем ты дозволил одному из своих ангелов вляпаться в эту грязь?»

— Все будет хорошо, — снова, как тогда, в кабине чужого корабля, сказал он.

— Ничто не будет хорошо, — не задумываясь, повторила Озма свои же слова.

Они медленно брели по узкой полосе пляжа у самой воды. Темные океанские волны лениво и тяжко наползали на бурый песок, чтобы отбегая оставить после себя обрывки проволочно-жестких красноватых водорослей и бесформенные перламутровые обломки. Несколько раз Озма нагибалась в надежде найти красивую ракушку, но всякий раз безуспешно. Особняк, в котором их содержали, больше похожий на пагоду под многоярусной крышей, остался позади. Параллельно пляжу шла пустынная автострада, которая, если верить младшему геургуту Юзванду, вела на Гверн, главный город этой части планеты Юкзаан и, судя по всему, ее столицу. А по ту сторону автострады, отделенные от нее ровными рядами деревьев,

поднимались голые каменные уступы, на вид совершенно непреодолимые.

Кратов вдруг засмеялся.

— Верите ли, — сказал он, — я впервые встречаю человека, гражданина Федерации, который плохо говорит на интерлинге!

— А, — Озма улыбнулась и сделала рукой отметающий жест. — Я не имею способностей к языку. Пишу с ошибками. Я вообще *дефектрикс*... ни к чему не имею способностей.

«Дьявол, я давно уже не теряюсь в женском обществе! Меня не повергнут в смущение ни принцессы, ни блудницы. Но я не представляю, о чем беседовать с голосом во плоти!»

— Вам не холодно? — нашелся он наконец.

Озма расправила складки своего одеяния, напоминавшего просторный меховой балахон.

— *Нихиль*... нисколько, — сказала она. — Они так заботливы!

«Слышал бы это Носов! Да и остальные члены клуба любителей эхайнов впридачу!»

— Когда мы расстались... — продолжала женщина.

«Расстались! — мысленно скривился Кратов. — Меня оторвали от тебя, сударыня, скрутили как тряпку и унесли под мышкой в поганый каземат, чтобы на средневековый манер посадить на цепь!»

— ...двое из тех важных персон в шляпах проводили меня в замок.

— Замок?!

— *Кастеллум*... я не знаю, как сказать по-вашему... Конечно, это был не замок. Удивительное строение... *формозе*... хрустальная пагода. Там все было из разноцветного стекла. Все сверкало и переливалось. Как они могут жить внутри таких игрушек?! Кажется, я что-то там разбила. Невозможно было повернуться, чтобы не разбить. Я укрылась в уголке и какое-то время плакала. Потом спала. Потом проснулась, немного попела — так, для себя. И, кажется, что-то еще разбилось... А потом за мной пришли. Женщина... *беллатрикс*... самая большая женщина, какую я только видела в жизни.

— Геобкихф Эограпп, — усмехнулся Кратов.

— Да, кажется... Хотя я не уверена. У меня плохая память на имена. Вас как зовут? — вдруг спросила она озадаченно.

— Константин, — сказал он обреченно. — Константин Кратов.

— Это имя я, наверное, запомню. А вы и вправду стойкий... оловянный солдатик?

— То есть?!

— Ну, непреклонный... неколебимый? — Кратов глупо моргал, трудно пытаясь сообразить, причем здесь какой-то солдатик, да еще из мягкого металла, и Озма поспешила ему на выручку: — Это ваше имя!

— А, понятно, — смутился он. — Нет... не думаю. Меня можно убедить в чем угодно. Если аргументы хороши.

— Если вы не солдатик, тогда зачем же вы кинулись меня спасать?

Кратов помолчал.

— Конечно, это было неосмотрительно, — промолвил он наконец. — С позиций здравого смысла... Но у кого в тот момент оставалась хоть крупица здравого смысла? Я три месяца готовился к этой работе. Я выучил все их своды законов наизусть. Я выучил даже их язык, хотя сам еще недавно не мог поверить, что справлюсь. Я надеялся, что они нас обменяют.

— Обменяют? — нахмурилась Озма.

— Ну да: вас оставят, а меня заберут. Глупо... В их глазах мы — настолько неравноценные трофеи, что им ничего не стоило просто расстрелять меня вместе с охранниками.

— Кто может оценивать человеческие жизни?

— Они — могут.

— Разве они равны господу нашему? — грустно спросила Озма.

— Мы для них враги, — напомнил Кратов.

— Да, я помню. Вы говорили, что они хотят с нами воевать. Странно. Странно и дико. Воевать... *белларе*... — Она словно пробовала это слово на вкус. — Наверное, я должна испытывать к ним неприязнь?

— Некоторые так и делают. Что же до эхайнов, то у них ненависть к людям почитается за благо.

— Но я не могу, — сказала Озма просто. — Даже после того, что случилось. Наверное, я не умею ненавидеть. — Она поглядела на волны, подбегавшие к самым носкам ее простых туфелек. — Мне даже не так плохо, как было вначале. Я боялась. Теперь уже не боюсь. Меня никто не пытался здесь напугать. Если бы мне было плохо, я не хотела бы петь. Но я стою здесь, смотрю на океан, слушаю его музыку, и мне хочется ему подпевать. — Ее лицо приобрело отрешенное выражение, как на старинной фреске. — Вот послушайте... у волн есть свой ритм... ш-ш-ш... ш-ш-ш... на него прекрасно ложится один старый *кармен*... напев, который давно не дает мне покоя.

Прикрыв глаза и поднеся руку ко лбу (удивительное дело: у нее этот картинный и довольно-таки ненатуральный жест вышел бесхитростно и славно), Озма пропела несколько фраз на староанглийском языке.

— Я делаю неправильно? — прервав пение, виновато спросила она. — *Дамнабиле*... недостойно? Мне не нужно здесь петь?

— Послушайте, Озма, — сказал Кратов. — Никто не вправе диктовать вам, что ненавидеть, а что любить. И уж в самую последнюю очередь нужно спрашивать совета у меня... Война — это дело для оловянных солдатиков. А голос должен петь.

— Тогда я спою еще чуть-чуть, — сказала она.

Отвернувшись от него, обратив лицо к китовьему брюху светила, Озма неуверенно промурлыкала пару нот. Выпростала руку из балахона и продирижировала самой себе. Снова поднесла ко лбу. «Ага, вот...» Теперь ее голос зазвучал уверенно и сильно, словно музыкальный инструмент, который вдруг научился выговаривать слова. Волны с размеренным шорохом задавали темп... Озма замолчала, прислушиваясь к мелодии, что была теперь слышна ей одной. А затем запела вновь, голос ее понизился, в него добавились грубоватые, почти мужские краски. Шум прибоя не то утих, не то растворился в этой фантастической распевке целиком и без остатка...

Кратов смотрел на нее с удивлением.

Только что это была измотанная переживаниями, усталая женщина, далеко не красавица, неважно умытая, с расплыв-

шимся макияжем и нечесанными волосами, в нелепых и довольно-таки грязных одеждах. Теперь перед ним стояла Озма прежняя. Озма, которую он видел на сцене тритойского Концерт-холла. Озма, которую боготворила вся человеческая Галактика — и, по достоверным сведениям, некоторая часть нечеловеческой, включая хладнокровных иовуаарп и насмешливых виавов, и даже вовсе негуманоидной.

Принцесса Озма из страны Оз.

Эхайны уже не возвышались в отдалении глянцевитыми болванами. Они, все четверо, расслабленно сидели на песке, подобрав под себя ноги, умостив руки на коленях и склоня головы. От них исходила упругая волна ярких эмоций. Не требовалось больших усилий, чтобы прочесть и разобрать их по составляющим.

Слезы умиления, которым не уготовлено было увлажнить ничьих глаз.

И бесконечное обожание.

8.

Супер-женщина и супер-директор Авлур Этхоэш Эограпп свое обязательство выполнила. Когда они вернулись с прогулки, в простенке между окон уже был установлен прибор, в котором не без труда можно было распознать обещанный терминал для связи с информаторием. «Ой, какая прелесть!» — прочирикала Озма и кинулась потрогать. Ее можно было понять: больше всего это походило на стеклянную раковину с торчащими из нее переливчатыми лучами... Кратов едва успел перехватить Озму: терминал был загодя включен и демонстрировал какую-то таблицу, вполне возможно — настроечную, и не хотелось бы, чтобы он вдруг отключился или, что еще хуже, разбился от неосторожного касания.

— Я осторожненько! — умоляла его Озма. — Я очень осторожно!..

Кратов был непреклонен.

— Это моя игрушка, — отрезал он.

Надувшись, Озма отправилась исследовать помещение. Не прошло и минуты, как ушей Кратова достиг ее ликующий визг, а спустя еще мгновение — русалочий плеск: Озма набрела на бассейн. Это означало, что часа на полтора он будет избавлен от светских бесед с женщиной, которая не понимает и половины его проблем.

В течение означенных полутора часов Кратов узнал нижеследующее.

Что Юкзаан, иначе Дочь Океана, был одной из первых планет, колонизированных Эхайпором во время Древнего Отлива. Древним Отливом именовался стародавний и полузабытый проект освоения космического пространства с применением термоядерных технологий, то есть еще до изобретения «нитмеаннара». Огромный корабль-город с субсветовыми движителями практически вслепую пролетел двенадцать пар-

секов, достиг звездной системы янтарного гиганта Авоктагг с пригодными для обитания планетами, на одной из которых и была учреждена колония численностью десять тысяч человек. После чего связь с метрополией была надолго утрачена и возобновлена лишь спустя сто десять лет по земному исчислению, вероятно — с появлением «нитмеаннара». Если верить скрижалям Древнего Отлива, Эхлиамар был заселен несколько позднее... Кратов пожалел, что не назвал в числе исполняемых требований какие-нибудь средства хранения информации, хотя бы даже бумагу и паршивенькое стило. Сравнительная хронологическая таблица в цифрах и фактах ему бы сейчас не помешала. Как правило, даже простое сопоставление дат зачастую приводило к самым неожиданным открытиям...

Что эхайны начали космическую экспансию намного раньше, чем люди. Юрий Гагарин еще только появился на свет, а предки Светлых эхайнов уже возделывали девственные нивы Юкзаана, отгоняя при помощи энергоразрядного оружия досаждавших им хищников, описание каковых за очевидностью было опущено, как-то: вакнеф, вах, к'биозапгума... Словно в издевку над наивным читателем-инопланетянином, анонимный автор текста прибавил в качестве комментария: «К'биозапгума есть своеобычное животное, которое всякий узнает с одного лишь взгляда. Трудно даже представить, что этот дружелюбный и ласковый к детям зверь во время оно являл собой неподдельную угрозу первопоселенцам!» Зашипев от оскорбления, Кратов десять минут убил на то, чтобы добыть из недр информатория изображение «своеобычного животного», но без ощутимого результата. Слабым утешением ему послужило эпическое полотно «Блистательный подвиг т'гарда Ишоурша, истребляющего лучевым копьем стаю вакнефов, поимевших неизреченную дерзость посягать на его посевы, скот и вилланов». Вакнефы смахивали на муравьедов-переростков, оснащенных моржовыми бивнями, а т'гард в своей чешуйчатой кирасе и шлеме очень походил на вакнефа.

Что существуют разночтения в истории Древнего Отлива, причем одни источники, явно официозные, которых в местном информатории отчего-то было меньшинство, придерживаются канонической версии о первородстве Эхайнуолы —

как, впрочем, и Агбайаби с Понтефрактом... Другие же, локального происхождения и, очевидно, употребления, утверждали, что прародиной эхайнов был именно Эхлиамар (куда при этом впихнуть эпоху освоения Юкзаана, не говорилось вовсе). Свидетельством чему были исторические изыскания экспедиции Эхайнаннского университета. Из каких-то непонятных соображений материалы изысканий были отнесены к числу «имеющих стратегическое значение», а стало быть — в деталях постороннему оку недоступны. Кратову пришлось удовольствоваться перечнем монографий и периодических изданий, посвященных этой теме, да еще указателем постоянно действующих археологических отрядов, среди объектов изучения которых фигурировали «Чернодымная долина», «Кенотаф в Смердоносном болоте» и «Система карстовых пещер в предгорьях Шрениурифа».

Что Озма, прельстившись бассейном, не позаботилась о полотенце, а заодно и о каких-нибудь моющих средствах. Ворча и сетуя на судьбу, Кратов обшарил все клетушки, но ничего подходящего не нашел. Связываться с Юзвандом по такому поводу он счел зазорным и в отчаянии уж было решил пожертвовать своими только-только просохшей курткой и свитером. Постучавшись, он нарочито медленно сдвинул дверь, чтобы сообщить Озме неприятную новость. И тотчас же обнаружил, что сразу за дверью в стену встроен шкаф, за полупрозрачной створкой которого видны были уложенные стопками белые, даже на взгляд нежно-мягкие полотенца, а в высоких хрустальных флаконах опалесцировали густые, вязкие эмульсии всех цветов радуги. «Не знаю, что здесь что, — буркнул он, сгребая флаконы в охапку и вываливая на бортик бассейна. — У вас есть счастливая возможность поэкспериментировать. Наверняка среди этих химикалий есть местное мыло. Только будьте осмотрительны: известно, что метаболизм эхайнов очень близок человеческому, но у них могут быть странные привычки...» Озма запищала от восторга и полезла из бассейна за переливчатыми цацками — Кратов, вздохнув, отвернулся и ушел.

Что в текущем три тысячи сто десятом от Великого Самопознания году промышленностью Эхлиамара произведено

было сто шестьдесят тысяч экскаваторов, полмиллиона самоходных повозок общего пользования и без малого два миллиона означенных повозок индивидуального употребления. А также четыре миллиона быстродействующих интеллектронных установок персонального назначения. Как интерпретировать эти небогатые сведения об индустриальном потенциале эхайнов, Кратов ума не мог приложить. Много это было или, напротив, недостаточно? Сколько, с учетом выпущенного раньше, приходилось этих повозок на душу населения? Нуждалось ли таковое население в этих миллионах повозок или прекрасно обходилось без них? Вследствие чего произведенная с немалыми, видать, затратами материальных ресурсов продукция пылилась на складах или же целиком шла на экспорт куда-нибудь там на Гхакнэшк... в его стольный город Гхагуашк, не к ночи будь помянуты оба? А то еще: «экскаваторы» и «самоходные повозки общего пользования» — не эвфемизм ли незатейливый для военной бронетехники, вроде той, что употреблена была для зачистки планеты Оунзуш от уцелевших обитателей — хотя это были, как принято считать, не Светлые Эхайны — и втоптала в грязь галактический маяк на Форпосте? И вовсе было непонятно, как сюда пристегнуть интеллектронные установки персонального назначения, к числу которых с равным успехом могли относиться и бортовые когитры — вернее, их местные аналоги, и безобидные инфоры для ментального программирования в общеобразовательных целях, вроде всем от мала до велика известной «шапки Мономаха» (она же «нахлобучка», «лишний череп» и отчего-то «Аладдинова лампа»), и бытовые приборы класса «мажордом», о которых никто и не вспоминает, пока вдруг попущением божьим в неурочный час не погаснет свет и не иссякнет вода в ванной?.. Он-то всерьез надеялся проведать состояние космического флотостроения, но, видать, не на таковских напал.

Что Справедливый и Беспорочный гекхайан («Да хирарх же!» — сам себя поправил Кратов) Нигидмешт Оармал Нишортунн до конца сезона дождей намерен избрать себе подругу жизни с тем, чтобы, следуя традициям и обычаям предков, уставам Аатар и Комрэах, а также зову природы, в уста-

новленные сроки продолжить свой род. «Справедливому и Беспорочному», если верить придворной летописи, недавно стукнуло тридцать два, а в пересчете на земные года — сорок, что по эхайнским меркам было весьма немало. Как он ухитрился соблюсти беспорочность, да и соблюл ли, оставалось сиятельным секретом.

Что этлауки, читруны и цмортенги есть главное зло, вместилища порока и источники разложения нации, а потому подлежат беспощадному истреблению повсюду, где будут замечены. Кто такие этлауки, Кратов уже представлял. По поводу остальной нежити он мог лишь теряться в догадках. Углубившись в недра информатория по одной из ссылок, он наткнулся на пространный и многословный комментарий, автор которого, как водится — анонимный, позволил себе ядовитое замечание: «Искать виновников собственных прегрешений на небесах — занятие столь же бесплодное и неподобающее сильному эхайнскому воину, как тайно удовлетворять похоть созерцанием охальных граффити в отхожих местах общественного статуса, вместо того, чтобы ублажить свою страсть в объятиях блюстительницы очага или на крайний случай искать доблести на ратных поприщах... Сколь много утаенных этлауков либо их приспешников во власти и обществе Светлой Руки, что они сумели испорочить и разложить довольно? Ни одного не замечено. Но если оных имеем хотя бы сомнительную честь лицезреть в эфирных ристалищах, то читруны, сей мрак и ужас удаленнейших светил, являются нашему разумению досужим изобретением праздного ума, а цмортенги или, паче чаяния, хтаумы столь же далеки от наших злополучий, как и мы от них. И по меньшей мере первых хладнодушие достойно всевозможного сожаления...»

Что пассажирское сообщение посредством эфирных тоннелей (надо полагать — экзометральное) между Юкзааном и Эхитуафлом прекращено на неопределенный срок велением Транспортного департамента, а таковое же сообщение Юкзаан — Эхлиамар отныне и до особого распоряжения утрачивает прежнюю регулярность по основаниям непоясняемым.

Что объединить эти разрозненные, выхваченные наугад сведения, эти мелкие осколки гигантского зеркала, в сколько-

нибудь связное целое, дабы затем с удовлетворением и чувством хорошо исполненного профессионального долга окинуть возникшую в результате картину единым оком и получить пусть поверхностное, но достоверное и непротиворечивое представление о чужой культуре, никак не представляется возможным.

И что Кратов определенно душу бы заложил за стопку бумаги и что-нибудь пишущее...

9.

Когда он, донельзя расстроенный, в очередной раз выкатил на экран хронологию Древнего Отлива, его снова позвала Озма. На сей раз голосок ее лишен был прежней бодрости и казался скорее испуганным. Предупредительно косясь в сторону, Кратов явился на зов.

Ему сразу же пришлось отбросить излишнюю скромность.

Озма сидела скорчившись на краю бассейна с полупустым флаконом в руке, а вся голова ее, лицо и частично плечи были облеплены мутно-зеленой тиной самого отвратительного вида. Другой рукой женщина пыталась отодрать с себя эту дрянь, но липкие тенета лишь тянулись от головы к пальцам, не желая отдавать добычи...

— Матерь божья! — только и вымолвил Кратов и кинулся на помощь.

Он сразу же вляпался по самые локти.

— Я взяла один флакон, — причитала Озма. — Там оказался какой-то жидкий крем. В другом — эмульсия, вроде мыла. А в этом... я думала, это шампунь!

Кратов тихонько, сквозь зубы, сквернословил. Его стараниями Озма быстро превратилась в мерзкий зеленый кокон, из которого торчали озябшие голые ноги и доносилось сдавленное всхлипывание. Ситуация принимала скверный оборот.

Оставалось последнее средство.

— Я позову на помощь. Хотя бы этого... геургута Юзванда.

— Не-е-ет! — завопила Озма.

— Ну, хорошо, хорошо, — обреченно пообещал он. — Сейчас найду что-нибудь твердое, буду отскребать.

— У меня в комбинезоне... — прохныкала Озма.

— Где ваш комбинезон?

— Не зна-а-ю!

Озмины одежды были небрежно скомканы и брошены под порогом. Потеряв минут пять на то, чтобы оттереть руки полотенцем (на белом, похрустывающем от чистоты полотне был заботливо вышит дремлющий палевый зверек с прижатыми голыми ушами и нежно-розовым пятачком вместо носа), Кратов в огромной спешке обшарил бесчисленные карманы, где обнаружил: зеркальце в перламутровой оправе; два кристаллика с записями; помятую капсулку с двумя сигаретами «Фата Моргана»; клочок бумаги, на котором латинскими каракулями начертано было: «12-30, Фердинанд» («Рандеву накрылось, Ферди», — не без злорадства подумал Кратов); облепленное мелким мусором розовое драже — судя по всему, транквилизатор «Солнце в тумане»; кусочек нирритийского янтаря с едва различимой веточкой реликтовой водоросли внутри — судя по тому, что знал Кратов, огромная редкость, запрещенная к вывозу с Эльдорадо без специального разрешения тамошнего Магистрата; и, наконец, настоящее керамическое стило с практически неизрасходованным пишущим элементом. Очевидно, именно его как самый подходящий для отскребания зеленой тины предмет и имела в виду Озма. «Ну нет, — подумал Кратов. — Только через мой труп! Этому мы найдем более подобающее применение...»

На цыпочках, чтобы не насторожить Озму — впрочем, та слишком увлечена была своим несчастьем, чтобы прислушиваться к его шагам, — он вернулся в большую комнату и бросился к видеосету.

— Здесь младший геургут Юзванд, — услышал он знакомый скрежет и увидел уменьшенную до размеров ладони апельсиновую физиономию с привычным напыщенным выражением. Похоже, младший геургут в любое время суток пребывал в постоянной боевой готовности.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Кратов и вкратце, опуская живописные подробности, описал суть проблемы.

— Дикари, — спокойно констатировал Юзванд. — Этлауки, одно слово. Ни малейшего представления о гигиене. То, что ваша самка опрокинула себе на голову, есть средство для массажа, а не для очистки волос. Если вы желаете придать

волосам первородный блеск, так и возьмите флакон желтого цвета. Вы что, цветов не различаете?!

— Перестаньте нести чушь, — прервал его издевательства Кратов. — Я не эхайн, и никто не объяснил мне определяющее значение цветов в вашей гигиенической гамме. Лучше вернитесь к исполнению служебного долга. Геобкихф Эограпп говорила, что ваше предназначение на этом свете — разрешать наши затруднения, а не иронизировать над промашками!

— Этлауки, — повторил Юзванд, хотя и с меньшим сарказмом. — Делайте так: возьмите сосуд с дорадхом...

— Какого цвета? — быстро спросил Кратов.

— Причем здесь цвет?! — рявкнул Юзванд. — Дорадхи содержатся в прозрачных сосудах!

— Содержатся? — опешил Кратов.

— Разумеется! И с большой заботой, заметьте! А если их содержать в цветных либо непрозрачных сосудах, они могут захиреть или вовсе погибнуть от недостатка впечатлений.

— Это какое-то растение? — осторожно уточнил Кратов.

— Дорадх, — с наслаждением сказал Юзванд, — это животное.

— Животное, — сказал Кратов. — Прекрасно. Специальное гигиеническое животное для массажа. И где же в этом помещении устроен зверинец?

— Там же, где и прочие гигиенические средства, — передернул плечами Юзванд. — Неужели трудно было заметить?

— Выслушайте меня чрезвычайно внимательно, младший геургут, — теперь пришел черед Кратову напитать свой голос ядом лернейской гидры. — Не то простым небрежением, не то сознательно, однако же вы упустили снабдить своих пленников в ранге высоких гостей предметами первой необходимости, как-то: бумага, дорадх... Чем допустили открытое и злокозненное бесчинство по отношению к воле своего руководства.

«Язык можно свихнуть», — подумал он, окончательно запутавшись и возмущенной паузой прервав замысловатый период на полуслове.

Лицо эхайна между тем приобрело кирпичный оттенок.

— Вы хотите сказать, что там нет сосуда с дорадхом?! — потерянно спросил он.

— Ни даже малейших его признаков!

— Драд-двегорш... — прошептал Юзванд. — Сейчас я прибуду к вам. Через сто двадцать ударов сердца...

Видеосет отключился.

— То-то же, — удовлетворенно сказал Кратов. — А то... ишь... разболтались!

Он успел дважды прогуляться от окна до дверей и один раз заглянуть к Озме, дабы убедиться, что ее состояние не усугубилось (та все еще сидела на бортике бассейна, однако уже не хныкала, а что-то грустно и тоненько напевала, обхватив колени уделанными зеленой пакостью руками). Прозвучал мелодичный перезвон, после чего входная дверь сама собой сдвинулась, и в помещение ввалился Юзванд. Его костюм носил следы спешных сборов: пуговица на воротнике была расстегнута, один из аксельбантов перекинут через плечо. Могучая грудь его тяжко вздымалась... В одной руке геургут держал огромный металлический чемодан, перехваченный кованными полосами, а в другой — нечто наподобие птичьей клетки в кисейном чехле.

— Давайте сюда вашего зверя, — сказал Кратов, протягивая руку к чемодану.

— Необходимо убрать чехол, — произнес эхайн, опуская чемодан возле стены и протягивая птичью клетку. — Снять крышку и поставить сосуд в непосредственной близости от заранее подготовленных к массажу участков тела. Остальное дорадх сделает сам.

— Надеюсь, это никому не нанесет вреда, — туманно заметил Кратов.

— Вреда? — изумился Юзванд. — От дорадха?! Вы ничего не понимаете в массаже, этлауки!

— Отчего же, — буркнул Кратов, обеими руками прижимая к груди сосуд. Ему почудилось, что там, внутри, негромко клацнули мощные зубы. — И не вздумайте ходить за мной!

— Смотреть на ваши бледные, чахлые, болезненные тела! — возмутился Юзванд.

Он отошел в дальний угол комнаты и сел на пол прямо напротив окна, устремив ничего не выражающее лицо к

темному покрывалу небес над мерно вздымающейся тушей океана.

— Где вы пропадали? — безучастно спросила Озма, заслышав шаги. — Я уже отчаялась...

— Надеюсь, все испытания позади, — без большой уверенности сказал Кратов.

Следуя инструкциям Юзванда, он опустил сосуд рядом с Озмой (стекло звякнуло о камень, «Что вы задумали?» — встрепенулась Озма и попыталась отстраниться), сдернул чехол и отвернул крышку. В ребристой емкости из идеально прозрачного стекла произошло шевеление. Затем над горловиной поднялась круглая пушистая головенка с прижатыми голыми ушами и плоской мордой, посреди которой красовался розовый пятачок носа (Кратов бросил взгляд на скомканное полотенце, сравнивая: перед ним явно была натура для вышивки). Открылись два печальных, со слезой, черных глаза... Скрежеща коготками по стеклу, дорадх выпростался целиком. Все его длинное, как у выдры, тело было покрыто палевой, с темными полосами по бокам, шерстью, что росла от холки к голове и от живота к загривку, то есть в сравнении с земными тварями в точности наоборот. Длинная мускулистая лапка уперлась Озме в плечо.

— Зачем вы меня трогаете? — упавшим голосом осведомилась женщина. — Разве так уж необходимо трогать, чтобы просто отскребать?..

— Сидите смирно, — сказал Кратов. — И молчите. Это не я вас трогаю.

— А-а, понятно, — кивнула зеленым колтуном Озма и тяжко вздохнула.

Дорадх открыл несоразмерно большую розовую пасть, обнажив могучие клыки (Кратов напрягся). Выкатился длинный и широкий, как детская лопатка, нежно-розовый язык и, примерившись, с аппетитом слизнул липкую дрянь.

— Ой, — безмятежно сказала Озма.

— Больно?!

— Наоборот... *белле*... приятно, невыразимо приятно. Это — вы?

— Нет, — хмыкнул Кратов. — Где я возьму такой язык? Это дорадх.

— Дорадх... ясно, — сказала Озма. — Пусть дорадх продолжает.

Дорадх продолжал.

Стоя на задних лапах, а передние для верности устроив женщине на плечах, он с чавканьем и урчанием вылизывал ей шею и волосы. После его языка на испоганенном теле Озмы оставались дорожки чистой, мраморно-белой кожи.

— Это невыносимо, — сказала Озма низким голосом. — Я сейчас умру... Это как нескончаемый оргазм...

Дорадх с размаху впечатал язык ей между ягодиц и единым движением провел по ложбинке вдоль позвоночника снизу доверху. Озма выгнулась, словно кошка, и испустила глубокий стон. Видеть и слышать такое было выше человеческих сил.

— Наверное, я уже не нужен, — сипло выговорил Кратов. — Я лучше уйду...

— Только не слишком далеко, — промурлыкала Озма.

10.

— С чего желаете начать? — осведомился Юзванд, небрежно ткнув носком сапога в металлический чемоданище. — Стрелковое оружие? Ритуальное? Или сразу перейдем к боевым машинам?

— Для затравки — ритуальное, — расслабленно сказал Кратов.

— Напрасно! В поединках оно употребляется крайне редко и, как правило, глубокими старцами, свято чтущими Устав Аатар. Вам не следует рассчитывать, что т'гард Лихлэбр окажется ревнителем традиций.

— И все же...

Дернув плечом, Юзванд откинул крышку и, покопавшись среди разноцветных чехлов и свертков, извлек на свет великолепного качества и неописуемой красоты матово-черный, почти прямоугольный клинок с инкрустацией.

— Это тесак «Танцующий Демон», родовое оружие Азитуэбров, — сказал Юзванд. — Оно изготовлено из редчайшего минерала «Глаз Преисподней», что добывается исключительно на Эхлиамаре и лишь в двух шахтах — Балвеахм и Гигхэбтойф. Форма и дизайн абсолютно соответствуют канонам эпохи Изначального Катарсиса, хотя, разумеется, это не оригинал, а реплика, но, пожалуй, последний экземпляр своего вида... Как и требуют каноны, заточены лишь боковые лезвия, а острие, напротив, скруглено и слегка притуплено с тем, чтобы тесак мог использоваться для копания грунта. Известно, что один из «Танцующих Демонов» был употреблен третьим т'гардом Азитуэбром при рытье окопа во время битвы за город Дгерх. Экземпляром, который я имею бесподобную честь держать в руках, была обустроена могила двенадцатому и последнему т'гарду Азитуэбру... Хотите убедиться в его действенности?

— Каким образом? — изумился Кратов.

— Его грани изострены до такого совершенства, что без труда разрежут пополам даже падающую пушинку. У вас есть клочок какой-нибудь материи?

— Пожалуй, да... — Кратов поднял свою куртку, что не пригодилась в качестве аварийного полотенца для Озмы и теперь небрежно валялась на одной из рассеянных по комнате циновок.

— Вы рискуете навсегда лишиться этого одеяния, — предупредил Юзванд.

— Для чистоты эксперимента ничего не жаль, — фыркнул Кратов.

— Как угодно... — Эхайн проделал «Танцующим Демоном» несколько фехтовальных движений. Клинок запел. — Бросайте!

Кратов метнул скомканную куртку в его сторону.

Черное лезвие, со свистом рассекая воздух, поддело ее снизу. И... ничего не произошло.

Сконфуженный Юзванд опустил тесак и внимательно исследовал тонкую и не слишком чистую после всех приключений ткань.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Как такое возможно? Это какой-то металл? Хотя... «Демон» легко бы разрубил и металл такой толщины!

— Тофиаремр, — спокойно пояснил Кратов. — Синтетический материал, созданный на планете Пимтаэпп, что в звездной системе Тета Хамелеона. Исключительно прочен и устойчив к механическим и прочим воздействиям. Ваше оружие превосходно, и все же я ничем не рисковал.

— Этлауки, — обреченно сказал Юзванд и швырнул ему куртку. — Они любого обведут на ровном месте...

— Опять вы за свое, — вздохнул Кратов. — Итак, «Танцующий Демон» сослужил службу последнему т'гарду Азитуэбру. Если я что-то смыслю в Уставе Аатар, в этом случае родовое оружие должно было разделить последнее ложе со своим хозяином.

— Кроме одного случая, — мрачно заметил Юзванд. — Когда оно досталось правой стороне в Суде справедливости и силы.

— Погодите-ка! Так вы отправили к праотцам двенадцатого т'гарда Азитуэбра, и его оружие, а значит — и все имущество и достояние, а также титул и почести должны были перейти к вам?!

— Не я, — сказал Юзванд неохотно. — Мой дед. Региональная комиссия по Статуту справедливости признала его победу. Но Круг Старейшин отказал в соискании имущественных прав. Недвижимость досталась дому Нишортунн... гекхайану Руки, а титул объявлен латентным.

— Основание?

— Дед много воевал под знаменами Нишортуннов. Он лишился ноги и глаза. Его жена, моя бабка, до его ухода на военную службу родила трех дочерей. А когда дед вернулся домой, то был неспособен к продолжению рода. Однако телесные изъяны не помешали ему кровью взыскать нанесенный личной чести ущерб с двенадцатого т'гарда Азитуэбра...

— Юзванд, — сказал Кратов. — Сегодня утром мне не следовало напоминать вам про отсутствующие кольца. С моей стороны это был скверный поступок.

— Вы не знали подробностей, яннарр Кратов. Многие знают и... тоже не молчат. — Юзванд бережно вернул «Танцующего Демона» в чехол. — А вот еще образчик: ручной трезубец «Ползучий Рок». — Эхайн с воодушевлением подбросил и поймал оружие, напоминающее собой друзу чистого хрусталя на золотой рукояти в форме переплетенных змеиных тел. — Великолепная центровка! Вы можете зашвырнуть его в небеса, подставить ладонь и предаться беседе с товарищем — трезубец непременно вернется к вам рукоятью вперед. Но стоит вам метнуть его в горизонтальной плоскости — три его жала найдут жертву!

— Вы любите оружие?

— Все эхайны любят оружие. Даже дети.

— Дети везде одинаковы. У нас они тоже обожают красивые и ладные цацки. Хотя лично я предпочитал лук и стрелы...

— Тогда вам по вкусу придется боевой арбалет, — сказал Юзванд, откладывая трезубец и расчехляя очередной экспонат. — Модель «Шорох Смерти 25», состоит на вооружении штурмовых отрядов личной гвардии гекхайана Светлой Руки.

Дальность боя при безветренной погоде — четыреста шагов. Если же случится попутный ток воздуха, а вы опытный стрелок и сроднились со своим дружком — то и все пятьсот. Магазин на двадцать пять стрел может быть без затруднений опорожнен в противника в течение трех минут. А еще лучше накрыть атакующую толпу единым залпом... Но, разумеется, боевые действия — не главное применение этого замечательного оружия. Больше всего он гож при ночных диверсионных вылазках, требующих полной скрытности. Интеллектронный прицел не даст вам промахнуться... если, конечно же, вы умеете делать поправки на боевые условия.

— Как еще вооружены штурмовики гекхайана?

— Если вы имеете в виду личное оружие, то весьма разнообразно. — Глаза Юзванда затуманились воспоминаниями. — Метательные ножи десяти видов, как обоюдоострые, так и сугубо колющие, с зазубринами прямого и обратного хода. Я всегда предпочитал «шершень» — им было одинаково удобно что отрезать голову противнику, что доставать занозы из ладоней, а рукоятка очень подходила для откупоривания сосудов с горячительным.

— Кто же был вашим противником, геургут?

Против ожидания, Юзванд не насторожился, не выпустил все колючки. Наоборот, на его лице вызрела блаженная улыбка.

— Был бы полководец, — загадочно произнес он, — а противник найдется.

— Читруны и цмортенги?

Эхайн расхохотался:

— Кто видал живого читруна? Разве что вы, этлауки: вы же души не чаете в самых страховидных и богомерзких тварях. Что же касаемо цмортенгов... Ни другу, ни злобнейшему своему врагу, включая вас, не пожелаю выйти против цмортенга — с прибором ли для вскрытия консервов, вроде «шершня», в полном ли облачении, в тройной броне и с пятью полными боекомплектами, — даже если цмортенг больной и пьяный.

— Драд-двегорш! — процедил Кратов сквозь зубы. — Объяснят мне, наконец, что это за монстры такие?

— Кроме того, бойцы штурмовых отрядов личной гвардии гекхайана имеют при себе: саморазворачивающиеся ме-

тательные сети для лишения врага способности к перемещению, двух модификаций: с когтями и без оных; пластиковые канаты для полного обездвижения врага и личного перемещения в вертикальных плоскостях, для чего упомянутые канаты могут снабжаться самозащелкивающимися крючьями; взрывные устройства для ручного и реактивного метания шестнадцати модификаций, отравляющего, ослепляющего, оглушающего, иного деморализующего воздействия, а также локального и массового поражения...

— Довольно! — возопил Кратов.

— Хха! — ощерился Юзванд. — Вы всерьез полагали, что одного вечера будет достаточно даже для простого перечисления всех видов вооружения, которое мы создавали, шлифовали и оттачивали годами и столетиями?!

— Я полагал, что в Судах справедливости и силы не используется весь ваш арсенал...

— Высший героизм — прийти на Суд с голыми руками. Но это — лишь проявление личной доблести. Статут справедливости не обязывает вашего противника обладать равной с вами доблестью. История знает прецеденты, когда поединщик оказывался с голыми руками против всадника с лучевым копьем.

— А знает ли ваша история прецеденты, когда голая рука одерживала верх над оружием?

Юзванд посмотрел на него оценивающе.

— Такие случаи бывали, — сказал он. — В позапрошлом веке некто Абгаэбр, виллан т'гарда Ирпалми, добился справедливости в поединке с тяжеловооруженным сеньором, будучи оснащен лишь двумя кулаками. Правда, по окончании Суда кулаков у него осталось всего ничего, но имущество и титулы побежденного он таки унаследовал. На вашем месте, яннарр Кратов, я не стал бы возводить это редкостное исключение в правило...

— И что бы вы предприняли на моем месте?

Эхайн отвел взгляд.

— Никто не упрекнет меня в малодушии, — промолвил он. — Но для начала я не стал бы бросать вызов т'гарду Лихлэбру.

— Даже если он оскорбил бы вас так же тяжко, как злосчастный Азитуэбр — вашего деда?

— Азитуэбр был бражник и волокита. Его здоровье было изнурено бесчисленными аристократическими пороками. Наследственность же Лихлэбров еще не успела расшататься настолько, чтобы потребовать вливания новой крови, и третий т'гард Лихлэбр отважен и силен, как это и подобает эхайну.

— Тем не менее, пока у нас — ничья...

— Чему я безмерно удивлен.

— Хорошо, иначе поставим вопрос. Чем может воспользоваться на Суде сам т'гард Лихлэбр?

— Не думаю, что, помогая вам советом, я нарушаю какие-то этические нормы, — сказал Юзванд со вздохом. — При обычных обстоятельствах т'гард явился бы на Суд в облегченном комбинезоне штурмовика с одним-двумя видами холодного оружия. «Шершень», «двойное жало», какой-нибудь стилет... И, возможно, на крайний случай он припас бы портативный энергоразрядник модели «Горний Гнев».

— Но обычными сложившиеся обстоятельства никак не назовешь, не так ли?

— Вы уже знаете? — насупился Юзванд.

Ни черта Кратов, разумеется, не знал, но на всякий случай многозначительно кивнул.

— Вы, верно, уже смотрели последнюю сводку новостей, — продолжал эхайн. — Так что смею предположить, что во изменение сложившегося порядка вещей т'гард Лихлэбр явится по вашу душу на большом самоходном бронемехе «Пожиратель равнин» со спаренными тяжелыми лазерами и восемью ракетами класса «земля-земля».

— Бронемех, — задумчиво сказал Кратов. — Пожиратель, стало быть, равнин... Благодарю вас, геургут. С меня достаточно.

— Что такое? — нахмурился Юзванд. — Мы прошлись только по самым вершкам!..

— ...а меня уже мутит, — слабо улыбнулся Кратов.

— Но вы же говорили, что с детства любили оружие!

— Не «с детства», — поправил Кратов, — а «в детстве». Огромная смысловая разница. Возможно, я был неточен в пе-

реводе на «эхойлан»... Люди обыкновенно взрослеют и оружие больше не любят. Их предпочтением становится техника для созидания.

— Странно, — промолвил Юзванд. — Выходит, мы — дети в большей степени, чем вы, люди?

— Вы раньше нас вышли в космос, — заметил Кратов. — Я не слишком сведущ в вашей истории, но, быть может, вы опередили нас еще в чем-нибудь. Но вы все еще обожаете ладные и красивые цацки. Вы соблюдаете древние традиции, что простираются в ваше высокотехнологическое общество из родоплеменной древности. Вы следуете раз и навсегда заведенным обычаям и ритуалам. Вы живете напоказ, не упуская ни единого случая продемонстрировать уверенность и силу, будь то истинная сила или только видимость ее.

— Гнусный этлаук! — проскрипел Юзванд. — Кто дал вам право?..

— Я не хотел вас оскорбить, — Кратов упреждающе выставил ладонь.

— Но вы сделали это!

— Когда вы, геургут, привыкнете к тому печальному факту, что мы — представители разных культур? И что меня труднее вывести из равновесия, нежели вас? Все это время вы сами непрерывно оскорбляли меня, мою расу, мою культуру, а я терпел и улыбался. Отчего, вы думаете?

— У вас не было выбора, — надменно сказал Юзванд. — Вы на чужой территории, и я — сильнее.

— Ну что ж, с первым я согласен, — мягко сказал Кратов. — Знаки вашего гостеприимства я ценю, в особенности — вашего дорадха. Что же до второго... Не забывайте, что этим вот не так чтобы большим кулаком я завалил т'гарда Лихлэбра.

Юзванд следил бешеным желтым взором за его манипуляциями.

— Это была случайность! — сказал он упрямо.

— Это была не случайность, — возразил Кратов. — Если вы действительно что-то значите в масштабах своего департамента и приобщены к достоверной информации, то должны знать, что военные победы эхайнов на галактических фронтах всегда одержаны над мирным населением. И всюду, где те же

люди давали вам сдачи, они побеждали. Мы сильнее вас. Извините мне мое мальчишество, но даже я — сильнее. Просто мой кодекс диктует мне сдержанность и терпимость в общении с вами... капризным несмышленышем. А вас удивляет, что у этлауков тоже есть кодексы поведения?

— Об этом никто мне не говорил, — буркнул Юзванд.

— Да у нас еще больше кодексов, чем у вас! И нигде не сказано, что тот прав, у кого кулак крепче... — Кратов вдруг хихикнул: — Зато в одном своде правил говорится: «Никогда не спорь с дураком — люди могут не заметить между вами разницы».

— Это мы — дураки?! — лицо Юзванда пошло пятнами.

— Вы далеко не дураки, — возразил Кратов. — Вы — очень шустрые, сообразительные ребятишки. Но мы — старше. Мы можем относиться к вашим шалостям в Галактике со снисхождением. Мы терпеливы. Вы же у нас младшенькие...

— Что это значит? — с негодованием вскричал эхайн, занося кулак над столиком.

— Мы братья, Юзванд, — произнес Кратов. — Мы братья...

«Столику конец, — подумал он мельком. — Потом наступит черед окон и стен. Но терминал я ему не отдам».

— Один мой брат погиб при штурме крепости Аггет, когда мне было десять лет от роду, — недоумевающе дернул плечом Юзванд. Кулак замер в сантиметре от столешницы. — Другой еще ходит пешком под скамейку. Что вы имеете в виду?

— Это метафора, — пояснил Кратов. — А вы должны уметь мыслить метафорами. Ваши уставы и кодексы по большей части составлены из метафор.

— Драд-двегорш, — устало обронил Юзванд, разжимая пальцы. — Я не умею мыслить метафорами. А если и умел, то уже разучился. В вашем обществе я тупею... или начинаю сознавать собственную тупость. У меня от вас мозги скоро вскипят и полезут из ушей. Позвольте мне удалиться...

Кратов вдруг сообразил, что Озма до сих пор не появилась из бассейна.

— Кстати, — спросил он нарочито небрежно. — Как теперь поступать с этим вашим... дорадхом?

— Возьмите его за шкварник и суньте обратно в сосуд, — посоветовал Юзванд, укладывая свой багаж. — Плотно закройте крышку, чтобы ваши крики не потревожили его сон. Напуганный дорадх ни к чему не годится.

— С чего вы взяли, будто я стану кричать? — насторожился Кратов.

— Не обязательно вы. Это может быть и ваша самка.

— Не называйте эту женщину самкой! — потребовал Кратов.

— Я и вас не называю мужчиной! — удивился эхайн. — Но после дорадха ваша... спутница непременно пожелает продолжения.

— Непременно? — озабоченно спросил Кратов.

— И в изобилии, — кивнул Юзванд. В его лице и голосе не было и тени насмешки. — Дорадх сделал свое дело. Теперь ваш черед доказать, что вы способны удовлетворить... женщину не хуже мелкого домашнего животного.

11.

— Когда я была маленькая, совсем девочка, у меня была *бестиола*... зверек. Я звала его — *ланулус*,.. пушок... пуховик...

— Пушистик, — наудачу подсказал Кратов.

— Да, пожалуй... Помню, что он был пушистый, с большой головой, длинным хвостом и треугольными черными ушками.

— Кошка, — предположил Кратов.

— Вряд ли, на Магии кошки — большая редкость, это же не Эльдорадо, не Земля. Что я, по-вашему, не знаю, что такое кошка?.. Потом я выросла и забыла про пушистика. А потом вдруг вспомнила и стала всех спрашивать, но никто не понимал, о чем идет речь, ни мама, ни отец, ни сестры...

— У вас есть сестры?

— Да, и обе намного старше меня.

— Тоже певицы?

— Вы будете смеяться, но в нашей семье лишь я обладаю музыкальным слухом. Отец говорит, что это божий дар, который ангелы уронили по дороге не на ту голову... Но не сбивайте меня своими вопросами!

— Я обожаю задавать вопросы. Хотя иногда мне удается просто слушать.

— Вот и попытайтесь. Я хочу рассказать вам про своего пушистика, потому что это — самая большая загадка, что мучит меня все эти годы. Как может быть, что я помню его, а другие даже не понимают, о чем я говорю? Не могла же я выдумать себе друга! Он был вот такой, — Озма нешироко развела ладони, — и голова у него была, как у младенца, большая, круглая, покрытая мягкой светлой шерстью. Эту голову хотелось гладить между ушек и прижимать к себе в порыве нежности... Материнский инстинкт, не правда ли?

— Правда.

— Мне было лет пять-шесть, не больше. И друзей у меня было немного. Я еще не пела, а только слушала музыку и удивлялась, когда другие, подпевая или наигрывая, фальшивили. Для меня это было странно, а порой страшно злило, и я вела себя как маленький чертенок. И тогда у меня появился пушистик. Он спал у меня в ногах, а если я хотя бы ненадолго устраивалась в кресле или на диване с книжкой, он вспрыгивал ко мне на колени, требуя внимания и ласки. Я гладила его по голове и переставала быть вредным чертенком. Я уже не злилась на тех артистов, что пели с экрана эту ужасную народную музыку...

— Популярную, — осторожно поправил Кратов.

— Ну да... И даже на оперных вокалистов, что пели мимо нот. Я просто хихикала над ними исподтишка, мои эмоции становились мягким и пушистыми, потому что пушистик лежал у меня на коленях и довольно урчал. А когда я уж очень усердно занималась своими делами, читала или рисовала, он требовательно клал свою лапку мне на руку и заглядывал в глаза. При этом его черный носик-кнопка шевелился, будто пушистик хотел что-то сказать, но не знал нужных слов. А если это не помогало, он начинал с урчанием лизать мне руку. У него был розовый влажный язычок, обычно очень нежный, а если пушистик сердился, то похожий на мелкую терку. Приходилось откладывать свои занятия и гладить его по голове. Но самое смешное происходило по ночам. Пушистик подбирался к моему лицу и начинал лизать мои лоб и щеки. Тогда я укрывалась с головой — а зверек залезал под одеяло, не оставляя попыток умыть меня, — и тихонько напевала ему какую-нибудь песенку. У меня была своя комната, и никто не слышал этих концертов. Потому что я пела порой самые ужасные вещи. Хорошо еще, если это была мамина колыбельная или ариетта принцессы из «Звездных войн»... Но ведь это могло быть, *хоррибле когиту*, нечто безобразное: «Возьми меня за обе щеки» или «Склеил я красотку, а она мужик»!

— Никогда не слыхал, — смущенно признался Кратов.

— У вас было правильное музыкальное воспитание. А ведь я росла в Сиринксе, а это маленький рыбацкий поселок, где нравы были не то чтобы просты, а упрощены до предела.

Отец спокойно сквернословил в присутствии детей и матери. Дядя Феликс был *бибакс*... злоупотреблял горячительным... я правильно говорю?

— Наверное, — сказал Кратов без особой уверенности.

— Мой отец был *пискатор*... рыбак. Все мужчины моей семьи были рыбаками. По вечерам отец приводил свой комбайн из моря...

— Подождите, — сказал Кратов. — Если не секрет... что вы называете морем?

— Море — это часть водной поверхности, почти со всех сторон ограниченная сушей, — ехидно изрекла Озма. — Сиринкс стоит на берегу моря Фурвус, но, полагаю, все остальные моря ничем не отличаются. Темно-зеленая органическая взвесь, а под ней — тугой покров из водорослей.

— А часто ли тонут в вашем море?

— В нашем море не тонут! — отчеканила Озма. — Вы шутите? Мы по нему с острова на остров ходили на лыжах! Не понимаю — как вообще можно утонуть, если умеешь плавать?!

— Да запросто! — засмеялся Кратов. — Нахлебался соленой воды, и лапки кверху...

— Ну, не знаю, — сказала Озма с сомнением. — Соленой воды... где взять столько соли?

— Ладно, пропустим это. А что делал ваш батюшка со своим комбайном в море?

— Разумеется, ловил рыбу. Я уже говорила: все мужчины — рыбаки.

— Отлично, — сказал Кратов. — Что вы называете рыбой?

— Такое холоднокровное, покрытое чешуей животное, — не без раздражения промолвила Озма. — Оно дышит растворенным в воде кислородом. У него есть жабры и *пенне*... плавники... — Кратов согласно кивал в такт ее словам. — Когда они совершают миграции, движение на дорогах надолго замирает.

— Миграции! — простонал Кратов. — По суше!

— Не по суше, — поправила Озма, — а по воздуху. — Кратов всхлипнул. — Но очень низко. Это же рыбы!

— Превосходно, — сказал Кратов упавшим голосом. — Я был на Уэркаф, на Церусе, на Сарагонде и в прочих удивительных местах... как выяснилось недавно — даже на Юкзаане, но я никогда не был на Магии. Где ходят в море на комбайнах, предупредительно уступая дорогу мигрирующим стаям рыб. Помилуй меня, господи. На чем мы остановились?

— Я не помню, — чистосердечно призналась Озма. — *Нугэ*... неважно. В поселке не было даже школы, и мы, полтора десятка детей всех возрастов, на ярко раскрашенном роллобусе каждым утром отправлялись в Элуценс. А это был уже совершенно иной мир, это был островок Земли, это была цивилизация!.. Так что я напевала пушистику все, что слышала вокруг себя. И он успокаивался и засыпал у меня под боком, но я не всегда прекращала петь. Потому что эти жуткие мелодии продолжали звучать в моей голове, и я отчетливо видела все разрывы и неточности в композиции — тот, кто сочинял их, понятия не имел о мелосе и гармонии. А я не только видела эти провалы, я понимала, как их заполнить или исправить! И я делала это по ночам, в обнимку с пушистиком.

— Это был кролик, — сказал Кратов.

— Кролик? — озадаченно переспросила Озма.

— Такой грызун с длинными ушами.

— *Лепускулус*... э-э... зайчик?

— Нет, — Кратов страдальчески напряг память и во внезапном просветлении воскликнул: — *Купикулус*! Сударыня, вы действуете на меня благотворно. Я начинаю вспоминать студенческую латынь.

— Это не мог быть *купикулус*, — возразила Озма. — У него был длинный хвост...

— Вы не говорили про хвост! — возмутился Кратов.

— И кролики не урчат... впрочем, не знаю. Но слушайте дальше. Однажды вечером, кажется — под Рождество, — мы всей семьей собрались в гостиной, и дядя Феликс был, и дядя Лукас, которого я почти не знала, и тетушка Эрна... Происходило обычное, незамысловатое рыбацкое веселье. Дядя Феликс быстренько злоупотребил и уснул на диванчике. А все остальные запели «*Вириде велум*»... «Зеленый парус»... это такая старая рыбацкая баллада, очень длинная, очень заунывная

и очень красивая. Я не могла слышать, как они уродуют своими несуразными голосами очаровательную мелодию. Я ушла к себе в комнату, забилась в угол и собралась зареветь. Но пришел пушистик, вспрыгнул ко мне на колени и ткнулся влажным своим носом в мою разбухшую от едва сдерживаемых слез носяру. Это было так смешно и мило, что я сразу расхотела реветь. Больше того, я вдруг обрела невероятную смелость. Как будто это не дядя Феликс, а я перепила какой-нибудь дрянной спиртовой смеси, и мне все море сделалось по колено! «Пойдем покажем им!» — сказала я пушистику. Но он не захотел идти со мной. Спрыгнул с колен и вскарабкался на шкаф, куда всегда прятался, если хотел стать недосягаемым.

— Да, пожалуй, это не кролик, — покивал Кратов.

— Теперь вообразите себе *натура-морте*, — захихикала Озма. — Очень веселая компания с налитыми кровью глазами и... м-мм... *кум персоллис рубикундис*...

— Что, что?! — переспросил Кратов.

— Ну, вот такие лица... — она надула щеки, развела ладошки пошире и потешно выпучила глаза. — Большие и красные... Как это сказать литературно? Морды?

— Ну, вряд ли, — сказал Кратов с сомнением. — Может быть, физиономии.

— Так вот, весь этот форум как умеет поет... если так можно назвать... «Вириде велум». И тут с грохотом распахивается дверь, на пороге возникает шестилетняя *виргункула*... пигалица с выражением крайней решимости на лице и негодующе вопит: «*Баста*! Замолчите все! Что вы делаете? Вы неправильно поете!» Отец мигом нахмурился и собрался уж было прогнать меня черным словом, но незнакомый дядя Лукас остановил его. «Хорошо, *пискатрикс*... рыбачка, — сказал он, усмехаясь. — Покажи нам, как надо петь правильно». И я спела им «Вириде велум», как нужно было петь. Ведь я десятки раз пела его по ночам пушистику и знала, как правильно... И это был первый раз, когда я пела на людях.

— И чем кончилось?

— Тем, что дядя Феликс проснулся, попытался встать и свалился с дивана, — хихикнула Озма. — Что и разрушило

мистический ореол над случившимся. Мама потом говорила, что если бы он не свалился, то она встала бы на колени и начала молиться. А так все обошлось. Отец смахнул слезу и ушел на улицу курить. Тетя Эрна стала бранить дядю Феликса, но без большой злобы. А дядя Лукас лишь обронил: «Не бывать тебе *пискатрикс*, милая...» И он оказался прав. Через неделю отец отвез меня в Элуценс, на прослушивание в музыкальный колледж. Среди изысканных барышень он выглядел пришельцем из другого мира и страшно смущался, отчего нагрубил всем, кого встретил по дороге, включая директора колледжа. К нему относились снисходительно. А после прослушивания директор пригласил нас к себе домой на обед, и отец уже ему не грубил, а внимал, как дельфийскому оракулу...

— А что же пушистик?

— Он подолгу оставался дома один, потому что я проводила в колледже весь день с утра до вечера. Мне уже не было нужды петь под одеялом. Если собирались родные, то я пела им и «Зеленый парус», и «Пустые трюмы», и «Разрушенный маяк». И уже не сердилась на них, если они смущенно пытались подпевать. И скоро пушистик исчез... К стыду своему, тогда я не слишком горевала. Это сейчас мне невыносимо грустно даже думать об этом, и хочется плакать от одной мысли о своем предательстве. Ведь это пушистик научил меня петь, а я даже не знаю, кто он был. — Озма потерла кулачком покрасневшие глаза. — Все же я самая настоящая *дефектрикс*! Никогда не могу сберечь то, что мне дорого. Все, что я люблю, от меня рано или поздно уходит. Пушистик ушел. Единственный человек, с которым я готова была прожить всю жизнь — ушел...

— Расскажите мне про этого негодяя! — потребовал Кратов.

— Это не смешно, Константин.

— А разве я смеюсь? Если так будет продолжаться, я зареву вместе с вами...

— Он появился после одного моего концерта на Титануме. Он был невыносимо красив... В нем было нечеловеческое достоинство. И от него исходила волна детской любви, на которую хотелось ответить. Он подарил мне какие-то удивительные цветы... я таких не видела ни прежде, ни после... они стояли в вазе

почти месяц, пока не завяли... и вот это кольцо. — Озма слабо шевельнула безымянным пальцем левой руки. — Он попросил называть его «Шорти», то есть — «коротышка» по-английски, и ничего более не подходящего этому доброму и прекрасному великану нельзя было придумать. Мы провели вместе фантастическую ночь...

— А наутро он исчез, — докончил Кратов.

— Угу. Может быть, это пушистик в человеческом облике приходил меня навестить? Убедиться, что со мной все хорошо?

— Все-таки ваш пушистик был кошкой, — сказал Кратов. — Только это была очень добрая и умная кошка. Все кошки умные, но по-своему, по-кошачьи, отчего мы их не всегда понимаем. Вам встретилось редкое исключение: кошка умная по-человечески.

— На Магии очень мало кошек, — шмыгнула носом Озма. — Я вот сейчас думаю: может быть, это был дорадх?

— Угу, — глубокомысленно промычал Кратов. — Летели мимо эхайны и обронили дорадха... Это была кошка или какой-нибудь местный зверек. Что, у вас не бывает ручных зверьков?

— Отчего же, — сказала Озма. — *Плюмигер*, у которого перья растут сквозь чешую. И он ест все, что добрые люди выбрасывают, этакая ходячая система утилизации отходов. Согласитесь, что не очень-то его погладишь по головке. И уж ни за что не пустишь к себе под одеяло!

— Пожалуй, — согласился Кратов. — А вы слыхали про домовых?

12.

Глубокой ночью, когда Озма давно уже утихомирилась в своей спаленке (то есть перестала капризничать, перебирать блюда за небогатым ужином, распевать фривольные песенки на новолате и каждую минуту срываться проведывать дорадха в его стеклянном узилище), когда на черно-бархатном небе над черно-хрустальным океаном разложились узоры чужих созвездий, Кратов на цыпочках прокрался к терминалу и наугад включил один из полутора десятков развлекательных каналов.

Посреди узкой, запакощенной улочки, чудом втиснутой между сырыми стенами грубой каменной кладки два типа в одинаковых (так, по крайней мере, показалось Кратову!) долгополых черных плащах садили один по другому из ручных энергоразрядников. Возможно, модели «Горний Гнев». Вопреки всем известным Кратову спецификациям, при каждом залпе оружие издавало страшный лопающийся звук. Самым удивительным было то, что поединщики никак не могли попасть в цель с расстояния в от силы двадцать шагов. Спустя какое-то время к веселью присоединилось еще человек по десять с каждой стороны, и улочка превратилась в сущий ад. И это сразу перестало походить на Суд справедливости и силы, в котором, как известно, всегда участвуют двое («ездовых животных в расчет числа поединщиков брать не надлежит», — сурово присовокуплял Статут справедливости).

Временами во весь экран возникали перекошенные ненавистью рожи, изрыгавшие невнятные команды пополам с чудовищной руганью. За одну-две минуты Кратов удесятерил свой запас ненормативной эхайнской лексики, по сравнению с которой уже привычный «драд-двегорш» казался щебетанием светской барышни. В кого-то наконец попали, причем последствия были самыми ужасными — грудь пораженного не

украсилась аккуратным отверстием с оплавленными краями, как следовало бы ожидать, а взорвалась кровавыми брызгами и едва ли не вывернулась наизнанку! Кратов сглотнул, отгоняя тошноту. Он должен был признать, что при всей своей мерзости это зрелище не лишено было некой варварской эстетики!

Внизу экрана ожила и заплясала полоска вычурного текста, который на сей раз был вполне разборчив. Зрителю предлагалось быть у своего терминала завтра об эту же пору с тем, чтобы насладиться продолжением приключенческого сериала «Векхешу — векхешья смерть». Затем его, зрителя, попросили за призовое вознаграждение угадать, будет ли смертельно ранен этой ночью некий Агсахах Скотина или же нет.

А в левом верхнем углу экрана болтался знакомый уже значок: воздушный шарик, проткнутый двумя стрелками.

Кратов внезапно ощутил себя таким же шариком, который неласково проткнули и выпустили весь воздух.

Улица, освещаемая сполохами перестрелки, свернулась в тугой узел и сгинула, а на ее место явилась объемная карта местности, по которой двигались крохотные фигурки, а кое-где поднимались аккуратные столбики черного дыма. Проступившее сквозь картину женское лицо с озабоченным выражением выпалило скороговоркой несколько фраз, а возникший из ничего указующий перст сопроводил ее слова тычками в различные возвышенности и скопления игрушечных домиков, которые сразу же занялись язычками пламени. В этой словесной трескотне с трудом угадывались знакомые слова: «Гверн... мятежники... танковая атака... огромные потери... нет повода для паники...»

Без какого-либо перехода информационная врезка пропала, и неутомимые труженики «Векхешьей смерти» продолжили любимое занятие.

• Кратов выключил терминал.

Несколько минут он молча сидел в полной темноте, собираясь с мыслями.

Он только что сделал два неприятных открытия.

Во-первых, та видеозапись, что подсунули ему Агбайаби и Понтефракт в качестве наглядной демонстрации Суда спра-

ведливости и силы, была фрагментом какого-то игрового сериала. О чем свидетельствовали значок в левом верхнем углу экрана и текстовая реклама в виде бегущей строки.

Отсюда следовало, что многие, если не почти все представления об эхайнском менталитете зиждились на их развлекательной субкультуре для невзыскательного потребителя.

Отсюда следовало, что свирепость и кровожадность эхайнов были здорово и, хотелось надеяться, неумышленно преувеличены.

Отсюда следовало также, что в подготовке носовской агентуры для засылки в Эхайнор были допущены фатальные просчеты.

И, во-вторых, что т'гард Лихлэбр, дабы избегнуть наказания за какие-то неясные Кратову прегрешения перед властвующим двором, сначала похитил Озму в надежде спровоцировать военную операцию Федерации против своего сюзерена. А когда это не удалось, поднял вооруженный мятеж.

Обычное для Эхайнора дело. «Кто же был вашим противником, геургут?» — «Был бы полководец, а противник найдется...»

13.

— Вы удивлены? — строго спросила Авлур Этхоэш Эограпп, супер-женщина и супер-директор, иначе — геобкихф Департамента внешней разведки (правда, всего лишь второй).

Она была облачена во все ту же бесформенную пелерину (униформа женского персонала спецслужб?), но сейчас от нее пахло чем-то вроде только что приготовленного салата из огурцов. Возможно даже, со свежей редиской и укропом...

— Удивлен, — согласился Кратов, про себя исходя желудочным соком. — С того момента, как я очутился в Эхайноре, я только и делаю, что удивляюсь. Но вы, янтайри, очевидно, имели в виду вполне определенный контекст, не так ли?

— Именно так. Я имела в виду: не удивило ли вас мое приглашение прогуляться по Садам Равновесия.

— И это — в том числе...

Они находились в очень странном месте.

Это было закрытое помещение, напоминавшее гигантский стеклянный пузырь, чьи стены являли собой мозаику из фрагментов разной величины и всех цветов радуги. Проникавший снаружи насыщенный желтый свет преломлялся и рассеивался самым фантастическим образом. Уже одно это превращало окружающее в камеру чудес, а тех, кто в ней находился — в ее странные экспонаты. Но, вдобавок ко всему, сверху, сбоку, прямо из крупного галечника, которым с выдумкой и неким скрытым смыслом выложены были полы, то есть — отовсюду, тянулись и причудливо сплетались в сияющее облако бесконечно долгие стебли, усы и плети. Словно принадлежавшие непомерно разросшейся гигантской омеле, они целиком состояли из таких же разнокалиберных осколков полупрозрачного стекла, где отшлифованных, а где и опасно изостренных, и даже зазубренных. Так что тем, кто неспешно прогуливался извилистыми тропинками, присыпанными тя-

желым песком цвета охры, приходилось пребывать в состоянии полного внимания с тем, чтобы ненароком не пораниться о случайно спустившийся к самому лицу побег. Побеги эти трепетали в потоках прохладного воздуха и временами издавали едва слышный мелодичный перезвон. «Озму бы сюда, — подумал Кратов. — Уж она наверняка уловила бы в этом скрытую мелодию и мигом приручила бы ее своим голосом... Если это — дело рук эхайнских, я могу лишь снять перед неизвестным мастером шляпу. А если что-то живое, то даже знать не хочу, чем его подкармливают».

— В каждом эхайнском доме есть свой Сад Равновесия, — сказала Эограпп. — У нас нет религии в вашем понимании. Мы верим в то, что эхайном могут овладеть демоны — хотя, в зависимости от образованности, вкладываем в это понятие разное содержание. Мы верим, что на эхайна может снизойти благодать небес. Наша религия проста: между темной и светлой сторонами души должно быть соблюдено равновесие. Если возобладает темная сторона, эхайн окажется во власти буйных страстей, и тогда рано или поздно демоны увлекут его за собой. Если одержит верх светлая сторона — такой эхайн не сможет защищать свою честь и свой род, он будет слишком рефлексивен для этого. Прежде, во времена жестокие и смутные, равновесие не соблюдалось. Эхайны готовы были истребить самих себя. Теперь мы живем в постоянном самоограничении, которое единственно может уберечь нашу цивилизацию от демонов. Мы строим свои дома из хрупких материалов, которые можно разнести вдребезги одним ударом кулака — но не делаем этого. Вгоняем самих себя в узкие границы совершенства. Мы не молимся высшим существам, как вы, люди. Взамен мы размышляем о душе в Садах Равновесия, где нельзя давать волю сильным эмоциям.

— Я не религиозен, — сказал Кратов. — Всякая религия вызывает у меня больше вопросов, чем дает ответов. Когда мне требуется восстановить душевное равновесие, я читаю стихи...

— Сделаем необходимые уточнения, — проговорила Эограпп, прикрыв глаза. Мышцы ее рук, в обманчивой безмятежности сложенных на груди, заметно напряглись. Стеклян-

ные побеги-лезвия, едва не касавшиеся снежно-белых волос, тревожно звенели. В эмо-фоне эхайнки не оставалось никаких ясно различимых составляющих, кроме ослепительного и невесть чем вызванного гнева. — Пусть вас не вводит в заблуждение наша лояльность по отношению к вам и вашей спутнице. При иных обстоятельствах обращение с вами было бы совершенно иным. Вы находитесь под защитой Статута справедливости — не более того. К тому же, на территории любой иной Руки, за исключением Светлой, даже это не помогло бы вам избежать больших неприятностей. Мы, Светлые Эхайны, достаточно серьезно относимся к традициям — чего уже не сыскать в других уголках Эхайнора. Для нас это один из способов сохранять равновесие разума и духа, а значит — выжить индивидуально и сохранить нацию в тех условиях, когда ей угрожает гибель.

— Что означают ваши слова, янтайрн?

— А чем, яннарр, вы удивлены на сей раз?

— Например, тем, что слышу подобные рассуждения из уст представителя высшего руководства спецслужбы.

— Сильно ли вас удивит то, что я по образованию — ксенолог?

— Безмерно, — признался Кратов.

— Хха! — Вырвавшийся у этой женщины типично эхайнский возглас высокомерия прозвучал довольно забавно. — Вы, наверное, думали, что в Эхайноре не существует ксенологов.

— Скажем иначе: я часто упускал это вполне естественное обстоятельство из виду...

— Точно так же вы полагали, что в Эхайноре нет женщин и детей?

— Здесь я должен буду вам возразить, янтайрн. Хотя признаю, что в Федерации есть люди, для которых это будет открытием.

— Я женщина. У меня двое детей — две девочки. Все мои мужья этим недовольны, но мое общественное положение дает мне право пренебречь их мнением... И я ксенолог.

— По нашим понятиям, женщина-ксенолог — еще большая диковина, нежели эхайн-ксенолог... Что вы оканчивали, янтайрн?

Угрожающий перезвон понемногу утихал, а с ним угасала и с трудом смиряемая эхайнкой вспышка ярости.

— Вхилугский Университет галактических технологий. Если вам известно, Вхилуг — это территория нкианхов.

— Мне это известно, — смущенно засмеялся Кратов. — Это значит, что ваше образование более фундаментально, нежели мое. За моими плечами — всего лишь Сан-Марино.

— Образование не тождественно квалификации. Я никогда не была практикующим ксенологом. Предел моих профессиональных успехов — работа в представительстве Эхайнора в... одной из галактических цивилизаций, дольше других питавшей к нам дружеские чувства — после того, как по известным причинам все прочие от нас отшатнулись. Так что я не стала бы сравнивать. Из этой моей невинной похвальбы следует лишь то, что мы можем разговаривать на одном языке — кстати, я владею интерлингом! — соблюдать некоторые цеховые соглашения и позволять себе в этой беседе чуть большую широту взглядов, чем принято в Эхайноре.

— Но, наверное, мне не стоит забывать, что вы — разведчик? — уточнил Кратов.

— Пожалуй. Но ведь всякий ксенолог — отчасти разведчик.

— В определенном смысле. И даже есть сходство в методах. Цели — различны. Ксенолог не охотится за стратегическими секретами. Как правило... И уж никогда перед ним не стоит задача нанести ущерб. В отличие от Департамента внешней разведки или той службы, которую на Эльдорадо с блеском представлял т'гард Лихлэбр...

— Светлая Рука Эхайнора не желала бы рассматривать Федерацию в качестве врага, — прикрыв глаза, раздельно произнесла Эограпп.

Кратов помолчал. «Я снова удивлен», — кротко подумал он.

— Это официальное заявление? — наконец осведомился он.

— Нет. Это всего лишь неафишируемая позиция властвующего дома Нишортунн, которую вам следует знать. И, если угодно, общественные умонастроения.

— Чем же тогда объяснить нападение на «Равенну»?

— Эхлиамар изначально был против всяких военных акций. Но он действительно связан с Эхайнуолой отношениями

вассалитета — как верно вы подметили в первой же беседе с младшим геургутом Юзвандом. И дело даже не в Уголовном уложении, хотя и в нем — тоже. Для нас невыносимо состояние, когда внутренние нормы вступают в противоречие с традиционными обязательствами... Мы способны рассуждать здраво и понимаем, что нет причин, по которым мы должны враждовать с Федерацией. И уж тем более — противопоставлять себя всему Галактическому Братству. Это самоубийственная политика, проистекающая из древних заблуждений. Но в настоящее время Нишортунны не в силах изменить это неестественное положение. И поэтому Светлые Эхайны, испытывая мучительную двойственность, вынуждены участвовать в этой нелепой войне... Нападением на ваш пассажирский лайнер руководил адмирал Вьюргахиxx из штаба, расположенного на Эхайнетте, а это — Черная Рука. Там свои представления о законе и чести. Оттуда осуществлялось наведение на цель, а штурмовому отряду Светлых Эхайнов была дана ложная информация о военном характере цели. Тогда мы еще не знали, что у Федерации не существует военных космических объектов.

«Верно, — подумал Кратов. — В ту пору — не существовало. А после этого нападения за дело взялся Эрик Носов...»

— А Форпост? — спросил он вслух.

— Заброшенный всеми галактический маяк? Вам его действительно жаль?!

— Когда-то я бывал на Форпосте, — заметил Кратов. — Не скажу, что мне там сильно понравилось, но после вашей операции оживленная галактическая трасса лишилась важного ориентира.

— По моим сведениям, персонал маяка не пострадал, — сухо заметила женщина. — И, в конце концов, должны же мы были как-то обозначить свою активность перед Георапренлукшем?!

— Мне кажется, т'гард Лихлэбр прекрасно сделал это на Эльдорадо...

— Дался вам т'гард Лихлэбр! — рявкнула Эограпп. — Этот выскочка и авантюрист, для которого закон — ничто! — Некоторое время женщина молчала, хотя ее ноздри раздувались от едва сдерживаемого гнева. Ее рука вскинулась ко лбу,

чтобы отстранить чересчур низко спустившуюся стеклянную плеть, а когда вернулась в прежнее положение на груди, по тыльной стороне ладони пролегла алая ниточка пореза. Наконец эхайнка заговорила прежним спокойным голосом: — Безусловно, не все Светлые Эхайны тяготятся существующим двусмысленным положением. В силу своей необразованности или по каким-то личным мотивам... но и на Эхлиамаре есть силы, желающие участвовать в бессмысленном конфликте, даже победить в котором не представляется возможным. Как правило, это молодые парвеню из бедных аристократических семейств. Те, что всерьез рассчитывают расширить свои владения за счет галактической экспансии.

— Почти все члены Галактического Братства ведут политику экспансии, — пожал плечами Кратов. — Для этого и существует та же Звездная Разведка.

— В силу не лучших свойств менталитета эхайны не имеют склонностей к тому виду экспансии, который вы имеете в виду. Вы ищете свободные планеты с подходящими для жизни условиями или полезными естественными ресурсами. Затем долго и кропотливо их колонизируете, вкладывая в преобразования атмосферы и ландшафта громадные затраты. Для вас это — естественный процесс, которому нет альтернативы. И никому не приходит в голову, что можно взять уже готовое силой. Кроме эхайнов...

— Ну, через эту детскую болезнь «большого хапка» прошли практически все цивилизации!

— Наверное — хотя, глядя на вас, в это трудно поверить...

Кратов смущенно хохотнул.

— Знали бы вы нашу историю, янтайрн! — сказал он.

— Кое-что я знаю, — кивнула Эограпп, досадливо разглядывая дорожку подсыхающей крови на запястье, обвитом вычурным хрустальным браслетом в форме цветка. — Но вы одолели эту болезнь, а мы до сих пор не выздоровели. Хотя по меньшей мере Светлые Эхайны честно пытаются это сделать. В Эхайноре нет ни специалистов, ни флота для мирной экспансии. Мы не имеем технологий терраформирования. У нас почти нет ксенологов, потому что уставы и кодексы утверждают исключительность эхайна как носителя разума.

— Значит, я для вас — неразумное животное?!

— Именно так. И поверьте: даже мне, ксенологу, трудно бороться с подознательным предубеждением. Вы отвратительно низкорослы. У вас дряблые мышцы, не знавшие настоящих военных походов, а ваши руки никогда не сжимали влажного от вражеской крови приклада. У вас тусклый взгляд, в котором не горит огонь священного гнева, что согревает кровь в жилах и заставляет учащенно биться сердце... Достаточно?

— Вполне.

— При всем том, что я совершенно точно знаю: значительная часть моих предубеждений — ошибочна. Вы прекрасный боец даже по эхайнским меркам. И оружие вам не в диковинку. А коэффициент умственного развития неоспоримо выше, нежели у большинства эхайнов, не исключая меня...

— Вы слишком добры, янтайрн.

— К вам, этлауку?! Хха! Я просто констатирую факты, хотя душа моя трепещет от боли. Еще одна болезненная двойственность... Но я способна признавать объективную истину. И геакетт Кэкбур способен. Т'литт Гтэрнегх — нет. Т'гард Лихлэбр — нет. Так что не питайте иллюзий и будьте бдительны, яннарр.

— А как насчет Нигидмешта Нишортунна?

— Гекхайан слишком... — женщина помолчала. — Слишком далек, чтобы открывать мне свои мысли. — Она снова взглянула на свое запястье с браслетом-цветком. Возможно, среди лепестков укрывались часы. — Наша беседа подошла к концу, яннарр. Но в дальнем углу сада вас ждет геакетт Кэкбур. Постарайтесь дойти, не поранившись. Впрочем... — Эограпп усмехнулась. — Вам, с вашим безупречным самоконтролем, это не грозит.

— Благодарю вас, янтайрн. Я многое узнал...

«Ни черта я не узнал, — прибавил Кратов про себя. — Только еще больше запутался!»

— Я лишь хотела довести до вас нашу озабоченность развитием конфликта, — сказала Эограпп. — Все не так просто, как видится со стороны. И, если я упустила отметить это раньше: вы в очень сложном положении.

— Подозреваю, что так и есть. Правильно ли я понял, что властвующий дом Нишортунн ищет моей поддержки в разрешении этих надуманных противоречий?

— Неправильно. Напоминаю, что вы живы лишь благодаря Статуту справедливости. Вас ждет ритуальный поединок с одним из лучших бойцов Эхлиамара. У вас нет пути к отступлению, только вперед, на ристалище. Соображения здравого смысла и общественной значимости подсказывают, что Департамент внешней разведки должен устроить ваш побег. Вдобавок, это был бы жест доброй воли... Но мы пленники традиций, а значит — нам нет смысла рассчитывать на вашу поддержку.

— И все же вы приглашаете меня в Сады Равновесия, — заметил Кратов. — Ведете со мной дипломатичскую беседу...

— Это означает, что ни Кэкбур, ни я не склонны вас недооценивать. Существует один шанс из ста, что вы одержите верх над т'гардом. И глупо было бы пренебречь такой громадной вероятностью!

— Наверное, теперь ваш черед удивляться, янтайрн, но я оцениваю наши шансы как равные.

— Полагаю, что вы имеете на то свои причины... Но даже если вы уцелеете и беспрепятственно покинете Юкзаан, вы ничего не сможете изменить. Мы в оковах наших традиций. Никто и ничто не может вдруг взять и разбить эти ржавые, но все еще прочные оковы.

— И все же вы хотите, чтобы я знал о вашем нежелании враждовать с Федерацией.

— Из вашей неформальной биографии мне известно, что однажды вы выиграли в кости целую планету и ухитрились не испортить отношения с проигравшими.

— Ну, не совсем так, — смутился Кратов. — Я имею в виду — не в кости...

— Кое-кто рассчитывает, что у вас в рукаве может оказаться лишняя кость с шестью выигрышными гранями.

— Хм... — Кратов отвел глаза. — Хорошо, оставим это. Янтайрн, вы говорили о древних заблуждениях, влекущих тяжкие последствия. Не можем ли мы совместными усилиями эти древние заблуждения рассеять? И для начала узнать, в чем они заключаются?

— У меня нет санкции на обсуждение с вами этой темы, — сказала Эограпп. — Вы просили высокой аудиенции, и вы ее получите. Тот, кто вас примет, сам решит, что и как с вами обсуждать. Не просите назвать мне имя и титул этого сановника — я не знаю, кто он. Замечу только, что эхайны мучительно переживают свое противоестественное происхождение. Это древний, болезненный и неистребимый комплекс неполноценности. А как всякие комплексы, он порождает компенсационные реакции...

— Кажется, я понимаю, о чем идет речь, — кивнул Кратов. — И если это так — я совершенно точно знаю, что вы не правы, янтайри. Вся раса эхайнов — заблуждается на собственный счет.

«И у меня есть лишняя кость в рукаве», — добавил он мысленно.

14.

От Кэкбура исходила ровная, слегка холодящая волна эмоций, что с известной натяжкой могло быть интерпретировано как впитанное с молоком матери презрение патриция к плебею. Он молча отомкнул стоящий у ног бронированный сундучок, извлек оттуда терминал и, сноровисто раздвинув резучие плети, пристроил его на выступе прозрачной стены. Затем включил и повернулся лицом к Кратову.

— Вы знаете этого этлаука? — спросил он, небрежно кивая на большой плоский экран позади себя.

— Нет, — солгал Кратов.

— Лжете, — притушив смеженными веками желтый огонь зрачков, сказал Кэкбур. — Это ваш соглядатай. И он разоблачен.

— Я не обязан знать всех, — сказал Кратов. — Вы забываете, что я не разведчик...

— Волнение выдает вас с головой.

— Вы утверждаете, что это — человек. Хотя вряд ли я выделил бы его среди толпы где-нибудь на улицах Гверна... Конечно, я взволнован. Меня очень беспокоит его судьба. Насколько мне известно, ваш департамент не станет церемониться с теми, кого считает врагами.

— Это правда, — согласился Кэкбур. — И ваше объяснение выглядит рациональным. Увы, нам не удалось арестовать его. Только разоблачить. Это было нетрудно: по нашим понятиям он вел себя неестественно. Его поведение не укладывалось в рамки обыденного. Он выглядел и поступал, как герой мыльной оперы, сошедший с видеоэкрана в реальную жизнь... Он скрылся, а вскорости наши станции слежения зафиксировали пространственное возмущение в одном из глухих горных районов Шрениурифа. Очень напоминало трек от гравигенного двигателя...

«Значит, доктор Алеш сумел унести ноги», — отметил Кратов.

— А как насчет другого?

И другого Кратов знал. Эту кривую презрительную улыбку, похожую на оскал, трудно было забыть.

— Здесь нам повезло больше. Мы даже залучили его в камеру для допросов... вроде той, где вы впервые познакомились с младшим геургутом Юзвандом. Стоило следователю отлучиться на пару минут, и шпион бесследно исчез. Будто в воздухе растворился. Этлауки умеют растворяться в воздухе?

— Полагаю, нет, — проворчал Кратов.

— Дальше — известная картина. Отдаленное, трудно доступное местечко. Всплеск пространственных линий. Иными словами — позорное отступление.

«Исполать вам, добрый молодец, доктор Магдол. Вести себя, как добрый эхайн, вы не научились. А ведь я предупреждал про обезьяну в обезьяньей маске! Но улепетывать с шиком и блеском вы умеете...»

— Думаю, этим дело не ограничится, — заметил Кэкбур. — Ваши агенты были обнаружены на Эхлиамаре. Странно, что они не выбрали для инфильтрации более пригодное для этого захолустье, вроде того же Юкзаана. А может быть, вы быстро учитесь...

— Чья была идея создать искаженный образ эхайна?

— В том числе и моя. Мы сознавали, что это — паллиатив. Несколько провалов вроде тех, что я вам назвал, — и все раскроется. Но какой-то запас времени на начальном этапе массового проникновения вашей резидентуры в Эхайнор это нам давало. Благоволите признать, что расчет себя оправдал.

— Признаю. Отчасти... Во-первых, у нас давно не было практики в активном шпионаже. А во-вторых, я не убежден, что в ваш обман так уж все и поверили. Эти двое и не были предвестниками большой разведывательной операции. Скорее всего, они были подготовлены в спешке. И перед ними стояла одна задача: отыскать Озму и меня. В первую очередь, конечно же, Озму. Отсюда и досадные проколы... Когда к работе будут привлечены ксенологи, картина резко изменится.

— Если судить по вас, вряд ли... Ведь вы ксенолог?

— Я не готовился специально к миссии в Эхайнор. Я лишь мечтал об этом. Хорошо подготовленного, кондиционированного ксенолога вы никогда не обнаружите. Даже если он будет сидеть в одном с вами кабинете.

— Можно ли рассчитывать, что после вашей ритуальной смерти и выдворения Озмы за пределы Эхайнора разведка Федерации оставит нас в покое?

— Нет, нельзя. Вы слишком интересны нам, чтобы мы так просто забыли о вас. И не забывайте, что Эхайнор ведет войну против Галактического Братства.

— Светлая Рука надеется, что когда-нибудь Галактическое Братство научится различать цвета...

— Вы предлагаете сепаратный договор?

— Ни в коем случае. Это невозможно... в данный момент.

— У вас нет повода к нарушению отношений вассалитета?

— Верно. — Не оборачиваясь, Кэкбур ловко пронес руку между бритвенно-острыми гранями хищно вибрирующих стеблей (это походило на какую-то игру из семейства «русских рулеток») и пробежал пальцами по клавиатуре терминала. Перекошенная рожа доктора Магдола уступила место черно-звездчатому космическому пейзажу. В нижнем левом углу картинка была слабо подсвечена атмосферным ореолом невидимой планеты. Сквозь плотную тьму кое-где проступали невнятные, размытые кляксы. — Вопрос: как это понимать?

— Ответ: не знаю, — с облегчением от того, что не приходится кривить душой, сказал Кратов.

— Это корабли Федерации, — пояснил Кэкбур. — Или каких-то ее приспешников. Они появились в окрестностях Эхлиамара минувшей ночью. Верно, вы уже слышали предписание Транспортного департамента приостановить регулярное сообщение между Юкзааном и метрополией?

— Мельком, краем уха...

— Так вот: регулярное сообщение не приостановлено. Оно прекратилось вовсе. Вот уже несколько часов Эхлиамар пребывает в блокаде. Попытки кораблей взлететь мягко, но настойчиво пресекаются. Какие-то ваши силовые поля, которые прижимают корабль к космодрому... Точно так же все аппараты, что пытаются войти в космическое пространство

Эхлиамара, теряют ориентировку и уносятся в никуда или просто промахиваются. Обычные законы небесной механики утратили силу. Как вы это прокомментируете?

— Никак. Могу лишь осторожно предположить, что т'гарду Лихлэбру не следовало похищать Озму.

— Будет штурм Эхлиамара?

— Надеюсь, что нет. Надеюсь... Хотите совет?

— Хочу.

— Найдите способ мотивированно убедить Федерацию, что на Эхлиамаре нас нет.

— Они не поверят. Чтобы информация выглядела достоверной, нужно сообщить ваше истинное местонахождение.

— Да уж наверное!

— И тогда блокаде подвергнется Юкзаан?

— Ну, два дня вы потерпите, а затем все разрешится естественным образом. Я буду убит или, напротив, убит не буду. Озму вы, кажется, обещали депортировать при любом исходе дела.

— Я опасаюсь, что силы Федерации не станут ждать так долго. А если там станут известны причины, по которым вы решили задержаться в пределах Эхайнора, выдержка ваших десантников убавится ещё больше. Я опасаюсь начала штурма.

— Вы же такие сильные! — усмехнулся Кратов. — Вы же такие смелые! Вы бросили вызов всей Галактике! Вы захватили столько планет... Что вам утрата какого-то там Юкзаана? Всего лишь гамбит!

— Для Эхайнора, для Эхайнуолы — возможно. А для Светлой Руки — это потеря трети обитаемой территории!.. Вы можете сказать совершенно откровенно одну вещь?

— Постараюсь, — сухо проговорил Кратов.

— Хотя бы приблизительно — каковы будут жертвы среди населения?

— У Федерации нет опыта военного захвата обитаемых планет... — сказал Кратов.

— Что означают ваши слова? Что вы станете действовать грубо и неразборчиво? Или есть надежда на ваши колебания или даже отказ от штурма?

— ...но такой опыт есть у наших союзников, — закончил фразу Кратов.

Он вдруг рассмеялся. Кэкбур смотрел на него, как на сумасшедшего.

— Все правильно, — сказал Кратов. — Вы правильно принимаете меня за идиота. Я и сам себя таким считаю... В самом деле, идиотский получается разговор! Откажутся, не откажутся... будет штурм, не будет штурма... Всего-то и нужно, что проявить самый минимум доброй воли. Прямо отсюда, по этому видеалу, связаться с любым человеком в Федерации да возгласить: эхайны не желают воевать, эхайны желают договариваться. И эти жуткие штурмовики вам ковровую дорожку раскатают от Юкзаана до Эльдорадо, да еще веничками ее подметут!

— Вы же понимаете, что это невозможно, — мрачно сказал Кэкбур.

— Не понимаю, — возразил Кратов.

15.

Транспорт, что должен был доставить их из загородной резиденции в самое сердце Гверна, больше напоминал собой броневик. Круглые оконца, размером с человеческую голову каждое, были забраны стеклом двухдюймовой толщины, способным, очевидно, без ущерба отразить выпущенную с близкого расстояния пулю и рассеять энергетический луч средней насыщенности. Металлокерамические плиты наползали одна на другую, образуя подобие панциря какой-нибудь экзотической твари, вроде панголина, чтобы снаряд, даже угодивший в упор, мог срикошетить и не причинить значительного изъяна. Увы, эти маленькие хитрости стали прекрасно знакомыми Кратову за несколько последних лет... Озма, не переставая тихонько ворчать и старательно пригибая голову — в чем не было особенной необходимости, — пробралась на заднее сиденье.

— Не представляю, как этот кокосовый орех может летать, — шепнула она Кратову.

Юзванд, сидевший рядом с водителем, все же услышал.

— Женщина чем-то удивлена? — спросил он.

— Янтайрн Озма выражает сомнение в аэродинамических качествах этого транспортного средства, — пояснил Кратов, усмехаясь.

— Янтайрн!.. — фыркнул эхайн, но от дальнейших комментариев все же удержался. — Во-первых, не забывайте, что мы так же, как и вы, владеем гравитационными технологиями. Видел я ваши «гравитры». Вящего глумления над принципами аэродинамики трудно представить! Какие-то раковины, тела асимметричной топологии, тела переменной топологии, детские игрушки...

— Что есть, то есть, — горделиво признал Кратов.

— А во-вторых, это малый штабной танк «стуррэг», — «Что в переводе означает «Кокон дракона», — подумал Кра-

тов, — натуральный кокон и есть, только драконы из нас. прямо скажем, паршивенькие...» — а не воздушное судно. В настоящий момент с него снято вооружение, а внутренность специально переоборудована для удобства гражданских лиц. Воздушное пространство над Гверном в последние часы утратило прежнюю безопасность.

— Мятежники?

— Да, — помедлив, неохотно сказал Юзванд. — На подступах к Гверну. Войска дома Нишортунн, разумеется, сохраняют господство в воздухе, но... не настолько.

— Что он говорит? — спросила Озма.

— Это танк, и мы не полетим, — кратко ответил Кратов.

— В танке я еще не ездила, — мрачно резюмировала женщина.

Нервозно трясясь, «стуррэг» стронулся с места. Озма немедленно прильнула к своему окошку. Юзванд сидел подчеркнуто неподвижно, всем своим видом демонстрируя полную индифферентность и глядя прямо перед собой (на деле с его реальным эмо-фоном все обстояло иначе: в душе его царили смятение и тревога, и хотелось надеяться, что лишь ответственность перед вышестоящим начальством за доставку важных гостей была тому причиной). Водитель же за все время ни разу не обернулся, видны были лишь его широкая, как ворота средневекового замка, затянутая в песочно-желтый комбинезон спина и часть мощной шеи, а затылок упрятан был под толстую желтую каску с неряшливо нанесенными белыми символами (редкий случай, когда эмо-фон полностью отвечал внешним эмоциональным проявлениям, то есть: и тут и там абсолютная безмятежность). Некоторое время Кратов испытывал большое неудобство из-за каких-то ремней под задницей, пока не догадался вытащить их из-под себя и пристегнуться к креслу. В ответ на недоуменный взгляд Озмы он пробормотал нечто вроде «Береженого бог бережет», после чего тоже позволил себе предаться любованию окрестностями.

Со всех сторон к дороге подступали густые заросли низкорослых деревьев с кривыми узловатыми стволами и плотными кронами синевато-стального цвета. Лишь приглядевшись, можно было обнаружить, что никакая это не глухомань

да чащоба, а заботливо ухоженный сад: деревья стояли четкими рядами, как солдатики на параде, между ними не было и следа каких-нибудь сорняков, и, судя по размерам крон и высоте, все это было высажено в одно время. Через равные промежутки над верхушками поднимались коленчатые шпили из серебристого металла, увенчанные ажурными чашами — не то антенны, не то какие-то агротехнические сооружения неясного предназначения. Изредка при поворотах дороги в этот выверенный до скуки пейзаж вторгались посторонние детали, вроде краешка океанской глади или сверкавшей на солнце отвесной мраморной грани далекого горного кряжа...

Юзванд, страдальчески исказив лицо, пригнулся вперед; он по-прежнему безмолвствовал, но теперь в его эмо-фоне преобладала, подавляя все остальные, агрессивно-тревожная компонента. Кратов отвлекся от созерцания садовых насаждений: наблюдать за поведением геургута было не в пример любопытнее. Юзванд что-то коротко и неразборчиво гаркнул: водитель качнулся вперед всем корпусом и, не убирая правую руку с пульта, левой вытащил откуда-то из-под сидения сразу два похожих на складные зонтики энергоразрядника («Модель «Горний Гнев», портативный вариант, дальность поражения пятьдесят шагов, радиус охвата цели от пяти до пятнадцати шагов, встроенная батарея на восемьсот залпов с полусекундным лагом на восстановление мощности и непрерывной рекреацией от любых естественных источников энергии», — совершенно автоматически отметил Кратов), один из которых положил себе на колени, а другой не глядя сунул Юзванду. «Что происходит?» — спросил он вслух, не особенно рассчитывая на ответ. Его ожидания оправдались. Танк плавно сбавлял ход и вскоре остановился вовсе. Юзванд быстрым и громким, — то, что называют «театральным», — шепотом наговаривал что-то во всплывший перед лицом микрофон, рот его презрительно кривился, но в желтых глазах тускло тлел огонек смертной тоски. Водитель же был по-прежнему хладнокровен, обе руки покойно лежали на пульте, а до оружия ему как бы и вовсе не было дела, так что понять, что творится, было невозможно.

А перед миниатюрным «стуррэгом», заслоняя солнце и небосвод, перекрывая весь передний обзор своим чудовищ-

ным, необозримым, черным в желтых разводах бортом, тяжко приподняв когтистую ступню, во всей своей первобытной красе разворачивался на месте большой тяжелый бронемех «хоррог». В приблизительном переводе это означало «Пожиратель равнин» и могло быть интерпретировано двояко: либо «нечто, пожирающее все, что движется и произрастает на равнинах, не исключая и собственно равнины как топографические объекты», либо «некий монстр, на означенных равнинах всего лишь привольно бесчинствующий».

Эта машина могла называться как угодно. Все равно выглядела она невообразимо ужасно.

16.

— Все остаются на местах, — сказал Юзванд. — Это предательство, и оно будет наказано.

— Как именно? — нервно осведомился Кратов.

— К нам уже направляется танковая рота, верная воинской чести и присяге...

— Это мятежники Лихлэбра? — быстро спросил Кратов.

— Да, да...

— Сколько их?

— Не меньше эскадрона.

— И вы полагаете, они отступят перед превосходящими силами Нишортуннов?

— Полагаю, нет, — сквозь зубы процедил Юзванд.

— Изумительно!.. Что нас ожидает?

— Вас возьмут в заложники... надеюсь. Прежде Лихлэбра интересовала лишь янтайрн Озма, — на сей раз это противное истинно эхайнской душе сочетание далось геургуту без труда. — Но теперь, кажется, он осознал и вашу ценность.

— А что будет с вами?

— Мы — эхайны, — пожал плечами Юзванд. — Мы верны присяге. — Помедлив, он добавил: — Глупо было отправлять вас без воинского эскорта. Но геакетт Кэкбур не желал привлекать внимания воздушной разведки. Расчет не оправдался. Трудно было ожидать, что они нагло и прямолинейно перекроют дорогу... Глупо.

— И вы забыли про т'литта Гтэрнегха. — заметил Кратов.

— Да, и это я забыл...

— Что же, мы так и будем сидеть в этой скорлупке, ожидая, пока нас выковыряют?!

— Будем сидеть! — огрызнулся Юзванд. — У этой улитки — чрезвычайно твердая скорлупка, и понадобится боль-

шая аккуратность, чтобы вскрыть ее без ущерба для содержимого!

Озма, что все это время с любопытством вслушивалась в звуки чужой речи, наконец не выдержала:

— Почему мы остановились? Что это за ногастая махина поперек дороги? Какой-то дорожный агрегат?

— Помедленнее, сударыня, — раздраженно сказал Кратов. — Я не успеваю придумать ответы на ваши вопросы... Мы угодили в засаду. Т'гард Лихлэбр намерен снова заполучить нас в свои лапы.

— И что же? — осторожно спросила женщина.

— И... это неправильно. Это не входит ни в чьи планы — ни в мои, ни правящего дома.

— У вас, оказывается, есть какие-то планы?! — искренне удивилась Озма.

Кратов молча кивнул.

По правде сказать, ни черта-то у него не было.

Юзванд взвесил энергоразрядник на ладони.

— Эта нелепая пукалка — против «хоррога», — сказал он с отвращением. — Смешно даже подумать...

— Если угодить в створ между вторым и третьим рядом передних пластин, младший геургут, — впервые подал голос водитель, — может получиться еще смешнее.

— Верно, — сказал Юзванд. — Но мне не хватит роста.

— Мне хватит, — сказал водитель.

Откуда-то сверху на утлую раковинку «стуррэга» обрушился металлический, многократно усиленный голос, выговаривавший слова с пренебрежительной интонацией командира, не привыкшего сталкиваться с непослушанием нижестоящего быдла:

— Младший геургут Юзванд! Здесь т'литт Гтэрнегх, первый геобкихф Департамента внешней разведки и ваш непосредственный начальник. — (Юзванд болезненно сморщился). — Благоволите выслушать прямой приказ. Открыть люк и всем выйти наружу. Ваша персона нас не интересует. К тому же, вы будете неподсудны, ибо лишь повиновались вышестоящему чину...

— Яннарр т'литт! — рявкнул в микрофон геургут. — Сожалею, но это невозможно по двум причинам. Я остаюсь ве-

рен данной присяге. И я имею иной приказ, который намерен выполнить любой ценой, и каковой...

— Юзванд! — взревел невидимый Гтэрнегх. — Вы забываетесь! Вы нарушаете субординацию, не говоря уже о Рыцарском Уставе! Где ваша честь воина-эхайна?!

— ...каковой мне отдал лично Нигидмешт Оармал Нишортунн, Справедливый и Беспорочный гекхайан Светлой Руки. Честь воина-эхайна диктует мне повиноваться моему верховному повелителю, а не мятежнику, которым, как марионеткой, управляют чужие руки.

— Молчать, младший геургут! — прогремел т'литт.

Словно страховидный призрак, с грацией горного тролля, но все же не производя большого шума, бронемех сделал короткий шажок колонноподобными ножищами и почти вплотную надвинулся на «стуррэг». Земля дрогнула. Кабину подбросило на месте. Эхайны сидели недвижно, словно влитые в свои кресла. Кратову помогли ремни, Озма же чувствительно стукнулась затылком и зашипела.

— Наверное, мне следует пристегнуться? — утирая выступившие слезы, спросила она виноватым голосом.

— Нет, — сказал Кратов и освободился от своих пут.

Озма посмотрела на него с удивлением.

— Яннарр! — крикнул Юзванд, коротко переглянувшись с водителем. — Я желаю убедиться, что разговариваю именно со своим геобкихфом, а не с ловким самозванцем, который владеет искусством подражать чужим голосам. Геобкихфу я готов сдаться.

— Согласен, — буркнул тот. — Только без глупостей, без геройства, младший геургут...

Кратов припал к оконцу. Из-за желтой громады «хоррога» показался немолодой бритоголовый эхайн в грубом комбинезоне со множеством карманов, застежек и ремней; единственным знаком отличия был вышитый золотом на груди круг, внутри которого находился глаз с узким змеиным зрачком. За ним в почтительном отдалении следовали здоровенные, неразличимые между собой, словно клоны, телохранители.

— Это он? — спросил Кратов.

— Разумеется, — ответил Юзванд. Он даже не посмотрел. — Яннарр Кратов... сожалею, но у нас только два энергоразрядника. Вы знаете, что нужно делать?

— Надеюсь, что так, — буркнул Кратов без особой уверенности.

— Т'литт, мы выходим! — объявил Юзванд.

Все люки «стуррэга» открылись одновременно.

Юзванд выпрыгнул первым и, едва утвердившись на взрытой копытами бронемехов дороге, открыл огонь по т'литту и его свите. Застигнутый врасплох Гтэрнегх упал сразу, телохранители же кинулись врассыпную. Бронемехи, циклопическими громадами нависшие над полем сражения, беспомощно вращали орудиями, не рискуя одним залпом покончить разом со всеми участниками перестрелки. В это время водитель, для вящей уверенности широко расставив ноги и не обращая внимания на выстрелы в его сторону, непрерывно садил из своего разрядника в уязвимый створ между вторым и третьим рядом передних пластин ближайшей к полосе насаждений машины. Подраненный бронемех грозно рычал двигателями и едва ли не подпрыгивал от ярости, но отчего-то никак не мог вышагнуть из зоны поражения...

Кратов, мертвой хваткой сцапав визжащую Озму за руку, выкатился через противоположную от бойни дверь. Пригибая головы, они кинулись под защиту деревьев. Несколько раз над ними, пугающе шевеля волосы, проносились шальные разряды. Спустя какое-то время послышался душераздирающий треск подминаемых бронированными брюхами стволов... стократно усиленные невнятные приказы остановиться...

Рассеянное частой сетью сплетенных крон светило внезапно разлилось во все небо, единым духом набрало невыносимой белой яркости и со страшным грохотом обрушилось на беглецов всеми своими триллионами триллионов тонн испепеляющего жара.

Интерлюдия. Земля

Кратову казалось, что он и глаз не успел сомкнуть, а уже рассвело. Он выглянул в окно, что выходило на задний дворик: из-за густых ветвей Рыбу-Кита не было видно, однако же он почуял хозяина и послал тому обычный мысленный привет. «И тебе доброе утро», — откликнулся Кратов, не особенно надеясь быть услышанным. Он накинул халат и двинулся было на веранду. Оттуда доносились голоса: один принадлежал маме, а другой был мужской и прекрасно знакомый... На цыпочках Кратов убрел в свою комнату, сменил халат на джинсы и безрукавку. Бросил мимолетный взгляд в зеркало — ему не хотелось выглядеть более усталым, чем на самом деле.

Элмер Элкана Татор, «Эл-квадрат», бывший инженер-навигатор миди-трампа, что тринадцать лет назад доставил четвертую миссию Дилайта-Элула на сумасшедшую планету Уэркаф. Индеец племени тускарора (громогласный Джед Торонуолу, помнится, в зависимости от расположения духа навеличивал его то гуроном, то ирокезом), звездоход, чистая душа, старый друг. Кратов, в ту пору по своему социальному статусу добровольный изгнанник, член Плоддерского Круга, как умел исполнял на этом корабле обязанности второго навигатора. От ксенологов ему, помнится, доставалось. Звездоходы подставляли ему свои плечи. С одной стороны было широкое, как посадочная полоса, плечо Джеда, с другой — по-кошачьи покатое, но тоже вполне надежное плечо Татора. В Галактике они встречались раза три-четыре, на Земле — никогда. Трудно было даже предполагать, что судьба забросит закоренелого эфирного бродягу Татора в монгольские степи.

Прошедшие годы не оставили своих следов на смуглом скуластом лице индейца. Разве что жесткие вороные волосы стали еще длиннее, да поубавилось детской наивности в глазах.

— У тебя все хорошо, Кон-стан-тин, — с удовлетворением сказал Татор, поднимаясь из-за стола навстречу Кратову. — Я это вижу. Я этому рад.

— На твоем корабле открылась вакансия второго навигатора? — Тот, протягивая обе руки сразу, сделал удивленное лицо.

— Я нашел себе хороших навигаторов. Очень хороших, Кон-стан-тин.

— Неужели Джед?!

Татор, улыбаясь знакомой своей печальной улыбкой, отрицательно покачал головой.

— Я потерял Джеда из виду лет пять назад. Боюсь, старый медведь завербовался в страйдеры и улизнул из этой Галактики... У меня — молодые звездоходы. Совсем такие же, как и я тогда, на Уэркаф.

— Не буду вам мешать, — сказала Ольга Олеговна. — У меня такое ощущение, что сегодня предстоит нелегкий денек...

— Ты нам не мешаешь, мама, — возразил Кратов. — Никто здесь не станет бить друг друга по плечу, восклицать «А помнишь?..» и восторженно сквернословить. Но, — он слегка нахмурился, — у меня тоже сложные предчувствия.

— И все же я пойду и займусь кухней, — промолвила Ольга Олеговна.

Татор проводил ее слегка затуманившимся взглядом.

— Никогда бы не подумал... — сказал он и осекся.

— Что у такого громилы и урода, как я, мать окажется довольно молодой и сногсшибательно красивой женщиной? — усмехнулся Кратов.

— Примерно так, — признался Татор. Лицо его потемнело, как всегда бывало в минуты сильного смущения.

— Не очень хорошо это обсуждать даже с близкими друзьями, — сказал Кратов. — Но моя мама ведет двойную жизнь. Для меня и для Игоря она — заботливая курочка-наседка, раскинувшая крылья над цыплятками. И есть вторая половина ее жизни, в которую никто из нас не допущен. О которой я ничего не знаю и могу только строить фантастические догадки. Мне не известен ни один ее мужчина после ухода отца. Не могу поверить, что она все еще его любит. Отец был порядочный раздолбай и, по-видимому, таким и остался. Хотя бы потому, что отказался от такой женщины... Я лишь осторожно предполагаю, что у мамы все же есть тайный друг. Но не ведаю, кто он, что между ними происходит и чем закончится.

— Что мешает тебе спросить об этом?

— Не знаю. Может быть, оттого, что это не мое дело. Хотя... а чье же? Не понимаю, отчего я этого не сделал. Иногда я вообще с трудом понимаю людей. Например, себя. Я о многом боюсь спрашивать даже у самых близких... Нет, с инопланетянами все намного легче и проще. — Он тяжело вздохнул. — Итак, Эл? Я готов выслушать самые неприятные новости.

— Нет, Кон-стан-тин, — сказал Татор. — Ничего не произошло. В Галактике все спокойно — по крайней мере, до той степени, чтобы не требовалось твое вмешательство. Я не принес дурных вестей. Но заниматься воспоминаниями мы и впрямь не станем. Я пришел по делу.

— Тогда давай это дело на стол, — промолвил Кратов, усаживаясь. — А потом и повспоминаем чуток.

— В конце июля ты обратился в Корпус Астронавтов. Ты хотел зафрахтовать корабль с экипажем для частной исследовательской миссии. Это так?

— Все верно.

— Мой корабль называется «Тавискарон», — сказал Татор. — Это десантно-исследовательский транспорт класса «ламантин-тахион». — Выдержав паузу и не дождавшись от Кратова ни восторгов, ни недоумения, он счел за благо добавить: — Это раза в два больше, чем тот «анзуд», на котором мы с тобой летали на Уэркаф, но, разумеется, намного меньше пассажирских галатрампов. На нем можно высаживаться на поверхность любой планеты, будь то «голубой ряд» или «черный», или даже газовый пузырь вроде Юпитера. С равным комфортом на его борту можно коротать досуг в длительном космическом поиске. — Кратов продолжал безмолвствовать, и Татор закончил с нотками отчаяния в голосе: — Тавискарон — это имя индейского божества холода и мрака. Было бы странно, назови я свой корабль как-то иначе. Но внутри него всегда тепло, а помещения прекрасно освещены.

— Удивительно, — сказал Кратов. — Все эти годы я хотел спросить, но никак не подворачивался случай: тот корабль, что доставил нас на Уэркаф, тоже имел свое имя?

— Официально — только бортовой номер, — ответил Татор в некотором замешательстве. — Но в своем кругу мы иногда обращались к нему по имени.

— Как же?

— По-разному. Я предпочитал имя «Пернатый нырялщик», разумеется — на родном языке, а Джед... — Татор смущенно хмыкнул. — В зависимости от настроения Джед именовал его то «Свистолет», то «Ночной горшок с дристогонным приводом», а то и «Локомотив на пердячем пару»...

— Да, да, припоминаю... А есть ли на твоем корабле просторные грузовые отсеки? — спросил Кратов.

— На «Тавискароне» четыре грузовых отсека, — торжественно произнес Татор. — В одном из них ты с большим удобством разместишь своего летающего зверя — если, разумеется, решишь взять его на борт в качестве пассажира. В другом ты установишь перечисленную в твоей заявке аппаратуру. — Он вдруг оживился: — А еще два резервных отсека мы сможем употребить под контрабанду!

— Никогда бы не подумал, что небеса пошлют мне своего ангела в образе звездохода-индейца, — сказал Кратов в сторону.

— Экипаж состоит из трех навигаторов, включая меня, двух инженеров и одного медика, — сказал Татор. — Не знаю, зачем нам медик, но Корпус Астронавтов настоял на своем. Все они согласны отработать за обычное вознаграждение в полторы тысячи энектов. Что касается меня, то мне будет достаточно твоей благодарности. Так что мы тебя отнюдь не разорим... Я не понимаю, — снова помрачнел он. — Ты рад моему предложению или нет?

— Да, конечно же, я рад! — страдающим голосом ответил Кратов. — То есть я настолько рад, что не верю своему счастью. У меня нынче день хлопот, и я с ужасом думаю о том, не исчерпан ли твоим «Тавискароном» лимит моего везения на сегодня...

* * *

Из кабины гравитра, только что камнем упавшего на посадочный пятачок в самом сердце сада, выкатился колобком

шоколадный от бразильского загара Мануэль Спирин. Над ним витали ароматы крепкого кофе с коньяком и пахучих сигар. Отступив на шаг, он галантно предложил руку, на нее с готовностью оперлись, и появилась Рашида, в такую рань уже свежая, ослепительно красивая, в новом малиновом платье-пелерине и с новой прической, напоминавшей застывший язык удивительного черного пламени.

— Смысл термина «длинное сообщение», душа моя, — продолжал объяснять Спирин, — ясен уже из названия. Это такой информационный пакет, который не может быть втиснут в одно вместилище ввиду выдающейся сложности и значительного объема.

— Наши мозги — не самое подходящее вместилище, — небрежно бросила Рашида. — Они, случается, умирают вместе с хозяином.

— Я горд самой мыслью находиться рядом со столь очаровательным вместилищем. И, боюсь, у ЭМ-зверя не было выбора...

— Он мог бы накинуться на когитр.

— Боюсь, ЭМ-зверь не знал, что такое «когитр». И не подозревал, что означенное биотехническое устройство, ничем специфическим среди прочих деталей корабельного интерьера не выделяющееся, вообще обладает каким-то вместилищем, пригодным для хранения информации. Э... здравствуйте, сударь!

Кратов церемонно поклонился. Рашида приблизилась к нему царственной поступью, привстала на цыпочки и поцеловала.

— Угадай, зачем я здесь, — шепнула она.

— Не нужно быть провидцем, — криво усмехнувшись, сказал Кратов. — Ты явилась представиться моей маме в качестве будущей невестки.

— Кратов! С тобой скучно...

— Могла бы прежде спросить моего согласия.

— Еще чего! Это тебе не Галактика. Здесь мы сами выбираем мужчин себе и отцов своим детям.

— А вы, доктор Кратов, знаете, что такое «длинное сообщение»? — спросил Спирин.

— Знаю, — терпеливо промолвил Кратов. — Вы, спасибо, объяснили еще в прошлую нашу встречу.

— Больше всех перепало, очевидно, Ертаулову. А вам — меньше всех. Поэтому синдром «ментального просачивания» у вас практически не наблюдается.

— А вот это вы в прошлый раз не объясняли.

— Правильно. Я сам только недавно подцепил сей термин у доктора Дананджайя из клиники «Зеленый Луч». Видите ли, «длинное сообщение» не просто лежит в ваших мозгах, как кристаллик в инфобанке. Оно воздействует на ваше подсознание, а иногда даже посылает ему часть своей информации. Выражается это очень по-разному, в самом широком диапазоне симптомов. От полного параноидального умопомрачения до легких галлюцинаций. Ертауловский «черный занавес» — явление того же порядка.

— Но мне-то никогда не являлись никакие зеленые человечки! — запротестовала Рашида.

«А мне являются постоянно, — подумал Кратов. — Все эти странные вещие сны в самые неподходящие моменты...» Его вдруг прямо посреди этого солнечного теплого утра пробил мороз по коже.

— Это и не обязательно, — беспечно разглагольствовал Спирин. — Во-первых, может быть, еще время не настало. Еще явятся, мало не будет... А во-вторых, если сравнить вас до полета и после, наверняка будут отчетливо заметны какие-то тончайшие изменения личности.

— Кратов, — требовательно сказала Рашида, по-хозяйски обнимая его за шею. — Тебе что-то заметно?

— Кратов? — переспросил тот. — Какой Кратов? Нет здесь никакого Кратова, одни только зеленые человечки...

— Ты что, опять решил улизнуть?! — возмутилась женщина.

— Другой вопрос: ежели «длинное сообщение» — не праздный домысел утописта из Рио, а факт, что всем вам с этим обстоятельством делать, — хладнокровно продолжал Спирин. — Нужно как-то от него отбояриваться. Прочесть и удалить. И как можно скорее. Такие занозы в мозгах бесследно не проходят...

— Я думаю над этим, — уклончиво сказал Кратов.

— Избавься от Спирина, — прошептала ему на ухо Рашида. — Не знаю, в чем дело, но я хочу тебя прямо сейчас...

— Самое время, — проворчал тот.

— Кстати, — вдруг вскинулся Спирин. — Вы говорили, что у вас где-то тут есть настоящий сфазианский биотехн. А нельзя ли на него взглянуть?

— Это самое простое, что я могу вам предложить, — сказал Кратов. — Видите эту тропинку? Идите прямо по ней, пока не упретесь в громадный черный валун посреди лужайки. Только не вздумайте его пинать, он живой и очень чувствительный...

Он вдруг застыл на полуслове с открытым ротом.

Марси, золотовласая малютка Марси, милая проказница и капризуля Марси, Марси-беглянка стояла на той самой тропинке, что вела к Чуду-Юду, тоже совершенно остолбенелая, и выражение лица у нее было самое неприятное.

* * *

— Так я пойду? — проговорил Спирин в пространство. — Мне еще этого сопляка Торрента нужно встретить... — Проходя мимо обратившейся в соляной столб девушки, он галантно поклонился: — Мадемуазель?

— Мсье? — едва слышно прошелестела Марси и, словно во сне, сделала самый медленный книксен в своей жизни.

Все напряженно глядели вслед уходящему Спирину.

— Кратов, — первой нарушила молчание Марси. — Мне тоже... уйти?

— Лично я никуда уходить не собираюсь, — негромко объявила Рашида, как бы невзначай убирая руку с кратовской груди.

— Тогда и я останусь, — голос Марси исполнился ледяной решимости.

— Может быть, будет лучше, если уйду я? — сгорая от малодушия, спросил Кратов.

— Может быть, — обронила Рашида.

Она и не глядела на него. Все ее внимание было прикована к внезапно возникшей из ниоткуда сопернице. Рашида разглядывала девушку пристально и беззастенчиво, как если бы та была диковинным зверьком... или экспонатом Тауматеки... При этом лицо ее стремительно сменяло выражения, от агрессивной неуступчивости к напряженному гаданию, к задумчивой созерцательности.

Марси же неотрывно смотрела на Кратова. И ей никак не удавалось поймать его взгляд.

— Костя, — сказала она. — Что с тобой? Почему ты молчишь?

— Кратов, — сквозь зубы процедила Рашида. — Живо припомни какое-нибудь свое «хокку». Сию же минуту!

Неповинующимися губами он промямлил:

В калитку ко мне,
и не постучав, и не квакнув,
шлепает лягушка...[1]

— Спасибо, — сказала девушка звенящим от обиды голосом.

— Марси, Марси, — пробормотал Кратов. — Где же ты была?

— Тебя совсем нельзя оставлять одного? — с нервным смешком осведомилась она.

— Я пытался найти тебя... — Ему самому отвратителен был этот нищенский оправдывающийся лепет. — Я целый месяц ждал...

— Ты меня уже больше не любишь?! — Ультрамариновые глаза живо наполнялись слезами, мраморный носик покраснел.

— Марси, все не так просто...

— Кратов, — отрывисто проговорила Рашида. — Она беременна.

Кратов на какое-то время забыл дышать.

— Это так? — спросил он.

Марси, шмыгнув носом, кивнула.

— Это твой ребенок, — сказала она. — Мне нужно было время, чтобы привыкнуть к этому и решить, хочу я ребенка от тебя или нет. И я решила, что хочу. Я пришла сказать тебе об этом, и вот... я пришла.

Ему хотелось умереть. Он впервые понял, что буквально означает иносказание «разрываться надвое». Потому что еще ему хотелось упасть на колени и ползти через всю посадочную площадку, пока он не уткнется покаянной, а точнее —

[1] Исса (1763 — 1827). Перевод с японского А.Долина.

окаянной своей башкой в упругий животик Марси. Это было самое меньшее, что он мог сделать.

— Кратов, — сказала Рашида. — Брысь отсюда. Мы сейчас сами решим,.чей ты будешь.

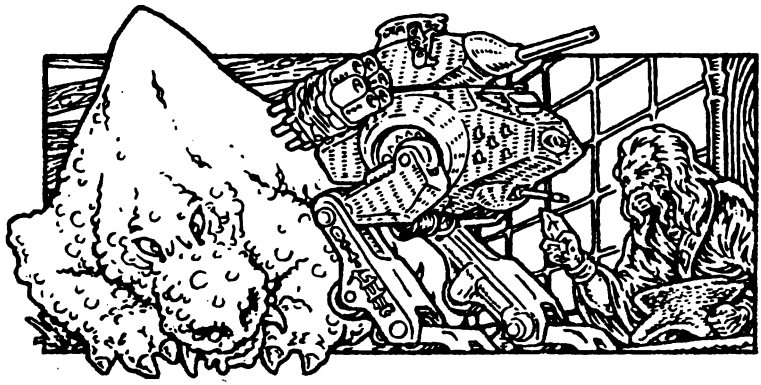
* * *

Он брел куда глаза глядят.

Все дела и проблемы нежданно отступили от него и растворились в тумане — словно эскадра Летучих Голландцев, таких зловещих и страшных по рассказам и на вид, а на деле ничего из себя не представляющих, кроме изобретательно и со вкусом устроенной иллюзии. «У меня будет ребенок, — думал он. — А я так отвратительно безразличен. Иду себе, переставляю ноги, а не бегу вприпрыжку, не скачу козлом. И не в ту сторону, кажется... Наверное, что-то должно измениться в этой жизни. И во мне самом тоже. Наверное, я должен как-то иначе вести себя и строить планы на будущее. К примеру, не совать голову в пекло при любом удобном случае. Не ввязываться в долгосрочные проекты вне пределов досягаемости. Теперь я отвечаю не только за себя и не только перед мамой. Я должен научиться не только брать, но и отдавать. Как там говорил покойный Пазур? Нужно перестать накапливать и успеть отдать. Потому что некоторые не успевали... Вот и я должен успеть отдать свой жизненный опыт, свои скопленные душевные богатства... буде такие существуют... этому незнакомому пока еще маленькому человечку. — Кратов вдруг рассмеялся и озадаченно потер лицо ладонями. — Дьявольщина, я ведь, наверное, должен буду ему понравиться! Не то он посмотрит на меня и скажет: на кой бес мне такой несуразный и непутевый папаша!.. Он — или она. Вполне возможно, что это будет девочка. Хотя в моем роду по отцовской линии, как мне представляется, одни мальчики. Неплохо было бы отыскать отца и сообщить этому ветрогону, что он уже дедушка и пора бы ему знать свое место под солнцем... Да и мне тоже... пора».

Он остановился, внезапно осененный одной очевидной и потому особенно неприятной мыслью.

«Я не смогу пуститься в это плавание. Татор со своим «Тавискароном» пришел напрасно».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Блудные братья VI

1.

...Кто-то осторожно тронул его за плечо. А затем, не дождавшись реакции, грубо встряхнул. Грубо — как и подобает воину-эхайну, который внезапно сталкивается с неподчинением и желает пресечь его в зародыше. Кратов открыл глаза и сел. Над ним штурмовой башней — первый образ, что приходил на ум при виде стоящего над душой эхайна! — черной и закопченной, и даже слегка дымящейся, высился младший геургут Юзванд. От его аккуратного мундира не осталось и следа: теперь это была грязная, изодранная тряпка, не везде скрывавшая голое тело. Лицо обратилось в распухшую обожженную маску, от волос уцелели редкие сплавившиеся клочки. «Как вам удалось?..» — попытался спросить Кратов, но из пересохшей глотки вырвалось лишь задушенное карканье. «Никому ничего не удалось, — проскрежетал Юзванд. — Ни им, ни нам. Удалось только вам — молитесь своим идолам. Вы живы, и это удача. И ваша женщина жива тоже...» Кратов с трудом, преодолевая сопротивление ушибленного мозга, повел глазами в сторону. Оз-

ма лежала скорчившись на расстоянии вытянутой руки, ее меховой балахон припорошен был серой пылью — хотя более вероятно, что это был пепел, не переставая сыпавшийся с черных небес. Черные небеса посреди дня? Или это уже не был день? «И вы не достались Лихлэбру, — продолжал Юзванд. — А это самая удачная удача, и огромная неудача для т'гарда. Он очень хотел вернуть вас. Но мы ему помешали». — «Какое сейчас время суток?» — наконец вымолвил Кратов. «Это так важно? — осклабился эхайн. — Допустим, ранний вечер». — «Но отчего так темно?» — «Вам еще не доводилось оказаться на окраине театра военных действий, в особенности после того, как сами военные действия иссякли?» — «Доводилось. Но это было иначе». — «Тогда вы жалкий новичок, зеленый сопляк, никогда не видавший работы оружия массового поражения». — «Ядерная бомбардировка?!» — «Ядерная? — вскинув опаленные брови, с сомнением переспросил Юзванд. — Гм... Непонятно, о чем вы говорите. Какое-то военное использование внутриатомной энергии?.. Впрочем, неважно. Над вами только что схлестнулись и практически истребили одна другую две бронетанковые части. Мятежный эскадрон «хоррогов» был перехвачен танковой ротой, верной правящему дому. Силы, как вы понимаете, были примерно равны, с небольшим преимуществом правительственных войск. Но в пользу мятежников сыграли рельеф местности и господствующая позиция. Так что нелегко будет определить победителя, тем более что с поля боя не ушла ни одна машина... — Непонятно улыбаясь вздувшимися губами, он бросил короткий взгляд через плечо. За его спиной колыхались и сплетались хоботами черные жирные смерчи, изнутри подсвеченные красным. — Там, откуда вы столь расчетливо и своевременно убрались, ад распахнул свои врата». Кратов обхватил голову окровавленными руками. «Поле битвы — место, где оставляют трупы... — пробормотал он. — У-цзы, трактат о военном искусстве... Ад, настоящий ад, и я снова в аду...» — «Нет, доктор, — возразил Юзванд. — Вы там, где должны быть. И вам предстоит сделать то, что нужно сделать». — «Если бы только знать, что же нужно!» — «Но вы и так все знаете, — с неожиданной мягкостью сказал эхайн. — Вы знаете более чем достаточно. Разве напрасно вы накачивали свой мозг самой разно-

образной информацией все эти месяцы, разве напрасно рыскали по сетям и каналам Юкзаана прошлой ночью? Осталось только употребить ваше знание к делу». — «Да, верно... И сейчас я попытаюсь сообразить. Давеча вы сказали, что приказ доставить нас в Гверн вам отдал лично Нигидмешт Нишортунн. Значит, гекхайан находится на Юкзаане?» — «Эхлиамар блокирован космическими силами Федерации, — пожал плечами Юзванд. — Было бы неразумно оставлять гекхайана на растерзание этлаукам и иным прочим читрунам! Но кто мог предполагать, что Справедливый и Беспорочный угодит из огня да в полымя?» — «Я, кажется, понимаю эту вашу фразу о мятежнике, которым, словно марионеткой, управляют чужие руки. Не «руки», а «Руки», не так ли?» — «В Эхайнагге никому не понравится, если Светлая Рука откажется воевать с этлауками. А Нишортунны никогда так не были близки к этому решению. Особенно после того, как на свете появилась Озма...» — «Так значит, за мятежниками стоит Эхайнагга?!» — «Я простой младший геургут, — сказал Юзванд. Усмехнувшись, продекламировал: — «Мелкий чин военной разведки, то есть самый тупой и злобный представитель самого тупого и злобного сословия». Ваши мысли? Там была еще метафора, немного туманная для меня. Возможно, я не ошибусь, переведя ее как «векхеш, которому вахи разрешили вкусить от падали»... Так или иначе, не требуйте от меня анализа этой давней и глубокой интриги. К тому же, я тороплюсь. Меня ожидают... иные заботы. До Гверна вам придется добираться в одиночку. Вас там ждут. Вас ждет мой властелин. Если это вас не обременит, передайте ему, что младший геургут Юзванд выполнял его приказ до тех пор, пока дух властвовал над телом». Рука эхайна с зажатым в огромном кулаке оплавленным стручком, в котором с трудом угадывался энергоразрядник, приподнялась в подобии салюта. «Берегите янтайрн Озму, — промолвил он. По сплошному ожогу щек текли слезы, что никак не вязалось с обыкновенно, по-эхайнски, жестоким выражением лица и желтым огнем безумия в глазах. — Она спасет всех нас». — «Я не знал, что эхайны тоже плачут», — пробормотал Кратов. — «Я тоже», — ответил Юзванд, удаляясь...

2.

Вначале Кратов нес Озму на руках, при каждом шаге уходя в мертвый пепел по колено. Обмякшее тело в трепыхавшемся балахоне весило втрое больше, чем ему полагалось. Так что далеко в направлении Гверна за эти часы они не продвинулись. От садовых насаждений не осталось и следа. Всюду, докуда хватало глаз, высились черные, лишенные крон призраки деревьев. Кратов поймал себя на том, что это зрелище для него не в новинку. Однажды он уже брел точно так же среди растений-призраков, под ногами хрупал трупный пепел, а отовсюду подступал пожар. «Уэркаф, — вспомнил он, что далось ему не без труда. — Но там был каприз природы, слегка подхлестнутый безумной волей хозяев самой большой игрушки в Галактике. Здесь природа ни при чем. Одна только безумная воля...»

На счастье, Озма пришла в себя.

— Что со мной? — спросила она слабым голосом. — Где я?

— У меня на руках, — просипел Кратов.

— Мы живы? *Финис*... все уже закончилось?

— Кажется, да.

— Наверное, будет лучше, если я пойду сама?

Кратов не нашел сил, чтобы возражать.

— Ну, попробуйте, — сказал он, осторожно опуская женщину на ноги.

Озма тотчас же вцепилась в него, чтобы не упасть.

— Я не чувствую ног, — сообщила она виновато. — У меня есть ноги или нет?

— У вас есть все, что нужно хорошенькой женщине, — успокоил ее Кратов.

— Вы еще шутите, — проворчала Озма. — Ничего у меня нет. Может, и было когда-то, но сейчас не осталось. И я, кажется, оглохла.

Кратов похолодел.

— Покажите уши! — скомандовал он.

Озма с готовностью завертела головой. Кратов отвел свалявшиеся кудряшки, больше всего в мире боясь увидеть кровавые потеки...

— Не говорите ерунды, — сказал он сердито. — Раз вы слышите мои неуклюжие любезности, значит, с вашим слухом полный порядок. А я уж испугался, что у вас контузия...

— Конфузия?! — недоумевающе переспросила Озма.

— Контузия, — повторил Кратов. — Это когда человека приподнимут и как следует ушибут всем телом обо что-нибудь твердое. А конфузия — это когда я захожу в ванную, а там сидите вы облепленная зеленой тиной и мурлычете что-то непристойное, а дорадх вылизывает вам спинку...

— Вы наглец, доктор Кратов, — хмыкнула Озма. — *Эффронс*! Вы пользуетесь моей слабостью, чтобы безнаказанно унижать мое достоинство.

— Может быть, я больше не буду, — усмехнулся он.

— Уж постарайтесь... Когда мы ехали в Гверн, — продолжала Озма, — я смотрела по сторонам, и в голове у меня поселилась новая мелодия. Если бы мы доехали до конца пути, я додумала бы ее до конца. Но случилось... то, что случилось. И я ее потеряла. Все сгорело, и она сгорела тоже.

— И все же перестаньте хныкать, — строго проговорил Кратов. — Нам несказанно повезло тихонько отлежаться в самом сердце чудовищной резни. Мы не лишились ни рук, ни ног, ни даже головы — что бы вы там ни выдумывали. Нас даже не обожгло и толком не оцарапало, — он предусмотрительно убрал располосованную каким-то осколком руку за спину. — И мы свободны.

— Не знаю, — сказала Озма с сомнением. — Находясь в плену, мы, по крайней мере, не задумывались над тем, куда идти и чем питаться. И что пить — хотя то, что нам предлагали, было просто ужасно. Но сейчас я выпила бы даже кувшин этой кошмарной бодяги, что стояла на столе в вашей гостиной.

— Это проблема, — со вздохом признал Кратов. Он тоже не отказался бы сейчас глотнуть эхайнской бражки.

— Не подумайте, что я капризничаю. Просто у меня все кишки спеклись от жажды.

— В этом и состоит отличие свободы от рабства, — глубокомысленно заметил Кратов. — Некоторым рабам нравилось, что за них все решают...

— Перестаньте хныкать! — передразнила его женщина. — Лучше давайте куда-нибудь идти. Тем более что у меня уже выросли ноги.

— Мы должны добраться до Гверна, — печально сказал Кратов. — Загвоздка в том, что я не представляю, в какой стороне этот чертов Гверн, как далеко до него топать и будут ли нам усыпать дорогу розовыми лепестками.

— *Негатив*... не будут, — уверила его Озма и носком туфельки подбросила облачко пепла.

— Во всяком случае, нам следует вернуться на шоссе и двигаться в прежнем направлении. И надеяться, что на Юкзаане все дороги ведут в Гверн...

Держась за руки, они поплелись в направлении медленно вытанцовывающих свой данс-макабр хоботов жирного дыма.

По мере приближения к закопченным и покореженным остовам бронемехов решимость Озмы падала. На опушке уничтоженного огнем сада женщина остановилась и неуверенно убрала ладошку с кратовского локтя.

— Нам нужно все это видеть? — спросила она упавшим голосом.

— Не уверен, — ответил Кратов. — Но, может быть, наш «стуррэг» чудом уцелел. Или найдется хоть какое-то оружие. Или... еще что-нибудь.

— Я здесь вас подожду, — сказала Озма.

— Пожалуй, — согласился он.

Ему тоже не хотелось рыскать среди дымящихся обломков. Но здесь не было никого, кто сделал бы это вместо него.

3.

...От маленького, уютного «кокона» осталась лишь лепешка из металла и пластика, присыпанная какой-то керамической крошкой. В пылу сражения по нему прошлись, и не однажды. Т'литт Гтэрнегх, бывший первый геобкихф Департамента внешней разведки, которого черти понесли демонстрировать свое геройство и власть в боевой обстановке, получил свое в полной мере и теперь лежал неподалеку, и змеиный глаз на его груди слепо таращился в загаженное дымами небо. Собственно, этот глаз был единственной приметой, по которой можно было опознать его прежнего владельца. Все остальные тела были изувечены и обожжены до неузнаваемости. Возможно, среди них находились Юзванд и его рассудительный, оставшийся безымянным водитель...

Кратов задержался здесь на мгновение и, сознавая всю театральность своего поведения, как умел воспроизвел эхайнский воинский салют. Он чувствовал, что должен хоть как-то отблагодарить их, отдать им какие-то почести — словом, все, что было в его силах в эту минуту, и ему сразу полегчало на душе.

— Мы живы, — сказал он, ни к кому персонально не обращаясь, — и мы идем в Гверн.

Глаза слезились, в горле першило от едкого дыма, сплетенного из самых отвратительных запахов, какие только можно было вообразить: жженый металл, расплавившийся в адском пламени несгораемый пластик и паленое мясо. Сделав несколько мужественных шагов за ближайший бронемех, Кратов с облегчением вывернулся наизнанку.

Он почти уже отказался от мысли найти здесь хоть что-то полезное в предстоящих им странствиях, когда вдруг увидал почти целую боевую машину. Должно быть, у «хоррога» пострадала лишь ходовая часть, и экипаж бросил его в страшной спешке, даже не запустив программу самоуничтожения.

Кратов поднялся по ступенькам, выбитым в нелепо отставленной лапе, на куполообразную башню бронемеха и оттуда, с пятнадцатиметровой высоты сквозь дымную пелену увидел Озму, сиротливо сидевшую на корточках возле обугленного дерева. Здесь, где он сейчас спокойно осматривался, утирая то слезящиеся от дыма глаза, то сведенный тошнотной кислятиной рот, две бронечасти съехались в лоб и принялись лупцевать одна другую спаренными тяжелыми лазерами, рвать ракетами класса «земля-земля» и давить копытами. А когда кто-то промахивался, залп уходил или в белый свет, как в копеечку, или в близлежащую рощицу, где уже после первого такого промаха лежали кверху лапками в отключке два незадачливых этлаука... Примерно полтора десятка машин догорали вокруг него, и нельзя было понять, какая из них какой из воюющих сторон принадлежала. Может быть, и существовал какой-нибудь радиосигнал типа «свой-чужой», но сейчас это была лишь братская могила, и все здесь были свои.

Кратов почувствовал, что его вот-вот опять стошнит, и поспешно нырнул по неверным ступенькам внутрь кабины.

Удивительно, но там еще горел свет, работало несколько экранов и система кондиционирования из последних сил делала что могла с проникавшим туда смрадом. Без большой надежды на успех Кратов потыкал пальцем в сенсорную панель и понаблюдал за сменявшими друг дружку цветными, объемными и абсолютно непонятными схемами. Нельзя было исключить, что где-то здесь скрывалась и возможность связи с командованием батальона, к которому приписан был брошенный «хоррог». Однако набрести на нее простым тыком представлялось совершенно невозможным. Кратов со вздохом смазал ладонью по всей панели сразу.

И, как выяснилось, зря.

Экраны мигнули и налились дурной краснотой, кабина наполнилась мерзким пульсирующим уханьем, и хорошо поставленный мужской голос с великолепной дикцией несколько раз объявил:

— Начато саморазрушение системы! Господа бронетехники благоволят покинуть борт Двенадцатого эскадрона Шестого бронемеханического батальона Ослепительной панцир-

ной бригады Второго Континентального Всесокрушающего корпуса Юкзаанских вооруженных сил Справедливого и Беспорочного гекхайана Светлой Руки бронемеха «Хоррог — Черный Демон Айбмишогвирк»!

Сыпля черными ругательствами, Кратов заметался по кабине. Один бог знал, сколько времени было у него в запасе... Все подвернувшиеся под руку дверцы были в лихорадке распахнуты, все ящики перевернуты, под все сиденья было заглянуто. На счастье, господа бронетехники тоже спешили. Кратов спихал в найденный пластиковый мешок какие-то булькающие фляги, отправил туда обойму тускло поблескивающих металлом небольших цилиндров, вполне могущих быть ручными гранатами, сверху воодрузил ядовито-желтую с надписями черным коробку, в которой заподозрил аптечку, а также несколько непонятного назначения круглых предметов в тонкой полупрозрачной упаковке. Забытый в шкафу за металлической створкой энергоразрядник он зажал под мышкой.

— У вас осталось две юкилры, чтобы покинуть борт Двенадцатого эскадрона Шестого бронемеханического батальона... — экзальтированным тоном сообщил голос.

Кратов, хоть убейте, не мог сейчас впомнить, чему равнялась одна юкилра — сколько-то там десятков ударов спокойного сердца воина-эхайна в мгновения отдыха... Едва ли не зубами придерживая выскальзывающий из рук мешок, он кинулся к лесенке.

Неприятное ощущение кролика, за которым из кустов следит с искренним гастрономическим интересом крупное пресмыкающееся, заставило его обернуться.

С одного из экранов на него люто и безмолвно таращился т'гард Лихлэбр.

— Что? — спросил Кратов с вызовом. — Вы удивлены, яннарр? Вы думали, что с двумя мерзкими этлауками, которые имели наглость ускользнуть из ваших лап, хотя бы навсегда покончено? Или вы надеялись увернуться от Суда справедливости и силы?

Эхайн не проронил ни звука. Быть может, он и не слышал ничего. Но желтые буркалы так и лезли из орбит.

— Ничего еще не закончилось, — объявил ему Кратов, неприятно усмехаясь. — Мы живы, и мы идем в Гверн!

Времени на гордые сентенции больше не оставалось.

Когда Кратов был внизу и со всех ног удирал прочь и подальше, в кабине «Айбмишогвирка» раздался глухой хлопок, и через верх повалил знакомый уже черный дым.

4.

Километра два полного молчания спустя Озма спросила:

— Они все погибли?

— Все, — ответил Кратов, погруженный в свои мысли. — Хотя, может быть, кто-то и спасся. Но только не наши знакомые...

— Как странно, — сказала Озма. — Мы говорили... точнее, вы говорили, а я только слушала. У него был от природы отвратительный голос... *формидабилис*, и он словно нарочно пытался сделать его еще отвратительнее. Хотел казаться уродливее, чем был на самом деле. Неуклюжие представления о мужественности... А теперь он погиб, и его голос погиб вместе с ним. Вы знаете, что всякий человеческий голос неповторим?

— Подозреваю, — откликнулся Кратов. — Маленькая поправочка: это не люди. Это эхайны.

— Я не ксенолог, — возразила Озма. — Такие тонкости для меня ничего не значат. У него две ноги и две руки. И он похож на одного моего знакомого с Магии. Тот был *хорридиор*... даже еще безобразнее... Наверное, я должна скорбеть о нем?

Кратов пожал плечами.

— Наверное, — сказал он. — Это было бы вполне уместно. Юзванд погиб, защищая нас. Конечно, он делал это вовсе не из соображений гуманизма, как поступили бы люди. У него был приказ, и он честно исполнил свой долг воина-эхайна. Хотя, возможно, у него был выбор, и он выбрал не самое легкое.

— Дайте еще глотнуть, — сказала Озма.

Кратов протянул ей початую еще на полянке флягу из бронемеха. То, что там было внутри, назвать водой можно было лишь условно. И, кажется, в этом напитке содержалось порядочно алкоголя.

— Почему мы не можем идти по дороге? — в десятый уже раз капризно осведомилась Озма. И сама же себе ответила: — Ах, да... воздушная разведка *хостис*... неприятеля. *Катулина*...

— Что? — переспросил Кратов.

— Собачье мясо... это я так ругаюсь. А кто наш неприятель?

— Пока что все, кто ни есть вокруг, — рассеянно промолвил Кратов. — Ничего, скоро мы придем.

— Никуда мы не придем. Мы вообще идем не в ту сторону!

«Хорошо сказано, девочка, — подумал Кратов. — Куда бы мы ни шли, все едино окажемся не там, куда хотели... Просто замечательно: впервые за много лет я, угодив в лоно чужой и, в общем, даже неизученной цивилизации, веду себя не как ксенолог, а как полный идиот. То есть, конечно, какие-то позывы к рассудочной деятельности во мне еще сохранились. Иначе зачем бы я копался в их информационных отбросах, что мне любезно навалили передо мной мадам геобкихф и светлой памяти младший геургут?.. Но в остальном я похож на растерянного дурня, которого выпихнули перед строем и сказали: будешь играть сеанс одновременной игры в маджик-квест на пятидесяти досках, и только попробуй, сволочь, не сведи положительный баланс! — Он покосился на задумчиво ковылявшую рядом в своих нелепых туфельках Озму. Судя по сосредоточенному и словно слегка подсвеченному изнутри чумазому личику, она опять собирала какую-то мозаику из разбегающихся нот. — Ладно, баланс мы, надо полагать, сведем. Не стоит нынче передо мной задачи установить плодотворный и взаимовыгодный контакт. Это уж как-нибудь потом, на досуге... Нынче я здесь лишь затем, чтобы вытащить из беды эту женщину. Тоже удумали, господа вояки: брать женщин в заложники! Уж я вам эту охоту надолго намерен отбить всеми подручными средствами, от дреколья по фограторов включительно. И я вытащу ее отсюда, чего бы это не стоило мне и Эхайнору...»

— Вы знали тех, кто был убит на Пляже Лемуров? — спросил он.

— Да, почти всех, — сказала Озма, выходя из творческого транса. — Они работали со мной несколько последних лет.

— Расскажите мне о них.

— Зачем?!

— Мне не хватает злости на Лихлэбра.

— А кто это? — спросила она бесхитростно.

— О, дьявол! — сказал Кратов и озадаченно рассмеялся. — Этот негодяй вам даже не представился?

— Я уже говорила вам: у меня плохая память на имена. Ведь это какое-то имя?

— Так зовут эхайнского громилу, который заварил всю эту кашу. — Озма продолжала глядеть с наивным недоумением, и он вынужден был пояснить: — Здоровенный желтоглазый парень, который явился к вам в попугайной распашонке и дурацких шортах, уволок к себе на корабль, получил от меня по роже и...

— ...переоделся в еще более смехотворный мундир, когда мы сюда прилетели, — покивала она. — Я вспомнила. Так это он здесь самый главный?

— В масштабах этого мира он всего лишь мелкий интриган и бунтовщик. И во всех ваших нынешних неудобствах виноват именно он. — Кратов усмехнулся и, пытаясь пробудить в себе ощущение священной ненависти, произнес: — Кьеллом Лгоумаа, третий т'гард Лихлэбр.

— Что такое «т'гард»? — немедленно спросила Озма.

— Что-то вроде графского титула. Здесь все еще есть аристократы и простолюдины. Эхайны низкого происхождения, отчаянно ненавидя всех этих т'гардов, т'литтов и прочую знать, столь же отчаянно рвутся стать ими. Как, например, младший геургут Юзванд. Прикончить патриция Гтэрнегха было ему в радость. А стал бы он, скажем, четырнадцатым т'гардом Азитуэбром, то презирал бы всю эту подлую чернь, как презирали его.

— Общество не может устоять на презрении и ненависти, — робко заметила Озма.

— Может, — сказал Кратов. — Хотя и недолго. Наверное, я утрирую. Тот же геакетт Кэкбур — явный плебей, а эта ваша *беллатрикс*, леди Эограпп — рафинированная аристократка. Непохоже, чтобы они не ладили. Да и покойный Юзванд перед ней преклонялся.

— Как вы можете запоминать столько имен, столько чужих слов? — поразилась женщина. — И откуда вам знать, кто кого ненавидит или боготворит?!

— Я немного умею читать мысли, — солгал он, чтобы не углубляться в пространные разъяснения насчет эмоционального фона.

— О чем я сейчас думаю? — прищурилась Озма.

— Ну, это нетрудно угадать, — рассмеялся Кратов. — Вы непрочь глотнуть еще немного из фляжки, хотя глазенки ваши уже изрядно косят. Вы хотите укусить меня... или ущипнуть... в общем, нанести мне маленький, но ощутимый ущерб, чтобы я не сильно выпендривался. А еще вы устали и опять хотите ко мне на руки.

— Вы угадали почти все! — с негодованием воскликнула Озма и, примерившись, сильно ущипнула его за локоть.

— Остальные желания тоже вполне выполнимы, — сказал Кратов, протягивая ей фляжку.

Странно, но лишь после щипка он вдруг едва ли не впервые за эти дни вспомнил о Идменк. О Снежной Королеве с фиалковыми глазами и платиновыми волосами, брошеной им в пустом номере пансионата «Бель Эпок». А ведь еще недавно он и вообразить себе не мог, что способен не думать о ней хотя бы десять минут! Разумеется, у него было не так много времени на приятные воспоминания, и голова была занята разнообразными важными вещами, и все же — странно... Странно и стыдно.

— А теперь, пока вы меня понесете, — произнесла Озма величаво, — я буду рассказывать вам о своих телохранителях.

Кратов охотно подхватил ее на руки. Озма с облегчением пошевелила ступнями.

— Как вы думаете, — сказала она, — то, в каком положении я делаю это, не оскорбит их памяти?

— Они радуются, глядя на вас с небес, — проговорил Кратов, сохраняя на лице полную серьезность.

— Рори Моргантус, как и я, родился на Магии, — начала Озма. — Ему было тридцать... нет, тридцать два года. Вначале он пытался за мной ухаживать, но быстро понял, что Озма и Ольга — два разных существа. Озму еще можно было обо-

жать, но Ольга слишком скучна и занята, чтобы бегать с ним по ночным барам и кегельбанам... Но оставить меня без присмотра он не решился, и мой прежний продюсер взял его в охрану. Отгонять излишне экзальтированных почитателей, следить за порядком вокруг сцены... А вскоре он нашел себе подружку по душе, не помню, как ее звали — не то Мариза, не то Марианна... танцовщицу из кордебалета. По-моему, в последнее время он скорее приглядывал за ней, чем за мной. Иное дело Старый Гюнтер — так его все звали, и он действительно был старше и опытнее всех...

«Они облетели почти всю Галактику, — думал Кратов. — Опытные, как Старый Гюнтер, и просто прибившиеся к труппе, как Рори с Магии. Они просто были неподалеку, когда Озма выходила на сцену, потому что ей никто и никогда не угрожал. Кому могло прийти в голову поднять руку на принцессу из страны Оз? Оборвать ее волшебный голос — все равно, что посягнуть на всеобщую святыню. И они расслабились, утратили бдительность, закисли в рутине. А многомудрый Эрик Носов прохлопал ушами и не заменил их всех чохом на своих профи. И теперь мы имеем то, что имеем. Четыре мертвых человека на Эльдорадо, с Конрадом — пять, и бог знает сколько мертвых эхайнов на Юкзаане. Потому что т'гард Лихлэбр приступил к реализации своего плана, как истинный военный стратег — не считаясь с жертвами».

— Если уж вы копите злость на Хлиб... Либер... сами знаете кого, — в унисон его мыслям сказала Озма, — то не забудьте и про этого... с неприятным голосом.

— Ни за что, — пообещал Кратов.

...Когда уже почти стемнело, они выбрели на окраину какого-то поселка, выглядевшего совершенно вымершим. Ни единого огонька, ни самого слабого звука — хотя Озма упорно твердила, что слышит голоса и разнообразные шорохи. Впрочем, и сам Кратов ощущал размытое, сильно приглушенное расстоянием эмоциональное поле, что свидетельствовало о присутствии поблизости живых душ. Стучаться в двери домов они не стали, а нашли какой-то пустующий не то сарай, не то хлев и укрылись там на ночь. Кратову удалось отыскать в углу ворох сомнительного на вид ветхого тряпья, но

большого выбора у него не оставалось, и он подобрал эту рвань, чтобы укрыть Озму. Та уже спала в уголке, привалившись к не остывшей еще до конца каменной стене, и в непроглядной тьме его ночному зрению лицо ее показалось принадлежащим усталой двухсотлетней старушке.

5.

Сначала был резкий, малоприятный запах пропотевшей звериной шкуры. Затем пришел звук чужого тяжкого дыхания возле самого лица. И, наконец, влажная шершавая терка грубо пробороздила щеку и лоб.

Кратов открыл глаза...

И в ужасе шарахнулся.

Над ним неспешно покачивалось огромное бородавчатое рыло с идиотски скошенными выпуклыми бельмами и торчащими по краям слюнявой пасти желтыми бивнями. На концах бивней налипла земля, вывороченные синие губы нервно трепетали, словно чудище пыталось что-то сказать. Кратов проворно отполз прочь, пока его лопатки не уперлись в стену. Рыло немедля посунулось следом за ним. Дальше отступать было некуда. Он с трудом отвел глаза от кошмарной хари, между тем, как его руки шарили по земле в поисках хоть какого-нибудь оружия — палки или камня. Громоздкая башка без признаков ушных раковин сразу переходила в крутой загривок, где-то на заднем плане маячило необозримое, словно дирижабль, брюхо, устроенное по меньшей мере на шести мощных, прогнувшихся под гигантской тяжестью многопалых лапах.

Утомившись шлепать губами, монстр горестно мотнул башкой и взревел оркестровым басом.

В этот объемный звук легко и естественно вплелся высокий, почти на пределе, даже теперь весьма музыкальный визг Озмы.

Зверь был потрясен. Возможно, он испугался больше самой Озмы. Он сделал паническую попытку отпрянуть. Поскольку части его тела в силу значительной удаленности вряд ли могли двигаться слаженно, это выглядело так, словно он не то собрался в гармошку, не то просел внутрь самого себя.

Кратов броском переместился в сторону истошного визга, обхватил женщину за плечи и прижал к себе.

— Все в порядке... — пробормотал он. — Все хорошо... Это такая корова.

— Что такое «корова»? — всхлипнула Озма.

Теперь можно было и оглядеться.

Во-первых, «коров» было несколько, и все они в меру природного проворства старались покинуть помещение. Во-вторых, все они при этом стремительно избавлялись от продуктов собственной жизнедеятельности, что свежести утреннего воздуха никак не способствовало. А в-третьих, на пороге стоял кряжистый, оборванный и очень грязный эхайн с каким-то дрыном наперевес, глаза его были выпучены, челюсть отвисла едва ли не до пупа, а свалявшаяся соломенная волосня торчала дыбом.

— Тихо, тихо! — воскликнул Кратов, вскочив на ноги и выставив перед собой руки. — Мы не враги, и мы сейчас уйдем.

Он впервые видел испуганного эхайна. Вдобавок, это его простое движение повергло бедолагу в еще больший трепет.

— Так не пойдет, — негромко сказал Кратов. — Парень вот-вот либо обделается, либо умрет на месте...

Озма плавно поднялась и встала рядом с ним.

— Пожалуйста, успокойтесь, — почти пропела она. — Мы хотим лишь добра. Мы такие же люди, как и вы...

«Она просто не делает различий между людьми и эхайнами, — мелькнуло у Кратова в голове. — И потому не знает, насколько близка к истине!»

Голос Озмы привел к самым неожиданным последствиям.

Эхайн выронил дрын и упал на колени...

А затем, уткнувшись лицом в землю, окарачь пополз в направлении окончательно оторопевшей женщины, пока не уперся макушкой в ее слегка выставленную ладонь, да так и замер.

— Что я должна делать? — наконец спросила Озма.

— Благословите его! — растерянно фыркнул Кратов.

Звери немного успокоились и разбрелись по загону, не обращая на посторонних внимания. Некоторые укладывались

на землю, умащивая страховидные рыла на передние лапы и утомленно прикрывая глаза.

Внезапно стемнело. Перекрывая доступ солнечному свету, пробивавшемуся снаружи, в воротах возник еще один эхайн. Он был огромен, толст и очень стар.

Только что Кратов повидал испуганного эхайна. Теперь он мог впервые видеть и старого эхайна.

...Лет пять назад в Лондонском зоопарке его познакомили с Отцом Туком. Это был самый старый в нынешнем веке самец гориллы. Весу в нем было никак не меньше трех центнеров, ростом он не уступал Кратову, а ощущением самодостаточности намного превосходил. Самки до сих пор баловали его своим вниманием. Отец Тук понимал человеческую речь, курил крепкие сигары и всему, что булькало и пенилось, предпочитал сидр. Бочонок зелья, преподнесенный Кратовым в знак уважения, был моментально выпростан. Дружелюбия угрюмой седой физиономии патриарха это не прибавило, но эмо-фон засвидетельствовал некоторую благосклонность...

Если бы какими-то неимоверными уговорами, посулами и потоками сидра удалось понудить Отца Тука распрямиться во весь рост, напялить на него грубую хламиду, фартук и высокие, уделанные грязью сапоги, да выстричь неровными участками грязно-белую шерсть на рыле, не меняя присущего ему выражения мрачной угрозы, сходство показалось бы невероятным.

Старый эхайн распахнул клыкастую пасть. Казалось, вот-вот он присядет и ударит себя волосатыми лапами в выпяченную грудь...

— *Шьесс*! — загрохотал он. — *Юхлабш андозг'хэйд буэвуд юшэум-мене*! *Шхамихс*!

— Что он говорит? — прошептала Озма.

— Не понимаю ни единого слова, — стыдливо признался Кратов.

— *Шхамихс*, — повторил старик, обращаясь к коленопреклоненному эхайну. — *Уубройх... драд-дхэйам*!

— Он выругался, — вполголоса прокомментировал Кратов.

Первый эхайн выжидательно обратил чумазое лицо к Озме, словно испрашивал разрешения удалиться. Поразительно, но женщина его поняла.

— Да, конечно же, идите! — словно очнувшись, произнесла она.

Чумазый неловко поднялся и задом попятился к выходу. Старый эхайн перевел взгляд на незваных гостей. Выглядел он устрашающе. Но эмо-фон его говорил совсем иное.

— Что вам здесь нужно, пречистые яннарр и янтайрн? — прорычал эхайн.

— Мы лишь искали пристанища на ночь, — с достоинством, но не без гонора, произнес Кратов. — Наш транспорт по пути в Гверн был уничтожен мятежниками.

— Вы двигались в Гверн? — подняв желтую лохматую бровь, неопределенно переспросил старик.

— Да, на аудиенцию к гекхайану, — теряясь в догадках, не следовало бы утаить правду, сказал Кратов.

Эхайн не то закряхтел, не закашлялся.

— Загон для скота не лучшее место для ночлега, — проговорил он наконец. — Но, полагаю, у вас не было выбора. И если вас не испугали мои к'биозапгумы и этот грязный дурень Шьесс, который вдобавок еще и ни бельмеса не понимает на эххэге... — Он вперил тускло-желтые глазки в Озму. — Отчего молчит ваша спутница?

— Она не знает вашего языка, — объяснил Кратов. — Мы оба прибыли издалека. — Помолчав, он добавил: — Мы этлауки.

Старый эхайн, насупившись, пожевал сморщенными губами, словно пробовал это слово на вкус.

— Этлауки, — повторил он раздумчиво. — Демон его знает, где это... Простите мою необразованность, пречистый яннарр, но я не сведущ в географии. Должно быть, это на другом конце белого света.

— Это даже не на Юкзаане, — чистосердечно признал Кратов.

— Но вы не с Гхакнэшка? — спросил старик. — Или не с этого... не с Маккиутьефе?

— Безусловно, нет!

Никогда Кратову не было так легко и приятно говорить святую правду...

— Конечно, это дела не меняет, — проворчал эхайн. — Будь вы хоть откуда, я свой долг гостеприимства завсегда ис-

полню. Но, не во гнев будь сказано, кабы вы оказались Желтый или, не приведите небеса, Лиловый... несравнимо с меньшей охотой.

— Что он теперь говорит? — прошипела Озма с плохо скрываемым раздражением.

— Он приглашает нас в гости, — сказал Кратов.

— И вы примете приглашение?

— Еще и как приму!

6.

Старика эхайна звали Лэрдзорид, и он был «*гекхайэдд*» — что-то вроде поселкового старосты. Сам поселок Амулваэлх находился на изрядном удалении от Гверна, так что Кратову пришлось распроститься с мыслью достичь цели своего путешествия к исходу дня.

— Повозку я вам дать не могу, — виновато проурчал Лэрдзорид. — Время нынче сами видите какое... не ровен час, жахнут по дороге чем-нибудь с воздуха, и поминай как звали. А то еще откуда ни возьмись бронемехи наползут, что те, что другие. Разбираться они, понятное дело, не станут, а чтобы им поменьше хлопот, долбанут ракетой — и вся недолга...

— Что он говорит? — упавшим голосом, без надежды получить ответ, встряла в разговор Озма.

— Он говорит, что нам придется идти пешком, — отмахнулся Кратов.

— *Хорренде*... — пробормотала женщина. — Опять пешком... где взять столько ног, чтобы столько пройти пешком?!

— Что говорит пречистая янтайрн? — почтительно осведомился Лэрдзорид.

— Янтайрн Озма в ужасе. Перспектива пройти ногами огромное расстояние по обстреливаемой, открытой всем опасностям местности ее не радует.

— Это я понимаю, — кивнул эхайн. — Что ж тут веселого... Но есть две надежды помочь вашей скорби. Гекхайан ли прихлопнет т'гарда, т'гард ли скинет гекхайана — а тому, кто окажется сверху, всяко придется наводить порядок. Или, на самый худой конец, раз в десять дней через Амулваэлх проезжает фельдъегерский транспорт. Война войной, а не было еще случая, чтобы фельдъегеря вдруг изменили своему обычаю. Годков этак сорок назад, когда с одного боку садили по нас танки старого Нишортунна, а с другой — лучевые пушки

т'шегра Бойсвэбтуэбра, чтоб ему лихо было в Воинских Чертогах Небес... все равно в назначенный день и час подкатил транспорт, забрал налоговые отчеты, вывалил ведомости высочайших указов, чин по чину...

— И когда же ожидается прибытие транспорта? — терпеливо спросил Кратов.

— Если календарь не врет, да часы у меня не отстают... — промычал Лэрдзорид, — то завтра к вечеру уместно будет их ждать.

Озма молча повела бровками: о чем, мол, речь?

— Завтра, пречистая янтайрн, — сказал Кратов. — Если, конечно, все сложится удачно...

Пыльной, узенькой улочкой, что змеилась между поросших лиловым мохом высоких каменных стен, они прошли к дому гекхайэдда. Скорее это можно было назвать крепостью в миниатюре, чем жилым помещением. Его грубая архитектура являла собой полный контраст с воздушными, нарочито хрупкими интерьерами загородной резиденции на берегу океана. Стены сложены были из целых каменных глыб, между которыми кое-где, вне какого-либо порядка, виднелись узкие просветы. Озма дотронулась ладошкой до глубокой застарелой выбоины, следа прямого артиллерийского попадания, и тихонько вздохнула. Вход загораживала броневая плита в полтора эхайнских роста, в прежней жизни, верно, принадлежавшая боевой машине одного из буйствовавших в этих местах патрициев. Лэрдзорид, ворча что-то под нос, пнул плиту сапогом — та с душераздирающим скрежетом отползла.

— Не откажитесь сесть за мой стол, пречистые яннарр и янтайрн, — сказал старик. — Яства немудрящие, и пиво чересчур крепкое для непривычного пуза, но, боюсь, ничего лучшего вы здесь не найдете.

— А вот не окажется ли, почтенный Лэрдзорид, у вас чистой воды ополоснуть лицо и руки? — спросил Кратов.

— Это еще зачем?! — удивился тот.

Вода, однако же, нашлась. Продолжая удивленно качать лохматой башкой, эхайн указал дорогу к вделанным прямо в стену водоразборным кранам, принес большую кованую миску и полотенце из грубой, явно натуральной ткани. Пока Кра-

тов и Озма умывались, он стоял неподалеку и шумно вздыхал. Не то дивился чужим обычаям, не то жалел чего-то.

— Никогда бы не подумала, что где-то в Галактике люди живут в такой дикости, — сказала Озма. — То есть, я не капризничаю, мой Сиринкс тоже трудно назвать образцом цивилизации... Но это же просто средневековье!

Кратов промолчал. Он уже устал твердить, что никакие это не люди. И бесполезно было объяснять этой потусторонней дамочке, что в Галактике до сих пор непринужденно сосуществуют самые различные уклады и даже исторические эпохи.

К их возвращению стол был уже готов. В самом его центре стояла открытая емкость с пивом. В обшарпанных, а когда-то весьма искусно изготовленных из тонкого красноватого металла блюдах дымилось и расточало аппетитные ароматы белое мясо (вполне возможно, принадлежавшее одной из к'биозапгум), густо присыпанное тугими сизо-голубыми листочками какого-то местного салата. И ни слабейшего намека на столовые приборы. Озма, присев на краешек деревянной скамьи, бросила беспомощный взгляд на Кратова. «Ну вот, — читалось в ее глазах. — Только что отмыли руки от грязи...» Кратов, усмехаясь, наполнил пивом свою кружку и единым духом опорожнил. Старик одобрительно пошевелил бровями. Действительно, слабая бражка из припасов «Айбмишогвирка» с этим напитком не шла ни в какое сравнение. Но человеку, вкусившему во время оно крови древесного моллюска с перцем и солью в застолье у блистательного виконта Лойцхи, с тех пор любое пойло было нипочем. Озма, мысленно приняв какое-то важное решение, тоже пригубила из своей кружки, поперхнулась, вытаращила глаза, но допила до конца. Утратив дар речи и лишь хлопая губами на манер магиотской бродячей рыбы, она ухватила кусок белого мяса обеими руками сразу. С ней все было в порядке. Лэрдзорид, хищно урча, глодал толстенную кость. Двое молодых эхайнов, прислуживавших застолью, статуями торчали в отдалении, с любопытством разглядывая гостей. Ни тени надменной заносчивости, что в земной ксенологии считалась одним из отличительных признаков эхайнской расы, в них не наблюдалось. Кратов, пораженный этим внезапным открытием, даже прекратил же-

вать, когда в ответ на свой случайный взгляд в их сторону натолкнулся на смущенную улыбку. «Мы все делали не так, — подумал он. — Мы все делали неправильно. Кэкбур и его команда подловили нас на свою дезинформацию, как детей. А вояки вроде Эрика Носова и рады были. Нет в эхайнах никакой ксенофобии. И хваленый страховидный Эхлидх по большей части нами же и выдуман. Столько сил впустую... Одно утешает: эхайны точно так же понапрасну тратили свои силы и средства на то, чтобы нас обмануть, во имя самой пустой, самой бессмысленной цели».

С горя он выпил еще пива. Мысли в голове понемногу разбредались, словно стадо коров... а может быть, и к'биозапгум. Озма, подперев щеку рукой и вперив остановившийся взгляд в пустоту, задумчиво жевала голубой листик салата. Должно быть, сочиняла какую-нибудь мелодию. Самую прекрасную из мелодий под этими небесами. «Никто еще не слышал ни одной эхайнской песни, — сделал очередное неприятное открытие Кратов. — Мы даже не знаем, существует ли у них музыка. Мы знаем, что у них есть Кодекс Эхлидх и до черта иных прочих кодексов и уложений, а не знаем ни их музыки, ни их стихов. То есть, я сам видел, как они живо и даже излишне обостренно реагируют на внезапные озмины вокализы. Я помню еще, что творилось с этим подонком Лихлэбром на концерте Озмы. *Все его существо рыдало...* Мы еще кое-как разбираемся в их юриспруденции, но не имеем ни малейшего представления о культуре и сильно путаемся в их истории. Отсюда и все глупости, в которых я, несчастный самонадеянный идиот, вот уже несколько месяцев принимаю самое деятельное участие».

Кратов вдруг обнаружил, что давно и активно участвует в застольной беседе. То есть, вещает по преимуществу хозяин дома, а он подает осмысленные реплики и даже как-то реагирует на невнятные требования Озмы переводить.

— ...Я эхайн простой, — говорил Лэрдзорид. — На кой мне война? Я всех сыновей потерял на войне. У меня было три жены. Одну увели невесть куда и неизвестно что над нею учинили при т'шегре Бойсвэбтуэбре, чтоб его лежа подбрасывало в Воинских Чертогах Небес. Другая наглоталась ядови-

той пыли при втором т'гарде Лихлэбре и померла у меня на руках. А мне вот сынка его довелось дождаться... Последняя оказалась покрепче других: родилась при т'шегре, пережила второго т'гарда и дотянула до гекхайанского полновластия, но есть предел и женскому здоровью...

— Надо полагать, третий т'гард вам не слишком-то симпатичен.

— Я простой эхайн, — повторил Лэрдзорид. — Мне все равно какая власть, был бы порядок. А гекхайаны для того и поставлены над нами, чтобы порядок блюсти. Иначе на кой они нужны? И мне плевать, как будут величать моего гекхайана. И я буду его чтить, и в поселке все ему присягнут, а кто вздумает ерепениться, того мы живо... Возьмем того же Нишортунна. При старом Нишортунне я получил эту землю и построил на ней свой первый дом. Его потом пушки т'шегра снесли к трепаным демонам... Молодой Нишортунн поставил меня в гекхайэдды и освободил ото всех податей, как отца четырех доблестных воинов Светлой Руки. Как же мне его не чтить? — Эхайн со скворчанием припал к кружке. — Конечно, лучше бы у меня были живы все три жены и четыре сына, — сказал он после краткого раздумья. — Но тут уж ничего не поделаешь: воинский долг, Рыцарский Устав...

Лэрдзорид вдруг осекся на полуслове и замер с открытым ртом. Кратов, трудно поводя осоловелыми глазами, уже собирался спросить, что так озаботило почтенного старца. Как вдруг и сам все понял, и даже отчасти протрезвел.

Озма, умостив голову на руках, чтобы не падала, и смежив веки, тихонько и нежно что-то напевала, скорее даже — просто мурлыкала. Временами, будто забываясь, ее голос набирал силу — и вновь затихал. Слов было не разобрать, да и не нужны они были.

Под низкими каменными сводами в удушливом полумраке трепетал голосок волшебной флейты.

«Всякий раз, когда это происходит, — подумал Кратов, — передо мной словно открываются двери в иное измерение. Где все иначе, все устроено гармонично и прекрасно, соткано из лучей света и порхающих звуков музыки. Бог знает как она делает это своим голосом... И я едва успеваю туда заглянуть,

как все заканчивается. И на мою бедную голову рушится шершавый, грубый, дурно пахнущий, так называемый материальный мир. Конечно, я переживаю шок. И любой на моем месте переживает то же самое. И нам плохо здесь, и хочется обратно... в страну Оз. Потом-то, конечно, мы приходим в себя, забываем пережитое, холодно и отстраненно делимся впечатлениями, что-то по-дилетантски пытаемся оценивать и сравнивать. Хотя в глубине души понимаем, что этому нет оценок, не с чем сравнивать. И в каждом из нас навечно остается крохотный, согревающий душу осколочек сказки. И мы уже никогда не станем прежними. Мы будем чуть добрее и лучше, чем были. — Он поглядел на застывшее, словно неумело вырубленное из пористого камня троглодитовым инструментом лицо Лэрдзорида. — Но ведь и эхайнам тоже перепадает от этого волшебства! И никому не понять, что они, несчастные, непривычные, не готовые ни к чему похожему, переживают в такие минуты...»

Голова Озмы наконец упала, голос прервался.

По морщинистым щекам Лэрдзорида бежали слезы.

— Что это?.. — просипел он перехваченным горлом. — Что это было? — Он нахмурился, словно пытаясь ухватиться за внезапно промелькнувшую догадку. — Кто вы такие? Откуда появились? Вы что — ангелы?

Кратов отрицательно помотал головой.

— Я уже точно не ангел, — пробормотал он неверным языком. — Вот она — может быть...

— Драд-дхэйам, — выругался эхайн. — Как такое возможно? Я даже вытрезвился от хмеля! То-то я смотрю, а этот дуралей Шьесс на карачках перед ней ползает! Да тут всякий не то что на карачках, а и на пузе поползет... У меня внутри все болит, вот уже сорок лет не стихает, едва я первую жену похоронил... а теперь вдруг все прояснилось и успокоилось. Будто было мне отпущение всех грехов. — Он с опасливым благоговением посмотрел на мирно спящую Озму. — Это светлый ангел залетел в мой дом. А я даже не умею его приветить как полагается...

— Сейчас этому ангелу нужна только мягкая и чистая постель, — сказал Кратов.

Лэрдзорид не глядя, через плечо, театральным шепотом гаркнул что-то на все том же варварском наречии — прислужники вышли из столбняка и кинулись выполнять распоряжение.

— И еще здесь что-то прозвучало насчет Рыцарского Устава, — продолжал Кратов.

— К демонам эту дрянь! — рявкнул Лэрдзорид и в испуге прихлопнул свой рот широченной ладонью. — Да простит пречистая янтайрн мой гнусный голос... Я не хочу даже вспоминать о войне. Как можно после такого?..

— Можно, — возразил Кратов. — Если совершенно умозрительно... У вас есть текст Устава?

— Нет у меня текста, — проворчал эхайн. — Зачем мне текст, когда я его наизусть помню... зря, что ли, зубрил его в унтерской школе?

— Отлично, — сказал Кратов. — То есть, конечно, безобразие, что в доме нет Рыцарского Устава!

— А на кой он нужен? — упирался Лэрдзорид. — Уж всех моих воинов давно нет в живых, а я свое под знаменами Нишортуннов давно отбарабанил.

— Все равно — непорядок... Что там говорится насчет ответственности солдат за их злодеяния против мирного имущества, скота и живых душ?

— Ничего такого не говорится, — удивленно сказал Лэрдзорид. — Солдаты в том неповинны. Что с них взять? А отвечать должны полководцы.

— Нельзя ли сформулировать поточнее?

Продолжая удивляться, Лэрдзорид сформулировал поточнее.

— Прекрасно, — заявил Кратов. — То есть, разумеется, полный бардак... В этом поселке есть суд?

— Есть, — покачал головой Лэрдзорид. — И чем же я провинился перед пречистым яннарром?

— Наоборот, — промолвил Кратов. — Вы меня несказано выручили. И не только меня. Так что ждите новых милостей от гекхайана.

— Нечего мне ждать, — буркнул старик. — Не вернет он мне ни жен, ни детей.

Неслышно приблизился один из прислужников, что-то прошелестел, указывая в направлении тростниковой сдвижной перегородки. Кратов поднялся из-за стола — хмеля как не бывало.

— Сейчас я уложу янтайрн Озму в постель, — сказал он, — а сам наведаюсь в ваш суд. Если случится что-то непредвиденное... Берегите ее, гекхайэдд.

— Я ее сберегу, — пообещал Лэрдзорид, глядя в сторону. — Я ее так сберегу, что демонам тошно станет. Я за нее всякому горло перерву, не посмотрю, что т'гард...

7.

Поселковый судья Дзатлэг, одних примерно лет с гекхайэддом, внешностью своей, однако же, напоминал отнюдь не Отца Тука, а пожилого, разморенного жарой льва. Седая грива была в беспорядке рассыпана по необозримым плечам, тусклые глазки прятались в морщинах, огромную рыхлую физиономию украшали пышные бакенбарды и густые висячие усы. На столе перед судьей лежала обязательная для отправления правосудия металлическая наковальня Традиций, а кристалл Справедливости был зажат в могучей лапе.

— Что угодно яннарру? — прохрипел судья Дзатлэг.

— Защиты от беззакония, разумеется, — объявил Кратов, приближаясь.

Судья смахнул просторным рукавом невидимую пыль со столешницы и, примерившись, грянул кристаллом о наковальню. Под деревянные своды воспарил чистый металлический звон. Эхайны, бесшумными тенями блуждавшие по залу суда и шепотом переговаривавшиеся, на мгновение застыли.

— В чем суть претензии? — вопросил судья.

— Я, Константин Кратов, — звучным голосом, как и полагалось, начал тот, — этлаук, — при этом слове дряблые щеки Дзатлэга дрогнули: он явно был осведомленнее хлебосольного и недалекого гекхайэдда, а несколько эхайнов опрометью кинулись к выходу, — временный гражданин города Тритоя, что на планете Эльдорадо, желаю обвинить военное руководство Светлой Руки Эхайнора, первым среди коего числится тсокхард Авипкух Вемлугд, седьмой т'монг Абшизгэмб, а последним — ашпайг Кьеллом Лгоумаа, третий т'гард Лихлэбр, в преступном и злоумышленном нарушении традиций и законов Светлой Руки, в частности — Уголовного уложения в том смысле, что допущено и не пресечено неправо-

мерное осуждение и наказание лиц, находящихся вне пределов юрисдикции означенного Уголовного уложения.

— Каковы факты, подлежащие рассмотрению суда? — нахмурясь, осведомился Дзатлэг.

— Боевые соединения Светлой Руки Эхайнора, руководимые упомянутыми лицами, а также иными военачальниками в обозначенном оными лицами интервале чинов и званий, в течение продолжительного времени ведут карательные акции против разумной расы этлауков и их союзников, не имея на то юридических оснований. Поскольку этлауки и их союзники не упоминаются в официальном реестре флоры и фауны Светлой Руки, издаваемом Эхлиамарской Академией натуралистики, они не могут считаться дикими животными, а должны быть недвусмысленно причислены к разумным существам. В то же время, они не могут быть объектами карательных операций либо иных репрессивных действий со стороны подданных Светлой Руки Эхайнора, поскольку пребывают вне пределов юрисдикции Уголовного уложения, каковое распространяется исключительно на эхайнов. С другой стороны, оглашаемая здесь претензия, формально направленная против всего личного состава боевых соединений Светлой Руки, включая младшие воинские чины и звания, а также рядовой состав, может быть существенно и ко всеобщей пользе ограничена лишь упомянутыми выше лицами. Как гласит Рыцарский Устав, «воины в пешем, верховом либо каком ином прочем строю не расплачиваются за злонамеренные, нерассудительные либо скудоумные деяния своих боевых вождей».

— Это так, — проворчал Дзатлэг. — Но правосудие в моем лице пребывает в сомнении: может ли этлаук, представитель стороны, которая по меньшей мере до решения суда должна рассматриваться в качестве неприятельской, заявлять иск в суде Светлой Руки Эхайнора...

— Полагаю, что может, — произнес Кратов. — Ибо нигде не сказано обратного.

Судья Дзатлэг задумчиво поиграл кристаллом Справедливости.

— Точно так же никто и никогда не говорил до сих пор, — сказал он, приоткрывая в усмешке желтые от старости клыки, —

что этлауки наделены смелостью, то есть качеством, более приличествующем воину-эхайну.

— Этлауки, ваша честь, наделены всеми качествами, подобающими разумному существу, — с достоинством заметил Кратов. — У них лишь иные мерила нравственных совершенств. Однако же, это не есть достаточный повод для их покарания...

Судья свирепо покосился в сторону сидевшего за терминалом молодого эхайна-секретаря, позволившего себе легкий и неуместный в зале суда смешок.

— И все же правосудие в моем лице находится в затруднении, — изрек он.

— В чем же причина? — недовольно спросил Кратов. — Я невнятно изложил суть дела?

— И это тоже, — рыкнул Дзатлэг. — Я способен отдать дань уважения вашей отваге. Но вам следовало бы избрать для предъявления столь серьезной претензии более высокую инстанцию...

— Я не могу ждать, — сказал Кратов. — Я могу просто не добраться до Гверна, где, конечно же, более подходящее место для тяжбы двух галактических цивилизаций, нежели этот во всех иных отношениях достойный населенный пункт. Но я полагал, что принять и зарегистрировать иск в Верховном суде Юкзаана можете и вы.

— Я всего лишь поселковый судья, — покачал головой Дзатлэг.

— А разве бывает поселковое правосудие? — усомнился Кратов.

— В окрестностях Амулваэлха стоит эскадрон бронемехов т'гарда Лихлэбра, — сказал Дзатлэг, — Если ко мне применят силу — что мне останется, как не подчиниться ей?

— Кто же отважится применить силу к столь уважаемому лицу?!

Вместо ответа судья Дзатлэг глазами указал на дверь.

— Мне что — убираться отсюда ни с чем?! — вспыхнул Кратов.

— Это вполне возможно, — уклончиво произнес судья. — Уж как получится...

Тихий шелест голосов, что не смолкал ни на мгновение, вдруг разом оборвался, словно кто-то воспользовался невидимым регулятором громкости, и в здании суда установилось абсолютное молчание. Утопая в ауре всеобщего неодобрения, Кратов обернулся.

На пороге стояли двое гигантских эхайнов в полевых комбинезонах бронетехников. В руках у каждого был разрядник, на рожах соблюдалось одинаково зверское выражение, а желтые зенки уставлены были на Кратова.

8.

— Эй, ты! — проскрежетал тот, что был чуть впереди, и состоял, как видно, в чине «*дзиарда*», то есть — был за старшего. — Поди-ка сюда!

— Сейчас, — ответил Кратов. — Прямо-таки побегу запинаясь и приплясывая.

Люто ощерившись, эхайны двинулись на него. Этаких два ходячих «хоррога»...

— Прекратить! — дребезжащим от возмущения голосом возгласил судья Дзатлэг.

— Виноваты, ваша честь, — равнодушно проронил дзиард. — Прощения просим... У нас есть приказ — взять этого этлаука, где бы он ни хоронился.

— Не сметь бесчинствовать в помещении суда! — выкрикнул судья, в ожесточении хватив кристаллом Справедливости о наковальню Традиций.

На это движение, очевидно, ушли все силы. Дзатлэг грузно осел в своем кресле и прикрыл лицо рукавом, словно не желая видеть творящееся безобразие.

— Руки, руки покажи, скотина! — прорычал второй эхайн, вскидывая оружие.

Кратов с готовностью развел пустые ладони.

И, увернувшись от нацеленного в лоб раструба энергоразрядника, подсек бронетехника под обе ноги. Тот, не ожидавший сколько-нибудь серьезного сопротивления и потому застигнутый врасплох, рухнул со страшным грохотом, грянувшись об узорчатый пол всеми своими жестянками, панцирными пластинами и затылком в черном шлеме. Энергоразрядник, впрочем, остался в руках у Кратова, который без секунды промедления въехал прикладом оружия дзиарду в челюсть. Челюсть была могучая, далеко выпяченная, не промахнешься.

Как он и хотел сделать сразу по прибытии на Юкзаан!

Кратов огляделся. Поле боя осталось за силами Федерации. Не устояв перед соблазном, он испустил боевой клич древних ирокезов.

Посетители суда, все еще сохраняя полное молчание, которое нарушали хлюпаньем расквашенных носов поверженные бронетехники, смотрели на него с искренним любопытством, и аура, что исходила от них, была самой что ни на есть благожелательной и даже одобрительной.

— Драд-дегнид, — произнес, мотая башкой в сползшем на лицо шлеме, дзиард. — Клянусь, я такое раньше только по ящику видел... в этом, как бишь его, в «Векхеше»...

Второй эхайн мычал разбитыми губами что-то чрезвычайно скверное, тщетно пытаясь сесть.

— Вы можете идти? — спросил Кратов.

— Ну, не сразу... — осторожно сказал дзиард.

— Отведете меня к т'гарду Лихлэбру.

— Драд-дегнид! — снова выругался дзиард. — Да с готовностью! Мы же за тем и пришли, нежить ты космическая!

Кратов обернулся к ледяному монументу оскорбленного правосудия, судье Дзатлэгу.

— Извините за это неподобство, ваша честь, — сказал он. — Так как же складываются наши дела?

— Ваш иск принят, — величественно произнес судья, вознося кристалл Справедливости над головой. — Он зарегистрирован в Верховном суде Юкзаана, так что никакие противоправные силы не в состоянии его отозвать.

9.

Они шли между тесно стоящих и едва ли не задевающих друг дружку бортами бронемехов, чьи грязно-желтые в свежих следах копоти купола с грозно выпяченными раструбами лазеров и нацеленными в зенит ракетными капсулами, подпираемые массивными ногами-колоннами, нависали над ними, как творения рук спятившего архитектора. Или как головы дивовидных допотопных монстров, в чье стадо они имели неосторожность забрести.

Кратову не раз доводилось наблюдать внеземную военную технику на расстоянии протянутой руки. И всегда при этом он испытывал смешанное чувство восторга и неловкости.

Восторг, должно быть, происходил из детства, от обычных мальчишеских игр в «войнушку», когда толпа чумазых сорвиголов, воспламененная каким-нибудь старинным кино или последними новостями из Галактики, вдруг проникалась милитаристским энтузиазмом и, в меру своего понимания, разыгрывала в лицах только что увиденное. Монгольские просторы содрогались от атаки конницы Чапая на боевые порядки Аттилы. Взбунтовавшиеся рабы Спартака смыкались с пугачевским сбродом и лавиной катились на штурм Рейхстага. Панцирной драконнице квэррагского маршала Шароба удалось-таки взять штурмом абхугскую крепость Аннирнеах (о чем в реальности он мог только мечтать вплоть до отставки по дряхлости и немощи посредством почетного заклания рукой генералиссимуса Чозура). И даже внезапное появление черного лорда Вейдера в стане осажденных не пошло им на пользу.

Что же до неловкости, то она пришла с годами, когда стало понятно, каким напряжением лучших умов и силами лучших рабочих рук, какими затратами невосстановимых ресурсов и энергии, каким голодом и лишениями, — какой чудовищной ценой, совершенно несоизмеримой с трезвыми сооб-

ражениями о реальной пользе и целесообразности, давались каждой цивилизации эти сверкающие чистым металлом, изрыгающие адское пламя, развевающие радужными деструктивными полями, неистребимые и неукротимые игрушки! (В далеком своем детстве он мог лишь мечтать о таких. В ту пору роль боевых слонов Ганнибала, танков Гудериана и драконов Шароба, в дополнение к своему естественному предназначению, выполняли приземистые монгольские лошадки. А уж самым грозным боевым средством — где-то на уровне полифункционального двенадцатиметрового робота «Прокруст» или трехглавого дракона-мутанта класса «кшерпиорд» — считался пожилой верблюд Камелбат. За буханкой хлеба, вымоченного в соленой воде, он готов был плестись, не разбирая дороги, хоть в тартарары, и никакие стены самой неприступной крепости, в полтора подростковых роста, из тростника пополам с колючкой, не могли его остановить.)

Вот и сейчас Кратов брел, досадливо морщась, чувствуя себя недужным верблюдом пенсионного возраста, которому, к тому же, впереди ничто не сулит желанную награду в размере полутора фунтов соленого хлеба. Брел мимо побитых снарядами и опаленных огнем боевых машин, сопровождаемый неприязненными взглядами усталых, еще не залечивших свежие шрамы и ожоги вояк в грязных доспехах. «Экскаваторы, стало быть? — думал он с нарастающим раздражением. — Самоходные повозки общего пользования? Огромный, видать, конвейер денно и нощно трудился, чтобы выпустить на свет божий эту вот липовую повозку, чудо инженерной мысли... а теперь она валяется на боку, дура дурой, задрав кверху единственную целую страусиную лапу, в то время, как другая лапа залпом из какого-нибудь не менее липового сельскохозяйственного, допустим, комбайна превращена в металлический жом и ремонту никак не подлежит, а из-под кожуха сочится очень уж густой и едучий дым... как означенная повозка до расположения эскадрона дотащилась, можно только гадать, но, как видно, все же дотащилась — и тут же пала. А уж сколько не добрели и так и остались коптить небо на поле брани, это мы своими глазами видели. Так что векхешу поганому под хвост всю вашу умелую работу, весь ваш ударный

труд на благо Эхайнора за текущий три тысячи сто десятый от Великого Самопознания год...»

Кьеллом Лгоумаа, третий т'гард Лихлэбр, стоял на пороге одноэтажного здания, неровно и наспех сложенного из серой пемзы, и с аристократическим презрением взирал на приближающуюся процессию. Презрение как родовой признак было единственное, что осталось в его облике от щеголя, несколько дней назад ступившего на мокрые плиты космодрома после авантюрного рейда на Эльдорадо. Черные бархатные брюки были густо побиты пылью и изрядно пообтрепались. Кремовый мундир был небрежно расстегнут на мощной груди, затянутой в тонкое черное трико, а позолота с генеалогического древа местами осыпалась. Аксельбанты неряшливо свисали едва ли не до колен, а пояс со множеством петелек и крючочков был почти распущен. Забавное пенсне сидело на хрящеватом носу немного криво. И лишь тросточка не изменилась и по-прежнему выглядела в лапе т'гарда неуместной игрушкой.

— Дзиард! — наконец разомкнул он челюсти-жернова. — Что за бардак я вижу? Кто кого конвоирует?!

— Виноват, т'гард, — буркнул дзиард. — Не мог знать, что при задержании столкнусь с сопротивлением. Не предупрежден был. В результате лишился личного оружия и, как изволите видеть, схлопотал по роже...

Второй эхайн молча смотрел в сторону.

— Животное, — сказал Лихлэбр. — Плод греха векхеша и к'биозапгумы. Пшли оба с глаз моих!

— Куда прикажете? — хмуро осведомился дзиард.

— Под арест до разбирательства, куда же еще...

— Но... вооруженный этлаук... как же вы...

— Чтобы я опасался этлаука? — изумился Лихлэбр. — Даже с оружием в лапах?!

Попереминавшись с ноги на ногу, бронетехники смущенно отсалютовали и побрели куда-то между куполами «рэйлгагов» и «хоррогов».

Кратов как бы ненароком приподнял один из своих разрядников.

За спиной т'гарда тотчас же выросли трое эхайнов в комбинезонах без знаков различий, с головы до ног обвешанные

самым разнообразным оружием, среди которых угадывались и «шершни», и «двойные жала», и чертова прорва смертоносных игрушек неясного предназначения. Ближайший из «рэйлгагов» шевельнул башенкой, из которой торчало тупое рыло боевого лазера.

— Яннарр Кратов, — сказал Лихлэбр на интерлинге. — Вы не дошли до Гверна, как ни грозились.

— Я должен был завернуть в местный суд, — сказал тот.

Эхайн прищурил желтые глазищи:

— Неужто добрались-таки до Рыцарского Устава?

— Добрался. И, надеюсь, ваши судебные жернова уже провернулись... на несколько градусов.

— Что ж, вполне быть может, что кому-то из ветхих пердунов в Круге Старейшин ваша слезница доставит искреннее наслаждение, — усмехнулся Лихлэбр. — Какое-то время уйдет на обсуждение того, вправе ли этлаук обращаться в органы эхайнского правосудия. Затем будет проведен основательный поиск прецедентов, и наверняка будут таковые найдены, причем с трактовками как «за», так и «против»... Все это теперь не имеет значения. Когда я возьму Гверн, на планете воцарится Рыцарский Устав. Тот самый, к которому вы апеллировали и который не только предусматривает исключительную ответственность высших военачальников за их действия, но и отменяет все иные законы на время войны.

— Вам никогда не взять Гверн, — сказал Кратов. — Даже если вам помогут чужие Руки...

— Даже если мне помогут этлауки и цмортенги? — притворно удивился Лихлэбр.

— Что?!

— Вы все сделали правильно, яннарр Кратов, — оскалил клыки эхайн. — Я не мог бы лучше направлять вас, даже будучи рядом и постоянно нашептывая на ухо каждый следующий шаг.

Кратов, нахмурившись, прислушивался к его словам.

— Мне нужна была только Озма, — продолжал Лихлэбр. — Но мне повезло, и я прихватил еще и Галактического Консула. Две тяжелых фигуры вместо одной пешки... Я сам хотел подсунуть вас Нишортунну, но этот труд взял на себя идиот

Кэкбур. Пока я ломал голову, как правдоподобно известить Федерацию о вашем месте пребывания, вы использовали свое право на исполняемые требования, да так, что у меня перестала болеть голова сразу о двух вещах: о блокаде Эхлиамара и доступе к персоне Справедливого и Беспорочного. Вы опрометчиво потребовали, чтобы Федерации было сообщено, будто вы находитесь на Эхлиамаре, и эта телка Эограпп со свойственным ей мрачным юмором выполнила ваше требование буквально. В результате флот Федерации встал на орбиту Эхлиамара, а Ниишортунна эвакуировали оттуда последним рейсом... на Юказаан, вотчину Лихлэбров, где до сих пор при имени моего деда, первого т'гарда, кто вытягивается в струнку, а кто и делает в штаны... Согласитесь, только ленивый и глупый откажется в этом случае посягнуть на регалии гекхайана.

— Зачем вам эти регалии, т'гард? — спросил Кратов. — Я голову ставлю на кон, что еще пару лет назад вы и не помышляли об измене!

— Я никогда не изменял Эхайнору, — возразил Лихлэбр. — Война против этлауков и всех этих читрунов — мой священный долг. И сознавать, что кучка правителей-ренегатов прилагает немалые усилия, дабы преступить древние присяги и выйти из войны, для меня всегда было невыносимо.

— И однажды вы нашли поддержку у других гекхайанов, — покачал головой Кратов. — Я даже рискну угадать: это кто-то из мелкоты, например — Лиловая Рука...

По вскинутым бровям эхайна он понял, что попал в цель. Хотя до последнего момента на языке у него вертелось слово «Желтая»!

— Я даже объясню вам, какую цель преследовал Гхакнэшк, — развил он успех. — Коротким и хилым Рукам не нужен сильный Эхлиамар. Он для них — словно кость в горле, словно изгородь из колючей проволоки на пути в Георапренлукш. Ведь среди пяти гексиамов — двое Светлых Эхайнов, и ни одного Лилового! Смута же в Светлой Руке, вне зависимости от ее исхода, сыграет в пользу Лиловых сразу с двух концов: подорвет доверие к Эхлиамару со стороны Георапренлукша и ослабит сам Эхлиамар изнутри, автоматически низведя его до уровня аутсайдеров.

— В ваших рассуждениях есть определенная варварская логика, — согласился Лихлэбр. — Хотя, потрудитесь признать, что вы как ничего не понимали, так и сейчас не понимаете в наших реалиях.

— Ну, сейчас я сильно продвинулся на пути к истине...

— Так вот: если и были у Гхакнэшка какие-то виды на место в Георапренлукше, то ему придется поумерить свое рвение. После падения дома Нишортуннов наша нация станет еще сильнее. Мы порвем с упадочническими идеями сепаратизма и выйдем из этих испытаний обновленными.

— Будет вам, — отмахнулся Кратов. — Приберегите этот экзальтированный бред для патриотично озабоченных дебилов. Мы же с вами прекрасно разговариваем как два специалиста по интригам... Какое же место в вашем плане уготовано было Федерации?

— Было — и продолжает быть, — поправил его Лихлэбр. — Потому что ничего еще не закончилось. Вы, словно бумеранг, поблуждав некоторое время в пространстве, воротились в мои руки. Разумеется, Озма для меня важнее. Пока она моя заложница, я могу диктовать свою волю и Нишортунну, и Федерации. И если первый не рискнет обрушить на мою пацирную бригаду удар своих ракетных бомбардировщиков, то вторая поможет мне справиться с первым.

— Откуда такая уверенность... насчет гекхайана?

— Он уже давно раб Озмы. — Лицо т'гарда дернулось. — Я — нет.

— *Но у вас и нет Озмы*, — раздельно проговорил Кратов.

— *Она будет у меня*, — эхайн без труда уловил скрытый подтекст. — За ней уже послали. Вы полагаете, моим бойцам будет трудно выяснить, у кого в доме объявились нежданные гости?! Вам сразу не следовало останавливаться на ночлег. Ведь вы шли в Гверн! — сказал Лихлэбр с иронией. — Зачем же вы решили свернуть с прямого пути?

Охранники с самыми пасмурными рожами напряженно вслушивались в незнакомую речь, стараясь уловить напряженные нотки. И напрасно: могло показаться, будто два старых приятеля мирно беседуют на отвлеченные темы.

— Лично вы, яннарр Кратов, мне уже не столь отвратительны, как это было в первую нашу встречу, — заметил т'гард. — Как воин-эхайн я оценил тяжесть вашей руки, а как политик уважаю ваши попытки достичь намеченной цели мирными средствами. Но должен вас предупредить: вы не играете заметной роли в моих планах. Вы даже не нужны мне живым. В конце концов, я всегда могу убедить Федерацию, что вы погибли в той памятной стычке между моим Двенадцатым эскадроном и танковой ротой Нишортунна, причем от ракетного залпа со стороны последних.

— Но местный гекхайэдд, судья и целая толпа эхайнов могут поведать кое-что иное...

— Идет война, яннарр. Кто вспомнит о небольшом поселке, по которому прошлись ходулями и ракетами неизвестно даже чьи боевые части?!

— Благодарю за откровенность, т'гард, — поклонился Кратов. — Увы, не могу ответить той же любезностью. Чем лучше я вас узнаю, тем больше ненавижу. Неприятное чувство для ксенолога, но тут уж ничего не поделать... Наверное, все началось с Пляжа Лемуров на Эльдорадо. Вам не следовало убивать парней из охраны Озмы. Отвратительно, когда людей принимают за фигурки в своей игре и не задумываясь сметают с игровой доски. Я даже их не знал, но не могу смириться с тем, что их уже нет. Лишь потому нет, что вы смахнули их со своей игровой доски.

— Я и не льстил себе надеждой на вашу приязнь, — развел руками Лихлэбр. — У вас есть еще что-нибудь существенное, чтобы сказать мне напоследок?

— За неимением бумаги в последнее время я привык размышлять вслух. Так что позвольте мне подвести итоги нашему знакомству.

— Выслушаю с любопытством.

— Итак, вы твердо намерены узурпировать власть в Светлой Руке, силой отобрав титул гекхайана у Нишортунна.

— Верно, яннарр Кратов.

— Не имея значительных сил, дабы впрямую бросить вызов вооруженным силам правящего дома, вы решили разыграть многоходовую интригу. Вам нужно было блокировать

основные воинские части Нишортунна на Эхлиамаре и уничтожить его, имея в распоряжении лишь одну панцирную бригаду и еще какие-то разрозненные боевые порядки. Здесь вам действительно очень помог этот загадочный флот Федерации, о существовании которого даже я не подозревал до последнего момента.

— Постараюсь вам верить...

— Используя Озму и меня как заложников, вы намерены потребовать от Федерации невмешательства, а в случае неудачи — и военной поддержки.

— Все так.

— Да нет, все не так, т'гард.

— Отчего же? — нахмурился Лихлэбр.

— Для начала сообщу, что мы принципиально не поддерживаем мятежников. Внутренние распри — не наше дело. Мы всегда разговариваем с официальной властью. Вы можете сражаться за правое дело или быть оголтелым террористом, мы можем даже сочувствовать вам и разделять ваши убеждения — хотя к вам это, безусловно, не относится! Но пока вы противостоите власти как мятежник — вы для нас не существуете. И даже курьезно говорить о вооруженной поддержке. А уж если вы одержите верх — ну, тогда мы к вашим услугам.

— Политика трупоедов...

— Есть дела внутренние и есть дела внешние. Мы давно уже научились отделять котлеты от мух. А вы? Эта ваша блошиная возня на крохотном клочке суши, которую вы называете военными действиями... Неужели вы серьезно собирались требовать от Федерации, от Галактического Братства участия в этом балагане?!

Лихлэбр, грозно сопя, не отвечал.

— Эти ваши механические динозавры, — Кратов обвел рукой теснившиеся вокруг громады бронемехов. — Эти ваши боевые лазеры... какие-то смехотворные энергоразрядники... «шершни»... С этим дерьмом вы собирались противостоять Галактике? Драд-двегорш, да это нам на один зуб! Если дойдет до дела — вас сомнут и не заметят. Как только станет ясно, что Озма не на Эхлиамаре, а на Юкзааис, ее мгновенно освободят. Мгновенно! Сию же секунду! И никто не примет в

расчет ваши замечательные прожекты и самонадеянные претензии на престол. Быть может, мы стоим здесь и болтаем о пустяках, а все уже началось...

Лицо т'гарда не дрогнуло, но эмо-фон выдавал его с головой.

— Что с вами? — напористо спросил Кратов. — Есть нечто, о чем я не знаю? Все уже и впрямь началось, а?

— И тем не менее, вы у меня в руках, — прошипел Лихлэбр. — Не знаю, как насчет Озмы, но вас никто не успеет освободить...

— Неприятное положение, правда? — недобро засмеялся Кратов. — Ничего, сейчас я попытаюсь его исправить.

10.

Он сделал несколько быстрых шагов назад и оказался один на свободном пятачке между бронемехами.

— Чем не рыночная площадь? — спросил он, переходя на «эхойлан». — Как вы полагаете, т'гард? Конечно, нет положенных трех тысяч квадратных шагов, но ведь машины могут немного сдать назад, не так ли?

— Он сошел с ума, — брезгливо проронил Лихлэбр. — И это — поганый этлаук в стане эхайнов. Убрать его!

Охранники ходячими монументами двинулись вперед. Кратов попятился.

— Я, Константин Кратов, временный гражданин города Тритоя, что на планете Эльдорадо, — завопил он во все горло, — напоминаю тебе, гнусный мятежник, что ты был вызван мной на Суд справедливости и силы! Три дня истекли, но ты, вместо того, чтобы явиться, трусливо сбежал. И, укрывшись за броней своих танков, предпочел разрешить наш спор мятежом против законного властителя!

— Прекратите балаган, яннарр Кратов! — крикнул Лихлэбр на интерлинге. — Я просто убью вас. Я пошевелю пальцем...

— Вы не можете просто убить меня, как бы ни желали! — возразил Кратов на «эхойлане». — Потому что даже я, этлаук, нахожусь под защитой Статута справедливости, а вы подло и клятвопреступно его попираете!

С лязгом распахнулись люки. Эхайны выглядывали наружу, некоторые спрыгивали на землю, чтобы поспеть в первые ряды зрителей. Закопченные грубые физиономии с блестящими от любопытства янтарными глазами...

Т'гард зарычал.

— Я готов! — рявкнул он. — Прямо здесь, прямо сейчас!

Кратов посмотрел на «Горний гнев», все еще болтавшийся в его руке. И отшвырнул его в сторону.

— Мне не нужно этих побрякушек, чтобы доказать свою правоту! — крикнул он. — Я могу убить тебя голыми руками. А ты, вельможный засранец, способен на такую доблесть?

Один из «рэйлгагов», украшенный тем же родовым символом, что был вышит на рукаве т'гардского мундира, с готовностью прянул навстречу хозяину.

— Я раздавлю тебя, как слизняка! — прогремел Лихлэбр. — Статут справедливости на моей стороне!

Кратов залился самым отвратительным смехом, на какой только был способен.

— Ваш т'гард — трус! — выкрикнул он в толпу. — Он боится меня, маленького этлаука. Он боится остаться со мной один на один. Вы слышите, эхайны? Вами командует трусливый говнюк!

Сразу два бронемеха проворно сдвинулись вперед, преградив дорогу венценосной машине.

— Т'гард, — сипло сказал сидевший на броне эхайн. — Вы и впрямь уступите этлауку в доблести?

— Хха! — гаркнул Лихлэбр и плюнул себе под ноги. — Хха! — И он отшвырнул свою трость. — Я разорву его пополам, а потом каждую половину — еще пополам. — Он содрал с себя мундир и не глядя метнул прочь — один из телохранителей ловко подхватил его на лету. — И сожру его сердце!

— Хочешь сожрать мое сердце? — Кратов снова обидно захохотал. — Ты подавишься одними словами о моем сердце, стервятник!

Интерлюдия. Земля

На лужайке, небрежно облокотившись о лоснящийся бок Рыбы-Кита, Спирин втолковывал сидевшему перед ним на травке Торренту:

— Сообщения такого рода принципиально не могут быть нечитаемыми! Какой смысл отправлять письмо, которое никто не сможет прочесть? Давайте договоримся, что никому не станем отказывать в здравом смысле!

— Даже среди людей в понятие здравого смысла зачастую вкладывается разное содержание, — иронически ухмыляясь, возразил Торрент. Перед ним стоял портативный мемоселектор с мигающим экраном, по которому весело скакали загадочные фигурки. — Иногда самое фантастическое. Вам не доводилось рассуждать о здравом смысле с шизофрениками?

— Да вот только что, — съязвил Спирин. — Если мы хотя бы на миг допустим, что имеем дело с существами, безумными или даже ограниченно дееспособными по нашим меркам, тогда уж точно — все наши последние дела, слова и намерения лишены упомянутого здравого смысла...

— Почему существами? — пожал плечами Торрент. — Вы их видели? Щупали? Обоняли? Может быть, мы столкнулись с неким упорядоченным процессом, который всего лишь развивается по неведомым нам законам природы и вызывает экзометральные возмущения, которые мы в силу органически присущей нам узости восприятия интерпретируем как попытку контакта? Да может, и процесса никакого нет, а есть случайное стечение обстоятельств, отягощенное параноидальным бредом. Массовый психоз. Истории известны примеры таких психозов. «Летающие тарелки». Второе пришествие...

— Этак вы договоритесь до того, что и «длинного сообщения» никакого нет! — взъярился Спирин.

— А что же, и договорюсь, — хладнокровно подтвердил Торрент.

— Но информационная перегрузка ментальных структур ертауловского мозга подтверждена авторитетным специали-

стом, которому, кажется, даже вы со своим подростковым нигилизмом склонны доверять!

— Осталось только установить то же самое для Кратова и Зоравицы. И хорошо бы эксгумировать Пазура. А заодно и както разобраться с теми двумя тахамауками. И вы меня убедите.

— Послушайте, Уго, — промолвил Спирин с недобрым любопытством. — Для вас есть хоть что-нибудь святое?

— Есть, — не поднимая головы, ответил тот. — Например, святая истина. Еще, пожалуй, святая дева Мария. Предмет же нашей дискуссии в число святынь, поверьте, никак не входит — ни по одному параметру.

— Да я не о предмете. Я об уважении к усопшим. Если угодно — о душе... — Спирин досадливо отвернулся и увидел бредущего к ним Кратова. —

Кто пожаловал к нам!
Да ведь это сама Ее милость
Лесная жаба!..[1]

— продекламировал он с воодушевлением.

— Спасибо, — усмехнулся Кратов, невольно вспомнив обиженный голосок Марси.

— По вашему примеру, я увлекся японской поэзией, — горделиво сообщил Спирин. — И прекрасно вас понимаю. Всем нам недостает любовного созерцания. Все мы испытываем дефицит душевной гармонии. Вот сейчас мы как раз с доктором Торрентом полемизируем о душе...

— Не о душе, — безжалостно сказал юнец. — О покойниках, которых хорошо бы потревожить. И о том, что напрасно мы весь этот огород городим. Что с вами, доктор Кратов? На вас лица нет.

— Кажется, я его потерял, — промолвил тот.

— Вами всерьез занялись земные женщины, — горестно кивая, посочувствовал Спирин.

— А, понимаю, — захихикал Торрент. — То еще приключеньице...

— Вам-то откуда знать? — поразился Спирин. — Что вы-то можете понимать, сопляк этакий?!

---

[1] Исса (1763 — 1827). Перевод с японского А.Долина.

Кратов молча отодвинул его и шлепнул Кита по боку. Приглашающе вскрылся люк, затянутый полупрозрачной белесой пленкой, кабина озарилась изнутри мягким желтоватым свечением. Тяжко вздыхая, с трудом, как старик, Кратов протиснулся в китовье чрево. Воронка люка за ним сомкнулась и пропала, словно ничего и не было.

— Потрясающе! — с восторгом выдохнул Спирин.

— Эту проблему я тоже изучал, — спокойно пояснил Торрент. — Я имею в виду — женщин. Естественно, у меня нет того практического опыта общения с ними, как у доктора Кратова или, допустим, у вас. Так что я теоретизировал... Как всякий психотоп, земной социум имеет свои специфические особенности. Гипертрофированная сексуальная преференциальность женщин...

— Заткнитесь, Уго, — попросил Спирин.

— Я-то заткнусь, — незлобиво откликнулся тот. — Но проблема-то останется!

* * *

«Одно слово... и не слово даже, а лишь мысленно высказанное желание... и меня здесь не будет. И я на Сфазисе. Вот Энграф удивится-то! Хотел бы я посмотреть на его вытянутую сверх обыкновенного физиономию... И даже непременную колкость взамен простого приветствия, я готов снести безропотно и, может быть, даже безответно.

Только бы снова оказаться там, а не здесь!

Я устал. Этот бег с препятствиями порядком меня вымотал. И прочие милые прелести земного бытия, вроде новых друзей и возлюбленных, не могут его скрасить. А чаще они могут выступать как новые препятствия... Я не только устал, но и запутался. Всю жизнь я стремился к простоте и прямизне. И в меру сил устраивал свою судьбу в этих спрямленных границах. На Земле это никогда не получалось. Не вышло и сейчас. Для развязывания гордиевых узлов особенно хорош обоюдоострый меч...

И отсидеться в китовьем чреве не удастся. Тоже мне, Иона недоделанный! А ведь еще совсем недавно, восседая на

этом же самом месте, я был полон решимости и отваги встретить лицом к лицу все новые испытания, что выпадут на мою долю. Господи, пока я метался по Галактике, шарашился из огня да в полымя, я был примитивен, как амеба! Я следовал элементарным инстинктам и животным позывам. Мной, как новорожденным кутенком, руководили бесхитростные ориентировочные рефлексы! Побольше узнать, побольше ухватить, навести порядок по своему пониманию... и дальше, дальше, дальше! Я думал, что там, в несусветной дали от дома, скрыто что-то важное, для меня пока недосягаемое, но вполне доступное, и осталось только решить две задачи: догнать это, ухватить за хвост или, там, за гриву, взнуздать и оседлать, а потом — понять, наконец, в чем важность его для меня и смысл... Я думал, что это — главное. Хотя спокон веку все мудрецы талдычат без роздыху: главное — неподалеку, совсем рядом, быть может — в тебе самом. За каким же дьяволом меня всю жизнь таскало по этой спиральной карусели, что в просторечии прозывается Галактикой?!

И вот я, со своими банальными амебьими реакциями на внешние раздражители, являюсь на Землю. И не перестаю поражаться, что эти раздражители уж слишком сильно меня раздражают. Можно сказать, бьют и колотят по самым больным и уязвимым местам. И я ни черта не понимаю в происходящем... Не сделав и шагу, я запутался в собственных женщинах, и их запутал, так что любо-дорого! Не удосужился разобраться с собственной матерью: хорошо ли ей, плохо ли, и есть ли у нее плечо, в которое можно при желании уткнуться и выплакаться, потому что мое плечо, как выяснилось, на эту роль мало годится. Ни разу не собрал вместе всех друзей, не поговорил с ними по душам, не выпил с ними хорошего вина... Грант — удивительное исключение, и он был лишь один из нескольких десятков тех, кого я числю в близких друзьях, и кто вне всякого сомнения постоянно пребывает на этой ужасной, словно нарочно выдуманной для того, чтобы сбить с толку и загнать в тупик бедного звездохода, планете... а вот Татор так и вовсе вынужден был явиться в мой дом своими ногами и предложить руку помощи... а тот же Аксютин, поди, и знать не знает, что я вот уже несколько месяцев болтаюсь

неподалеку, а тот же Митяй Лавриненков, с которым мы гоняли по степи верхом на полудиких монгольских лошадках, падали и обдирались в кровь о сухую колючку... а тот же Хатанбаатар, которого мы в насмешку звали «хулгана» за его росточек и черные бегающие глазенки-бусины, и мама все удивлялась, почему это такой славный паренек — и вдруг «хулиган»! — а прозвище на местном наречии означало всего-навсего «мышка», и когда мы с ним встретились лет восемь-десять назад, он все еще был шустрый черный мышонок, и жена у него была такая же веселая и юркая мышка, а мышат у них уже было, не соврать бы, четверо... и уж вовсе не стоит вспоминать о девчонках, теперь уже взрослых сорокалетних женщинах, о той же нескладной и шалопутной «страшной девушке» Еве-Лилит, о той же Инге с ее бешеным темпераментом и неистребимым, чистым познавательным интересом к мужикам... ей-богу, не стоит, чтобы не запутать все на свете еще сильнее (а эти милые дамы ничего так не любят и ничего не умеют лучше, нежели создавать вокруг себя хаос, бедлам и дом Эшеров)...

Обидно и отвратительно это сознавать, но наглый сопляк Уго Торрент снова оказался прав. Мы возвращаемся со звезд в родные дома и не находим старых стен. Мы пытаемся решить дифференциальные уравнения взрослого земного бытия при помощи четырех арифметических действий, которым научились в детстве. И не хотим признаться, что звезды ничему новому нас не научили. Конечно, и таким способом тоже можно найти решение — но это будет очень долгий, мучительный и, самое мерзкое, нудный процесс... И мы начинаем искать виноватых. И мы не можем привыкнуть. И мы закатываем истерики, глушим тоску и одиночество алкоголем и наркотиком, грубо и безыскусно рвем тонкую нить, что соединяет реальность и потусторонность. И мы спасаемся бегством назад в Галактику... где все просто и ясно, как мы и любим. И мы в самом деле становимся другими.

Вот я сижу в китовьем брюхе и молю небеса, чтобы к моему возвращению во внешний мир все сложности и запутанности рассосались сами собой и ко всеобщему удовольствию. Чтобы меня встретили с распростертыми объятиями и про-

светленными лицами любимая мама, любимая женщина и лучший друг. Чтобы куда-нибудь сгинули эти болтуны Спирин и Торрент с их веселыми и страшными побасенками про «длинное сообщение», про ЭМ-зверей и иную прочую дребедень, которой нет места в нормальной человеческой жизни. Чтобы никуда не нужно было лететь очертя голову. А если уж лететь, то чтобы никто не смотрел тебе вслед с разочарованием и укоризной.

Но этого не будет.

И я могу сколько угодно здесь прятаться, но ничего снаружи не изменится без моего вмешательства, без моего слова и дела. Так и будет разыгрываться сумбурная и бессвязная пьеска в стилистике чеховского «Платонова»: каждый говорит о своем и не слушает собеседника, а потом все хором удивляются тому, что висящее на стене ружье вдруг начинает в истерике и отчаянии палить очередями!

Так что сейчас я выйду на белый свет (как античный бог из античной же машины, любимый мой образ в классической трагедии) и начну раздавать всем сестрам по серьгам. И сам получать по делам своим... по возможности кротко и незлобиво.

И будь что будет.

Вряд ли это окажется страшнее, чем болота Пангелоса, жующие туннели Хомбо или налет взбесившихся пантавров на Галактический маяк. Вряд ли даже это окажется так же смертельно опасно, как генетическая чума на Сарагонде, огненный смерч на Магме-10 или танковая атака на Гверн.

А значит, я все это переживу. И, яко феникс какой, выйду из этого пламени обновленным.

Все-таки жизнь, что бы о ней ни сочиняли, в сущности, простая штука. И состоит она из таких простых вещей, как глупости, нелепицы и потери. Подвиги и трагедии в ней — большая редкость.

О! Это надо запомнить».

* * *

— Кит, я хочу выйти.

«Сейчас. Только...»

— Что — «только»?

«Ты уверен, что вправду хочешь этого?»

— Нисколько не уверен. И даже точно знаю, что не хочу. Ты это чувствуешь?

«Да. Чувствую. И лучше тебя знаю, чего бы ты хотел на самом деле».

— Любопытно...

«Ты хочешь положить ладони на пульт и отдать мне приказ. Тот приказ, которого я дожидаюсь уже целую вечность».

— Ты устал от Земли... тоже?

«Да. Устал. Хочу туда, где простор и звезды».

— Но, кажется, совсем недавно я выгуливал тебя к Лунному Ткачу!

«Вот именно — выгуливал! Я хочу там жить. Я давно не купался в холоде ночи и жаре солнц, не покачивался на волнах гравитации. Мне страшно, что скоро я разучусь летать. Это — не мой мир. Я не умею жить в нем. Я здесь, словно в темной и душной клетке».

— Откуда ты знаешь, каково жить в клетке?!

«Не знаю. И не хочу знать. Знаю только, что это плохо и скучно. Это твои мысли, я лишь повторяю их. Это тебе плохо и скучно. И ты тоже хочешь сорваться с места и одним скачком очутиться за несколько световых лет отсюда».

— Увы, это правда...

«Чего же мы медлим? Только скажи одно слово, только подумай, шевельни пальцем, и — !»

— Нет. Нет, Китенок мой милый...

Кратову почудился вздох разочарования. Разумеется, это была иллюзия, слабое эхо биотехновых печальных мыслей.

Люк открылся.

«Никогда бы не подумал, что бес-искуситель окажется таким уютным и любящим... изнутри!» — усмехнулся Кратов, спрыгивая на траву.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Блудные братья VII

1.

Штурмовая башня, поскрипывая колесами и угрожающе раскачиваясь на ходу, страшно и неотвратимо надвигалась на похолодевших от самых жутких предчувствий обитателей осажденной крепости. Ничего хорошего никому в подлунном мире это зрелище не сулило...

Кратову понадобилось некоторое усилие, чтобы стряхнуть привычное оцепенение, что всегда охватывало его перед поединком. Усилие гораздо большее, нежели обычно. Потому что сегодня на него наступал не Черный Полифем, двухсоткилограммовый негр со свисавшими до пояса витыми косами, наползающими одна на другую складками рыхлой плоти и расплющенным в свиной пятачок и свернутым на бок носом (как выяснилось после, это был результат умышленной косметической операции для устрашения соперников, и вообще Полифем оказался добродушным малым, отцом многочисленного семейства и хозяином двухэтажного особняка с про-

сторным бассейном, в котором он плавал, фыркая и отплевываясь, словно небольшой кит, вместе с двумя полнотелыми, — хотя и несравнимо с ним! — супругами и едва ли не десятком отпрысков обоего полу, и очень убивался, что его дорогой гость Константин так мало кушает и совсем не интересуется девушками), не Тираннозавр Кристофферсон, и вправду похожий на каноническое изображение тираннозавра своей серо-зеленой боевой раскраской и ящериной ломаной пластикой, шипевший самые изощренные нирритийские ругательства что в микрофон перед схваткой, что во время оной, что в тот момент, когда Кратов выворачивал ему руку из сустава и почти уж было вывернул, а в особенности после того, как все закончилось, и они спускали призовые энекты в баре какого-то третьеразрядного отеля в окружении болельщиков и разнопестрых девиц (Ти-Кри был недоволен тем повышенным вниманием, которое означенные девицы уделяли его сопернику, и готов был продолжить потасовку прямо здесь, но напился и уснул прежде, чем окончательно созрел для такого решения), ни даже миляга Серп Люцифера, у которого был самый твердый кулак из всех противников, самый жесткий захват и самое длинное дыхание, который обезоруживал еще до боя своей робкой белозубой улыбкой, так что всякий раз, когда ты намеревался въехать ему локтем в зубы, то невольно вспоминал эту улыбку и сознавал, что от твоей нечаянной грубости зубов — а значит, и очарования! — в ней поубавится (уже после боя Кратов узнал, что ни одного природного зуба там не было и в помине уже лет пять). Никто из этих страховидных типов и в мыслях не держал убить его либо даже серьезно искалечить. Никто не жаждал крови и не жрал сырое мясо. За пределами ринга они становились нормальными, симпатичными людьми, с простыми человеческими слабостями и черточками характера. Как и сам он, между прочим... Верно подметил Рихард Алеш, доктор социологии, а по совместительству — шпион Федерации на Эхайноре, кстати — провалившийся: «Ни разу не было, чтобы Зверь-Казак доковылял хотя бы до проспекта Буканеров. Он существует лишь в четырехугольной вселенной ринга и умирает с последним ударом гонга...» Долго же пришлось Ахонге наглядными

примерами и черными словами вдалбливать в него искусство прикидываться подонком и убийцей, потому что зрителям нравится смотреть на подонков и убийц, какими они сами никогда не станут — да и вряд ли захотят стать.

Нет, сегодня все было иначе, и ставки на поединщиков были иные. Сегодня его явно и неприкрыто хотели убить. И наверняка убьют, коли он малейшей своей слабостью, нерешительностью или промашкой позволит это сделать.

Но он не мог допустить, чтобы его убили. И в то же время не желал превращать Суд в уличную драку. А напротив, желал бы сделать из поединка такое зрелище, чтобы эхайны надолго запомнили, а запомнивши, передавали из уст в уста и от отца к сыну...

«Вам следовало снять пенсне, т'гард!»

Он отступал по мере того, как Лихлэбр приближался. А потом вдруг прыгнул вперед и легко, каким-то стереотипным приемом, название которого давно уже стерлось из памяти, почти не коснувшись, завалил его в пыль, и тотчас же отбежал и замер в ожидании. Бронетехники коротко, в один голос ухнули. Такое начало особенно должно было подействовать на эхайнское самолюбие, вывести т'гарда из душевного равновесия и добавить Кратову шансов.

По внешнему виду трудно было понять, ошеломлен ли т'гард, но его эмо-фон резко изменил свои тона. Лихлэбр пружинисто поднялся (шутовское пенсне осталось на земле), передернул плечами, словно стряхивая налипший мусор, и в его руке невесть откуда возник метательный нож «двойное жало». И в следующее мгновение этот нож летел Кратову в печень, в воздухе расправляя оба жала и разворачиваясь остриями вперед. Увернуться было невозможно. («Когда в тебя направлен нож, пусть дух твой стоит нерушимо, но тело убережется подальше», — говорил учитель Рмтакр «Упавшее Перо» Рмтаппин.) Единственное, что удалось Кратову, так это слегка отклониться, чтобы хотя бы одно из лезвий вовсе не попало в цель, а другое пришлось на полу куртки из спасительного тофиаремра. Увы, не пришлось — но, спасибо, и до печени не достало... Зажимая горстью распоротый бок, Кратов едва успел уклониться от т'гардовой десницы. Еще памятна была

царственная оплеуха, снисканная в одном из закоулков тритойского Концерт-холла...

Боли не чувствовалось — только легкое жжение, отвратительная горячая липкость и расползающееся по телу онемение.

Безвольная слабость.

Тяжесть в членах.

Безразличие в мозгах.

Убежать, укрыться где-нибудь, отлежаться и поспать.

Да и не бежать, а лечь прямо здесь, и катись оно все в тартарары.

— И печень тоже сожру!.. — прохрипел эхайн.

Вместо ответа (на ответ сил попросту не было) Кратов снова опрокинул его — кажется, заурядной подсечкой. И отковылял, задыхаясь. Может быть, т'гард и слыл грозным бойцом в своей среде. Может быть, его спарринг-партнеры поддавались ему из чиноугоднических соображений. Но в настоящей, рафинированной, освященной тысячелетними традициями спортивной борьбе ни черта-то он не смыслил.

Перед глазами, застилая собой весь белый свет, словно красная тряпка перед носом быка, трепетала кровавая кисея...

Лихлэбр одним движением оказался на ногах. Из глотки вырывался сдавленный рык.

Перекрывая этот наводящий ужас звук своим воплем ярости и боли (неизвестно, чего там было больше!), Кратов напрыгнул сбоку и грянул его оземь излюбленным своим приемом «ножницы», нелегким в исполнении, зато безотказно действующим на публику. Публика откликнулась одобрительным гулом. Теплая аура всеобщей благосклонности подхватила Кратова и, когда он перекатился через голову, подняла на ноги.

«Двойное жало» валялось на земле на равном расстоянии от него и стоящего на четвереньках т'гарда. («Если твой враг хочет поднять свое оружие, не препятствуй ему. Но только не в этой жизни!» — говорил учитель Рмтакр «Упавшее Перо» Рмтаппин.) Когда тот змеиным броском попытался дотянуться до ножа, Кратов перехватил его непритязательно грубым пинком в голову.

И только теперь в раненом боку ожила, запульсировала настоящая боль.

Лихлэбр с трудом утвердился на коленях.

— Я не дам тебе подняться! — толчками выдохнул, пошатываясь при каждом слове, Кратов. — Привыкай жить на коленях, т'гард!

— Никогда... — почти беззвучно отозвался тот разбитыми губами.

И с натужным ревом оторвал колени от земли.

Кратов встретил его коротким прямым ударом в голову, вложив в это простое движение остаток сил.

Ему показалось, что кулак угодил в каменную стену.

Но эта стена рухнула.

Кратов упал на эхайна сверху. Ему потребовалось огромное усилие воли, чтобы побороть искушение просто сломать тому шею... Вместо этого он, скрежеща зубами от боли, содрал с себя куртку, набросил на эту самую шею вместо удавки и попытался затянуть. Хрипя и пуская слюни, т'гард ворочался под ним. Те полтора центнера живой массы, что являл для него сейчас Кратов, ничего не значили. Лихлэбр неодолимо распрямлялся, и ничем его было не удержать...

— Озма! — прошипел Кратов.

— Озма! — придушенно отозвался т'гард. — Она будет моей...

— Нет, не будет! — Кратов и сам уже не понимал, смеется он или всхлипывает. — Она была нужна тебе, чтобы шантажировать нас... чтобы вымостить себе дорожку на престол... ты сам не заметил, а она была уже нужна тебе, как воздух... Но ты опоздал: ее уже нет! — Он все дальше углублялся в дебри какого-то путаного, нескладного, но, тем не менее, сейчас особенно болезненного для его противника вранья. — Ее нет очень давно! Она уже должна быть на Земле! Только что в Амулваэлхе высадился десант Федерации...

— Р-р-рррг! — Лихлэбр ахнул обоими кулаками в землю перед собой.

Ни секунды не медля, Кратов нырнул головой вперед, перекатился и повлек за собой закостенелую в предсмертном потуге тушу эхайна. Теперь к удавке на шее т'гарда добави-

лись еще и две сомкнутые ноги. Соблазнительно небольшое напряжение — и Кратов мог бы запросто оторвать долой сиятельную башку...

(«Чтобы враг перестал тебе досаждать, отнеси его голову подальше от его тела, — говорил учитель Рмтакр «Упавшее Перо» Рмтаппин. — Но прежде подумай, не захочешь ли завтра поговорить с ним о погоде».)

Лихлэбр ткнулся лицом в прах.

— Пощади... — невнятно пробулькал он.

— Юзванд! — прорычал Кратов, чуть ослабив удавку.

— Это же эхайн... он погиб уже после твоего вызова! И ты, этлаук, не можешь мстить за эхайна...

— Я могу делать что захочу! Потому что я сильнее! — гаркнул Кратов. — Макс Бернсен, Рори Моргантус, Норман Шеридан, Гюнтер Лавенант! И еще — магистр Конрад...

— *Драд-ихирси*, кто это?!

— Те, кого ты убил, как овец, на Пляже Лемуров. Безоружных, беспомощных... Пообещал им жизнь и обманул!

— Воин не обязан знать имена убитых врагов!

— Воин не убивает безоружных!

— Для воина это не имеет значения!

— Отныне — имеет!

— Мы не воюем по вашим правилам!..

— Отныне — воюете. Или не воюете вовсе...

— Пощади, — повторил т'гард. — Убийство — не твое ремесло.

— Нет!.. — простонал Кратов.

2.

Он обвел сливавшуюся в одно серо-зелено-желтое пятно толпу затуманенным взглядом.

— Кто-нибудь знает Рыцарский Устав?

— Да, — ответили ему.

— Все слышали, что гекхайан объявил вашего т'гарда мятежником?

— Слышали...

Кратов с трудом выпрямился, зажимая рану и болезненно морщась. Во время схватки у него не было времени усилием воли остановить кровотечение, а сейчас уже ни на что не оставалось сил.

— Все произошло как надо? — спросил он. — Статут справедливости не нарушен?

— Нет, яннарр, — после короткой паузы откликнулся кто-то.

Это обращение не прошло для его ушей незамеченным.

— Отлично, — сказал он и сделал неверный шаг вперед. «Только бы не упасть, — подумал он. — Кто знает, имеет ли победитель право на падение от ран и вообще какую-либо мелкую человеческую... нет, теперь уже эхайнскую... слабость». — В полном соответствии с буквой Статута справедливости и Рыцарского Устава, здесь, на поле Суда справедливости и силы, я, Константин Кратов, объявляю себя наследником всех привилегий, титулов и собственности рода Лихлэбров. Для этого мне не требуется согласие Круга старейшин, поскольку моим противником был мятежник, умышлявший против властвующего дома. Так гласит Рыцарский Устав.

К нему подошли несколько вооруженных с головы до ног почти трехметровых громил. Кажется, это были телохранители т'гарда. «Вот и все, — подумал он равнодушно. — Лихлэбр — еще туда-сюда. Но с *такими* долдонами мне определенно не справиться».

— Какие будут приказы, яннарр т'гард? — почтительно склонясь, осведомился самый страховидный из громил.

— Наступление на Гверн отменяется, — сказал он с облегчением. — Все вы должны вернуться в свои казармы, перед этим подтвердив свою присягу мне и Нишортуннам. Тех, кто это сделает, никто и пальцем не посмеет тронуть. Они подлежат безусловной амнистии за совершенные злодеяния. Главный виновник наказан. Так гласит Рыцарский Устав. Но никаких больше мятежей. — Кратов замолчал, собираясь с мыслями. — Этого... ашпайга Кьеллома Лгоумаа — облить водой, откачать и — под замок до моего нового распоряжения. И... пускай кто-нибудь перевяжет меня, — прибавил он, оседая.

После чего с облегчением соскользнул в беспамятство.

3.

Овальные, похожие на листья гигантских растений, створки дверей на эхайнский манер были сплетены из блестящих металлических и стеклянных нитей. Распахиваясь перед Кратовым, они издавали сложный многоголосый перезвон.

— Яннарр Константин Кратов, четвертый т'гард Лихлэбр, — прозвучало под сводами залитого ослепительным светом зала.

Кратов, мучительно щурясь, сделал несколько шагов вперед.

— Янтайрн Авлур Этхоэш Эограпп, первый геобкихф Департамента внешней разведки Светлой Руки Эхайнора, — продолжал объявлять голос. «С повышением вас, леди, — подумал Кратов. — Помните ли вы, кому обязаны этой удачей?» — Кэкбур, второй геобкихф Департамента внешней разведки Светлой Руки Эхайнора... яннарр Авипкух Вемлугд, седьмой т'монг Абшизгэмб, боевой тсокхард Светлой Руки Эхайнора... — Скрупулезно назвав имена и перечислив все титулы, голос многозначительно замолчал, после чего на два тона выше провозгласил: — Нигидмешт Оармал Нишортунн, Справедливый и Беспорочный гекхайан Светлой Руки Эхайнора!

Нестерпимое сияние, мигнув, внезапно ослабло почти наполовину. Теперь Кратов мог различать находящихся перед ним эхайнов. Все они стояли, хотя позади них и присутствовали высокие сиденья на манер изящных табуретов, убранные бархатом различных и, по-видимому, что-то означающих цветов. Сидел лишь один — и это был гекхайан.

Он был облачен в белый мундир со стоячим воротником, без традиционных узоров и побрякушек, с двумя частыми рядами перламутровых пуговиц, и простые белые брюки. Лишь на просторной груди возлежала цепь из белого металла с огромным иссиня-черным драгоценным камнем выпуклой гладкой огранки (на Земле она называлась «кабошон»), в оправе из тонких серебристых нитей. И более никаких знаков отли-

чий, потому что гекхайан в них не нуждался. И без того он был бы приметной фигурой в любой толпе.

Гекхайан был невыносимо красив.

Если бы сказочные принцы могли вдруг обрести плоть, им полагалось выглядеть бы именно так.

Длинные светло-золотистые волосы, в расчетливом беспорядке рассыпанные по широким плечам. Безукоризненные черты неподвижного лица. Крупный прямой нос без обычной эхайнской приплюснутости, мощные, слегка выступающие скулы, тонкая линия большого рта... и поразительные, приковывающие к месту глаза чистого янтарного цвета.

В бесконечном молчании гекхайан с едва уловимой брезгливостью на прекрасном лице рассматривал новоиспеченного т'гарда, как невероятную ошибку естества, с которой придется мириться долгие годы.

Но лицо его лгало!

Потому что Кратов уже умел читать эхайнский эмо-фон, как раскрытую книгу. И ничего в этой книге сейчас не было, кроме по-детски наивного любопытства.

— Садитесь, яннарры, — наконец проговорил Нишортунн. Все поспешно и не без комфорта умостились на своих табуретах, а неотразимая янтайрн Эограпп даже подобрала под себя одну ногу. — И вы, т'гард Лихлэбр, садитесь.

Кратов неловко огляделся. Каким-то чудом позади него возник такой же точно табурет с накинутым поверху лоскутом розового с золотом бархата. С большой неловкостью Кратов присел на самый краешек — ноги не доставали до полу.

— Поскольку вы обрели свой титул на бранном поле, и противостоял вам мятежник, умышлявший против властвующего дома, вы т'гард по праву, — сказал Нишортунн. — Отныне вам принадлежат земля и недвижимость на двух планетах Светлой Руки. Полагаю, вы найдете время вступить во владение своим достоянием.

— Вне всякого сомнения, гекхайан, — пообещал Кратов.

По точеному лицу Эограпп скользнула тень хищной усмешки. «И, похоже, у меня не будет проблем с эскортом», — подумал Кратов.

— На этом покончим с церемониями, — сказал Нишортунн, — и станем называть вещи своими именами. Перед нами, яннарры, посланник этлауков, который всеми доступными ему средствами пытается положить предел вооруженному противостоянию двух наших культур. Отдельные его поступки отмечены были поистине сумасбродной храбростью. И потому все вы согласитесь, что вряд ли его рвение продиктовано нежеланием цивилизации этлауков и их союзников принять наш вызов из опрометчиво приписываемой им низкой трусости.

— Вызвать на Суд самого Кьеллома Лгоумаа, — насмешливо проскорготал темноликий, в своем черном трико похожий на очень атлетического кощея, тсокхард Абшизгэмб. — И отметелить его как мальчишку перед боевыми порядками мятежных бронетехников! Хотел бы я быть таким трусом, яннарры...

— Вы, яннарр Кратов, обратились к законам Светлой Руки с тем, чтобы боевые действия эхайнов против этлауков были признаны преступными, — сказал Кэкбур. — Возможно, дело даже дойдет до рассмотрения. С изрядным сомнением допускаю, что будет вынесен благоприятный для вас вердикт. Но, поверьте, этого мало.

— Мы всего лишь ничтожные вассалы Эхайнагги, — кивнул Нишортунн. — Наши законы могут протестовать, но они пусты перед традициями.

— Позволю себе заметить: вы преуменьшаете силу закона, — сказал Кратов.

— Не совсем так. Скорее — оцениваю реалистически...

— Яннарр этлаук... — начала было Эограпп и, не сдержавшись, рассмеялась. Черный тсокхард оглушительно заготовал, разевая клыкастую пасть. Кэкбур иронически приподнял краешек рта. И даже лицо гекхайана слегка дрогнуло. — Фантастика! — сказала женщина. — Еще несколько закатов назад такое словосочетание казалось бы полным бредом...

— Но что же вы хотели сказать, янтайрн? — осведомился Нишортунн.

— Я только желала бы напомнить, что с самого начала яннарр этлаук пытался сообщить всем нам нечто, по его мне-

нию чрезвычайно важное и даже способное изменить сам характер наших взаимоотношений с его расой.

— Это так, — подтвердил Кратов. — Я пробовал втолковать это еще на Эльдорадо... — он сделал расчетливую паузу и под одобрительное кивание вояки-тсокхарда и смешливые искорки в тигриных глазах Эограпп соблюл все эхайнские каноны величания поверженного супротивника, — ашпайгу Кьеллому Лгоумаа. Но, как видно, избрал не того собеседника.

— Что ж, — задумчиво произнес гекхайан. — Мы готовы вас выслушать... т'гард. Но предупреждаю: вряд ли сообщите нам что-то новое.

— Полагаю, яннарр Кратов предупрежден о нашей осведомленности в вопросах собственного происхождения, — скрипнул Кэкбур.

— Об этом я позаботилась, — сказала Эограпп.

— Что же, тогда я готов начать, яннарры, — промолвил Кратов.

4.

— Пятьдесят тысяч лет тому назад на планету, которая сейчас называется Земля и является метрополией Федерации планет Солнца, опустились космические корабли. Это были разведчики могущественной и динамично развивавшейся цивилизации Мейал-Мун-Сиар... Сейчас это имя мало кому о чем-то говорит, потому что пора зрелости Мейал-Мун-Сиар пришлась на время, когда о Галактическом Братстве можно было лишь мечтать. Теории экзометральных переходов еще не существовало. Галактические культуры были разобщены, между ними лежала непреодолимая пропасть световых лет. Корабли Мейал-Мун-Сиар использовали для передвижения в космическом пространстве иной принцип — он условно называется «гравитинная мультизеркальность» и вот уже веков этак двадцать вышел из употребления. Его применение было сопряжено с громадным риском и не всегда приводило к достижению избранной цели. Это как игра в кости — ты точно знаешь весь набор возможных комбинаций, но никогда не уверен, что выпадет то, что нужно... («Хтаумы», — едва слышно произнесла Эограпп.) Да, под этим именем они известны эхайнам. Хтаумы, иначе Спасители... На Земле ученые хтаумов к своей радости и огорчению обнаружили братьев по разуму. К радости — ибо цивилизация Мейал-Мун-Сиар считала своим первым долгом всеми доступными средствами способствовать увеличению количества Разума во вселенной. К огорчению — потому что на Земле было *три* разумных расы, имевших общего предка, но из которых две не имели никаких шансов на выживание.

Это была проблема нелегкого выбора. Можно было предоставить земную цивилизацию самой себе и отстраненно взирать с горних высот на естественный ход эволюции. Дикие, зверовидные существа должны были кроваво и бескром-

промиссно разобраться между собой, кому достанется единственная экологическая ниша на верхнем этаже эволюционной пирамиды. А поскольку трудно было рассчитывать на присутствие в системе нравственных ценностей той эпохи таких понятий, как милосердие и гуманизм, то победить должен был объективно сильнейший. Всем остальным предстояло быть съеденными и войти в будущее в виде разбросанных окаменелых костей неясной принадлежности. Кстати, так и случилось с одной из трех рас — в археологических анналах Земли она практически неизвестна, хотя отдельные ее представители протянули аж до неолита, а может быть — и дольше.

Беспристрастные социометрические оценки хтаумов подтвердили неутешительный прогноз. Сосуществованию трех рас было отведено не более десятка тысяч лет, после чего остаться должна была одна.

Неоантропы, прямые предки людей.

Вторая раса — поздние неандертальцы, и третья — Утраченная Ветвь, должны были уйти.

Хтаумы не могли этого допустить. Их представления о нравственности не позволяли оставаться сторонними наблюдателями.

Они решили разъединить три расы.

В земной ксенологии этот колоссальный эксперимент называется Великое Разделение. Упоминания о нем долгое время тщательно скрывались, но вначале нам стали доступны косвенные архивные свидетельства в информационных каналах Галактического Братства, а затем они были подтверждены и археологическими находками. В конце концов, в определенный момент мы точно узнали, где и что искать.

Но лишь несколько дней назад я получил доступ к исчерпывающей информации о Разделении.

На орбиту Земли прибыли все транспортные корабли хтаумов. Каждый из них по своим размерам был сопоставим с небольшим космическим телом. И каждый принял на борт столько особей, сколько мог безопасно переместить в другой мир.

Кстати, миры были заранее выбраны и подготовлены.

Планета в системе желтого карлика, имеющая почти сходные с земными условия обитания. То, что наши Звездные

Разведчики называют «голубой ряд». Этот мир предназначался для акклиматизации неандертальцев. После чего им предстояло еще одно Разделение — перелет в другую звездную систему с несколько иной, но, по мнению хтаумов, более комфортабельной культурогенной средой. Какими соображениями они руководствовались, затевая столь сложный план — никто уже не знает. Известно лишь, что в назначенный срок они привели его в действие, не считаясь с затратами.

И каменистая, пронизанная бесконечными туннелями и кавернами, практически полая внутри планета в двойной системе красного и оранжевого солнц. Оптимальные условия для Утраченной Ветви, маленького пещерного народа, всегда предпочитавшего ночной образ жизни.

Великое Разделение началось.

Понятно, что невозможно было эвакуировать всех неандертальцев и всю Утраченную Ветвь. Точно так же, не все транспортные корабли достигли выбранных миров — неудачный бросок костей. Их судьба еще ждет своих исследователей... Но в целом цивилизация Мейал-Мун-Сиар выполнила свой долг безупречно.

С тех пор три ствола одного корня продолжали рост самостоятельно. И не пересекались долгие десятки тысяч лет.

На Земле большая часть неандертальцев исчезла, оттесненная с охотничьих угодий неоантропами-кроманьонцами, а те, кто сумел адаптироваться к новым условиям, превратились в реликтовых гоминоидов, пугливых и скрытных существ, которые в настоящее время находятся под защитой человечества. Утраченная Ветвь бесследно растворилась в веках, оставив о себе упоминания в фольклоре. Мы вспоминаем о них, как о сказочных, волшебных существах, называем их эльфами, гномами, домовыми... Земля отныне принадлежит людям.

После того, как был воплощен второй этап Великого Разделения и потомки поздних неандертальцев переместились на Эхайнуолу, она считается прародиной цивилизации эхайнов.

Утраченная Ветвь спокойно и неторопливо осваивает недра огромной планеты Яльифра, совершая редкие вылазки в большую Галактику. Ее представители называют себя юф-

мангами, и женщины этой расы слывут неотразимыми прелестницами. О мужчинах такого, увы, не скажешь...

Цивилизация Мейал-Мун-Сиар навсегда отказалась от прежних амбициозных планов переустройства вселенной — хотя сейчас ее необозримая мудрость как никогда пригодилась бы Галактическому Братству. Из отчаянных авантюристов и прожектеров, для которых не существовало ничего невозможного, хтаумы превратились в хладнодушных мыслителей и созерцателей природы. Они замкнуты, необщительны и не слишком гостеприимны, доживая отпущенный им срок на одной из десятков некогда принадлежавших им планет. Говорят, что их прежние свершения не вызывают у них ничего, кроме чувства сожаления.

И еще несколько разумных галактических рас имеют к этой давней истории отдаленное касательство. Я не знаю, чем вызвана их осведомленность в истории Великого Разделения. Могу только строить догадки. Например, что они, как и мы, обязаны своим происхождением каким-то совершенно уже сокровенным экспериментам хтаумов. Которых они, разумеется, называют иначе.

Это ихтиоморфы-клилкеш, населяющие океанские глубины планеты Фамфоон. Трудно представить, что они могли хоть как-то участвовать в звездных проектах хтаумов. Чтобы клилкеш мог покинуть свой мир и переместиться в иные условия обитания, требуется громадная подготовительная работа принимающей стороны и острое желание самого ихтиоморфа хотя бы ненадолго распроститься с привычными удобствами. Каким образом они приобщились к информации о Великом Размыкании? Быть может, нам еще предстоит какое-то очередное, абсолютно неожиданное и, допускаю, даже малоприятное открытие.

И это обитатели планеты Тшарилх в звездной системе Охиуфсоар, чье самоназвание мне неведомо. Но вы называете их «цмортенгами». Какое-то время вы даже плодотворно сотрудничали и многое почерпнули из их воинских искусств. Еще недавно, уже покинув организацию Галактического Братства, вы имели представительство на Тшарилхе. Где, как я подозреваю, и проходила ксенологическую стажировку ян-

тайрн Эограпп... Однако затем развернулся великий поход эхайнов на Галактическое Братство, и ваши прежние союзники, оставив безуспешные попытки сдержать агрессивные планы Эхайнора, отвернулись от вас. Это была огромная потеря для вас. Цмортенги могли бы многому вас научить, в том числе и более уравновешенному мировосприятию... которого так жаждет истерзанная взрывными неуправляемыми позывами эхайнская культура. Чтобы усугубить ваше разочарование, прибавлю, что с недавних пор цмортенги открыто сотрудничают с военными структурами Федерации. Собственно говоря, именно они деятельно способствовали восстановлению этих давно уже латентных и даже рудиментарных структур...

Между прочим, цмортенги — одна из немногих цивилизаций, до сих пор вхожих в закрытый для прочих дом хтаумов. Нам достоверно известно, что они участвовали в самых последних галактических предприятиях цивилизации Мейал-Мун-Сиар. Уместно предположить, что, принимая ваших специалистов и до последнего момента пытаясь воздействовать на Эхайнаггу, они выполняли просьбу Спасителей присмотреть за расшалившимися подопечными.

Вот почти все, что я хотел бы сообщить вам, яннарры.

А теперь — резюме.

Вы наши братья. Вы наши блудные братья. Нас только на время разлучили. Но сейчас пришел подходящий момент соединиться.

Братья не могут воевать.

5.

— Мы знаем это, яннарр Кратов, — сказал Нишортунн. — Мы почти все это знаем. Не спрашивайте, откуда. Ведь какое-то время мы так же, как и вы, имели доступ к анналам Галактического Братства. И цмортенги дали ответы хотя бы на некоторые наши вопросы. Хотя известие о том, что юфманги — наши сотоварищи по несчастью, для нас стало неожиданностью. Боюсь, нашим идеологам придется пересмотреть свою всеобъемлющую неприязнь к этлаукам... И зная все это, мы осознанно и ответственно объявили войну Федерации, а также всем ее союзникам.

— Это священное чувство мести, — произнесла Эограпп. — Эхайны не могут простить вам, этлаукам, вытеснения с родной планеты наших предков и истребления тех, кому не повезло. У нас — двойственное чувство и к Спасителям. С одной стороны, они действительно уберегли нас от кровавого террора протоэтлауков. Но, с другой стороны, искусственно изменив баланс сил на Земле, они лишили нас даже иллюзорной надежды на победу в эволюции. Они просто отняли у нас эту победу и швырнули вам, как подачку! Они оставили поле сражения вам, убрав оттуда остальных поединщиков! В конце концов, никто не может утверждать, что какой-то непредвиденный эволюционный фактор вдруг не склонил бы чашу весов в нашу пользу...

— И тогда люди могли бы стали эхайнами, сжигаемыми жаждой мести и справедливости, — лязгнул тсокхард.

— Нет, — покачал головой Кратов. — Тогда людей бы просто не было. Как и юфмангов. Юфмангов-то уж точно не было бы ни при каком раскладе. Но сейчас они есть. И, поверьте, неплохо себя чувствуют! — Он коротко и прямо глянул в печальное лицо гекхайана. — Месть! Месть за злодеяние, которого не было. Месть за непредставившиеся возмож-

ности. Месть за несбыточные мифы. Самая пустая и бессмысленная цель...

— Вам не остановить маховик войны, — сказал Нишортуни. — Верховный суд может принять верное решение. Но мы — вассалы Эхайнагги. Мы всего лишь вторые по значимости вассалы, после Черной Руки.

— Зря вы, яннарр Кратов, избрали своей целью Светлую Руку, — озабоченно промолвил Кэкбур. — Обрушились бы уж сразу на Эхайнаггу..

Эограпп снова засмеялась. До тсокхарда дошло не сразу, после чего из недр его могучего туловища снова донесся отдающий жестью гогот. Впервые улыбнулся и гекхайан.

— Да, забавно, — согласился Кратов. — Есть, кстати, еще одно курьезное обстоятельство. Я уже вскользь о нем упоминал.

— Какое же? — отсмеявшись, спросила Эограпп.

— Известно, что эхайнам довелось пережить два перемещения в пространстве, прежде чем они окончательно осели на Эхайнуоле...

— Да, вы говорили, — нервно сказал Кэкбур.

— Подождите, второй геобкихф, — поднял руку Нишортуни. Голос его дрогнул. — Яннарр Кратов, вы можете назвать эту планету?

— Конечно, могу, — заявил тот. — Разве вы еще не догадались? А вот ваши ученые из Эхайнаинского университета — уже...

— Не тяните векхеша за яйца, т'гард! — рявкнул тсокхард Абшизгэмб.

Кратов просто не мог отказать себе в удовольствии выдержать паузу. Он молча и очень медленно обвел глазами подавшихся вперед эхайнов. Поерзал задницей на своем табурете. Откашлялся. И, когда уже напряжение достигло невыносимого градуса, сообщил:

— ЭХЛИАМАР.

Первой не выдержала Эограпп.

Она вскочила и воздела руки к сияющим сводам.

— Я знала! — закричала янтайрн первый геобкихф. — Я чувствовала, что мы — первые!..

— Это решительно меняет дело, — неповинующимися губами проронил Нишортунн.

— Да это вообще все меняет, — проворчал Кэкбур, с лица которого не сходило озабоченное выражение. — Это кладет конец вассалитету. Это должно повлечь пересмотр всех отношений первородства. Вся иерархия летит к трепаным демонам...

— Вы, безродный выскочка, — брезгливо обратился к нему тсокхард. — Я ничего не понимаю в ваших восторгах, но потрудитесь укоротить свой мерзкий язык в присутствии Справедливого и Беспорочного...

— Извинения, гекхайан, — поспешно проговорил Кэкбур.

— Приняты, — бесстрастно сказал Нишортунн. — Тсокхард, наши неумеренные проявления восторга объясняются следующим вновь открывшимся обстоятельством. Если прав яннарр Кратов, то прародиной эхайнов — после Земли, разумеется, — является не Эхайнуола, как гласит официальная версия, а Эхлиамар. Из чего следует, что отношения вассалитета, согласно которым Красные Эхайны диктуют остальным рукам, с кем им надлежит воевать, а с кем нет, несправедливы и подлежат немедленному пересмотру.

С минуту Абшизгэмб безмолвствовал. Затем приподнялся со своего места, изображая всем своим громоздким естеством предельную исполнительность:

— Не пора ли привести в экстренную боевую готовность вооруженные соединения Светлой Руки... на случай нежелания наших вассалов принять присягу на верность Эхлиамару?

— Не пора, — усмехнулся Нишортунн. — Присядьте, тсокхард... Не все так скоро. И не все так просто.

— И слишком хорошо, чтобы быть правдой, — ввернул Кэкбур. — А не найдется ли у вас, яннарр Кратов, чего-нибудь посущественнее, нежели просто слова?

— Лишняя кость с шестью выигрышными гранями в рукаве, — промолвил Кратов. Все, кроме Эограпп, недоуменно переглянулись. — Я уже говорил, что земным археологам удалось найти материальные свидетельства эпохи Великого Размыкания. Главным образом, потому, что мы знали место, где копать... Так вот, точно такие же, или весьма похожие,

следы Спасителей должны быть и на Эхлиамаре. В то же время, на Эхайнагге их быть не может.

— Почему? — насторожился Кэкбур.

— По определению. — Судя по кислой физиономии, этот ответ Кэкбура не удовлетворил, и Кратов прибавил: — Или потому, что никому не обязательно знать точное место... — Кэкбур тотчас же умиротворенно закивал.

— Что же это за следы? — спросил Нишортунн.

— Это артефакты, которые мы условно именуем «протокапсулами». Их назначение туманно, однако же хтаумы имели обыкновение оставлять их повсюду, где проводили всякий свой эксперимент... с обязательным эпитетом «Великий». Обычно они доходят до наших дней прекрасно сохранившимися. Они излучают в определенном диапазоне радиоволн, что немало упрощает процедуру поиска. Я готов продиктовать данные вашим специалистам... Ваши ученые правильно ищут, но им придется копать глубже. — Тсокхард снова пробормотал что-то про яйца векхеша (собственное сквернословие в присутствии гекхайана его не смущало), и Кратов не стал больше учинять мелодраматических эффектов. — На Эхлиамаре протокапсула должна находиться под карстовыми системами предгорий Шрениурифа, на глубине примерно пятнадцати земных километров.

— А на Эхайнагге? — прищурился Кэкбур.

— Я в затруднении понять, что вы имеете в виду, второй геобкихф, — ухмыльнулся Кратов.

— Мне не нравится, когда кто-то держит на крючке всю Светлую Руку, — сказал Кэкбур. — Теперь, когда мы все выяснили... не проще ли нам убрать этого этлаука, гекхайан?

— Не проще, — сказал Нишортунн.

— Вы правы, гекхайан, — покивал Кратов. — Не я один знаю координаты *всех* протокапсул. Могу утешить вас, яннарр Кэкбур: мы всегда играем честно. Если, конечно, против нас не ведут военных действий.

— Никакой он не яннарр! — буркнул Абшизгэмб. — Так, выскочка без роду и племени...

— Благодарю всех, — промолвил Нишортунн. — А теперь от главного перейдем к насущному. Известно ли вам, т'гард, местонахождение вашей сиятельной спутницы?

— По моим сведениям, она находится в поселке Амулваэлх под охраной местной администрации, а также верного гекхайану и четвертому т'гарду Лихлэбру Двенадцатого эскадрона Шестого бронемеханического батальона... — начал было Кратов.

— Нет, — остановил его Нишортунн.

— Несколько часов назад все население поселка и весь личный состав эскадрона был выведен из строя, — сказал Кэкбур. — То есть попросту обездвижен без нанесения физического ущерба. Кто стоял — тот упал. Кто сидел — тот лег. А кто лежал, тот своей позы практически не изменил... По истечении весьма непродолжительного времени это наваждение прекратилось так же внезапно, как и началось. Выяснилось, что никто не пострадал, но янтайрн Озма исчезла.

Неожиданно для самого себя Кратов горестно расхохотался. «Выходит, я не врал Лихлэбру на поле Суда. Я лишь предсказал дальнейшее развитие событий! И я выиграл честно... Вот так захочешь сбрехнуть что-нибудь от души, а само собой выйдет пророчество!»

— Т'гард, — сумрачно сказал Абшизгэмб. — Должно быть, вы, по причине своего подлого происхождения и зеленой крови, не больно-то сведущи в придворном этикете, так что по первости вам извинительно ржать на вакнефьий манер перед лицом Справедливого и Беспорочного, но впредь благоволите воздерживаться от непочтительных звуков, не то я живо запихну вас с вашим титулом в вашу же собственную задницу!

— Извинения, гекхайан, — промолвил Кратов, утирая выступившие слезы. — Что же вы раньше-то все молчали?!

— Я еще не закончил, — ледяным тоном сказал Кэкбур. — Спустя час после этого загадочного происшествия центральный космодром Юкзаана подвергся нападению с воздуха... а точнее говоря, из воздуха, из ничего. В настоящий момент он полностью и в буквальном смысле непонятно кем блокирован, потому что все средства локации и воздушной разведки показывают вместо комплекса зданий и сооружений пустое место. Понятно, что это изолирующее поле, но не просто изолирующее, а изолирующее идеально... Одновременно была

снята орбитальная блокада Эхлиамара, но зато Юкзаан оказался совершенно отрезан от всего мира.

— Ну, кое-что мы знаем, — ввернул Абшизгэмб. — Это какие-то уродливые рептилии с хвостами, в белых доспехах и шлемах с высокими полупрозрачными гребнями.

— И они изъясняются на астролинге, — добавила Эограпп.

— А вы спокойно беседовали со мной все это время! — потрясенно вымолвил Кратов.

— Существует естественная иерархия событий, — возразил Нишортунн. — По убывающей. В конце концов, мы знаем, кто агрессор. Это читруны, какие-то союзники Федерации. Мы даже можем предполагать, чего они добиваются...

— Они ищут нас, — горько усмехнулся Кратов. — А вы думали, вам это все сойдет с рук?

6.

Верткий «стуррэг» белого цвета с эмблемой дома Нишортуннов на боку едва успел притормозить. Гладкое полотно дороги прямо перед ним обрывалось в никуда. Вернее было сказать, что дальше привычный юкзаанский ландшафт — каменистый грунт с торчащими из него низкорослыми кривобокими деревцами — был аккуратно отсечен чрезвычайно острым инструментом, и сразу, без перехода, начиналось Ничто.

Кратов уже несколько раз видал похожее: примерно тем же впечатляющим способом охранялась экстерриториальность на Сфазисе. Примерно так же выглядело изолирующее поле в рабочем режиме. И примерно на то же походила серая пелена экзометрии в открытом люке мини-трампа «пятьсот-пятьсот»...

Он выскочил из кабины и попытался приблизиться. С тем же успехом можно было идти против тугого потока воды. Его мягко, но настойчиво относило назад, в то место, откуда он начал движение...

— Эй! — закричал он в пустоту. — Немедленно впустите меня! Я доктор Кратов с Земли, это меня вы ищете!

Поразительно: его нелепые крики были услышаны.

Стоявшие позади него эхайны из сопровождения попятились.

Вначале пустота обрела отчетливый объем. Затем наполнилась неясными тенями. Сквозь искажающий перспективу полупрозрачный волдырь проступили контуры зданий космопорта.

А затем волдырь бесшумно лопнул — над головами прокатилась слабая воздушная волна. И возникшие из ниоткуда призрачные фигуры в скрадывающих движения, размывающих очертания балахонах хлынули навстречу, на бегу рассыпаясь в некое подобие боевого строя...

— Назад! — закричал Кратов, раскинув руки. — Назад, мать вашу! Не стрелять!

Призраки застыли на месте. Словно плоские черно-белые фотографии...

— Доктор Кратов? — со странным пришепетывающим акцентом осведомился ближайший из призраков.

— Он самый, — сказал тот. — А вы что за подарок небес?

— Здесь сдвоенная штурмовая когорта Имперских Хищников Ярхамда, — сообщил призрак. — Во исполнение союзнического долга перед Федерацией планет Солнца, имеем честь оккупировать местный космопорт до вашего отбытия с данной планеты. Капитан когорты Охьуохс Айкохьесс, Гребненосный Ящер Пурпурной Ленты, к вашим услугам, мессир.

— Озма у вас? — быстро спросил Кратов.

— Так точно, мессир!

— Слава богу...

— Рады стараться, мессир! — просвистел капитан Айкохьесс.

Кратов, вытирая пот со лба, попытался ухватить его мерцающую фигуру ироническим взором. Описание, данное грубияном тсокхардом, в целом соответствовало действительности. Имели место и белые доспехи, и радугой отливавший гребень на яйцевидном шлеме, и нервно трепещущий крокодилий хвост. Но соединить эти разрозненные детали в нечто связное было непросто.

— Вам нравится воевать, капитан? — спросил Кратов.

— Война — та же игра, мессир, — сказал Гребненосный Ящер. — Те, кто играет, знают правила и цену проигрыша. И очень важно, чтобы не пострадали зрители...

— Я ценю ваше искусство, проявленное при захвате поселка, — серьезно сказал Кратов. — Зрители не пострадали.

— Это была рутинная операция, мессир. Войти — забрать — выйти.

«С блеском и аристократическим шиком», — вспомнил Кратов слова Эрика Носова. Он едва удержался, чтобы не ляпнуть что-то вроде: «Благодарю за службу, сынок!»

Тем более, что к ним уже приближался сам гекхайан Нишортунн. В некотором отдалении за ним без большого энтузиазма тащилось сопровождение.

— Я знал, что это недоразумение, — сказал он, едва заметно улыбаясь.

— Гекхайан, — промолвил Кратов. — Разрешите вам рекомендовать: капитан когорты Охьуохс Айкохьесс... э-э...

— Гребненосный Ящер Пурпурной Ленты, — деликатно прошипел тот.

— Я не знаю, как это перевести! — шепотом же огрызнулся Кратов.

— Ничего, — сказал Нишортунн. — Я владею астролингом.

— Прекрасно, — сказал Кратов, ничем не демонстрируя своего изумления. За последние дни он почти отвык чему-либо удивляться. — Вы облегчаете мою задачу... Действительно, сейчас это выглядит как недоразумение. Нужно было лишь сообщить Федерации, что Озма и я — ваши гости.

— Еще недавно ни вы, ни мы не знали, каков ваш реальный статус, — пожал плечами Нишортунн. — Пленники ли, трупы ли...

— Мне позволено говорить? — прошелестел капитан Айкохьесс.

— Да, яннарр, — кивнул Нишортунн.

— Ваше величество, — обратился к нему капитан. — Ввиду изменившихся обстоятельств прошу воспринимать наше присутствие на этой планете как временное и вынужденное. Мы приносим вам извинения за причиненные неудобства. Но наш союзнический долг будет считаться выполненным лишь в тот момент, когда доктор Кратов ступит на борт флагманского корабля когорты.

— Я так и сделаю, — уверил его Кратов. — В самое короткое время.

— Ваше величество... доктор... — Гребненосный Ящер дважды мотнул драконьей головой и удалился.

Гекхайан проводил его оценивающим взглядом.

— Спасибо за урок, — сказал он. — Эти блистательные читруны многих наших вояк поставили на место...

— Я не был сторонником военной акции, — заметил Кратов, — но, наверное, однажды нужно было закатить для вас такой спектакль.

— Я не только говорю на астролинге, — продолжал Нишортунн. — Я несколько раз бывал в ваших мирах. Что-то помешало мне добраться до Земли, этой несбыточной мечты всех эхайнов — хотя, казалось бы, к тому не было никаких препятствий... Быть может, боязнь разочарования? Не знаю, нужна ли эхайнам Земля как реально существующая планета. Она весьма хороша как недосягаемая ослепительная цель, как символ единения... Я чувствую себя отступником, когда пытаюсь материализовать мечту.

— Земля вас не разочарует, — сказал Кратов.

— Ну, для меня она долго еще останется мечтой. Вы же не надеетесь моментально разрушить все стоящие между нами преграды. Как и я — в одночасье решить все внутренние проблемы... Итак, я жду вас в Эхайнанне. Как действующий т'гард Лихлэбр, вы обязаны будете явиться ко мне с ежегодным докладом. А для начала возьмите это, — гекхайан разжал ладонь. Там лежал обычный информационный кристаллик в оправке. — Кое-какие сведения о нашей экономике и культуре. Вам как ксенологу... и т'гарду... будет полезно.

— Это щедрый дар, гекхайан, — будто кот на банку сметаны, облизнулся Кратов, проворно хватая кристаллик. — А нет ли здесь научных трудов по технологии «нитмеаннар»?

— Что такое «нитмеаннар»? — не поведя и бровью, переспросил эхайн.

— Гекхайан, верно, шутит, — сказал Кратов и с ернической угодливостью захихикал.

— Вы что, совсем меня не боитесь? — нахмурился Нишортунн, слегка побледнев от сдерживаемого царственного гнева. — Здесь меня многие боятся. Ведь я — эхайн, а это значит — воин. И я все еще ваш заклятый враг!

— Чисто по-человечески? — хмыкнул Кратов. — Гм... Скажем так: опасаюсь. Вы, эхайны, порой бываете непредсказуемы и неадекватны в своих реакциях на внешние раздражители. Ходячие черные ящики с индетерминированным выходом... Но за мной стоит несколько десятков миллиардов этлауков и все Галактическое Братство впридачу. Сознание этого сообщает мне необходимую уверенность и достоинство. Если вы уважаете одну лишь силу, — он небрежно кивнул че-

рез плечо в сторону призрачных боевых порядков, — то вот она, сила. Но если вы желаете говорить на языке разума — то даже моего разума будет достаточно, чтобы вас понять. — Он помолчал. — И как я могу считать врагом своего гекхайана?

Сомкнутые губы эхайна тронула удовлетворенная улыбка. Величаво качнув подбородком, Нигидмешт Оармал Ниишортунн, Справедливый и Беспорочный гекхайан Светлой Руки повернулся, чтобы уйти.

Споткнулся на ровном месте. Замер, пригнув голову, словно ожидая удара.

Медленно обернулся. Лицо его было искажено страшной болью.

Кратов застыл в недоумении.

Озма, смертельно бледная, с огромными, полными слез глазищами, в развевающемся плаще летела ему навстречу...

...мимо него...

...в распростертые руки гекхайана.

7.

Чванный, как сиамская кошка, благородный гекхайан на глазах превращался в перепуганного мальчишку.

Озма — в теряющую остатки рассудка от любви девчонку.

А Кратов, оказавшийся невольным свидетелем этой сцены, — в полного идиота.

Потому что он ни черта в происходящем не понимал, чувствовал, что ему надлежит со всевозможной деликатностью немедля удалиться, и как ксенолог-профессионал не мог себе позволить упустить ни единого нюанса этой сцены.

— Шорти! — закричала Озма.

— Ольга! Я не хотел! — простонал Ниншортуни. — Я должен был исчезнуть отсюда прежде, чем ты появишься! Я не успел!..

— Но почему, почему?

— Мы не должны были встречаться... Я знал, что тебе будет больно... Ведь ты думала, что я подло сбежал после той ночи...

— Нет, нет, все это время я искала тебя!

— Лучше бы ты считала меня предателем и забыла сразу!

— Ты самый лучший, самый любимый... как ты мог молчать столько лет?!

— Но мы не должны были встречаться... Мне не следовало появляться за пределами своего мира... Я прикован к нему своим титулом... я гекхайан Светлой Руки...

— Я не знаю, что это значит... для меня это не значит ничего... какой смысл в этих пустых словах... когда я наконец отыскала тебя!..

— Я всегда любил тебя, Ольга... я любил только тебя... ты мой чистый ангел!..

— Я думала только о тебе, вспоминала только тебя, я умирала каждой ночью без тебя!..

— Но я должен быть здесь, я не могу быть нигде, кроме этого мира, потому что этот мир — мой, и этот мир никогда не мог бы стать твоим!..

— Но почему, почему ты не можешь улететь отсюда со мной?!

— Я уже объяснял тебе: я гекхайан, я самый главный здесь, я правитель этого мира, я не могу оставить его... особенно сейчас, когда можно все переменить!..

— Но как же я?!

— Теперь все иначе... раз ты не сердишься на меня... ведь ты можешь остаться со мной?

— Остаться... здесь?!

— Ты не знаешь, что происходит с эхайнами, когда они слышат твой голос... они становятся кроткими, как молодая трава на лугу... они становятся людьми... Для меня, для всех нас ты — словно ангел!..

— Но я не могу, не могу... Здесь страшно!

— Я никому не позволю тебя обидеть! Никто и не посмеет... ты даже не представляешь, какая у тебя власть над эхайнами!

— Но я не хочу власти... я ничего не умею... я только голос, голос во плоти!

— Ты ангел во плоти... останься...

— Мне страшно, Шорти... я не могу...

— Останься, Ольга...

8.

Попав на ярхамдийский флагман, Кратов сразу же заперся в каюте и, сдув пылинки с заветного кристаллика, припал к видеалу. Самым фантастическим образом одесную оказались запотевшая с холода литровая жестянка «Карлсберга» и миска сушеных креветок, а ошую — планшет с прижатой декоративными прищепками стопкой прекрасной розовой бумаги и новое стило. Доискиваться причин этого удивительного воплощения сокровенных прихотей Кратов не имел ни времени, ни желания. Скорее всего, кто-то из Шипоносных Ящеров был надлежаще проинструктирован...

Ни малейшего намека на «нитмеаннар» кристаллик, разумеется, не содержал. Там и без того вдосталь было любопытного. Теперь Кратову было чем заполнить неближний путь до Эльдорадо с пересадкой на Магии...

Дверь бесшумно отворилась.

Вошла Озма, непривычно чистенькая, умытая, тщательно причесанная, в длинном синем платье со стоячим воротником «а ля Мария Стюарт» платье. Замерла у порога, выжидательно обхватив плечи руками. Между тонких пальцев, унизанных тяжелыми перстнями, дымилась сигарета.

— Через десять часов мы будем на Магии, — сказала Озма в пространство. — Надеюсь, никому не придет в голову меня встречать.

— Никто и не знал, что вы были похищены, — сказал Кратов. — Это была самая страшная тайна Федерации за последние сто лет. Если бы сведения о том, что вы находитесь в лапах у этих ужасных людоедов эхайнов, просочились в информационные каналы, один бог знает что бы произошло. Народное ополчение... призывы к решительным действиям... какие-нибудь идиоты добровольцы, атакующие Эхлиамар на угнанных из музеев «корморанах»... А так все обошлось. Все

живы-здоровы и полны новых впечатлений. И через десять часов вы ступите на родную землю.

— Что вы так внимательно изучаете?

— Родовое древо Лихлэбров, — хмыкнул Кратов (никакое это было, разумеется, не древо, а стратегическая схема экономического роста Светлой Руки, любезно предоставленная ему Справедливым и Беспорочным). — Мне как его самому свежему побегу надлежит знать, от каких корней я произрастаю.

— Наверное, вам придется жениться на эхайнской женщине голубых кровей, — с иронией заметила Озма.

— Зеленых, — строго поправил Кратов. — На Эхлиамаре, желая выразить свое ироническое отношение ко всем этим новоиспеченным сиятельным выскочкам, говорят, что в их жилах течет зеленая кровь.

— Это у вас зеленая, — возразила Озма печально. — Это вы натуральный парвеню. А ваша супруга будет происходить из какого-нибудь древнего рода, записанного еще в скрижалях Древнего Отлива.

— Откуда вы почерпнули познания о Древнем Отливе, янтайрн?

— Я не так глупа, как кажусь, яннарр...

«Чувствую ваше незримое присутствие, Справедливый и Беспорочный», — подумал Кратов.

— Но вы же не ревнуете меня? — усмехнулся он.

— Нет, — покачала головой женщина. — Ну разве что самую чуточку. Все же, мы пробыли вместе какое-то время. И между нами...

— Но мы никому об этом не скажем.

— Да, — согласилась Озма. — Никому и никогда. Вы честно охраняли мою жизнь и честь. Я старательно изображала из себя перепуганную Деяниру, которую умыкнуло целое стадо кентавров. А все остальное никого не касается, кроме нас двоих.

Она нервно отшвырнула погасшую сигарету и проследила за тем, как пол каюты вспучился и всосал ее.

— Однажды вот так же пропали мои старые любимые шлепанцы, — сообщила она. — *Катулина*... собачье мясо... Только отвернешься — и чего-то в этой жизни уже не вернуть.

— Что с вами, Ольга? — спросил Кратов. — Вам грустно покидать Юкзаан?

— Я... не знаю, — ответила женщина. — У меня душа разрывается на части. Я пришла к вам за советом.

— Из меня дурной советчик. В особенности после того, как я и сам уже наделал порядочно глупостей. Если честно, я только тем и занимался в последнее время, что делал глупость за глупостью. Ни один из моих поступков нельзя назвать разумным или хотя бы логически мотивированным.

— Но вы победили, — сказала Озма.

— Во всяком случае, не проиграл.

— Проиграла, пожалуй, только я, — промолвила она озабоченно.

— Отчего же? — Кратов поднялся из кресла, подошел к ней, бережно взял за плечи и привлек к себе, как маленького ребенка. Озма не сопротивлялась. — Вы просто не понимаете, Ольга. С вами все иначе...

— Но я не знаю, как поступить!

— Как бы вы ни поступили — вы поступите верно.

— Правда? — с надеждой спросила она.

— Через десять часов вы покинете этот корабль и выйдете под голубые небеса Магии...

— *Лилла магента*, — уткнувшись лицом ему в грудь, невнятно сказала Озма. — Э-э... м-мм... лиловые.

— Хорошо, пусть лиловые. Вы окажетесь дома. В том мире, где все вам знакомо и все вас знают. Гордятся вами, обожают вас... — Он улыбнулся. — Где непуганые стаи рыб пересекают автострады, мешая дорожному движению, а рыбаки бродят на своих комбайнах по воде аки по суху. Вы отдохнете от переживаний, а после отправитесь на какие-нибудь очередные гастроли.

— На Тайкун, — кивнула она.

— Например, на Тайкун. Вас будут окружать близкие вам люди. Вам будут рукоплескать переполненные залы. Все будут называть вас великой певицей, может быть — величайшей. Где бы вы ни оказались — повсюду вас встретит одинаково горячий прием. Потому что вы — часть нашей культуры, вы плоть от плоти нашей цивилизации. Вы — женщина, в чьи руки ангелы ненароком обронили божий дар.

— На голову, — поправила Озма. — Так говорит мой отец.

— На голову так на голову... В конце концов, что такое Эхлиамар? Несколько довольно-таки отсталых по галактическим меркам планет, населенных грубыми, несдержанными существами, чья культура все еще хранит следы архаического родоплеменного строя, а поведение регулируется чрезвычайно ветхими заветами. И если они боготворят вас, если каждый эхайн способен без раздумий отдать за вас свою жизнь, если каждая эхайнка готова на вас молиться, а эхайнята, зажмурясь от усердия, слабыми голосками выводят как умеют ваши песни — то это еще ничего не значит. И светлый замок гекхайана, выстроенный из чистой воды хрусталя и серебряных паутинок, может показаться вам тюрьмой...

— Кратов, Кратов, что мне делать?!

— Как бы вы ни поступили, Ольга — вы ошибетесь...

— Будь ты проклят, Кратов! — сказала она, вытирая слезы кулачком.

9.

На Эльдорадо ничего не изменилось.

Усталым зверем колотился о камни океан. Черепаший панцирь набережной Тойфельфиш полоскали дождевые струи. В прорехи торопливо наползающих друг на дружку низких туч заглядывали попеременно то налитая дурной кровью Цыганка, то синюшная Сомнамбула, а от Ведьмы виден был один лишь грязно-серый огрызок. Намекающе, но без специальной настойчивости подмигивали окна увеселительных заведений. И в баре, куда вошел Кратов, с облегчением избавившись от мокрого плаща и отряхивая случайные брызги с волос, по-прежнему звучала переиначенная до неузнаваемости «Cantilena candida», за девушкой в кимоно разгуливала обязательная трехцветная кошка, а за одним из столиков перед двумя кувшинами пива и блюдом, откуда свирепо взирал на окружающих «иглозуб по-нирритийски», сидел Бруно Понтефракт и зазывно помавал рукой...

Но ведь это только казалось, что минула вечность, а на самом-то деле прошла лишь неделя. Что же могло измениться?

— Должно быть, я был последним, кого вы ожидали здесь застать? — со злорадным наслаждением осведомился Понтефракт.

— Подите к дьяволу, Бруно, — сказал Кратов. — Я не собираюсь в вашей компании надуваться этим мерзким пойлом. У меня свидание, и по крайней мере в его начале я намерен быть трезв и благоухать.

— Снежная Королева, — неопределенно хмыкнул Понтефракт. — Зря вы это затеяли, друг мой. Феи очаровательны, но это всего лишь феи. Когда им не хватает женских чар, они прибегают к колдовству...

— Я это знаю, — перебил его Кратов. — И про феромоны, и про аттрактивную ауру, и про гипнопластику... Можно

подумать, земные женщины не пользуются теми же маленькими хитростями!

— Пользуются, — охотно согласился Понтефракт. — Еще и как! Земные женщины... не говоря уже об эльдорадских... это, Константин, такие особенные животные, что только диву даешься... Между прочим, ваше намерение благоухать — из той же оперы. А во мне говорит уязвленный шовинизм. Что же, вам простых тритойских девушек мало, коли вы волочитесь за приблудной чужачкой?! — Он сделал иезуитскую паузу и добавил: — В особенности после Озмы.

— Озма... — усмехнулся Кратов. — Озма — это святое... Как вам это в голову могло прийти? Это сколько же нужно залить в себя пива, чтобы даже вообразить такое?! Я лишь охранял ее... как умел.

— Ну-ну, — недоверчиво пробурчал Понтефракт. — Это вы своей фее сейчас будете вкручивать, а меня, старого греховодника, на эту лабуду не купите.

— Заткнитесь, Бруно, — миролюбиво сказал Кратов.

— А правда, что теперь вы — эхайнский граф? — неожиданно сменил тему Понтефракт.

— Правда.

— И у вас есть свой замок?

— Даже несколько. И в обозримом будущем я принужден буду вступить во владение всей графской недвижимостью, а также преклонить колено перед родовым алтарем Лихлэбров.

— И официально представиться хирарху, — подсказал Понтефракт.

— Гекхайану, коллега, — поправил Кратов. — Нигидмешту Оармалу Нишортунну, Справедливому и Беспорочному гекхайану Светлой Руки. Только я ему уже представлен.

— Ах, да — это, верно, произошло, когда вы ударили по рукам насчет его помолвки с Озмой...

— Помолвки не было, и по рукам никто не бил, — запротестовал Кратов. — Озма всего лишь любезно приняла приглашение гекхайана погостить в его резиденции на Эхлиамаре. И немного попутешествовать по мирам Светлой Руки... По-моему, она впервые по-настоящему влюбилась.

— Ну, а про бедного гекхайана и говорить не приходится. Он, как и все Светлые Эхайны, пал жертвой озминых чар.

— Что вы имеете в виду?

— Каждая женщина — немножечко ведьма, — усмехнулся Понтефракт. — Хотя зачастую и сама об этом не подозревает. Думаете, ваша гномица...

— Я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы последили за своим языком... — нахмурился Кратов.

— Ради бога, простите. Клянусь кошкой, я всего лишь рискнул употребить точный термин... Так вот: думаете, ваша... гм... ледяная фея пользуется аттрактивной аурой и гиппопластикой сознательно? Вовсе нет! Во всяком случае — не более сознательно, чем глазками, чтобы стрелять из стороны в сторону, и губками, чтобы производить приятные вашему слуху звукосочетания. Это — в ее натуре, это часть ее существа. То, чем юфманги всегда отличались от людей, а люди по незнанию называли колдовскими чарами.

— Причем же здесь Озма?

— У Озмы есть свои чары. Это ее голос.

— Разумеется, — сказал Кратов, пожимая плечами. — Тоже мне, открытие! Вся человеческая Галактика, а теперь еще и Светлая Рука, с удовольствием пребывает во власти этих чар...

— Со Светлыми Эхайнами дело обстоит несколько иначе.

— Бруно, вы до невозможности похожи на жирного тритойского кота, — слегка раздраженно заметил Кратов, — который поймал жирную тритойскую крысу, но вместо того, чтобы слопать ее, вдруг принялся вылизывать себе причинное место!

— Хорошо, пусть кот займется крысой, — улыбнулся в бороду Понтефракт. — Помните, я говорил вам о присущей различным расам повышенной чувствительности к определенным участкам акустического спектра?

— Очень смутно. Нечто похожее мне говорила Озма, но смысл был абсолютно иной.

— Возможно, я и не говорил этого. А содержание ваших бесед с Озмой отныне должно заботить лишь гекхайана... Взгляните-ка. — Понтефракт внезапно извлек чуть ли не из-под своей задницы обтянутый крокодиловой кожей (вполне

вероятно — натуральной) бювар, шмякнул его на стол, и тот обернулся обыкновенным, чуточку старомодным переносным видеалом. — Что это, по-вашему?

— Видеал, — терпеливо ответил Кратов.

— А на экране видеала что?

— Очень похоже на потеки грязной дождевой воды на оконном стекле.

— Весьма образно. Вы сегодня фонтанируете разнообразными поэтическими сравнениями... А еще на что?

— Господи, на акустический спектр! — воскликнул Кратов.

— Теперь угадали. А вот это, — Понтефракт ткнул пальцем в особенно темный и широкий потек, — участок чувствительности. Перед вами, коллега, акустический спектр, воспринимаемый стандартным светло-эхайнским ухом. Добыто из военно-биологической лаборатории на Эхайнагге... Светлые Эхайны становятся кроткими, как дети, если раздражать их слух в указанном диапазоне звуковых колебаний. А теперь взгляните сюда.

— Кажется, я начал догадываться, — пробормотал Кратов.

— Верно. Это спектрограмма голоса несравненной Озмы. Теперь совмещаем... — Две картинки наползли одна на другую. — И что же мы видим?

— Да, — сказал Кратов. — Доминантный участок акустического спектра, извлекаемого голосовыми связками Озмы, почти однозначно совпадает с мелкими, но тщательно скрываемыми слабинками эхайнской натуры. Поэтому, когда она поет, эхайнские души рыдают от умиления...

— Озма зачаровала Светлых Эхайнов, — промолвил Понтефракт. — Как сирены старину Одиссея. Как Снежная Королева ксенолога Галактического Консула. Кстати, подозреваю, что это явления одного порядка, и Одиссей просто имел неосторожность проплыть мимо одного из последних на Земле поселений юфмангов... Озма действительно может вить веревки из этих неандертальцев. И, надеюсь, посвятит этому занятию весь свой досуг.

— Этакое культурогенное оружие, — глубокомысленно изрек Кратов. — Надеюсь, потомки нас не станут осуждать за его ничем не прикрытое применение. В конце концов, все средства хороши, чтобы остановить войну.

— Эрик Носов с вами бы не согласился, — сдержанно заметил Понтефракт.

— И насрать! — внезапно ожесточился Кратов. — Мало ли с чем он не согласился бы?! Сказано же: красота спасет мир...

— Конечно, спасет, — успокоил его Понтефракт. — Что же еще может его спасти?! Но — увы...

— Что же означает это ваше «увы»? — сощурился Кратов.— Что участки чувствительности эхайнов Светлой Руки не совпадают с аналогичными участками других эхайнских рас?

— Именно, друг мой. Поэтому дивный голос Озмы поможет нам вывести из войны лишь пятнадцать процентов противостоящих нам сил. Более того — располагая данными о слабых местах всех прочих эхайнов, мы не сможем распространить имеющийся опыт на весь Эхайнор. Ибо реакция на раздражение участков чувствительности различна и даже не всегда положительна. Разные условия эволюции, то-се... И у нас нет возможности экспериментировать. Они же не сдаются в плен!

— Эрик Носов сказал бы: если они сами не сдаются, значит — мы их возьмем... — Кратов вдруг оживился. — А как было бы просто! Провести галактический конкурс вокалистов, отобрать победителей — в нашем с вами понимании, — и отправить на гастроли по враждебным городам и весям. Ну что ж, пятнадцать процентов — это не так мало, как кажется... Постойте-ка, — встрепенулся он. — Но вы сказали, что добыли этот спектр на Эхайнагге!

— Угу, — промурлыкал Понтефракт. — Помните того парня... как его?.. Гвидо Терранова? Шпиона с высшим ксенологическим образованием? Вот он со своей группой и добыл.

— Эхайнагга — столица Красных Эхайнов. И тамошние военспецы вполне могут догадаться, в чем загадка очарования Озмы!

— Могут, — покивал Понтефракт. — И наверняка уже догадываются. Они весьма сообразительные ребята.

— Значит, Озме угрожает смертельная опасность!

— Что вы имеете в виду? — Понтефракт извлек из зеленой с золотым коробочки огромную початую сигару и неспешно, с аппетитным чмоканием и присвистом раскурил от

свечи. — Что Красные Эхайны попытаются уничтожить ее и тем самым вернуть Светлых в лоно войны?

— Конечно!

— Подумайте еще раз, и в более спокойном ключе. Исходя из допущения, что наши оппоненты не только сообразительны, но и дальновидны.

— Вы переоцениваете их дальновидность. Обладай они ею в достаточной мере — и война бы давно прекратилась.

— Хорошо, сделайте поправку на эхайнский менталитет... но все же не сбрасывайте со счетов.

— Ну, попробуем. Так, так... Террористы из числа Красных Эхайнов, Черных или, там, Лиловых, разумеется, могут уничтожить Озму. — Кратов страдальчески поморщился. — Отвратительно даже думать о том, что кому-то взбредет на ум уничтожить юную и совершенно очаровательную женщину...

— Допустим все же, что таки взбрело.

— Ладно, допустим... В результате весь Эхайнор просто наживет еще одного врага. Только будет это не деликатное, щепетильное в вопросах прав личности Галактическое Братство. А будут это такие же отчаянные головорезы, как и они сами. Причем в чрезвычайно скверном расположении духа!

— Угу, — Понтефракт довольно зачмокал сигарой. — Нет ничего более злобного, чем возомнивший о себе вассал... Светлые Эхайны уже привыкли к Озме, — сказал он, изрыгая клубы дыма. — Не слишком удачный пример, но вспомним из классики — крыса с рычагом, который через электрическую цепь раздражает участок наслаждения в ее мозгу.

— А раз они привыкли к Озме — значит, привыкнут и к нам, — продолжил его мысль Кратов. — И начнется нормальный, столь милый сердцу истинного ксенолога процесс культурной интеграции. Все же мы — братья. Пусть давно и несправедливо разлученные, пусть порядком отвыкшие друг от друга, но — братья.

— Блудные братья, — сказал Понтефракт. — Этот ваш еще один чрезвычайно удачный образ... И если, боже сохрани, Озмы не будет — они снова обратятся к нам, не упуская при этом чесать своих бывших сородичей в хвост и в гриву. И мы непременно отыщем им новую сирену.

— Ой, отыщем ли?

Понтефракт таинственно ухмыльнулся и поколдовал над пультом видеала. На экране всплыла загорелая веснушчатая девичья мордаха. Широко расставленные серые глаза, едва уловимо косящие. Жесткая соломенная челка. Оттопыренные уши с простенькими сережками. Рожица из тех, каких полно на улицах земных городов, на какие даже не сразу и обращаешь внимание, а то и вовсе не обращаешь.

— Например, это юное дарование, — сказал Понтефракт. Он слегка поморщился. — Ну, дарование — это чересчур сильно сказано... Так, крохотные задатки на дворовом уровне. Это Анда Карнера, исполнительница песенок в стиле «кантри» из Техаса. Что в Северной Америке. Что на Земле.

— Если мне объяснят, что такое стиль «кантри»... — произнес в пространство Кратов.

— Неважно. — Кратов зашипел, и Понтефракт поспешно проговорил: — Песни дикого Запада эпохи индейцев и ковбоев... Божественной Озме эта девочка и в подметки не годится. Но замечательно то, что мы искали ее ровно двадцать минут.

— У вас такой совершенный аппарат отбора? — усмехнулся Кратов.

— Нет, мы просто ткнули пальцем наугад. На Земле чертова прорва девичьих голосков с «доминантой Озмы». Так уж сложилось. На Эльдорадо должно быть меньше — у нас другие природные условия, — но тоже наверняка есть. На Титануме, очевидно, нет вовсе. Ну, Магию мы пока не изучали, хотя вряд ли там иная картина, нежели на Земле. Все же, это родина нашей Озмы...

— Отрадно слышать, — сказал Кратов. — Но это вовсе не значит, что мы должны оставить Озму одну перед лицом угрозы.

— Во-первых, по нашим прогнозам, ей ничего и не угрожает. Во-вторых, никто не собирается ее оставлять. Эрик Носов — господин малоприятный, но очень предусмотрительный и расторопный. И, самое главное — сведущий в своем деле. — Понтефракт иронически улыбнулся. — Так где же мы нынче живем? В Галактическом Братстве или в Каганате?

— В каком еще Каганате?! — удивился Кратов.

— Это я ваши же слова припоминаю, когда давеча Эрик предложил устроить показательную военную операцию. А ведь он своего добился! И операцию провел, и эхайнам нос утер, и вас фактически вызволил.

— Да мы бы уж и сами как-нибудь... — проворчал Кратов.

— А по-моему, пускай и Каганат, — рассуждал Понтефракт. — Лишь бы защищал собственных подданных от всяких межзвездных террористов, а не изнывал от прекраснодушия, не строил из себя кисейную барышню. Мне как-то спокойнее жить, зная, что за Озмой в ее предсвадебном путешествии откровенно и внимательно присматривают... а не дискутируют о праве на вмешательство в чужие дела.

— Эрику придется встать в очередь, — хмыкнул Кратов. — Нынче за ней присматривают пятнадцать процентов всех эхайнов нашей Галактики.

Понтефракт ткнул пальцем в пульт, изображение ожило. Анда Карнера пела хрипловатым ломким голосом, неряшливо выговаривая слова и глотая окончания:

...Many times I've lied
Many times I've listened
Many times I've wondered
How much there is to know...[1]

— Архаичный репертуар, — сказал Понтефракт, словно извиняясь. — Двадцатый век. Акустическая гитара. Какие-то барабаны... Ну, вы сами слышите.

— Мне нравится, — рассеянно отозвался Кратов. — Можете известить эту девочку, что она будущая баронесса. — Он поразмыслил. — Но все же пусть научится петь, авось и в герцогини выйдет...

---

[1] «Over The Hills And Far Away» (Над горами, над долами). Слова и музыка — Джимми Пэйдж, Роберт Плант (XX в.).

10.

Когда на башне Магистрата колокола старинных часов пробили девять, Кратов вышел на крыльцо бара.

На набережной Тойфельфиш не было ни души. За дальним парапетом, вечно невидимый, вечно всем недовольный, привычно гудел океан. Из узких проулков ему согласно подвывал ветер. Дождь закончился, на темном небе не осталось ни единой тучки, все три луны представали во всем своем сомнительном великолепии, словно чересчур высоко подвешенные уличные фонари. В теплом влажном воздухе пахло свежевымытой листвой.

«Спасибо, матушка Тритоя, — с умилением подумал Кратов. — Хотя бы раз ты встретила меня добром и лаской, а не окатила из тазика с головы до ног! На сей раз ты нарочно подготовила прекрасный вечер в романтическом духе. Сейчас ко мне придет любимая женщина, и мы будем гулять по набережной всю ночь и любоваться звездами. Что может быть романтичнее? Для чего, в конце концов, существуют океанские набережные и звезды?.. А может быть, мы просто добредем твоими улочками до ближайшего отеля, где и останемся до рассвета — что не так романтично, но не менее приятно».

Над мокро поблескивающими крышами со стрекотом пронесся гравитр и канул в сторону площади Морского Змея. «Вот и она, — внутренне затрепетав, отметил Кратов. — Боже, наконец-то... На Юкзаане я и не вспоминал о ней, а теперь считаю мгновения до встречи. И трясусь от страсти, как сопляк на первом свидании».

Призрачная, хрупкая фигурка в тонкой черной накидке возникла из-за поворота.

«Идменк, я иду!»

Она тоже увидела его. Войдя в пляшущее пятно света под фонарем, Идменк откинула капюшон. Он успел разглядеть

смеющиеся фиалковые глаза в ореоле фантастических сиреневых волос...

«Женщин с сиреневыми волосами не бывает. Я не женщина, я *юффиэй*».

Странный, чужеродный звук мимолетом вплелся в заунывное пение непогоды. Словно хрустнула надломленная сухая ветка.

Идменк остановилась на полпути, натолкнувшись на невидимое препятствие...

Он был уже рядом и успел подхватить ее прежде, чем тело ее коснулось брусчатки.

И отчетливо, как никогда в жизни, до рези в глазах, увидел, как теплый свет ее живой ауры стремительно тает в черной пустоте.

Мир застывал, делался плоским, словно рисунок в две краски — черную и серую...

— Нет! — пробормотал он. — Не надо!

Выпрямился, бережно прижимая свою невесомую ношу к груди. Опрометью кинулся к дверям бара, откуда струился рассеянный свет.

Уже на пороге, ощутив что-то враждебное, какую-то смутную угрозу, бессознательно оглянулся.

...Почти сливаясь с серыми сумерками, лишенная объема и цвета, приземистая тень возникла перед ним на малую долю секунды. Короткая рука выпросталась из бесформенного плаща и угрожающе воздела несуразно длинный корявый палец. И сгинула...

Может быть, ему это показалось.

Чужие голоса и лица внезапно врывались в его сознании, чтобы тут же отступить прочь и исчезнуть. И снова смыкалась сплошная серая пелена (однажды он уже видел такую — в дальней, прошлой жизни, на борту рушащегося в великое Ничто, без берегов и пределов, мертвого космического корабля), а посередине этой серости — бледное, застывшее, едва узнаваемое лицо. Восковая маска с погасшими глазами, скорее похожими на два осколка цветного стекла — такими же прозрачными и безжизненными.

Кто-то попытался разжать его руки.

— Константин, — услышал он голос Понтефракта. — Это медики... позвольте им.

Он наконец выпустил ее. Лицо-маска отдалилось от него и пропало. Серая пелена схлопнулась перед глазами, как прореха, стянутая невидимой нитью.

Откуда-то с того света до него долетали обрывки фраз и долго носились в ватной пустоте:

— ...психодинамический шок... женщина-юфманг... через полминуты будет в порядке...

— Костя, — снова пробился голос Понтефракта. — Вы меня слышите? Считайте до тридцати, и вам будет легче. Это чары, они скоро пройдут...

«Я не хочу, чтобы они проходили», — подумал он. Это была первая связная мысль с того момента, как Идменк умерла у него на руках.

Серый туман понемногу рассеивался, наполняясь призрачными, нелепо дергающимися контурами человеческих фигур. Голоса сливались в общий невнятный шум. Сделавшийся в одночасье плоским и черно-белым мир оживал, обретая объем и цвет. А с ним оживала и замороженная боль.

Он сидел привалившись к стене, в руке у него был стакан с водой, напротив стоял Понтефракт, бледный и еще сильнее всклокоченный против обыкновенного, а за ним толпились какие-то совершенно незнакомые люди.

— Где она? — услышал Кратов собственный голос, доносившийся словно со стороны.

— Наверное, уже в клинике, — сказал Понтефракт. — Здесь недалеко есть прекрасная муниципальная клиника. Но надежды нет, Костя. Она умерла сразу. Стрела из арбалета в основание черепа, какой-то варварский яд... — Он нахмурился и замолчал.

Высокий, изможденного вида человек в мокром плаще, навис над Кратовым.

— Ферн Брайс, — назвался он. — Я комиссар континентальной полиции города Тритоя. Вы должны дать показания...

— Что я должен дать? — вяло переспросил Кратов.

— Ничего, — быстро проговорил Понтефракт и оттер явно недовольного комиссара плечом. — Я позже сам все объясню полиции. Преступник известен, мотивы ясны...

— Юфманги? — с горькой миной осведомился комиссар Брайс и, получив утвердительный кивок, удалился.

— За что? — спросил Кратов. — Почему её, а не меня?

— Это же юфманги, — словно извиняясь, промолвил Понтефракт. — У них свои законы. На Яльифре, где они живут, убийства за измену семейным узам в порядке вещей. Да что я вам рассказываю, вы же знали, на что шли. Наверное, он... супруг вашей женщины... уже сдался своему консулу. Ему ничего не грозит. Вот если бы он вас задел — тогда конечно...

Стакан с тонким звоном выпал из онемевших пальцев.

Кратов обхватил голову руками, уткнулся лицом в колени. Огромный ржавый и совершенно тупой нож где-то глубоко внутри пытался распилить его сердце на две половинки.

— Почему, почему, господи?!

Понтефракт торчал над ним истуканом, беспомощно шевеля конечностями.

«Время закончилось», — сказал прорицатель Вижу Насквозь.

«Я ее потерял. Потерял навсегда и безвозвратно. Я никогда больше не увижу ее. У меня ничего не осталось. Ничего... У меня не осталось даже ее портрета, даже самой пустяковой графии. Я обречен на то, чтобы с каждой новой минутой все сильнее забывать ее. Чем дольше я живу, тем сильнее от нее удаляюсь. У меня больше никогда ее не будет. Никогда, никогда, никогда...»

— Я не смогу жить без нее.

— Сможете, — покачал головой Понтефракт.

— Я не хочу жить без нее.

— Думаете, вы на Эльдорадо первый, кто связался с этими... сиреневыми феями?

— Я найду его, — проронил Кратов. — И, может быть, убью.

— Бросьте, — отмахнулся Понтефракт. — Что еще за галактическая вендетта! Даже и не думайте.

— Все равно, — упрямо сказал Кратов.

— Лучше еще разок сосчитайте до тридцати, — печально проговорил Понтефракт.

Кода

Спирин и Торрент уже куда-то исчезли. Пустая лужайка производила обманчивое впечатление тишины и покоя. Лишь со стороны Оронго доносился приглушенный расстоянием и пышными кронами Садового Пояса гул бурной и полнокровной городской жизни. Над головой, словно гигантские насекомые, проносились гравитры, а затем, едва не касаясь верхушек деревьев, медлительно и степенно проплыл рейсовый «огр» до Абакана, а может быть — до Иркутска. («Иркутск меня бы тоже устроил», — мечтательно подумал Кратов.) При небольшом напряжении глаз можно было различить выражения лиц пассажиров, облокотившихся о перила нижней палубы, и даже расслышать их голоса.

Вздохнув, он потащился в направлении дома. Его энтузиазм таял с каждым шагом. Не доходя до посадочного пятачка, он постыдно отвернул в заросли крыжовника. Пригибаясь и ступая бесшумно, приблизился к опасной зоне, раздвинул колючие ветки...

— Да я вам глаза выцарапаю, мадам! — взвинченным тоном говорила Марси.

— Не мадам, а мадемуазель, дитя мое, — с нажимом возражала Рашида. — И не стыдно ли будет лезть со своими коготками к женщине, которая годится тебе в матери?!

— Ах, простите, бабушка! — издевательски пропищала Марси. — Но разве пристало вам отбивать мужчину у внучки?!

Увы, ничто не свидетельствовало в пользу того, что этот конфликт мог самопроизвольно угаснуть...

«Что мешает мне подойти, рявкнуть на этих баб и призвать их к порядку и повиновению?! — тоскливо думал он, пятясь в самую гущу кустов. — Попробовал бы кто-нибудь решать мою судьбу без моего участия где-нибудь в Парадизе!.. Что ж это я здесь-то так развинтился? Вот возьму сейчас, вернусь и объявлю обеим: вы, красны девицы, как хотите, но мне нынче не до вас. И я вполне способен обойтись без вашего живого внимания к моей дальнейшей биографии. Что я —

вещь неодушевленная, чтобы меня делить?! Да, виноват, признаю: сам начудил и вас запутал. Готов покаяться. Но головой в петлю пока не собираюсь. Да и вы, могу поручиться, без меня прекрасно обойдетесь, как обходились всю предыдущую жизнь. Если есть желание, можете дискутировать и дальше, а меня «Тавискарон» дожидается...» Кратов даже немного развеселился и гораздо бодрее зашагал к дому. «А ведь и правда, наверное, я смогу так сделать. Выйти из неприятной ситуации с уроном для чести и достоинства, но без видимых физических повреждений... И в ближайшие десять лет на Землю — ни ногой! А уж по прошествии изрядного времени все мы трое будем вспоминать этот неприятный и неприглядный, надо признать, эпизод с большим юмором. Марси по причине юного возраста быстро утешится — хотя бы тем же Гешей Ковалевым, а то и найдет кого получше и поусидчивее. Рашида тоже успокоится. Быть может, здоровый и вернувший себе оптимизм и веселье Стас окажется мне хорошим дублером...» Он резво взбежал на крыльцо веранды. На столе стоял самовар, возле него угнездились господа эксперты и пили чай с маминым вареньем. Спирин делал это с блаженно прижмуренными глазками, и даже на лице у Торрента можно было различить нехарактерное для него выражение довольства и умиротворения. «Нет, не получается, — подумал Кратов, плюхаясь на скамью и придвигая к себе чистую чашку. — Я очень много могу сделать из того, чего совершенно не хочу. Могу бросить все как есть и с места в карьер удрать в Галактику. Но не хочу, потому что стыдно. Могу разогнать всех своих женщин. Но не хочу, потому что люблю их. И не в состоянии выбрать одну из двоих. Всегда ненавидел выбирать и сейчас не намерен отступать от привычки... Я люблю эту взбалмошную юницу, люблю ее золотые волосы с хохолком на макушке, люблю ее зеленые глазищи и вечно задранный к солнышку носик, люблю ее капризы и причуды, люблю ее угловатые плечи и маленькую грудь, люблю ее за то, что она вредничает и поступает непредсказуемо, люблю ее за то, что она нуждается в моей защите, хотя прекрасно может обойтись без нее. И ее ребенка я тоже, наверное, люблю. Странно, что еще утром у меня не было ребенка... да и сейчас, само собой

разумеется, еще нет... но скоро он непременно будет, и тогда всем покажется странно, что было такое время, когда его не было. Совершенно новый, никогда прежде не существовавший, незнакомый и похожий только на самого себя человечек. С ума можно сойти... Но и Рашиду я тоже люблю. Трудно поверить, что двадцать лет назад я мог отказаться от нее и прожить все это время, не слишком часто о ней вспоминая. А еще труднее вообразить, что и остальную жизнь я, возможно, проживу без нее. Быть может, я люблю в ней собственное прошлое. Свое несбывшееся, свою несостоявшуюся жизнь. То есть жизнь, конечно, состоялась, смешно и самонадеянно думать иначе... но ведь она могла состояться и по-другому, и кто станет утверждать, что я не пришел бы к этому моменту другим, быть может — лучшим, чем я есть теперь? Так что с какой стати мне прятаться в кустах и за здорово живешь отдавать эту прекраснейшую из женщин постороннему, хотя бы и близкому другу?! Тем более что она вряд ли того захочет. Тем более что и друг может предпочесть более спокойный выбор, нежели этот торнадо в юбке».

* * *

— Уфф, — пропыхтел Торрент, отодвигаясь от стола и покойно складывая руки на животе. — А теперь, доктор Кратов, давайте обсудим ваши замечательные сны.

— Самое время, — буркнул тот рассеянно.

— У меня такое чувство, что сегодня вам не выпадет более спокойной минутки, — ядовито (но, с поправкой на сытость, не слишком — на уровне осы или даже овода, а не гремучей змеи, как обычно) заметил Торрент.

— Зачем вам обсуждать мои сны?

— Я намерен истолковать их с материалистических позиций, — благодушно пояснил юнец.

— Бог в помощь, — усмехнулся Кратов. — Впервые это приключилось со мной на Псамме. Причем несколько раз кряду...

— Если быть точным, то дважды, — строго поправил Торрент. — Или вы о чем-то умолчали в мемуарах?

— Умолчал. И о многом. Но только не об этом... Впоследствии сны повторялись гораздо реже. И, как правило, в экстремальных ситуациях. Последний раз совсем недавно. На Земле это случилось впервые.

— Чудно, — хихикнул Спирин. — Мир горит и рушится, все вопят, хватаются за головы и друг за дружку, как на картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи», а посреди этого содома спит сном праведника ражий детина...

— А после просыпается и затыкает Везувию глотку, — закончил Торрент. — Что меня более всего поражает в этих снах — так это их отчетливая императивность. В этих снах к вам является некто...

— Из потустороннего, за редким исключением, мира, — ввернул Кратов. — На Уэркаф ко мне приходил вполне живой ксенолог, хотя и физически находившийся в тот момент за многие миллионы километров, да еще и в глубокой коме. И мама ко мне тоже приходила.

— ...в самых туманных выражениях дает толкование ситуации, после чего не менее расплывчато, хотя и недвусмысленно, указывает путь к разрешению конфликта.

— Чему ж тут поражаться, — пожал плечами Спирин. — Обыкновенная работа аналитических программ подсознания! Они же и генерируют приемлемую тактику поведения для выхода из неприятности с минимальным ущербом. Просто у Кости... ничего, что я вас так называю?.. означенные программы характеризуются огромной интенсивностью и отбирают прорву энергии. Поэтому срабатывают биологические предохранители, и сознание на время отключается, чтобы не обременять рецепторы шумовой и для решения проблемы излишней информацией.

— Вы рассуждаете о мозге, как о какой-то паршивой машине из своей Тауматеки! — отметил Торрент с неудовольствием. — Об этом, как его... о «Титанийской Модели»!

— Мозг и есть машина, — согласился Спирин. — И не скажу, чтобы очень сложная. Спросите у любого ментолога, хотя бы у того же Да... Джа... э-э...

— Дананджайя, — поморщился Торрент. — Неужели трудно запомнить?

— А где же наша очаровательная хозяюшка? — вдруг спохватился Спирин.

— Сидите уж, — сказал Торрент. — Дамский угодник... — Кратов поднял голову и с подозрением посмотрел на облизывающегося, будто кот над плошкой молока, Спирина, но беседа уже катилась дальше. — Так вот, к вопросу о подсознании. Конечно, все это сильно смахивает на те механизмы, которые заняты информационной утилизацией в обычном сне. Переваривают, иными словами, употребленные внутрь за прошедший отрезок времени впечатления... Но есть существенные отличия, которыми вы скоропалительно пренебрегли, потому что сейчас думаете не о предмете дискуссии, а о своих первобытных инстинктах.

— О каких инстинктах? — взвился Спирин. — Что вы несете, злокозненный юноша?!

— Отличие первое: ясная и отчетливая визуализация. Запоминающиеся детали. Известно, что если содержание только что увиденного сна каким-либо образом немедленно не зафиксировать, то через считанные мгновения он необратимо забудется. У вас, доктор Кратов, под рукой обычно не оказывалось ни мемографа, ни даже какого ни то первобытного стила. Между тем, вы, доктор Кратов, спокойно и в подробностях пересказываете свои замечательные сны спустя десятилетия, как если бы это были не сны, а сценическая постановка на Бродвее...

— ...или художественный вымысел, — подхватил Спирин. — Сознайтесь, Костя: ведь вы все это выдумали для вящего интереса! Нужно же было вам подыскать какие-то материалистические объяснения своей нечеловеческой интуиции!

— Что-что, а это я не выдумал, — сказал тот. — Фантазия у меня скудная.

— Фантазия у вас богатая, — запротестовал Торрент. — Это вы мессиру Мануэлю можете шарики вкручивать насчет ограниченности своего воображения, а я читал вашу «Версию Х», так что перестаньте...

— Что такое «Версия Х»? — встрепенулся Спирин.

— А... э... один апокриф, — пояснил Кратов.

— Неофициальная, имеющая ограниченное хождение среди любителей оккультной ксенологии, предыстория куль-

турологического кризиса на планете Уэркаф, — прибавил бессердечный недоросль.

— Смешно сказать, но и это я не выдумал, — заметил Кратов.

— Это вам сами аафемт поведали, — саркастически усмехнулся Торрент.

— В определенном смысле...

— Так-так-так, — вскинулся Торрент. — Ну-ка, вот с этого самого места поподробнее.

— Подите к черту, — сказал Кратов. — Это не моя тайна.

— А чья же?! — взвыл молокосос.

— Ну хорошо, — нетерпеливо вмешался Спирин. — В чем же второе отличие?

— Ладно, мы еще вернемся к вопросу о чужих тайнах, — пообещал Торрент. — А насчет второго отличия... так я уже его приводил. Остается лишь напомнить — для особо длинношеих. Обычные сны в искаженном виде отражают пережитые накануне впечатления, поскольку являются визуальным и во многом отраженным эхом работы все тех же механизмов утилизации и архивирования информации, что непрерывно работают в подсознании...

— Что называется, пошел вразнос, — скривился Спирин.

— ...а сны доктора Кратова, напротив, относятся к категории «вещих». Они анализируют происходящее, зачастую добавляя к картине скрытые или новые, до того неизвестные детали. А затем указывают верный выход.

— Не всегда указывают, — возразил Кратов. — И не всегда верный.

— Могу поспорить, — сказал Торрент, — что в этих сомнительных примерах либо вы неправильно интерпретировали данные вам указания, либо во сне вам был наглядно и умышленно продемонстрирован неверный путь, коим вам ни при каких обстоятельствах двигаться не следовало. В любом случае, виртуалы из ваших снов располагали более обширной и глубокой информацией о происходящем, нежели вы, даже если бы старались приложить к тому все свои усилия.

— Что такое «виртуалы»? — с мученическим вздохом справился Спирин.

— Это я тоже подцепил у знакомых ментологов, — небрежно ответил Торрент. — Сей архаичный термин обозначает воображаемые объекты, в процессе своего взаимодействия с человеческими органами восприятия наделенные всей совокупностью признаков, обычно присущих объектам реального мира.

— Я убивал бы всех, кто любит говорить красиво и невнятно, — проговорил в сторону Спирин.

— «О друг мой, Аркадий Николаич! Об одном прошу тебя: не говори красиво!» Доктор Базаров вам, часом, не приходится родственником? — полюбопытствовал Кратов.

— Это еще кто таков?! — помрачнел Спирин.

— «Отцы и дети», настольное руководство по просвещенному нигилизму, — ернически разъяснил Кратов. — Иван Тургенев, русская классика...

— Вот только не надо мне тыкать в нос русской классикой! — замахал руками Спирин. — Этнически я еще могу до определенной степени полагать себя русским, но менталитет у меня латиноамериканский, так что лучше напрягите свою эрудицию и тычьте мне в нос Маркесом... «ну и наделали мы себе мороки, а все лишь потому, что угостили какого-то гринго бананами»[1]...

— Гринго — это, разумеется, я? — хладнокровно осведомился Торрент.

— ...а уж такие имена, как Линс ду Регу или Тейшейра Пинту, вам и вовсе ничего не говорят, — Спирин повел умаслившимся взглядом по изрядно опустошенному столу. — Нешто пойти спросить еще варенья и плюшек?

— Сидеть! — негромко приказал Торрент, и Спирин немедленно сел. — Что вам не нравится, коллеги? Обилие наукообразных терминов? Сложно выстроенные фразы? А это вам не комикс, это общение взрослых и, по некоторым признакам, неглупых людей. Дураков здесь нет. Или я ошибаюсь?

— Да знаю я все, что вы хотите мне втолковать, — сказал Кратов. — И что виртуалы эти ваши приходят в мои сны откуда-то из зоны «длинного сообщения»...

---

[1] Габриэль Гарсиа Маркес. Сто лет одиночества. Перевод с испанского Н. Бутыриной и В. Столбова.

— И что на деле они выполняют не столько информационную функцию, сколько защитную, вы тоже знаете? — ухмыльнулся Торрент.

— Может, и не знал, но вполне мог бы догадаться. Только не меня они охраняют, а заложенную в меня информационную посылку.

— Правильно, — кивнул Торрент. — И ваша странная способность на любой открытой местности немедленно разворачиваться носом в сторону наибольшей опасности тоже проистекает оттуда же, из той же зоны «длинного сообщения». Вот только неясно, зачем это делается и какую цель преследует. Ведь по логике вещей виртуалы должны всячески уводить носителя «длинного сообщения» от любой угрозы, как сделали это с госпожой Зоравицей или тем же Ертауловым... хотя в последнем случае они явно перегнули палку!

— Это может быть дезориентирующая функция, — сказал Спирин. — Меньшее зло. Уж коль скоро попался такой непоседливый носитель, который так и норовит свернуть себе шею, не лучше ли увести его в сторону пониженной опасности? Из таковой он непременно выпутается, а его тяга к приключениям будет надолго сублимирована. Той же пирофобией!

— М-да, — задумчиво промычал Торрент. — Вот и сейчас...

— Что, что сейчас?! — вскричал Кратов.

— А то, что рухнувшие в одночасье на вашу голову личные проблемы могут быть как раз тем самым меньшим злом, — сказал Торрент. — Последней, отчаянной попыткой виртуалов намертво пристегнуть вас к Земле. К тихой, безопасной планете, где ничего и никогда не происходит. Куда вы всматриваетесь, мессир Мануэль?

— Пытаюсь углядеть на горизонте дымное зарево, — хмыкнул Спирин. — Что-то засиделся наш клиент без дела, а катаклизмов как не было, так и нет...

— Типун вам на язык! — сказал Кратов возмущенно. — Лучше посоветуйте, что мне теперь со всем этим делать.

— Отнеситесь ко всему философски, — промолвил Спирин. — В сущности, чем женщины отличаются от виртуалов?

— И чем же?

— Да ничем! Точно так же плоть их неосязаема, а облик соткан из иллюзий и дорисован нашим воображением. И никакого соответствия реальному миру...

— Черта с два неосязаема их плоть, — буркнул Кратов. — И осязаема, и притягательна. И на сюрпризы горазда.

— Самое время вам вздремнуть, коллега, — съязвил Торрент. — Авось явится кто и подскажет, как разобраться в амурных делишках.

На этом веселье оборвалось.

* * *

Потому что на веранду стремительной походкой, словно с плеч свалился груз и тело больше ничего не весило, вспорхнула Рашида. На некотором расстоянии за нею следовала Марси, по лицу ее блуждала непонятная, как у Джоконды, улыбка. Поразительным образом обе женщины, вопреки разнице в возрасте и внешности, выглядели родными сестрами.

— Все же пойду справлюсь насчет плюшек, — быстро проговорил Спирин и полез из-за стола.

— Место! — рявкнул Торрент, и Спирин озадаченно сел. — Сейчас начнется самое интересное...

— Костя, — сказала Рашида и по-хозяйски (как некоторое время назад Кратова) обняла Марси за плечи. — Мы обо всем договорились.

— Отрадно слышать, — севшим голосом промолвил тот и встал. — О чем же вы договорились?

— Мы не станем тебя делить и рвать на части, — продолжала Рашида. — Нам нет нужды соперничать и враждовать. С какой стати? Мы обе тебя любим. У нас обеих есть на тебя права. Я первая тебя встретила. Но Марси носит твоего ребенка. Поэтому мы обе будем твоими подругами и женами.

— Класс! — прошипел Торрент, в его глазенках пылал хищный интерес. — Никакому царю Соломону не снилось!

— Господи, — простонал Спирин. — Я всю жизнь, всю свою бесконечную жизнь мог только мечтать!..

— По очереди или одновременно? — потрясенно улыбаясь, задал Кратов самый дурацкий вопрос, какой только подвернулся ему на язык.

— Это уж как получится! — фыркнула Марси.

С оглушительным хлопком ахнула на пол и расползлась безобразной кляксой хрустальная чаша с вареньем, которую несла к столу Ольга Олеговна.

Все молча, без особой спешки, обернулись. Здесь уже ничто никого не могло напугать. Только Спирин едва заметно скорчил гримасу сожаления.

— На счастье, — потерянно сказала Ольга Олеговна.

И в этот миг, ломая грозящую затянуться до бесконечности паузу, откуда-то сверху на крыльцо со страшным шумом, с петардами, серпантином и чуть ли не фейерверком, с музыкой из заплечного мешка, с неизменным петушком на плече, размалеванный самым ужасным образом, в идиотской маске, обрушился клоун.

— А чтой-то вы все такие кислые?! — заорал он голосом Степана Астахова.

СЛОВАРЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И ТЕРМИНОВ ЯЗЫКА ЭХАЙНОВ (ЭХОЙЛАН И ЭХХЭГ)

ААТАР. Устав — древнейший свод законов, регулирующий наследственные отношения аристократии Светлой Руки Эхайнора.

АВОКТАГГ — желтый гигант, светило планеты Юкзаан.

АГГЕТ — крепость одного из аристократических родов на Юкзаане.

АЗИТУЭБР — разорившийся дворянский род т'гардов Светлой Руки. После смерти последнего т'гарда его титул объявлен латентным.

АМУЛВАЭЛХ — прибрежный поселок на Юкзаане.

АШПАЙГ — старшее воинское звание, командующий танковой ротой или бронемеханическим эскадроном, «капитан».

БАЛВЕАХМ — шахта на планете Эхлиамар, где добывают минерал «Глаз Преисподней».

БОЙСВЭБТУЭБР — дворянский род т'шегров, некогда бунтовавший против гекхайана Нишортунна.

ВАКНЕФ — хищное животное Юкзаана.

ВАХ — хищное животное Юкзаана.

ВЕКХЕШ — хищное животное Юкзаана, символ низости и паскудства.

ГВЕРН — город, континентальная столица Юкзаана.

ГЕАКЕТТ — высокий административный чин, «суб-директор».

ГЕКСИАМ — один из пяти членов Георапренлукша, соправителей Эхайнора.

ГЕКХАЙАН — высший наследственный титул верховного и единоличного правителя Руки Эхайнора.

ГЕКХАЙЭДД — административный титул, городской или поселковый управляющий.

ГЕОБКИХФ — высокий административный чин, «супер-директор».

ГЕОРАПРЕНЛУКШ — «Империум», верховный орган управления Эхайнора, состоящий из пяти соправителей-гексиамов.

ГЕУРГУТ — низший административный чин, «начальник отдела».

ГИГХЭБТОЙФ — шахта на планете Эхлиамар, где добывают минерал «Глаз Преисподней».

ГХАГУАШК — главный город планеты Гхакнэшк, столица Лиловой Руки Эхайнора.

ГХАКНЭШК — планста-метрополия Лиловой Руки.

ДГЕРХ — город, где происходило одно из междоусобных сражений в истории Светлой Руки.

ДЕАМЛУХС — планета Черной Руки, предмет территориального спора между Черными и Красными эхайнами.

ДЗИАРД — младшее воинское звание, командующий экипажем, «младший лейтенант».

ДОРАДХ — домашнее животное, используемое для гигиенического массажа.

«ДРАД-ДВЕГОРШ», «ДРАД-ДХЭЙАМ», «ДРАД-ШХИРСИ» — крепкие выражения на языке «эххэг», апеллирующие к демонам и прочим темным силам.

К'БИОЗАПГУМА — домашнее животное, ведущее происхождение от одного из хищников Юкзаана.

КОМРЭАХ, Устав — один из древнейших законодательных уставов Светлой Руки.

ЛИХЛЭБР — дворянский род т'гардов Светлой Руки.

МАККИОЛ — главный город планеты Маккиутьефе, столица Желтой Руки Эхайнора.

МАККИУТЬЕФЕ — планета-метрополия Желтой Руки.

НИШОРТУНН — правящий дом гекхайанов Светлой Руки.

«РЭЙЛГАГ» — средний шагающий танк, состоящий на вооружении Светлой Руки.

«СТУРРЭГ» — «Кокон дракона», малый штабной колесный танк Светлой Руки.

Т'ГАРД — «граф», аристократический титул Светлой Руки, предшествующий т'литту.

Т'ЛИТТ — «маркиз», аристократический титул Светлой Руки, предшествующий т'монгу.

Т'МОНГ — «герцог», высший аристократический титул Светлой Руки.

Т'ШЕГР — «барон», низший аристократический титул Светлой Руки, предшествующий т'гарду.

ТСОКХАРД — высшее воинское звание, верховный главнокомандующий, «маршал».
ХОРРОГ — тяжелый шагающий танк Светлой Руки.
ХТАУМЫ — название расы Спасителей (Мейал-Мун-Сиар) на языке «эххэг».
ЦМОРТЕНГИ — название расы «журавлиных наездников» на языке «эххэг».
ЧИТРУНЫ — презрительное прозвище инопланетян-негуманоидов на языке «эххэг».
ШРЕНИУРИФ — горный хребет на планете Эхлиамар.
ЭТЛАУКИ — презрительное прозвище людей на языке «эххэг».
ЭХАЙНАГГА — главный город планеты Эхайнуола, столица Эхайнора.
ЭХАЙНАНН — главный город планеты Эхлиамар, столица Светлой Руки Эхайнора.
ЭХАЙНЕТТ — главный город планеты, столица Черной Руки Эхайнора.
ЭХАЙНОР — обобщенное название всех звездных систем, населенных эхайнами.
ЭХАЙНУОЛА — планета-метрополия Красной Руки и всего Эхайнора.
ЭХИТУАФЛ — планета-метрополия Черной Руки Эхайнора.
ЭХЛДРАГД — эхайнское название планеты Эльдорадо.
ЭХЛИАМАР — планета-метрополия Светлой Руки Эхайнора.
ЭХЛИДХ, Кодекс — «Кодекс Силы», свод неформальных правил поведения воинов-эхайнов на поле сражения и в быту, построенный на примате грубой физической силы перед прочими личностными характеристиками.
ЭХОЙЛАН — язык Красных Эхайнов.
ЭХХЭГ — язык Светлых Эхайнов.
ЮКЗААН — «Дочь Океана», планета Светлой Руки.
ЮКИЛРА — эхайнская единица измерения времени, приблизительно равна трем четвертям минуты.
ЯННАРР — почтительное обращение к аристократам мужского пола на языке «эххэг».
ЯНТАЙРН — почтительное обращение к аристократам женского пола на языке «эххэг».

Содержание

Прелюдия 7
Часть 1. Блудные братья I 39
Часть 2. Блудные братья II 116
Часть 3. Блудные братья III 170
Часть 4. Блудные братья IV 211
Часть 5. Блудные братья V 252
Часть 6. Блудные братья VI 350
Часть 7. Блудные братья VII 403
Кода 449
Словарь имен и терминов 459

ЛУЧШИЕ КНИГИ
ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальные серии "Всемирная история в лицах" и "Военно-историческая библиотека".

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, К.Коултер, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Откровение", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву", "Классика любовного романа".

✦ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, Л.Буджолд, С.Лукьяненко, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

✦ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны, Р.Шекли, М.Дрюона.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

✦ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

✦ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте», а также посетив фирменные магазины в Москве: Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898. **Арбат, д.12. Тел. 291-6101.**
Татарская, д.14. Тел. 959-2095. **Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.**
Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584. **Луганская, д.7. Тел. 322-2822**

Эти книги вы можете приобрести за рубежом, заказав бесплатный каталог по адресам:

в США – 58 AVE O BROOKLYN NY, 11204, USA, ph.: 718-2346998
в Германии – EXPRESS KURIER GmbH, ZUNFTSTRASSE 26, 77694 Kehl-Marlen, ph.: 0180/5236210, 07854/966411
в Израиле – 2, MENAHEM STREET, HAIFA, ISRAEL, 33505, ph.: 04-8664969, ADAR

Литературно-художественное издание

Филенко Евгений

Блудные братья

Редактор Н. Беркова
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Компьютерная верстка: О. Колесников

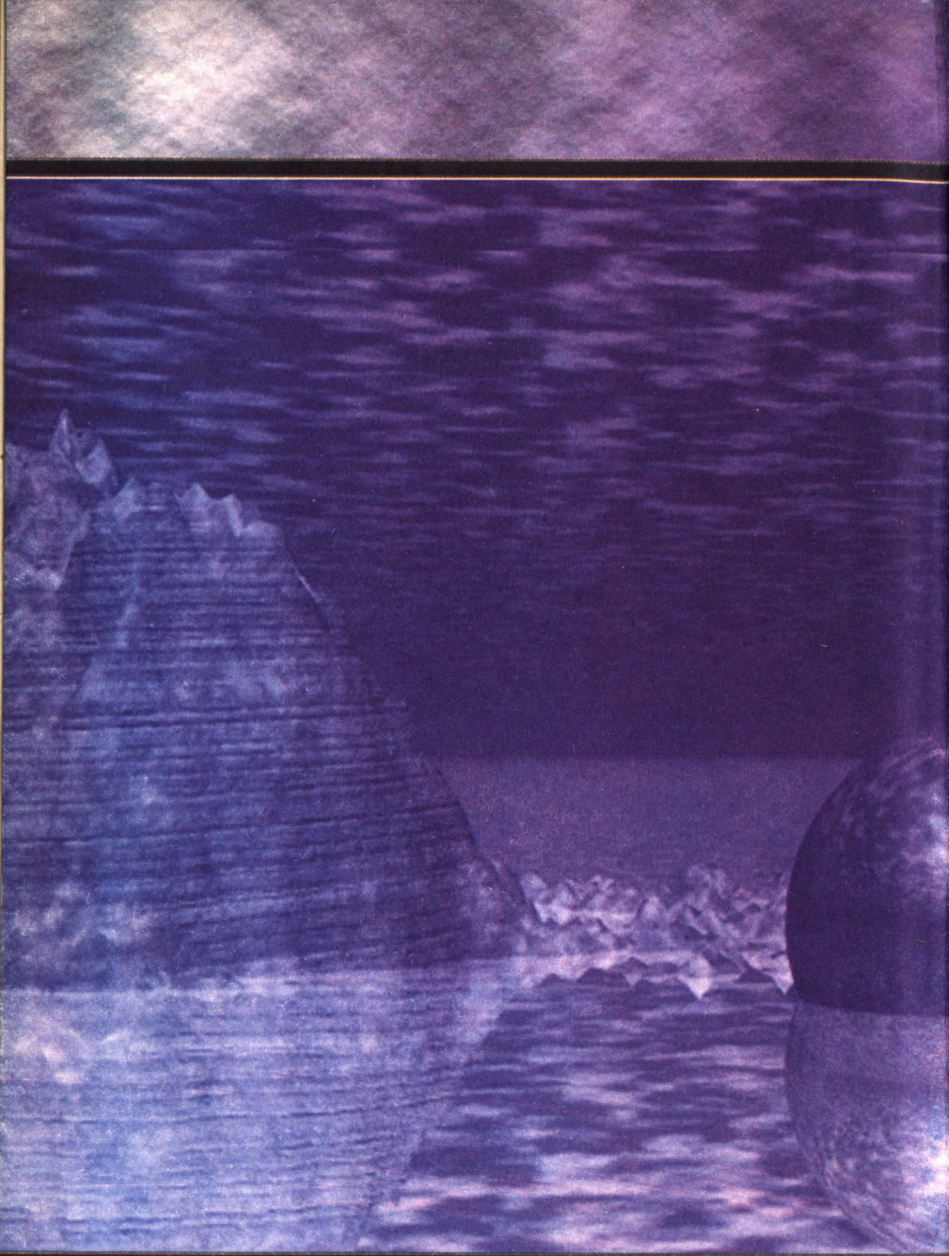
Подписано в печать 15.06.99.
Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 24,36.
Тираж 15 000. Заказ № 3474.

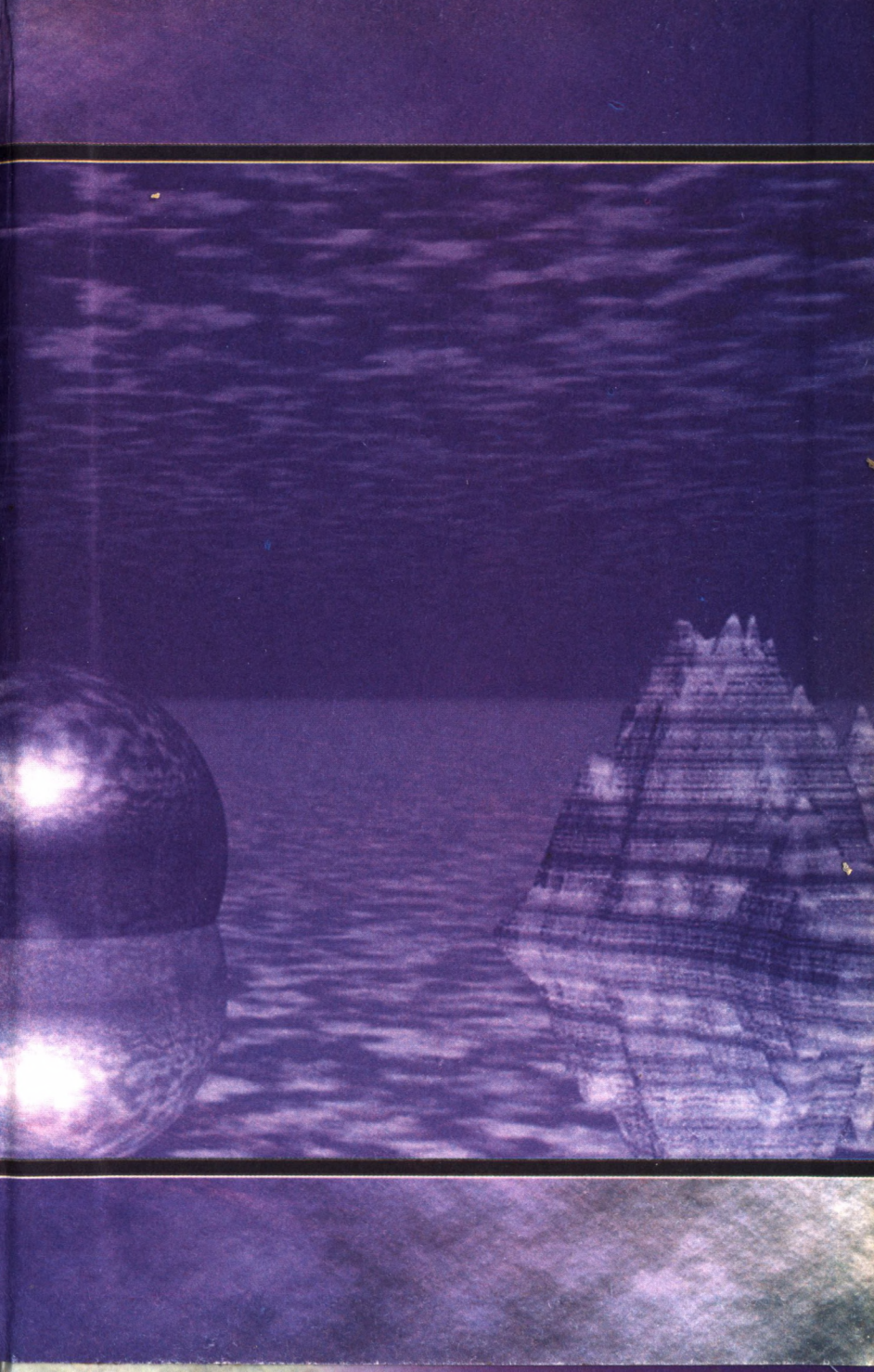
Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО "Фирма "Издательство АСТ"
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

ISBN 5-237-02913-2

Он — галактический консул.

Тайная миссия ведет его сквозь опасности и приключения от звезды к звезде, от планеты к планете...

Невероятные приключения, путешествия, раздвигающие границы времени и пространства, пришельцы из дальних глубин космоса и таинственная опасность, угрожающая Галактике...

Читайте захватывающую фантастическую эпопею Евгения Филенко «Галактический консул»!

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ